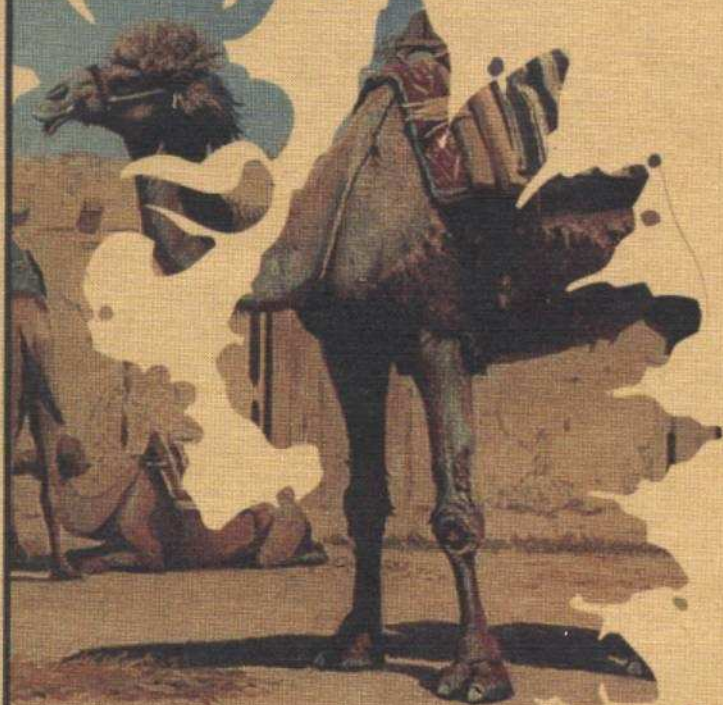

HISTORIA ROSSICA

Центральная Азия в составе Российской империи

ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

HISTORIA ROSSICA

Окраины Российской империи

Центральная
АЗИЯ
в составе
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ

Гагаринская ул., 3, Санкт-Петербург, 191187, Россия

Новое
Литературное
Обозрение

2008

Международный благотворительный фонд имени Д.С. Лихачева

*Книга написана при финансовой поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия*

The publication of this volume was assisted
by the Eurasia Program of the Social Science Research Council (SSRC)
with funds provided by the Ford Foundation
in support of international and regional programming

Редколлегия серии «Окраины Российской империи»:

А.И. Миллер (председатель), А.В. Ремнев, А. Рибер

Авторский коллектив:

*С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова, О.В. Боронин,
О.И. Брусина, А.Ю. Быков, Д.В. Васильев, А.Ш. Кадырбаев,
Т.В. Котюкова, П.П. Литвинов, Н.Б. Нарбаев, Ж.С. Сыздыкова*

Ответственные редакторы:

С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова

Ц 38 Центральная Азия в составе Российской империи. — М.: Новое
литературное обозрение, 2008. — 464 с., ил.

История отношений России и Центральной Азии привлекает все большее внимание исследователей. Обретя в 1991 г. статус независимых государств, бывшие советские республики — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан — оказались перед сложной дилеммой: как теперь писать о том времени, когда весь этот регион находился сначала в границах Российской империи, а позднее Советского Союза. Было ли это временем национального угнетения, репрессий, унижения достоинства народов, либо, напротив, эпохой прогресса, развития, приобщения к мировой цивилизации? Что Россия принесла местному населению — освобождение и развитие или же новое порабощение и нещадную колониальную эксплуатацию? Настоящая работа — попытка российских ученых представить свой взгляд на историю Центральной Азии в составе Российской империи. Авторы стремятся преодолеть как стереотипы, изображающие взаимоотношения России с ее азиатской окраиной только как абсолютно прогрессивное явление, так и клише, которые представляют эти взаимоотношения полными одних лишь ошибок и преступлений.

УДК 94(574/575)
ББК 63.3(54) + 63.3(257)

ISBN 978-5-86793-571-9

© Авторский коллектив, 2008
© «Новое литературное обозрение», 2008

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ СЕРИИ

Ни в историографии, ни в преподавании имперскому измерению истории России у нас никогда не уделялось должного внимания, и даже при желании поговорить об этом со студентами, преподавателю до недавнего времени просто не на что было бы опереться — подходящая литература практически отсутствовала¹.

Имперский нарратив, который в значительной мере унаследован современной русской историографией — во всяком случае, той ее версией, которая отражается в учебниках истории, — неизменно фокусировался на центре, на государстве, на власти.

Национальные же историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь, концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя — лишь тягостный контекст, в котором «просыпалась», зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной. Проблемы взаимодействия с другими этническими группами в таких нарративах неизбежно отодвигаются на второй план.

¹ Эта ситуация начала меняться в последние годы. Открытие многих прежде недоступных для них архивов вызвало настоящий взрыв интереса к истории Российской империи у зарубежных специалистов. Уже опубликован целый ряд превосходных исследований американских, немецких и других зарубежных историков, посвященных именно окраинной политике. Постепенно эти работы становятся доступны в переводах на русский. Есть также целый ряд российских исследователей, которые занимаются этой проблематикой на высоком профессиональном уровне. Именно в области изучения Российской империи наши специалисты вполне успешно и на равных интегрируются в мировую науку. Помещенные в конце каждой из книг настоящей серии библиографические списки, а также примечания в тексте послужат читателю ориентиром в этой новой литературе.

Новая история империи — это именно та сложная ткань взаимодействий имперских властей и местных сообществ, которую нужно стремиться воссоздать во всей ее полноте. Когда мы говорим об имперском измерении российской истории, речь идет прежде всего о многообразии населения империи, о сложных системах отношений между центром и разнообразными окраинами, имперской властью и локальными сообществами, об асимметричности административно-политических и правовых структур, о ресурсах устойчивости империи, о ее способности стабилизировать гетерогенное в этноконфессиональном и социокультурном отношении общество. Разумеется, история центральных органов власти как таковых, история армии как одного из ключевых имперских институтов, внешняя политика, экономическое развитие — все эти сюжеты составляют важную часть истории империи, и многое еще предстоит сделать для более полного их исследования. Но очень важно, чтобы и при изучении этих вопросов, которыми историки традиционно занимались больше, принимался во внимание фактор неоднородности империи, и в фокусе исследования оказывалась взаимосвязь внешнеполитических сюжетов (будь то дипломатических или военных), развития армии как института или экономических процессов в империи с ее внутренней, окраинной и национальной политикой.

Вот перечень ключевых вопросов, на которые должна отвечать современная историография Российской империи в той ее части, которая занимается отношениями центра империи и ее окраин. Как власти структурировали пространство империи, устанавливая и меняя административное деление; вводя и отменяя должности генерал-губернаторов и наместников; сохраняя или отменяя традиционные для регионов законодательные нормы, расширяя или сокращая объем их автономии; основывая города и/или наделяя их статусом административных центров; создавая университеты в одних и закрывая их в других городах; нарезая учебные округа; прокладывая каналы, железные дороги и телеграфные линии? Какими были экономические отношения окраин и центра? Как в разные периоды строилась политика империи в вопросах религии, миссионерской деятельности, смены вероисповедания ее подданными, браков между людьми различных конфессий? Как регулировалось употребление различных языков? Как центральные власти и чиновники на местах вырабатывали и пытались проводить в жизнь политику в отношении разных групп населения? Как опыт, приобретенный при управлении одними окраинами, влиял на политику властей на других окраинах, будь то путем заимствования управленческих схем и законодательных решений или через чиновников, которые в течение своей карьеры нередко по несколько раз меняли место службы? Как местные элиты и сообщества реагировали на политику имперских властей, как они отстаивали свои особые интересы, если империя на них покушалась, но также — как они сотрудничали с империей и как они пытались использовать имперские ресурсы в местных интересах?

При этом нужно помнить, что число факторов, взаимодействовавших в том или ином регионе по тому или иному вопросу, неизменно было боль-

ше двух. Центральная бюрократия никогда не была единой, у центральной власти, в свою очередь, могли быть и, как правило, были серьезные расхождения в понимании ситуации с чиновниками на местах. Но и местные сообщества не были едины. Их элиты часто были расколоты, в том числе и по вопросу о лояльности империи, и нередко апеллировали к властям для решения внутренних конфликтов. Важно также иметь в виду, что состав населения различных окраин империи со временем существенно менялся, в том числе в результате миграций. Нередко значительные по численности группы уходили из империи добровольно или по принуждению. Наиболее известные примеры — мухаджирское движение кавказских горцев, польская, а затем еврейская эмиграция. Во всех этих случаях число эмигрантов составляло сотни тысяч. Но еще более массовым явлением было переселение на некоторые окраины казаков и населения центральных и юго-западных областей, а также немецких, сербских, чешских колонистов, а на Дальнем Востоке — китайцев и корейцев. Различные религиозные и этнокультурные группы могли сотрудничать между собой в противоборстве с центральной властью, могли конфликтовать друг с другом и стараться заручиться поддержкой имперских властей в этой борьбе. И власти империи, и местные элиты проводили ассимиляторскую политику в отношении различных групп населения, порой сотрудничая, но часто и противодействуя друг другу в этих ассимиляторских усилиях, которые, в зависимости от обстоятельств, бывали более или менее успешными. Но неизменно в этих взаимодействиях происходило взаимное усвоение разнообразных культурных навыков, что создавало огромное разнообразие смешанных и переходных культурных форм.

Характер этих взаимодействий постепенно менялся в XIX в., по мере того как отношения между различными группами населения в модернизирующейся империи все более осмысливались в новых категориях нации и класса. Пространство империи становится не только ареной соревнования националистических движений, но и объектом этого соревнования, поскольку каждое из этих движений формирует и внедряет в массовое сознание свой проект или образ национальной территории, то есть той земли, которая по праву должна принадлежать именно этой нации, и никакой другой. Само собой разумеется, что эти образы национальной территории, формируемые различными национальными движениями, находились в конфликте между собой, как правило, частично «налагаясь» друг на друга, претендуя на одни и те же территории, а порой и вовсе отрицая право некоторых других групп претендовать на статус отдельной нации. Взаимодействие национальных движений и соперничество их проектов не имели какого-то заранее предопределенного исхода. Эти процессы могут быть поняты только в контексте имперской истории, ведь национальные нарративы, призванные утверждать «естественность», неизбежность и глубину исторических корней нации, по самой своей природе неспособны уделить должного внимания проблеме альтернативности процессов формирования наций.

Все это вполне относится и к русской историографии. Некоторые попытки перекрыть традиционный имперский исторический нарратив, сделав его более «национальным», сводятся к стремлению рассказать историю русских отдельно от всех остальных жителей империи. Такая стратегия заведомо обречена на неудачу, ведь даже вопросы о том, кто же такие русские (например, когда и как решилось, входят ли в их число белорусы и малороссы), или о том, как складывались представления русских о своей «национальной территории» (например, когда и как стали «русскими» Сибирь, Дон или Ставрополье), можно четко сформулировать и исследовать только в контексте истории империи.

Российская империя уже давно ушла в прошлое. Но изучение перечисленных выше вопросов представляет не только академический интерес. Современная ментальность и историческая память русских имеет по крайней мере одно весьма существенное отличие от ментальности и исторической памяти их соседей — как тех, кто живет сегодня в независимых государствах, так и тех, кто остается гражданином современной России. В написанном в 1946 г. эссе венгерский мыслитель Иштван Бибо отметил особую психологическую черту народов этого региона — экзистенциальный страх, переживаемый на коллективном уровне, страх перед реальной или воображаемой угрозой гибели национальной общности в результате лишения государственной самостоятельности, ассимиляции, депортации или геноцида². Этот страх был связан сперва с турками, позже с немцами, в некоторых случаях с поляками, позднее и с Россией. Германию перестали воспринимать как непосредственную угрозу после Второй мировой войны, Турцию — много раньше. Этот воспитанный веками непредсказуемого, часто катастрофического развития экзистенциальный страх последние полвека был сконцентрирован на СССР и перенесен после 1991 г. на современную Россию.

Для ментальности русских мотив этнической виктимизации до последнего времени не был характерен. Русские всегда чувствовали себя жертвами притеснения, но притеснения со стороны государства, которое они не воспринимали как этнически чуждое. Феномен, о котором говорил Бибо, для русских психологически не близок и потому непонятен. Коллективные экзистенциальные страхи трудно причислить к набору здоровых черт психики, однако и неумение их понять, задуматься о серьезности их причин нельзя отнести к достоинствам, особенно у нации, которой остро необходимо критическое осмысление своей истории, в том числе и своих отношений с соседями. Именно здесь лежат исторические корни того кризиса понимания и доверия, который так характерен для отношений современной России с ее соседями. Каждой стороне предстоит пройти свою

² *Bibó István. The Distress of the East European Small States // Bibó I. Democracy, Revolution, Self-Determination. New York, 1991. P. 39. В русском переводе см.: Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М.: Три квадрата, 2004. С. 155—262.*

часть пути к преодолению этого кризиса. Русским, среди прочего, предстоит полнее осознать репрессивность империи, наследниками которой — как в положительном, так и в отрицательном смысле — они являются. Соседям русских, в свою очередь, предстоит преодолеть односторонне негативный образ Российской империи, для которой, конечно, благополучие и свобода ее подданных никогда не были приоритетом, но которая отнюдь не была той «империей зла», какой она предстает в современных школьных учебниках соседей России.

Книга, которую читатель держит в руках, является частью серии, посвященной истории различных окраин Российской империи. Эти книги написаны российскими авторами с учетом последних достижений нашей и зарубежной историографии, в попытке ответить хотя бы на часть тех вопросов, о которых шла речь. Они адресованы всем, кто хотел бы больше узнать об истории Российской империи. Авторы не отступали от научных стандартов в аргументации и представлении материала, и специалисты, преподаватели и студенты найдут в этих книгах много полезного, в том числе для сравнения политики империи на разных окраинах. Но авторы неизменно старались избегать профессионального жаргона историков, старались писать так, чтобы читатель без специального исторического образования не испытывал при знакомстве с их трудом дополнительных сложностей.

В серии «Окраины Российской империи» в 2006—2007 гг. вышли книги «Западные окраины Российской империи» (отв. ред. — М.Д. Долбилов, А.И. Миллер), «Сибирь в составе Российской империи» (отв. ред. — Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев) и «Северный Кавказ в составе Российской империи» (отв. ред. — В.О. Бобровников, И.Л. Бабич).

Глава 1

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДО ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Понятие «Центральная Азия» — Степь и оазисы
Междуречья — Древняя история Центральной Азии —
Средневековая история Центральной Азии — История
Центральной Азии после монгольского завоевания —
Центральная Азия накануне присоединения к Российской
империи — Вопросы и проблемы изучения Центральной
Азии в составе Российской империи.*

История взаимоотношений России и Центральной Азии в настоящее время привлекает все большее внимание как российских, так и зарубежных исследователей. Обретя в 1991 г. политический статус независимых национальных государств, бывшие советские республики — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан — оказались перед сложной дилеммой: как теперь определить свое отношение к тому времени, когда весь этот регион находился сначала в составе Российской империи, а позднее входил в состав Советского Союза. Было ли это временем национального угнетения, репрессий, унижения достоинства народов, либо, напротив, эпохой прогресса, развития, приобщения к мировой цивилизации? Собственно в историографии существуют и противостоят именно такие две крайние позиции. К сожалению, в последнее десятилетие разрыв между ними не только не уменьшается, но стремительно увеличивается.

Настоящая работа — попытка российских ученых представить свой взгляд на историю Центральной Азии в составе Российской империи. При этом авторы пытаются преодолеть стереотипы, с одной стороны, изображающие взаимоотношения России с ее азиатской окраиной как абсолютно прогрессивное явление, с другой — те, которые видят в этих взаимоотношениях один лишь негатив.

§ 1. ПОНЯТИЕ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ»

Одна из важных задач, стоящих перед исследователем региона, — преодоление «национальной» точки зрения на историю Центральной Азии, которая сложилась в советское время, а в 1990-е гг. стала доминирующей. Единая история региона оказалась разорвана на «историю Казахстана», «историю Таджикистана», «историю Узбекистана» и т.д. По сути дела, это привело к тому, что появилось несколько разных — «национальных» — интерпретаций одних и тех же исторических событий, персонажей, процессов.

Преодолеть такое деление истории можно, попытавшись вернуть региону общее название, учитывая его целостность в культурном и географическом смысле. Следует отдельно остановить внимание на соотношении ряда терминов, которыми обычно описываются исследуемые территории. В разные исторические эпохи они были известны под названиями «Большая Бухария», «Русский Туркестан», «Средняя Азия» и «Центральная Азия».

В современном употреблении термина «Центральная Азия», особенно начиная с последнего десятилетия прошлого века, необходимо различать два подхода — научно-академический и политологический. Научно-академическая концепция, которую разделяет ЮНЕСКО — организация ООН по вопросам науки и культуры, включает в состав Центральной Азии современные Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, а также Синьцзян-Уйгурский автономный район и автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики, собственно Монголию, Тибет, Бурятию, Тыву, Горный Алтай, Прибайкальский район, Кашмир, Афганистан и даже северо-восток Ирана — провинцию Хорасан. С современной политологической точки зрения под Центральной Азией подразумеваются бывшие азиатские союзные республики в составе СССР — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Такое понимание термина «Центральная Азия» появилось с подачи западных ученых — политологов и советологов, которые используют термин «*Central Asia*», т.е. Центральная Азия, не только в политологии, но и в академических изданиях по отношению к территориям постсоветских республик. Для определения Монголии, Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, Внутренней Монголии, Бурятии, Тывы

западные исследователи употребляют термин *Inner Asia*, т.е. «Внутренняя Азия».

Термин «Средняя Азия» имел устойчивое применение в советскую эпоху. Существовал он и в XIX — начале XX вв., но тогда носил более расширенное толкование. Например, основатель российского китаеведения отец Иакинф (И.Я. Бичурин) в начале XIX в. в понятие «Средняя Азия» включал и земли Монголии. С советского времени и в политической, и в научно-исторической, и в географической литературе под наименованием «Средняя Азия» подразумевались пределы современных государств — Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана — бывших союзных республик. При этом Казахстан упоминался отдельно, но в связке с этими территориями. В советской политологической и научной среде существовало устойчивое сочетание «Средняя Азия и Казахстан», «республики Средней Азии и Казахстан». В советской географической науке к Средней Азии относили территории всех упомянутых азиатских союзных республик полностью, а Казахстана частично — юг и юго-восток до озера Балхаш. Вероятно, появление названия «Средняя Азия и Казахстан» объясняется в определенной степени идеологическими причинами, поскольку дореволюционный термин, обозначающий регион — «Туркестан», вполне мог ассоциироваться в сознании советских властей с сепаратистской по отношению к СССР идеей пантюркизма. С другой стороны, появление такого наименования отразило новые реалии на политической карте мира, связанные со становлением советской власти, в первую очередь национальное размежевание и создание союзных советских республик в составе единого государства — СССР.

Термин «Бухария» применительно к данному региону появился в самом конце XVII в. в русских источниках. В 1697 г. в Тобольской приказной избе казак Ф. Скибин, вернувшийся из «Казачьей Орды» (Казахского ханства), где он находился при дворе хана Тауке в городе Туркестане, сообщил информацию о «Большей Бухарии». Встречается термин и годом ранее — С. Ремезову было поручено «написать степи от Тобольска до Казачьей Орды, и до Бухарии Большой». Видимо, в этом названии отразилась роль города Бухары как политического центра и места средоточия торговли, городской культуры и мусульманской религии в Центральной Азии на протяжении достаточно длительного исторического периода. При этом большинство земель, называемых «Бухарией», не находились ни в какой зависимости от Бухарского эмирата. Отметим, что по-

нятие «Бухария» в пространственном отношении более ограничено, чем понятия «Туркестан», «Средняя» или «Центральная Азия». Оно объединяло оазисные земли Средней Азии: междуречье р. Сырдарья и Амударья (арабское название Мавераннахр), Ферганскую долину, часть Туркмении. Различались Большая и Малая Бухарии. Те земли, о которых говорилось выше, входили в состав Большой Бухарии, а Малой Бухарией считались Кашгария, западная часть Восточного Туркестана. Термины «Большая» (или «Великая») и «Малая» Бухарии широко использовались российскими исследователями еще во второй половине XIX в. Иллюстрацией к сказанному может служить труд российского военного разведчика, ученого и путешественника Ч.Ч. Валиханова «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг.», открывшего мировой науке Восточный Туркестан. Когда к XVIII—XIX вв. Большую и Малую Бухарии стали в целом называть Туркестаном, иногда различали Бухарский Туркестан и Восточный Туркестан.

Термин «Туркестан» впервые появился в научной литературе в конце XVIII в. с подачи англичан, которые к этому времени вышли на подступы к Центральной Азии с юга, со стороны своих колоний в Индии. Англичане заимствовали у иранцев и афганцев термин «Туркестан», означающий «страна тюрков» и применявшийся в Средние века к различным областям, в зависимости от миграций тюркских народов. Уже в первой половине XIX в. этот термин утвердился на Западе в научной среде, а затем был принят и академическими кругами России. В разное время существовали, однако, различные точки зрения на то, какие территории входят в состав Туркестана. Например, по мнению российских ученых, в середине XIX в., под Туркестаном понималась оазисная часть Средней Азии, нынешние Туркмения, Кыргызстан и юг Казахстана, а также Кашгария (Синьцзян). С точки зрения географического расположения Туркестан подразделялся на Западный и Восточный. В состав Западного Туркестана входили земли современных Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана, а в состав Восточного — территория нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Исходя из политико-административного деления этих территорий или принципа их государственной принадлежности, Туркестан был разделен к концу XIX в. на три части — Русский Туркестан (т.е. земли, входившие в состав Туркестанского генерал-губернаторства

и протектораты Бухара и Хива), Китайский Туркестан (т.е. Кашгария, или Синьцзян) и Афганский Туркестан (т.е. территория северо-запада современного Афганистана в округе г. Мазари-Шериф, где живет основная часть тюркоязычного населения этой страны — в основном узбеки и туркмены, составляющие 10% от численности 25-миллионного населения Афганистана). Русский Туркестан вошел в состав Российской империи в период с 60—80-х гг. XIX в., Китайский Туркестан — в состав Китая с середины XVIII до второй половины XIX в., а Афганский Туркестан стал частью Афганского государства в середине XIX в.

Термины «Западный Туркестан» и «Восточный Туркестан» были приняты в научных трудах Н.Я. Бичурина с 1829 г. и трудах российского востоковеда второй половины XIX в. В.В. Григорьева. Н.Я. Бичурин выступил с важным утверждением: «...приличнее назвать Бухарский Туркестан западным, а Китайский восточным. Принимаемое у нас название Китайского Туркестана подлежит изменению...». Любопытно, что термин «Туркестан» сохранился в советское время для обозначения Туркестанского военного округа не столько как государственного, сколько военно-административного образования, которое выходило за рамки тех или иных национальных республик (в середине 1980-х гг. Туркестанский военный округ включал в себя территорию Узбекистана, Таджикистана и Туркмении; Казахстан и Киргизия входили в Среднеазиатский ВО). С другой стороны, Духовное управление, ведавшее делами мусульман Средней Азии и Казахстана, называлось «Среднеазиатским».

Что касается территории современного Казахстана, то она ни к Бухарии, ни к Туркестану не относилась и обычно именовалась просто «Степь». В конце XIX — начале XX в. эта территория носила административное название «Степной край».

В настоящей работе используется термин «Центральная Азия», несмотря на его очевидные недостатки. Авторы исходили из двух соображений. Во-первых, популярность именно этого термина в современной прессе и российской литературе, причем не только политологической, но и академической. Во-вторых, наличие собственных изъянов, и достаточно существенных, у всех остальных конкурирующих наименований. «Бухария» и «Туркестан» несут сугубо исторический характер и не отражают современного государственного устройства региона. При этом остается проблема принадлежности к ним земель Казахстана. Неудачным было бы использование слишком громоздкой и некорректной применительно

к XVIII — началу XX в. конструкции «Средняя Азия и Казахстан». Авторы подчеркивают, что выбор термина для описания региона нуждается в дальнейшем обсуждении специалистами.

§ 2. СТЕПЬ И ОАЗИСЫ МЕЖДУРЕЧЬЯ

Отвергая «национальный» принцип рассмотрения истории Центральной Азии, авторы учли в структуре настоящей работы существование кочевой и оседлой традиций в жизни местного населения. В основе такого деления лежат географические и тесно связанные с ним хозяйственно-культурные признаки.

Территория Центральной Азии исторически включала в себя огромные пространства: от степей нынешнего Казахстана на севере до Памира на юге, от Каспийского моря на западе до Тянь-Шаня на востоке. Определяющую роль в жизни Центральной Азии всегда играли природно-климатические условия. Значительную часть ее площади занимают степи, полупустыни и пустыни, переходящие на юге и юго-востоке в мощные горные массивы, откуда начинаются все реки Центральной Азии, в том числе крупнейшие — Амударья (с притоком Зеравшан) и Сырдарья, междуречье которых у арабов получило название «Мавераннахр». В речных долинах и дельтах находятся оазисы — наиболее плодородные и пригодные к жизни людей зоны.

Своеобразие географических условий издревле определило сочетание в регионе двух основных типов хозяйственной деятельности — земледелия (ирригационного, основанного на различных видах искусственного орошения, или богарного, связанного с использованием природных осадков) и скотоводства (кочевого, полукочевого и оседлого). В условиях жаркого, сухого, часто засушливого климата Центральной Азии первостепенное значение имела (и имеет) проблема водных ресурсов, которая постоянно влияла на характер освоения территории региона оседлым и кочевым населением.

В свою очередь, географическое и хозяйственное деление на кочевое и оседлое население часто в истории Центральной Азии совпадало с культурным и языковым делением. Противостояли друг другу не просто скотоводы и земледельцы, а приверженцы многобожия и монотеизма, тюрки и иранцы и т.д. Нередко даже государственные границы различных союзов и политических объединений

пролегли по границе между Степью и оазисами Междуречья. Так, в административном отношении российская часть Центральной Азии на рубеже XIX—XX вв. включала в себя Туркестанский и Степной края (правда, нужно обратить внимание на тот факт, что часть территории Степного края сегодня находится в российской юрисдикции — например, г. Омск — и поэтому к Центральной Азии в политическом смысле слова не относится).

Сосуществование и соперничество двух типов социально-экономического устройства и уклада жизни (оседлого, связанного с оазисами, и кочевого, связанного со степью и пустынями) предопределяло исторический процесс в Центральной Азии. При этом общим правилом было движение кочевого элемента с севера, из степи, на юг, постепенное оседание в оазисах и языковая ассимиляция пришельцами местного населения при одновременном усвоении его культуры. Периоды развития городов и селений, масштабного строительства ирригационных сооружений, освоения новых земель и прироста населения, укрепления централизованной государственности и культурного возрождения сменялись периодами завоеваний, разрушения оросительных систем, запустения земель и сокращения численности населения, распадом государств на мелкие уделы, культурным застоєм.

Вместе с тем кочевой и оседло-земледельческий хозяйственно-культурные типы дополняли друг друга, обменивались продуктами производства и часто вступали в кооперацию. Благодаря этому достигались хозяйственная самодостаточность и единство региона и, несмотря на частые военные столкновения между Степью и оазисами Междуречья, было возможно само их существование.

§ 3. Древняя история Центральной Азии

Земли современной Центральной Азии были заселены в глубокой древности. В 5-м (или даже в 6-м) тысячелетия до н.э. на юге нынешнего Туркменистана появились поселения ранних земледельцев, живших на периферии ареала наиболее передовых в те времена ближневосточных цивилизаций. История этих ранних народов, прослеживаемая по данным археологии, во многом еще загадочна, хотя основные этапы развития и связи с ближневосточными и древнеиндийской цивилизациями постепенно проясняются. Со 2-го тысячелетия до н.э. центрами оазисного земледелия и культурного развития в Центральной Азии становятся земли в долине

р. Мургаб — территория современного южного Туркменистана. В целом переход к земледелию и скотоводству, производящим формам хозяйства, на просторах Центральной Азии завершился к 3-ему тысячелетию до н.э.

История Центральной Азии второй половины 2-го тысячелетия до н.э. и начала 1-го тысячелетия до н.э. связана с так называемыми арийскими (индоиранскими) племенами, которые относились к индоевропейской языковой и культурной общности и обособились в это время в центральноазиатских степях. Здесь они стали известны как представители археологической андроновской культуры, охватывавшей пространство от Южного Приуралья до Енисея и от территории современного Северного Казахстана до центральноазиатских земель древнего орошения. Со степных просторов происходило переселение племен на юг и юго-восток. Уже с рубежа 2-го — 1-го тысячелетия до н.э. в Центральной Азии сформировался массив родственных народов, говорящих на древнеиранских языках: кочевые саки в Степи, оседлые бактрийцы в долинах р. Кашкадарья и Сурхандарья, согдийцы в долине р. Зеравшан, хорезмийцы в низовьях р. Амударья и ферганцы в верховьях р. Сырдарьи. От этого массива древних племен до нашего времени сохранилось несколько малочисленных народностей в труднодоступных горных районах верхнего течения р. Зеравшан (ягнобцы) и Памира (шугнанцы, ваханцы, рушанцы, ишкашимцы, язгулемцы и др.). Хотя, кроме названных групп, у вышеупомянутых древних жителей Центральной Азии не осталось прямых потомков по языку, многие их достижения легли в основу культурного наследия современных народов региона.

Предположительно на просторах к востоку от Волги, а по другой версии — на юге оазисов Центральной Азии с прилегающими к ним территориями Афганистана, возникла самая древняя из мировых монотеистических религий — зороастризм.

Завоевание большинства оазисов и части кочевых районов Центральной Азии ахеменидскими царями Ирана (Персии) позволило включить эти земли в крупнейшую в то время державу Ближнего и Среднего Востока и обусловило пребывание изучаемых территорий в ее составе в течение двух столетий. Народы древней Центральной Азии вошли в соприкосновение не только с персидской, но и с культурами Ближнего Востока — вавилонской, финикийской, древнеегипетской, малоазийской, древнегреческой. В результате же походов Александра Македонского в IV в. до н.э., сокрушившего Ахеменидов и наследовавшего их традиции, значительная часть

Центральной Азии оказалась включенной в структуру эллинистического мира.

§ 4. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вторжение в оазисы Центральной Азии кочевых племен юэчжей во II—I вв. до н.э., а сюнну (гуннов) — в кочевую Степь, создали совсем иной, чем при Ахеменидах и эллинистических государях, политический и культурный климат. Завоевания юэчжей разделили оазисы Центральной Азии между двумя мировыми империями первой половины 1-го тысячелетия н.э. — Парфянским царством и Кушанской державой. На смену культуре и искусству эллинистического периода пришла симбиотная культура с преобладанием элементов местной или индийской традиций. В степных районах к северу от Сырдарьи завоевания сюнну (гуннов) положили конец «сако-скифскому» периоду и озаменовали наступление эпохи, которая стала связующим звеном между древностью и средневековьем, и получила название «Великое переселение народов»¹.

В IV–VI вв. в Центральной Азии произошли серьезные перемены. Образование в 551 г. новой степной империи — Тюркского каганата — открыло следующую страницу в истории региона. Тюрки вели успешные войны как на востоке, так и на западе. Им удалось завоевать оазисы Центральной Азии и стать хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья — Великого Шелкового пути. В результате внутренних междоусобиц Тюркский каганат распался на Западнотюркский и Восточнотюркский каганаты². Западные тюрки оказались под сильным влиянием согдийской оседлоземледельческой культуры. С этого времени тюркский язык постепенно распространялся не только среди кочевых племен, но и среди оседлого населения.

С приходом в начале VIII в. в Центральную Азию арабских завоевателей начался новый отсчет центральноазиатской истории. В итоге вековой ожесточенной борьбы арабов с местными оседлыми народами и кочевыми тюрками Центральная Азия вошла в состав Арабского халифата, завоевавшего полмира — от Атлантического

¹ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: Древность и Средневековье. СПб., 2000. С. 47–71.

² Подробнее см.: Там же. С. 72–164.

океана до Приаралья. Эти территории стали частью огромной империи, владения которой находились в Азии, Африке и Европе.

Арабское завоевание наложило необратимый отпечаток на все сферы жизни народов Центральной Азии. Одним из важнейших изменений в их общественной и духовной жизни явилось распространение новой государственной религии — ислама, который вытеснил зороастризм, христианство, манихейство, другие религии и народные верования, при этом, правда, включив их элементы в свою собственную ткань. Вместе с исламом в регионе распространились арабский язык и арабский алфавит, быстро вытеснив согдийскую и тюркскую письменности. Изменился социальный и политический строй центральноазиатского общества. В регион были привнесены новые идеалы и ценности, новые стандарты литературы, искусства, архитектуры. Несмотря на различия в уровне общественной жизни, традиций и исторических судеб народов, втянутых в орбиту ислама, в результате их сложного взаимовлияния, а в конечном итоге и синтеза их культур, создавалась во многом общая для народов Центральной Азии мусульманская культура.

В IX—X вв. на юге региона возникло государство Саманидов со столицей в г. Бухаре³. Тогда же оседлое население стало переходить на новоперсидский язык — фарси, относящийся к западноиранской ветви индоевропейских языков. Фарси (который в нынешней Центральной Азии известен под названием «таджикский язык») оказал огромное влияние на языки и культуру оседлых и кочевых народов, а со временем потеснил в Центральной Азии арабский язык в сфере государственного делопроизводства и мусульманской религиозной литературы.

Заметные последствия арабского завоевания проявились со временем не только в оккупированных арабами оазисах, но и в сопредельных с ними степных районах. Тюркские кочевые народы оказались в зоне мощного воздействия исламской цивилизации Передней Азии и Ирана, стали неотъемлемой ее частью. Внешним выражением этого явилось принятие в середине X в. ислама Сатук Богра-ханом из тюркской правящей династии Караханидов. Вскоре мусульманскую веру приняла значительная часть его подданных. Потомки Сатук Богра-хана разгромили армию Саманидов и рас-

³ Подробнее см.: *Негматов Н.Н.* Государство Саманидов: (Мавераннахр и Хорасан в IX—X вв.). Душанбе, 1977.

пространили свою власть на все междуречье Сырдарьи и Амударьи. Признавая номинальную зависимость от багдадского халифа и сохранив внешне централизованное устройство государства, Караханиды поделили империю на множество мелких уделов, во главе которых стояли представители династии. Эта империя, переживая этапы подъема и упадка, завоеваний со стороны соседей (Сельджукидов, Каракитаев, Хорезмшахов), просуществовала до XIII в.

§ 5. История Центральной Азии ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Эпоха Саманидов и Караханидов была одной из самых благополучных для Центральной Азии в культурном плане. Несмотря на постоянные войны, здесь процветали культура, философия и литература, строились и расширялись города, количество населения региона увеличивалось. Именно в это время Бухара прославилась как мировой центр мусульманской учености⁴.

Монгольское нашествие XIII в. отбросило земледельческие общества Центральной Азии на много веков назад. Население стало быстро сокращаться. Городская культура пришла в упадок и не смогла в полной мере возродиться вплоть до XIX в. Ремесла и искусство переживали деградацию. Все это происходило на фоне кардинального изменения положения региона в системе международных товарных и культурных потоков, когда направления мировых торговых путей сместились в основном на море. Это предопределило упадок Великого шелкового пути. После монгольских нашествий Центральная Азия постепенно оказалась на периферии мирового исторического процесса.

После смерти предводителя монголов Чингисхана в 1227 г. Степь (в мусульманских источниках Дашт-и-Кипчак, т.е. степь тюрок-кипчаков) оказалась в составе Золотой Орды, которой правили потомки старшего сына Чингисхана, Джучи. Междуречье Амударьи и Сырдарьи — оазисы Центральной Азии — вошли в состав удела Чагатай, второго сына Чингисхана (кочевое население Чагатайского государства позднее получило общее наименование «чагатай», а средневековый тюркский литературный язык стал

⁴ Об этом см., например: *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В. Сочинения.* М., 1963. Т. 1.

называться «чагатайским»). Монголы, пришедшие в оазисы и степи Центральной Азии, растворились к началу XIV в. среди своих тюркских (и отчасти иранских) подданных. Тогда же потомки Джучи и Чагатая приняли ислам. Однако монгольское обычное право, кодифицированное в виде «Ясы» (т.е. закона) Чингисхана, продолжало еще долгое время определять государственное устройство центральноазиатских государств.

В XIV в. в южных районах Центральной Азии сформировалось мощное централизованное государство Тимуридов со столицей в г. Самарканде. Его создатель, Эмир Тимур (известный на Западе как Тамерлан) из монгольского племени Барлас, подавил сопротивление вождей конкурирующих монгольских и тюркских племен, сосредоточил в своих руках власть и проводил активную завоевательную политику на Среднем и Ближнем Востоке, а также в Индии⁵. Не будучи потомком Чингисхана, Тимур (ум. в 1405 г.) вступил в борьбу за чингисидское наследство с правителями Золотой Орды. Потомки Тимура удерживали власть в Центральной Азии до конца XV в., строя города, поддерживая науку, искусство, литературу. В это время ислам вновь стал возвращать себе ведущие позиции в духовной жизни общества. Религиозные деятели, особенно руководители суфийских братств, стали оказывать огромное влияние на политику. В царствование сына Тимура Шахруха было выпущено постановление о том, что законы Чингисхана отменяются и действует только мусульманское право — шариат. Однако на практике «Яса» продолжала сохранять свое значение.

В начале XV в. в северных районах Центральной Азии, в Дашт-и-Кипчаке, на обломках Золотой Орды, поделенной на самостоятельные уделы-улусы, сложилось так называемое государство «кочевых узбеков», чье название восходит к золотоордынскому правителю Узбек-хану, первым принявшему ислам. Во второй половине XV в. против повелителя Узбекского улуса — чингисида-джучида Абулхайра (ум. в 1469 г.) выступили его родственники — чингисиды Джанибек-султан и Гирей-султан, которые со своими приверженцами откочевали на восток, за что получили название «узбеков-казаков» или просто «казаков» (казахов) — «вольных», «скитальцев». Со смертью Абулхайра они вернулись и взяли власть в Узбекском улусе. С этого времени слово «казак» стало вытеснять

⁵ См., например: *Бартольд В.В. Улутбек и его время* // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1964. Т. 2, к. 2. С. 25—174.

прежнее название жителей государства — «узбеки», а на месте Узбекского улуса образовалось Казахское ханство.

На рубеже XV—XVI вв. внук Абулхайра Мухаммед Шейбанихан (ум. в 1510 г.) со своими родственниками предпринял широко-масштабный завоевательный поход против Тимуридов, которые были обвинены в незаконной узурпации власти. Потомки Тимура потерпели поражение, и в Центральной Азии появилось несколько полусамостоятельных уделов, которыми правили Шейбаниды (Шибаниды, т.е. потомки сына Джучи Шибана)⁶. Удельные правители-султаны практически не подчинялись хану. Самостоятельное государство, которым также управляли шейбанидские ханы, сложилось в Хорезме со столицей в старом Ургенче. Племена, пришедшие с Шейбанидами, были немногочисленны по сравнению с местным населением. Но, поскольку власть теперь оказалась в руках узбекских ханов и султанов, а родственные друг другу узбеки и чагатаи селились вперемешку, то слово «узбеки» превратилось со временем в их общее название.

Шейбаниды управляли междуречьем Амударьи и Сырдарьи примерно сто лет. Распри между представителями этой династии, войны с Великими Моголами (государством, которое основал в Индии и Афганистане тимурид Бабур) и сефевидской Персией не способствовали развитию региона. Лишь при Абдулла-хане (ум. в 1598 г.) было создано более или менее централизованное государство со столицей в г. Бухаре. Им принимались меры для улучшения монетного дела, строительства ирригационных сооружений. С его именем, как и с именем Тимура, в народной памяти связано представление о процветании страны.

На рубеже XVI—XVII вв. Шейбанидов сменила родственная династия Аштарханидов (или Джанидов), которая также принадлежала к Чингисидам. На протяжении 150 лет они пытались удерживать свое единовластие. Однако начавшийся еще при Шейбанидах процесс децентрализации к началу XVIII в. приобрел критические формы. Представители правящей династии постоянно воевали друг с другом. При этом контроль за удаленными регионами переходил

⁶ Подробнее см.: *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965; *История народов Узбекистана.* Ташкент, 1947. Т. 2. С. 9—71; *Семенов А.А.* Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов // *Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии.* Сталинабад, 1954. Вып. 1. С. 39—108; *Он же.* Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр // *Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии.* Вып. 1. С. 109—150.

в руки вождей отдельных узбекских племен. Некоторые территории приобрели полную самостоятельность. Этот процесс политического дробления сопровождался разрушением экономики и упадком культуры. Точку в распаде государства Аштарханидов поставил завоевательный поход в Центральную Азию в 1740 г. персидского шаха Надира, в результате чего Чингисиды были фактически отстранены от управления страной, а вся власть перешла к предводителям влиятельного племени Мангыт⁷.

§ 6. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Бесперывные войны за власть между различными династиями Чингисидов ввели Центральную Азию в состояние политического и социально-экономического упадка. Наиболее раздробленным было политическое устройство Казахского ханства. К началу XVIII в. еще сохранялась видимость единой ханской власти в этом государстве. Казахским правителям удалось установить свой контроль над многими присырдарьинскими городами, захватить г. Ташкент, г. Туркестан и другие крупные населенные пункты в оазисной части Центральной Азии. Во главе этих городов и отдельных территорий были султаны из числа Чингисидов. Правила и нормы общественного устройства были закреплены в своде законов «Жети Жаргы». В начале XVIII в., когда умер последний общеказахский хан Тауке, Казахское ханство фактически распалось на три части: Улу жуз (Старшая сотня), Орта жуз (Средняя сотня), Киши жуз (Младшая сотня), во главе каждой из которых стоял свой собственный хан-чингисид⁸.

Ослаблением казахов не замедлили воспользоваться агрессивные соседи. Особенно трагичным стало джунгарское нашествие в первой половине XVIII в. Кочевые джунгары (или ойраты, западномонгольские племена) одержали победы и сумели подчинить себе многие земли бывшего Казахского ханства, в том числе г. Ташкент. Многие казахи (а также кыргызы) вынуждены были мигри-

⁷ См.: История народов Узбекистана. Т. 2. С. 72—133.

⁸ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. С. 232—281.

ровать на север (к границам России) и на юг (на территорию узбекских ханств). Такое положение дел во многом предопределило будущий союз казахских ханов с Российской империей, а потом и полудобровольное вхождение их в состав России.

В южных районах Центральной Азии во второй половине XVIII в. сформировались три крупных государственных образования: Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства. Во главе их стояли уже не Чингисиды, а вожди узбекских племен, которые смогли выиграть в борьбе за власть у своих менее удачливых соперников. Представители племени Мангыт укрепились и основали династию в Бухарском эмирате (долина р. Зеравшан), эмиры племени Кунграт — в Хиве (Хорезм, низовья р. Амударья), эмиры племени Минг — в г. Коканде (Ферганская долина). Все они со временем приняли титул *хан*, право на который по традиции принадлежало Чингисидам. Это были типичные военно-деспотические государства, где монархия с передачей престола по династическому принципу воспринималась как единственно возможная модель государственности. Власть ханов частично ограничивалась лишь *улема* — корпорацией мусульманских духовных лиц.

На протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в. государственные образования в Центральной Азии постоянно конфликтовали и противостояли друг другу. При этом их правители вынуждены были бороться за единство своих собственных владений, сражаясь с внутренними противниками. В этих междоусобицах гибли многие тысячи людей.

Бухарский эмират восстановился и усилился при Шах-Мураде (1785—1800), который, призывая к строгому соблюдению шариата, навел в стране порядок, восстановил заброшенные города и оросительные системы, совершил несколько успешных завоевательных походов против шиитской Персии. В середине XIX в. его государство достигло пика своего могущества. Жестоко расправившись с остальными конкурентами на власть, эмир Насрулла (1826—1860) совершил ряд удачных походов в Кокандское и Хивинское ханства, покорил некоторые туркменские племена, подавил сопротивление жителей городов Шахрисябза и Китаба. При этом он избегал прямых военных столкновений с Россией. Насрулла-хан укрепил и упорядочил государственную власть, отчасти сломил экономическую и политическую самостоятельность религиозной элиты и верхушки узбекских племен. К моменту русского завоевания это было

самое большое и относительно устойчивое государство в Центральной Азии⁹.

В начале XIX в. кокандским правителям Алим-хану (ок. 1800—1810), затем его брату Умар-хану (ок. 1810—1822), а потом и сыну последнего Мадали-хану (1822—1842) удалось отвоевать у бухарцев города Ура-Тюбе и Ходжент, подчинить самостоятельное владение с центром в г. Ташкенте, присоединить к Кокандскому ханству горные районы Тянь-Шаня, а также мелкие горные владения Каратегин и Дарваз, совершить удачные походы в Кашгар. В это время в Ферганской долине — центре ханства — были проведены масштабные оросительные работы и на вновь открытые земли переселились тысячи земледельцев. Однако в 1842 г. бухарский эмир Насрулла разгромил войска Мадали-хана, захватил Коканд и Ташкент. Хотя кокандцам удалось вернуть утраченные территории, с этого времени в ханстве начались беспрестанные внутренние войны различных «партий» за власть. Ханы, поддерживаемые бухарцами, племенами кипчаков и кыргызов, религиозными деятелями, один за другим сменяли друг друга на кокандском престоле. Наиболее удачливым из них оказался Худояр-хан, который находился у власти с 1845 (с перерывами 1858—1862 и 1863—1865) до 1875 г. Ослабленные внутренними конфликтами и нападениями бухарцев (в 1863 и 1865 гг. бухарский эмир Музаффар со своими войсками захватывал Коканд), Кокандское ханство представляло собой, с одной стороны, источник нестабильности, с другой — легкую добычу для завоевателей¹⁰.

Узбекское ханство в Хорезме (которое после перенесения столицы на юг, в Хиву, стало называться Хивинским), пережив на протяжении XVII—XVIII вв. череду смут и смен правителей, укрепилось при Мухаммеде Рахим-хане I (1806—1825), который навел порядок в государстве, провел налоговую реформу, жестоко расправился со своими соперниками. Ему удалось подчинить небольшое Аральское владение, каракалпаков, совершить несколько походов против туркменских и казахских племен. Сын Мухаммеда Рахима Аллакули-хан (1825—1842) и другие хивинские правители неоднократно пытались установить свой контроль над территориями современной южной Туркмении, где они соперничали с Бухарой, и современно-го северо-восточного Ирана, где им противостояла Персия. Гибель

⁹ См.: История народов Узбекистана. С. 134—168.

¹⁰ Об этом см.: *Наливкин В.П.* История Кокандского ханства // История Средней Азии. М., 2003. С. 250—418; История народов Узбекистана. Т. 2. С. 168—173; *Бейсембиев Т.К.* “Та’рихи-и Шахрухи” как исторический источник. Алма-Ата, 1987.

Мухаммеда Амин-хана в 1855 г. в походе против туркмен повлекла за собой междоусобную войну между различными претендентами на престол, в результате чего Хивинское ханство сильно ослабло. Саййид-Мухаммед-хан (1856—1864) лишь частично сумел восстановить свою власть на всей территории государства¹¹.

Таким образом, процветание Центральной Азии осталось в ее средневековом прошлом: экономика не развивалась, сельское хозяйство имело примитивный характер, в политической жизни господствовал произвол, в духовной сфере преобладала схоластика, отсутствовали какие-либо гарантии неприкосновенности собственности и личности ее владельцев. Таким образом, в Центральной Азии не существовало необходимых экономических и политических условий для самостоятельного перехода от доиндустриального общества к более высоким формам организации хозяйственной и социальной деятельности. Все это в известной мере сделало процесс подчинения Центральной Азии одной из мировых держав неизбежным. В XVIII в. за влияние в регионе спорили Китай и Российская империя, в XIX в. основными соперниками здесь выступили Британия и Россия. В результате многих случайных и объективных причин и факторов именно Российская империя вышла победителем.

§ 7. ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В отечественной и зарубежной историографии события присоединения и пребывания Центральной Азии в составе Российской империи получили достаточно неоднозначные оценки. В последние годы по этим проблемам, наряду со справедливо критическими, несомненно имеющими право на существование мнениями и заключениями, было сказано и написано много предвзятого и крайне ненаучного. Авторы настоящей работы полагают, что при всей противоречивости данного этапа истории Центральной Азии необходимо признавать то, что именно Россия, несмотря на все издержки этого процесса, привнесла в центральноазиатское общество стабильность и умиротворение, стала выводить регион из состояния экономической и общественной стагнации, создавать здесь

¹¹ Подробнее см.: *Иванов П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940; *История народов Узбекистана.* С. 173—176.

основы инфраструктуры современного общества. Обоснованию такого взгляда на историю Центральной Азии в составе Российской империи и будут посвящены все дальнейшие главы данной книги.

Настоящая работа состоит из 15 глав. Первая из них, «История Центральной Азии до вхождения в состав Российской империи» (гл. 1), посвящена вопросу о выборе наименования региона и содержит краткий экскурс в историю Центральной Азии до момента вхождения в состав Российской империи. В обоих случаях составители и авторы сборника не претендуют на исчерпывающий анализ. Терминологическая путаница в названиях, по-видимому, еще долго будет сохраняться в российской историографии, отражая как соперничество различных историографических школ и направлений, так и неустоявшийся политический контекст взаимоотношений современной России с бывшими республиками Средней Азии и Казахстана. Еще более сложным является нахождение приемлемой для всех точки зрения на древнюю и средневековую историю Центральной Азии. Перед авторами не стояла задача дать исчерпывающее описание всех, даже очень важных фактов, имен и событий. И уж тем более не было никаких претензий на то, чтобы сформулировать свою окончательную позицию по тем или иным спорным вопросам. Цель вводной главы заключается в том, чтобы попытаться представить центральноазиатский регион как единое целое и обрисовать основные вехи его исторического развития, в том числе показать в самом общем виде те причины, которые способствовали вхождению Центральной Азии в состав Российской империи.

Главы «Присоединение казахских племен к Российской империи и административные реформы в XVIII — середине XIX вв.» (гл. 2—3) и «Завоевания Российской империи в Центральной Азии (вторая половина XIX — начало XX вв.)» (гл. 4) повествуют об истории вхождения Центральной Азии в состав России. Авторы, несмотря на свои собственные предпочтения, пытались уйти от однозначной оценки этого процесса как добровольного или насильственного, прогрессивного или регрессивного. Вхождение центральноазиатского региона в состав Российской империи продолжалось на протяжении 200 лет и соединило в себе объективные потребности государств и субъективные интересы разных деятелей и политических сил, переговоры, мирные соглашения и военные, порой весьма жестокие действия. В главах 2—3 речь идет также о политике России по отношению к казахам, которые уже были в

составе империи, о первых шагах административного и судебного реформирования кочевого казахского общества.

Главы «Центральная Азия во внутренней политике царского правительства» (гл. 5—6) рассказывают об основных этапах и главных особенностях формирования российской политики в присоединенной Центральной Азии (Туркестанском и Степном краях). При этом главный акцент авторы делают на административно-судебном устройстве региона. В частности, раскрывается суть модели «военно-народного управления», при котором сочетались общероссийские законы и централизованная власть, с одной стороны, и местные обычаи и самоуправление — с другой. Авторы показывают, что модели управления не были застывшими и постоянно видоизменялись в зависимости от конкретной ситуации и взглядов тех или иных представителей власти на интересы России. Глава «Политическая жизнь в Центральной Азии после 1905 г.» (гл. 13) освещает историю политических движений и политической борьбы в регионе в начале XX в., которая закончилась крахом всей сложившейся колониальной системы.

Большой блок сборника посвящен более частным темам и проблемам, которые тем не менее имеют принципиальное значение для понимания того, что собой представляла Центральная Азия в составе Российской империи. Об этом рассказывают главы «Социально-экономическое и демографическое развитие Центральной Азии в составе Российской империи» (гл. 7), «Изменения в культуре центральноазиатского общества под властью империи» (гл. 8), «Влияние российской власти на быт центральноазиатского населения» (гл. 9), «Миграции в Центральную Азию» (гл. 10), «Религиозная политика российской власти в Центральной Азии» (гл. 11), «Национальная классификация населения Центральной Азии» (гл. 12); «Образ центральноазиатского региона в российском обществе» (гл. 15). В них можно найти ответы на следующие вопросы: как представляла себе российская общественность Центральную Азию; носила ли колонизация Центральной Азии преимущественно военный или экономический характер; какова история русского переселения в Центральную Азию; какие изменения принесла Россия в жизнь коренного населения региона; имела ли место русификация покоренных народов; как выстраивала российская власть свою политику по отношению к исламу; существовали ли нации в Центральной Азии и т.д.?

Глава «Система протекторатов в Центральной Азии на рубеже XIX—XX вв.» (гл.14) рассказывает об истории Бухарского эмирата и Хивинского ханства во второй половине XIX — начале XX в. Сохранив свою государственность, политический и экономический строй, эти два центральноазиатских государства были включены в сферу влияния России и фактически находились на положении особых административных единиц Империи. Это единственная глава сборника, в которой история завершается не 1917, а 1920 г., три года спустя после краха русской монархии.

Каждая из перечисленных глав имеет множество разнообразных дискуссионных сюжетов, часть из них была только что упомянута. С этим связана одна трудность, с которой столкнулись составители и редакторы сборника. Авторский коллектив настоящей книги большой — 12 человек, в нем сотрудничали специалисты разных профилей, разного профессионального опыта, разных взглядов. Разумеется, не все неизбежные в таком случае разногласия удалось разрешить на стадии подготовки текста к изданию. Кому-то из читателей покажется, что одни вопросы освещены недостаточно, а другие, напротив, излишне подробно. Кто-то заметит, что исследователи, затрагивая близкие темы, излагают их по-своему или даже с противоположных позиций. В ходе обсуждения было решено оставить в силе право каждого автора на собственную позицию, собственные выводы и собственные приоритеты в разработке своей темы.

Стоит обратить внимание, что в сборнике отсутствует полноценный историографический анализ. Различные точки зрения, которые существовали в прошлом и существуют сегодня, специально не рассматриваются и не акцентируются. Это был вынужденный шаг в условиях ограниченного объема работы и стремления сделать ее более доступной для широкого читателя. Отчасти этот недостаток компенсируется в приложении, где опубликованы две историографические статьи специалистов из Казахстана и Узбекистана: «Проблемы присоединения Казахстана к России в современной казахстанской историографии» (С.В. Тимченко, Алматы) и «Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана)» (В.В. Германова, Ташкент). Эти две работы нельзя назвать нейтральным, отстраненным изложением современных точек зрения. Авторы спорят, порой очень эмоционально, со своими оппонентами. Тем не менее из содержания этих статей хорошо видно, как в современной литера-

туре двух крупнейших центральноазиатских государств изучается и интерпретируется история присоединения региона к Российской империи.

Кроме того, в приложении приводятся отрывки из подлинных документов рассматриваемой эпохи: «Положение об управлении Туркестанского края» издания 1886 г.; «Объяснительная записка к Степному положению 1891 г.»; «Первый вариант молитвы за царя, выработанный съездом народных судей города Ташкента в 1892 г.». В книге также имеется карта Центральной Азии, таблицы и иллюстрации.

И наконец, последнее существенное замечание. Представленная книга, как уже говорилось, не является классической научной монографией и написана в жанре, близком к учебному или научно-популярному, поэтому перед авторами не стояла задача анализировать имеющиеся по той или иной проблеме мнения, сопоставлять и критиковать источники, давать подробный справочный и ссылочный аппарат. Все необходимые отсылки помещены в «Список рекомендуемой к чтению литературы» и «Глоссарий».

Главы 2—3

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАХСКИХ ПЛЕМЕН К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX В.

Международные связи в Центральной Азии в XVII — начале XVIII в. — Строительство крепостей на границе с казахскими степями — Присоединение казахских жузов к России в первой половине XVIII в. — Продвижение России в Центральную Азию в середине XVIII в. — Присоединение казахских жузов и кыргызов к России в первой половине XIX в. — Итоги присоединения казахских жузов — Административное устройство у казахов в конце XVIII — начале XIX в. — Восстание Кенесары Касымова — Административные реформы в казахской степи 30—60-х гг. XIX в.

Трансформация политической системы и создание Российской империи были тесно связаны с административно-территориальными преобразованиями. Формирование централизованного государства в Европейской и Азиатской частях отличалось многообразием форм и вариантов присоединения соседних народов и стран, сочетанием военных форм, дипломатических переговоров, завершившихся подписанием мирных договоров и соглашений с присоединяемыми странами и народами. В результате созданная империя стала унитарным — по внешним признакам, но полиэтническим — по существу — образованием.

В основе сближения России с ее восточными соседями в Центральной Азии лежали причины геополитического и экономического характера. Россия, заинтересованная в безопасности проходивших по территории нынешнего Казахстана транзитных торговых путей, приняла ряд мер для укрепления отношений с населением казахских степей.

§ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

Казахи в середине XVI в. концентрировались в Семиречье. В этом районе завершилось формирование казахской народности¹. К концу XVI в. Казахское ханство занимало центральный степной регион, а также южные оседлые районы до Ташкента включительно. Численность его населения достигала, по некоторым оценкам, 1 млн. человек. Отсюда казахские ханы вели наступление на земледельческие центры и города центральных областей южной Центральной Азии.

В XVII в. в Семиречье казахи и кыргызы имели владения, на востоке граничившие в районе р. Или с Джунгарским (или Ойратским) ханством. В период господства джунгаров на Тянь-Шане в XVII — середине XVIII в. значительная часть кыргызов временно переместилась в Восточный Туркестан (Кашгарию) и на Памиро-Алай, а затем во второй половине XVIII в. вернулась обратно. На юге низовья р. Сырдарьи находились в совместном владении казахов и каракалпаков. После упорной борьбы с каракалпаками и Аштарханидами (правителями Бухары) во владении казахов оказалось и среднее течение Сырдарьи с городом Ташкент. Права казахов на эти территории были закреплены договором 1598 г. между Аштарханидами и казахскими ханами. На западе и северо-западе граница проходила вдоль кочевий туркмен в районе Мангышлака и земель уральских казаков. Последние были выходцами из распавшейся волжской казачьей общины, осевшими на р. Яике (Урале) в XVI в. Яицкие казаки поддерживали тесные связи с Московским государством и с 1591 г. состояли в московских войсках.

Казахские жузы к концу XVII — началу XVIII в. занимали следующую территорию: Младший жуз — от земель уральских казаков

¹ Пищулина К.А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. Алма-Ата, 1977. С. 132—136.

на западе до р. Тургай на востоке, на севере по линии Оренбург—Орск, на юге до Аральского моря, на юго-западе до Гурьева-городка и Каспийского моря; Средний жуз — на востоке до границ Джунгарии, на северо-востоке до верховьев р. Иртыш и оз. Зайсан, на западе до оз. Аксакал, на севере до рек Сарысу, Ишим, Жилан, Тобол, Уй, Чертанлык; Старший жуз расположился в Семиречье, долинах рек Чирчик, Арысь, Келес, а на юге простирался до Сырдарьи, включая города Ташкент и Туркестан.

Присоединение Казанского и Астраханского ханств, а затем и Западной Сибири к России открывало перспективы для активизации торговых связей с югом Центральной Азии, Сибирью, Китаем, Восточным Туркестаном, Джунгарией через казахские степи. Началось установление дипломатических контактов с центрально-азиатскими государствами². В XVII в., в результате освоения Западной Сибири, южные районы монархии Романовых пришли в соприкосновение с землями монгольских правителей Джунгарии. Последняя, претендуя на земли России в верховьях Черного Иртыша и Оби, иногда тревожила русские поселения в этом районе, но, теснимая с востока Цинской империей, не решалась на открытое выступление. Укрепляя пограничные районы с Джунгарией, российское правительство расширяло связи с местным населением. Оно не препятствовало добровольному переходу в пределы России отдельных представителей джунгарской знати, было заинтересовано в получении с них ясака. России выгодно было иметь независимое Ойратское государство в качестве противовеса Цинской империи — это укрепляло позиции Москвы в Западной и Восточной Сибири.

С середины XVII в. Цинская империя вела наступление на Халха-Монголию, а в XVIII в. — на северо-западные районы Центральной Азии. По мнению ряда исследователей, Цины пытались воспрепятствовать возникновению там сильных государственных образований и оградить империю от набегов кочевников. Именно этим объясняется столкновение в XVII в. Цинской империи с Джунгарией. Угроза со стороны китайцев не препятствовала агрессивной политике джунгарских правителей против казахов и кыргызов. Наиболее тяжелая обстановка создавалась на Южном Алтае, а также в

² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. № 1, 3—8, 10—12, 14—23; Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Ташкент, 1964. С. 4.

Старшем казахском жузе, Каракалпакских и Кыргызских землях, испытывавших давление со стороны Джунгарского ханства³.

В XVII — начале XVIII в. юго-восточное направление продолжало традиционно доминировать во внешней политике Московского государства. Россия пыталась закрепиться на Черном и Каспийском морях. При Петре I активизировались дипломатические переговоры с центральноазиатскими правителями о безопасном транзите торговых караванов. В свою очередь в налаживании взаимоотношений с Россией были заинтересованы казахские жузы, которым угрожала джунгарская экспансия.

§ 2. СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕПОСТЕЙ НА ГРАНИЦЕ С КАЗАХСКИМИ СТЕПЯМИ

В начале XVIII в. укрепленные сибирские селения тянулись на 985 верст — от Чернолуцкой слободы в направлении Оренбургской губернии. Идея строительства крепостей в верховье Иртыша принадлежит сибирскому губернатору М.П. Гагарину. Услышав от бухарских купцов, что при городе Эркети (Яркенде) имеются золотосыпные россыпи, М.П. Гагарин сообщил об этом Петру I и ходатайствовал об организации экспедиции. В ответ 22 мая 1714 г. царь предписал построить город у Ямышева-озера и «идти далее» до города Яркенда. Так начался процесс строительства крепостей в Южной Сибири. 1 июля 1715 г. отправилась в путь экспедиция подполковника Бухгольца. В ходе экспедиции была основана Ямышевская крепость. Однако весной 1716 г. русский отряд из нее отступил, разрушив укрепления после двухмесячной осады 10-тысячным войском джунгар. На обратном пути в устье р. Омь Бухголец построил Омскую крепость. И в том же 1716 г. по распоряжению М.П. Гагарина, подполковник Матигоров восстановил Ямышевскую крепость. В 1717 г. под руководством подполковника Ступина возвели Железинскую, а в 1718 г. — Семипалатинскую крепости.

28 января 1719 г. по указанию Петра I была отправлена новая экспедиция во главе с генералом Лихаревым, наделенным полномочиями основать крепость на оз. Нор-Зайсан. Не найдя удобного места для закладки крепости у озера, отряд двинулся вверх по

³ Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979. С. 17—67; Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964. С. 168—169, 355, 378.

р. Черный Иртыш, но был остановлен 20-тысячным войском джунгар. Лихарев вступил в переговоры с контайши Галдан-Цереном и повернул назад. На обратном пути, при впадении в Иртыш р. Ульба, в 1720 г. им была заложена Усть-Каменогорская крепость. Построенные укрепления Иртышской (или Сибирской) линии прикрыли от набегов джунгар земледельческие поселения в Барабинской степи, южных частях Томской губернии и горные заводы на Алтае. Во всех крепостях стояли гарнизоны из пеших солдат и конных драгун. А при сибирском губернаторе М.В. Долгоруком в каждую крепость были еще добавлены военнослужащие, набиравшиеся на годичную службу из городских казаков Тары, Тобольска и Тюмени. Их называли крепостными казаками. В 1725 г. по всем укреплениям линии таких насчитывалось 489 человек. Часть из них осела в крепостях на постоянное жительство.

В первой половине XVIII в. основной линией края стала Яицкая (длиной в 1780 верст), протянувшаяся от Гурьева-городка до границы Западной Сибири, где дислоцировался Алабужский отряд. Она делилась на три самостоятельные линии (участка): Яицкая (или Нижняя) от Каспийского моря вверх по р. Яик до впадения в него р. Илек; Илецкая (или Ново-Илецкая) по р. Илек; и по рекам Курала и Бердянка — Бердяно-Куралинская. Селения от станицы Благословенной располагались по р. Яик до крепости Орской, откуда тянулись посуху до селения Березовского и, наконец, достигали границ Сибири по рекам Уй и Тобол. Этот участок именовался Оренбургской линией. В крепостях и форпостах от Алабужского отряда до Озерного на р. Илек несли службу оренбургские казаки, а на остальной части — уральское казачество. До основания в 1835 г. Новой линии межа Оренбургской губернии с Младшим жузом пролежала от крепости Орской до селения Березовского, шла по рекам Яик, Кидыш, Уй с именованием Верхней (или Старой) линией⁴. Правительство России считало эти линии лишь административной границей оседлых поселений с казахской степью. Однако в этом вопросе не было единого мнения. По карте Российской империи 1787 г. за межу была принята р. Эмба, хотя центральные и местные власти твердо на этом и не настаивали. В указе Правительствующего Сената от 20 января 1803 г. Военной коллегии сообщалось: «...поныне сия граница губернии остается, и по какую

⁴ *Бларамберг И.Ф.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) орды и Зауральской (Малой орды Оренбургского вedomства) // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1848. Т. 14, ч. 3. С. 99.

черту степь и кочевье киргиз-кайсаков (казахов. — *Авт.*) простирается, ясного сведения ввиду нет...»⁵. Карта И. Лютова, изданная в 90-х гг. XVIII в., показывает, что на северо-западе, севере и северо-востоке казахи Младшего и Среднего жузов «имели межу» с Астраханской областью, Уфимским и Тобольским наместничествами, Колыванской областью.

Яицкое казачество свои права на земли по правому и левому берегам Яика отстаивало с XVII в., т.е. с момента получения грамоты от царя Михаила Федоровича, который «принял их под свою державу, пожаловал им грамоту на приуральские земли, реку Урал со всеми при ней угодьями до устьев включительно и со всеми впадающими в нее реками и выходящими из нее рукавами и разливами»⁶. Фактически Петербург признал грамоту Михаила Федоровича: «...Права эти... подтверждаются у казаков, почему уральцы и надеются, что земли, усвоенные России предками нынешнего поколения, ими заселены, оберегаемы и которые они считают неотделимою собственностью, останутся в их владении...»⁷

Целая серия правительственных актов закрепляла черту владений казачества по р. Урал и, следовательно, определяла западные пределы казахских земель. В 1721 г. яицкие казаки обратились к русскому правительству с просьбой о возобновлении грамоты Михаила Федоровича, надеясь с ее помощью запретить крестьянам Самарской губернии и башкирам пользоваться рыбными угодьями по р. Урал. Правительствующий Сенат 28 октября 1732 г. издал указ «Военной, Иностранной и Комерц-коллегиям, Казанской и Астраханской губерниям не допускать башкир и низовых городов жителей ловить рыбу по Яику-реке, в озерах, ярках и протоках, где яицкие казаки рыбные ловли имеют»⁸.

§ 3. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ К РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Первая четверть XVIII в. явилась важным этапом в развитии казахско-русских взаимоотношений, завершившимся позднее при-

⁵ Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 392. Л. 53.

⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 392. Л. 54.

⁷ Там же. Л. 56.

⁸ Там же. Л. 50—60.

соединением Младшего, большей части Среднего и части Старшего жузов к России. В 1723 г. казахи были разгромлены отрядами Шуно-Доба — сына джунгарского контайши Цеван-Рабтана. Племена Старшего и Среднего жузов были вынуждены откочевать к Самарканду, Бухаре и Ходженту, а Младшего жуза — к Хиве. Восточные районы Старшего жуза и земли кыргызов оказались захваченными джунгарами. Огромные потери людей и скота заставили казахов и кыргызов сплотиться, создать объединенное ополчение и одержать блестящие победы над джунгарами в 1728 г. в районе оз. Чубар-Тенгиз и р. Булакты и в 1729 г. у оз. Ит-Ичмас в местности Анракай. Джунгары вынуждены были оставить Семиречье. В этой борьбе выделился султан Абулхайр, при котором активизировались связи между казахскими жузами и Россией.

Однако победа над джунгарами не сломила их могущества. Джунгарское государство вновь возобновило военные действия против казахов, что привело к массовым миграциям населения. В первой четверти XVIII в. казахи Младшего жуза кочевали в бассейнах рек Эмба, Яик, Уил, Иргиз, Тургай, в приицких степях и в низовьях Сырдарьи; казахи Среднего жуза — в бассейнах рек Ишим, Нура, Сырасу, с внутренней стороны Иртыша; казахи Старшего жуза — в районе Семиречья и Бетпак-Дала. Положение казахов было сложным: на юге обострились отношения с правителями Бухары и Коканда, а с востока возросла опасность джунгарских набегов. На северо-западе они подвергались постоянным набегам волжских калмыков, башкир и мишарей, находившихся на военной службе у правительства России.

Образно о положении казахов до присоединения их к России сказал батыр Букенбай в беседе с российским дипломатом А. Тевкелевым в 1748 г.: «Когда киргиз-кайсацкая (казахская. — *Авт.*) орда в подданство Российской империи была не принята, не ото всех ли сторон они по своим поступкам всегда беспокойства принимали, почти ото всех всюду бегая, яко зайцы от борзых собак, разорялись и свой скот, бегаючи, сами бросали, а иногда случается в самой необходимой нужде жен и детей бросая, только сами уходили... Когда зюнгорские (джунгарские. — *Авт.*) калмыки нападут, побегут в сторону, а башкирцы нападут, то уходили в другую сторону, а волжские калмыки и яицкие казаки и сибирские войско нападут, то они уже бегать и места себе не находили»⁹.

⁹ История Казахстана: В 5 т. Алматы, 2000. Т. 3. С. 109.

В 1725 г. в Петербург было направлено казахско-каракалпакское посольство, которое от имени казахских и каракалпакских правителей обещало оказывать помощь России в борьбе с любым врагом.

Внешнеполитические трудности, а также заинтересованность в развитии торгово-экономических связей с Россией способствовали тому, что Абулхайр-хан начал переговоры с русским правительством о добровольном вхождении Младшего казахского жуза в состав России. 8 сентября 1730 г. Абулхайр-хан обратился с просьбой о принятии его с 40 тыс. кибиток Младшего жуза в российское подданство. Принятие казахов Младшего жуза было провозглашено в грамоте императрицы Анны Иоанновны от 19 февраля 1731 г. 10 октября 1731 г. переводчиком А.И. Тевкелевым было осуществлено официальное оформление подданства и принята присяга у казахов Младшего жуза.

В конце 1731 г. приняли присягу казахи северо-западной части Среднего жуза во главе с ханом Семеке; в начале августа 1738 г. повторно присягали в Оренбурге 27 старшин Среднего жуза; в 1740 г. — присягали на подданство северные, центральные и восточные районы жуза с султаном Аблаем и ханом Абулмамбетом. С 23 по 30 августа 1742 г. приняли присягу 140 биев и батыров Среднего жуза.

В декабре 1733 г. хан Старшего жуза Жолбарыс отправил в Петербург послов Аралбая и Аразгельды с ходатайством о принятии в российское подданство. Одновременно на имя императрицы Анны Иоанновны поступило письмо султанов и старшин Старшего жуза Кoadарби, Тюляби, Сатай-батыра, Кангильди-батыра, Буляк-батыра. 10 июня 1734 г. Анна Иоанновна издала указ о принятии казахов Старшего жуза в российское подданство. Грамота была отправлена со статским советником И.К. Кирилловым и переводчиком А.И. Тевкелевым, которые должны были принять присягу у казахов Старшего жуза. Их миссия не увенчалась успехом. 20 апреля 1738 г. хан Жолбарыс вновь обратился в Петербург с просьбой о принятии казахов Старшего жуза в подданство России. 19 сентября 1738 г. императрица подписала грамоту, подтверждающую принятие Старшего жуза в состав России. Тайному советнику В.Н. Татищеву было поручено привести хана Жолбарыса и его подданных к присяге, но это не удалось осуществить. 5 апреля 1740 г. Жолбарыс был убит. И только 23—30 августа 1742 г. при участии тайного советника И.И. Неплюева в Оренбурге к присяге были приведены

четверо старшин рода уйсин из Старшего жуза: Ақтам-Берди, Шулум Кубаев, Қаллыбай-батыр Девлин, Ақтанбай-батыр.

В 30—40-х годах XVIII в. определился курс на присоединение к России территории всех трех жузов. Однако удаленность южных и восточных районов казахской степи, сложная внешнеполитическая обстановка затянули вхождение части казахов в состав России. Этот процесс был завершен в первой половине XIX в.

§ 4. ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

В 1741—1742 гг. возобновилось наступление джунгар на казахские жузы. Джунгары продвинулись до р. Орь, но, не получив поддержки у волжских калмыков, по требованию русского правительства отошли на свои исконные земли. Казахи Младшего и Среднего жузов сконцентрировались вдоль линий российских укреплений. 5 марта 1741 г. было разрешено указом Правительствующего Сената впускать в крепости казахское население в случае нападения джунгар. В следующем году для урегулирования отношений в Джунгарию был направлен полковник Г.Ф. Миллер. Миссия оказалась успешной. Ему удалось нейтрализовать джунгар в верховьях Черного Иртыша и в районе Колывано-Воскресенских заводов и освободить из плена султана Аблая, заверив джунгарского контайшу Галдан-Церена, «чтоб оной хан верным подданным е.и.в. киргизкайсакам (казахам. — *Авт.*) впредь никакого утеснения и разорения б не причинял и чтоб их оставил во всяком покое и войско бы свое впредь для разорения их не присылал»¹⁰.

В 40-х гг. продолжалось укрепление линий и хозяйственное освоение Южной Сибири. В 1745 г. сюда был командирован генерал С.В. Киндерман с пятью драгунскими полками. По его распоряжению дополнительно вдоль р. Иртыш построено 24 укрепления: 3 форпоста, 11 редутов, маяки, защиты. Для защиты калмыков, живших в Кузнецком округе, и прикрытия Колывано-Воскресенских горных заводов от набегов джунгар, в 1744 г. разоривших рудник Чарышский, он укрепил границу на Алтае. Здесь возвели цепь укреплений через весь Алтай от форпоста Шульбинского на Ирты-

¹⁰ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. № 85. С. 198—200; № 33. С. 258—262.

ше до Кузнецка. Колывано-Кузнецкая линия состояла из 9 крепостей и 59 редутов. Часть этой линии от Усть-Каменогорской крепости до Тигеревского форпоста была позднее передвинута вперед и получила наименование Бийской линии. С северной стороны казахской степи вместо Ишимской линии С.В. Киндерман построил в 1752 г. Пресногорьковскую линию от Омска до крепости Звериноголовской. Новая линия тянулась на 548 верст, она выдвинулась вперед на расстояние от 50 до 200 верст и включала 11 крепостей, 93 редута, 42 маяка.

На вновь построенных линиях были размещены Сибирский полк, приведенные Киндерманом драгунские полки и 2 тыс. крепостных казаков. Дополнительно для строительства крепостей и острогов посылались на временную службу сибирские крестьяне, под именем выписных казаков. В 1758 г. туда была командирована 1 тыс. человек из Донского и Яицкого казачьих войск на два года, а позднее на год посылались башкиро-мишарские команды. Часть из добровольно проходивших службу на линии селились здесь и входили в состав крепостных казаков. Кроме исполнения военной службы и строительных работ они занимались в крепостях казенным хлебопашеством, которое было введено по предложению С.В. Киндермана для улучшения снабжения пограничных войск продовольствием, т.к. полки не всегда надежно обеспечивались подвозом хлеба из сибирских округов. На казенные пашни наряжалось по всей линии 600 крепостных казаков. В 1800 г. казенное хлебопашество было отменено Правительствующим Сенатом.

В 50-х гг. XVIII в. в Джунгарии обострилась династическая борьба между наследниками контайши Галдан-Церена. В 1754 г. один из претендентов на престол, Амурсана, обратился за помощью к цинскому правительству Китая. Это послужило поводом для вторжения китайско-маньчжурских войск на территорию Джунгарии. Ойратское государство было разделено на четыре части, что стало причиной борьбы Амурсаны с Цинами, в ходе которой завоеватели уничтожили Джунгарское ханство и истребили его население. Небольшая часть джунгар, спасаясь от маньчжуро-китайских военных отрядов, бежала в пределы России.

Наступление Цинской империи на северные районы Центральной Азии продолжалось. Под предлогом поимки Амурсаны цинские войска вошли в казахские степи. Казахское ополчение во главе с султаном Аблаем пыталось остановить их, но потерпело поражение. Казахи, джунгарские и алтайские беженцы стали сосредото-

чиваться у Сибирской линии. Российское правительство не имело достаточно вооруженных сил, чтобы препятствовать вторжению маньчжур в казахские и кыргызские кочевья. Тем не менее оно предприняло ряд мер оборонительного характера. В Сибирь было направлено дополнительно несколько конных полков. 19 ноября 1756 г. русское правительство разрешило предоставить беженцам убежище в крепостях и за Сибирской линией. Однако в связи с началом антицинского восстания в Монголии, поддержанного тувинцами, цинские войска были выведены из казахских кочевий.

В 1757 г. на территории Джунгарии вновь развернулись военные действия, которые захватили районы, пограничные с казахской степью. В этот период шли переговоры султана Аблая с цинским правительством. Но вернуть исконные кочевья в Северной Джунгарии казахам и кыргызам не удалось. Цинское правительство запретило использование этих территорий и силой оттеснило кочевников от границ Джунгарии.

На протяжении XVIII в. для населения Центральной Азии продолжала сохраняться угроза со стороны Цинской империи. Особенно сложным было положение кыргызских племен, входивших в состав Кокандского ханства. Несмотря на то что Коканд занял твердую позицию по отношению к цинскому правительству, вопрос о маньчжуро-китайской экспансии в этот район не снимался. Сложное внутреннее и внешнее положение Кокандского ханства способствовали росту у кыргызов пророссийской ориентации.

В этот период экспансия маньчжурских войск в Центральную Азию облегчалась для завоевателей политической разобщенностью местных народов, слабостью позиций России в этом районе. Тем не менее экспансия Китая вылилась лишь в эпизодические набеги в приграничные области. Россия сумела противостоять агрессии маньчжуро-китайских завоевателей и обеспечить защиту казахских жузов и населения южной Сибири, добровольно принявших российское подданство.

Положительным результатом вхождения в состав России для казахов явились указы Анны Иоанновны, запрещавшие башкирам, мишарам, волжским калмыкам, русским, сибирским, оренбургским и яицким казакам «войною ходить и разорять» казахов. Последние получили право использовать пастбища на правом берегу Яика и Иртыша, в Прикаспии. Уменьшились межродовые распри и междоусобицы.

Активизировалась торговля России с центральноазиатскими государствами. Шел взаимный товарообмен продуктами кочевого скотоводства и оседлого земледелия, металлами, огнестрельным оружием, предметами домашнего обихода¹¹.

Позитивной для развития казахско-российских отношений стала работа Оренбургской экспедиции, начавшаяся в 1734 г. под руководством обер-секретаря Правительствующего Сената И.К. Кириллова. Экспедиция вела хозяйственное освоение казахских, башкирских, каракалпакских земель, их богатых природных ресурсов. Между казахскими и башкирскими кочевьями была построена цепь крепостей, ограничивших взаимные набеги кочевников. Началось строительство Оренбурга, что должно было способствовать развитию внутренней торговли. Туда прибывали караваны из Бухары, Хивы, Ходжента и Ташкента. Российское и иностранное купечество получило льготы.

Сложное положение на границах казахских жузов и южной Сибири с Цинской империей заставило российское правительство, помимо мер дипломатического характера, продолжать укрепление пограничного района. В 60—70-х годах XVIII в. генерал Шпрингер, командовавший сибирскими войсками, возвел на Алтае укрепленную цепь поселений, вошедших в состав Бийской линии, так как построенная Киндерманом Колывано-Кузнецкая линия не прикрывала Алтайских горных заводов.

17 октября 1760 г. по указу Сената были построены укрепления от Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера. В них планировалось разместить 2 тыс. крестьян и разночинцев Тобольской губернии, а также желающих государственных крестьян из Архангельской, Устюжской и Вятской губерний, находившихся на промыслах в Сибири.

Укреплялись берега р. Иртыш от Усть-Каменогорской крепости до оз. Зайсан. Здесь в 1761 г. строились Бухтарминская крепость и Бухтарминская линия. В этот период по распоряжению Шпрингера от казахской степи была отрезана десятиверстная полоса вдоль р. Иртыш и Пресногорьковской линии и отдана в пользование сибирским казакам.

Тогда же усиленно заселялись Пресногорьковская, Иртышская и Колывано-Кузнецкая линии общей протяженностью в 2125 верст.

¹¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. № 85. С. 198—200; № 33. С. 386.

В 98 укреплениях и поселках находилось 7578 человек регулярных и нерегулярных войск, в том числе 779 крепостных казаков.

Чтобы прикрыть селения старообрядцев-«каменщиков», в 1792 г. были перемещены форпосты Вороний, Черемшанский и Красноярский, была заложена Новая Бухтарминская линия с вновь укрепленной Бухтарминской крепостью. Вдоль р. Нарын воздвигли посты: Нижний Хайрюзовский, Верхний и Малый Нарынские, Баты, Чистый Яр, Мало-Красноярск. Старые и новые линии укреплений прикрывали казахские кочевья и южную Сибирь от вторжения цинских войск. Заселение линий создавало условия для хозяйственного освоения земель края. Мужская часть казачьего населения на линиях в начале XVIII в. составляла 6 тыс. человек.

§ 5. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ И КЫРГЫЗОВ к РОССИИ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В начале XIX в. обстановка в Центральной Азии осложнилась. Кокандское и Хивинское ханства вели активное наступление на казахские и кыргызские земли. Часть территории Старшего жуза, южные районы Среднего жуза, кыргызские земли оказались в составе Кокандского ханства. Сырдарьинские и частью приуральские казахи, как указывалось выше, находились в составе Хивинского ханства. В 30—40-х гг. XIX в. Хива и Коканд стремились воспрепятствовать присоединению казахов и кыргызов к России, претендуя на их земли, через которые пролегали важные для центральноазиатских ханств торговые пути.

В первой половине XIX в. усилилась совместная борьба казахов и кыргызов против хивинского и кокандского владычества. В 20—30-х гг. XIX в. волнения охватили районы, прилегавшие к крепостям Туркестан, Чимкент, Сайрам, Аулие-Ата и Пишпек. В 40—70-х гг. XIX в. эта борьба продолжалась и расшатала основы господства Коканда и Хивы над казахами, кыргызами, туркменами, каракалпаками, ослабила ханства, что имело следствием усиление влияния России в этом районе и способствовало переходу народов края в российское подданство¹².

¹² Подробнее см.: Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 133; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв. №№ 115, 117, 123, 124, 148, 190, 205—207, 224, 305, 306, 319—328, 333.

В 1818 г. казахи Старшего жуза обратились к царскому правительству с письмом о принятии их в подданство. 18 января 1819 г. султан С. Аблайханов и 55 462 его человека принесли присягу на верность России. В 1823 г. просили принять в подданство России четырнадцать султанов Старшего жуза, к которым присоединились 165 тыс. мужчин со своими семьями, кочевавшими в Семиречье. 13 мая 1824 г. императором Александром I была подписана грамота о принятии их в подданство России.

В 1830 г. была принята присяга у населения ряда волостей Среднего жуза (25 400 кибиток, 80 481 мужчин). В 1845 г. подданство приняли роды уйсун, жалайыр, затем абдан, суан, шапрашты, ысты, ошакты, канлы — все из Старшего жуза. Через два года вошел в состав России многолюдный род дулат. В это же время подают прошение о принятии в подданство казахи рода байжигит из Среднего жуза. В 1863 г. вошли в состав России 4 тыс. кибиток казахов рода каратай и 5 тыс. кибиток рода бес-танбалы. К концу 60-х гг. XIX в. завершается вхождение в состав России казахов Среднего и Старшего жузов.

Территория Среднего и Старшего жузов стала обустраиваться. Создавались внешние округа и области. Шло хозяйственное освоение земель. Были построены укрепления Актау, Улутау, Капал, Сергиополь, Лепсинск. Для административного управления Старшего казахского жуза в 1842 г. были учреждены Алатавское приставство и должность пристава Большой орды, подчинявшегося западносибирскому генерал-губернатору.

Важным этапом в хозяйственном развитии Семиречья явилось освоение Заилийского края. Он имел важное экономическое значение, находясь в узле главных торговых путей, ведущих в Восточный Туркестан, Тибет, Центральную Азию. В 1854 г. в Заилийском крае К.К. Гутковским было заложено укрепление Верное. Освоение Заилийского края дало возможность оказать помощь казахам южных районов Среднего жуза и северным кыргызам в борьбе с Кокандом. Отряд подполковника Карбышева занял и разрушил опорный пункт кокандцев в Семиречье — крепость Таучубек. Создались благоприятные условия для развития хозяйства края. В интенсивном освоении земель Заилийского края принимало участие казахское, кыргызское население, а также русские крестьяне — переселенцы из европейских и сибирских губерний, казачество. В 1856 г. была проведена административная реорганизация края. Созданное ранее Алатавское приставство было преобразовано в Алатавский округ с

центром в укреплении Верное. С основанием этого поселения земли северных кыргызов стали прилегать к территории, вошедшей в состав России. 26 сентября 1854 г. прииссыккульские кыргызы обратились к губернатору Западной Сибири с прошением о принятии их в состав России. 17 января 1855 г. в Омске они приняли присягу на подданство, и 10 тыс. кибиток прииссыккульских кыргызов стали подданными России, причисленными к Алатавскому округу.

В 1859 г. в смежном районе, где проживали казахи Старшего жуза и северные кыргызы, русскими было построено укрепление Кастек. Здесь произошло первое крупное сражение между отрядом полковника А.Э. Циммермана и кокандскими войсками. 26 августа этим же отрядом была взята кокандская крепость Токмак в Чуйской долине, а 4 сентября — Пишпек (нынешний Бишкек). В октябре у Узун-Агача русский отряд во главе с подполковником Г.А. Колпаковским разбил значительные силы кокандцев. В 1862 г. против кокандского господства восстали чуйские кыргызы племени солто. Они убили наместника кокандского хана в Пишпекке и обратились за помощью к российским властям в укреплении Верном. В ноябре 1862 г. русский отряд под командованием подполковника Г.А. Колпаковского при поддержке местного населения вторично овладел кокандскими крепостями Токмак и Пишпек, которые были разрушены. На месте последней в 1864 г. было построено укрепление Пишпек. С занятием Пишпека, Токмака и переходом племени солто и значительной части племени сарыбагыш в подданство Российской империи население Чуйской долины вошло в состав России. В 1863 г. отряд российских войск захватил и разрушил кокандские укрепления Джумгал и Куртка на р. Нарыне. Одновременно восставшие кыргызы племени саяк разрушили кокандское укрепление Тогуз-Торо. Это привело к падению власти кокандцев над населением Центрального Тянь-Шаня. В состав России добровольно вошли кыргызы племен саяк и чирик, населявшие эти земли. В 1864 г. на оз. Иссык-Куль было возведено Аксуйское укрепление, и в этом же году 10 тыс. кибиток кыргызов долин Сусамыр и Кетмень-Тюбе приняли российское подданство, что завершило процесс присоединения северных кыргызов к России, на территории которой теперь проживало многочисленное кыргызское население. Это кыргызы ряда крупных (сарыбагыш, солто, бугу, черик, саруу, кушчу, чонбагыш) и немногочисленных (азык, басыз, тебей, жетиген, конурат, монолдор, суу-

мурун, жедигер, кытый¹³) племен, населявших Чуйскую долину, Иссык-Кульскую котловину и Центральный Тянь-Шань.

В конце 40-х — начале 50-х гг. продолжалось освоение юга Центральной Азии. В 1845 г. были построены Оренбургское (Иргизское) и Уральское (Тургайское) укрепления. В 1847 г. в устье р. Сырдарья было заложено Раимское (Аральское) укрепление, прикрывавшее южные кочевья казахов от набегов Хивы и Коканда. В верховьях р. Сырдарьи был заложен форт № 1 (укрепление Казалинск). В 1853 г. отрядом И.Ф. Бларамберга был возведен форт Перовский. Названные укрепления составили Сырдарьинскую линию, постройка которой призвана была способствовать стабилизации хозяйственной жизни в этом районе, развитию земледелия и торговли. В середине XIX в. границей казахских земель с ханствами южной Центральной Азии можно считать линию, которая шла по рекам Чу, Сырдарья и хребту Алатау.

§ 6. ИТОГИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ

Итоги присоединения казахских жузов в XVIII и XIX вв. имели как позитивные, так и негативные аспекты. Международные акты, пограничное размежевание, размещение на границе регулярных и казачьих войск приостановили агрессию со стороны Джунгарии, Цинской империи, Ирана, Коканда, Хивы, Бухары.

Присоединенные регионы имели разный административно-правовой статус. Устройство новых подданных зависело от времени и условий присоединения той или иной части казахских степей к России. Они не просто механически включались в российскую политико-административную систему. Некоторые административные территории совпадали с этническим размещением. Этот принцип сохранился и был закреплён реформами XVIII-XIX вв. для казахов, кыргызов, каракалпаков, туркмен и др. В практику общественно-политической жизни кочевых народов Востока вводилось выборное начало, что закреплялось в общероссийском законодательстве и судопроизводстве. Часть местной аристократии, родоплеменной знати была приравнена к служилому сословию согласно «Табели о рангах» 1722 г., получила за службу дворянское звание,

¹³ Джамгерчинов Б.Д. Присоединение Киргизии к России. М., 1959. С. 16, 17.

классные чины, жалованье, награды — медали и ордена, земельные владения.

Казахи в XVIII в. сохраняли свои родоплеменные земли на зимовках. Только в XIX в. они юридически были признаны собственностью Российской империи, но право пользования сохранялось за местным населением.

В казахских степях никогда не вводилось крепостничество. Реформы 1822—1824 гг. отменили систему патриархального рабовладения, разрешили всем местным жителям получать паспорта (на короткие и длительные сроки) и свободно перемещаться по России и за рубежом, зачисляться в купеческое, мещанское и казачье сословия. При этом в XIX в. в регионе не проводилось принудительной христианизации коренного населения.

Казахи, оказавшиеся на присоединенных к России территориях, были освобождены от службы в регулярной армии. Во время военных действий разрешался наем волонтерами в регулярную армию, чем население активно пользовалось, например в Отечественной войне 1812—1814 гг.

Российское законодательство не ограничивало прав казахов поступать на государственную службу. Однако отбор в государственный аппарат был чрезвычайно сложным, так как требовал сочетания европейского и восточного образования, знания не только родного, но и русского языков. Сохранялись традиционные, вводились общероссийские и смешанные формы образования. Использование местных языков имело место в ведомственной переписке, при подаче прошений в государственные учреждения, в юридической практике, при оглашении и публикации правительственных постановлений.

§ 7. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО У КАЗАХОВ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

На всем протяжении XVIII в. царское правительство мало вмешивалось в политическую организацию жизни кочевников. Между тем крестьянская война под предводительством Е. Пугачева в 1773—1775 гг., а потом восстание Срыма Датова в 80—90-х гг. XVIII в., охватившие часть казахов Младшего и Среднего жузов, показали слабость ханской власти, которая не могла обеспечить проведение политики в интересах российской власти. Первой попыт-

кой реорганизовать управление краем стала реформа 1785—1786 гг., разработанная бароном О. Игельстромом для казахов Оренбургского ведомства. Реформа сводилась к учреждению органов управления Степью в виде Оренбургского пограничного суда и расправ, в которые входили российские чиновники. Помимо этого, ставился вопрос об упразднении ханской власти в Младшем жузе. Однако преобразования встретили упорное сопротивление ханов, султанов и феодальной знати Младшего и Среднего жузов. В итоге работа Пограничного суда и управ, созданных в 1786 г., была сведена практически к нулю. Реформы барона О. Игельстрема не получили дальнейшего развития. Традиционная система управления казахскими жузами осталась без изменений.

К реорганизации управления краем царское правительство возвратилось в 1820-е гг. После смерти Букей-хана в 1817 г. в Букеевском ханстве и Вали-хана в 1821 г. в Среднем жузе новые ханы из султанов там больше не утверждались. Это было законодательно закреплено в соответствии с «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г.¹⁴

Устав был разработан М.М. Сперанским при активном участии будущего декабриста Г.С. Батенькова. В 1822 г. Сибирь была разделена на Западную и Восточную. В Западную Сибирь вошли Тобольская, Томская и Омская области. Омской области административно были подчинены земли Среднего жуза. Они получили название Области сибирских казахов. Эта область была разделена на внешние и внутренние округа, волости и аулы.

Образование округов, тесно связанных с органами пограничного управления, должно было содействовать гражданской и военной колонизации, закрепить казахские кочевые аулы на определенной территории, организовать новое политико-административное управление, что создало бы условия для завершения присоединения казахских жузов к России.

При организации округов за основу брались зимние кочевья, учитывалось родовое деление общества, т.е. сочетались родовой и территориальный признаки. Каждый округ получал определенную территорию. Чиновниками выдерживался принцип учета родорасселения, и округа включали обособленные султанские владения. Предполагалось, что родовые группы, входившие в состав султан-

¹⁴ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии в XVIII — 60-х гг. XIX в. М., 1980. С. 147—148.

ства, образуют волость, отделения и подотделения родов. Однако на деле количественный состав округов, волостей, аулов, предусмотренный «Уставом», не выдерживался. В начальный период мало внимания обращалось на равномерность распределения населения и территории между организуемыми административными единицами. Большие сложности встретились при создании волостей, в которых часто не удавалось соблюдать родовой признак.

С 1824 по 1844 г. было образовано 8 округов. В 1833—1834 гг. открыты Аман-Карагайский и Уч-Булакский округ, но в середине XIX в. их упразднили, а их волости передали Акмолинскому и Кокчетавскому округам. Баянаульский округ был фактически создан в 1826 г., а официально утвержден в 1833 г. На месте Кушмурунского округа в 40-е гг. был образован Атбасарский, а Аягузский округ переименован в Сергиопольский. В 40—50-х годах возникли Кокпектинский и Алатауский округа. Помимо Среднего, они охватили также значительную часть Старшего жуза.

Округа подчинялись Омскому областному правлению — высшему административному органу в степи. Был введен коллективный порядок его деятельности. Во главе округов стояли окружные приказы, куда входили председатель (старший султан) и заседатели — два российских заседателя по назначению и два из числа казахов по выбору. При рассмотрении в приказе основных вопросов правом участия пользовался также командир казачьего отряда, расквартированного при ставке старшего султана. Формально управлял округом старший султан. Он должен был заботиться о распространении просвещения среди населения, способствовать развитию хозяйства, искоренять грабежи и угон скота (*баранта*), в случае нарушений и злоупотреблений вести суд и следствие, а во время волнений в степи организовывать разъезды и пикеты (но только с полицейскими полномочиями). Коллегиальный порядок рассмотрения вопросов в приказе давал возможность царской администрации ограничивать власть старшего султана и проводить через него собственные решения.

Старший султан избирался только из числа султанов и самими султанами, которые принадлежали к числу потомков Чингис-хана. Он имел чин майора российской службы (чин VIII класса) и считался чиновником, поставленным во главе местного правления. За девятилетнюю службу старший султан получал потомственное дворянское звание. В случае отставки или срочной смены он оставался в числе почетных султанов.

Окружной приказ должен был собирать сведения для местной администрации о народонаселении, о землях, занимаемых волостями и аулами и обо всех транзитных торговых караванах. Окружной приказ подчинялся областному правлению.

В волостном и аульном звеньях управления коллегиальность не соблюдалась. Во главе волостей стояли волостные султаны. Их звание было наследственным и передавалось по прямой нисходящей линии и по праву первородства. Общество могло производить их пере выборы, но только с согласия Омского областного правления. Если султан не имел наследника, его место мог занять брат или родственник, по выбору власти и с утверждением областным правлением. Султаны, не управлявшие волостями, звание свое сохраняли, но в дела управления вмешиваться не имели права. Волостные султаны считались чиновниками XII класса и пользовались правами волостного головы. Они подчинялись окружному приказу, и их власть фактически имела характер исполнительной: выполнение приказов и постановлений окружного приказа и исполнение судебных приговоров.

Аульные старшины избирались казахами (султаны в выборах не участвовали) каждые три года и утверждались в должностях окружным приказом. Отменить выборы могло лишь областное начальство. По объему прав старшины приравнивались к сельским головам в центре России, подчинялись волостным султанам, исполняли их приказания и были обязаны представлять им сведения о своем ауле.

«Устав» 1822 г. впервые ввел в степи выборную систему. Трудности в управлении огромной территорией Области сибирских казахов с кочевым и полукочевым населением, малочисленность русской администрации заставили царское правительство прибегнуть к помощи избираемых из местного населения лиц. Контроль над процессом выборов находился в руках местной администрации. Обычно на место баллотировались кандидатуры от нескольких кочевых групп, но порядок утверждения в должности Омским областным правлением делал выборы формальными. Традиционное право наследства и пожизненная несменяемость волостных начальников также сводили выборы на нет.

Постепенно царское правительство стало ущемлять права султанов на главенство в аппарате местного управления, вовлекая в этот аппарат старшин-родоправителей. Закон иногда нарушался даже при выборе старших султанов. Но еще проще дело обстояло с

выборами волостных султанов: при открытии округов число волостных управителей султанов и не султанов было почти равным. Со временем число должностных лиц несултанского происхождения росло. Правительство, приступая к постепенной ликвидации прав и привилегий казахской аристократии — султанов, стремилось постепенно уравнивать их в правах с рядовыми кочевниками с последующим причислением казахов к сословиям государственных крестьян, мещан и купечества.

«Устав» положил начало ограничению прав суда биев, постепенной замене его общеимперским судом, что усиливало контроль царской администрации над казахским населением. Суд не был отделен от администрации. Органы местной власти наделялись и полицейскими функциями. Они производили розыск, следствие и задержание лиц, обвиненных в совершении преступлений.

По «Уставу» 1822 г. все судебные дела делились на три категории: а) уголовные, б) исковые, в) по жалобам на управление. К уголовным делам относились: государственная измена, убийство, грабежи, угон скота и «явное неповиновение установленной власти». Все остальные формы правонарушений, в том числе кража скота, считались исковыми. Уголовные дела рассматривались в окружных приказах на основании общих законов империи. Предварительное следствие проводилось одним из российских чиновников с участием казахского бия, назначенного властями. В течение первых лет после организации округов официально дела о баранте, в виде исключения, разбирались биями под контролем чиновников из окружного приказа.

Несколько иначе было организовано управление западной частью казахских степей. В 1822 г. оренбургским генерал-губернатором П.К. Эссенем был разработан проект «Устава об оренбургских киргизах», который был принят Азиатским комитетом, центральным органом, координирующим восточную политику империи, только в 1824 г. и после «высочайшего утверждения» получил название «Мнение об оренбургских киргизах». В том же году было решено ликвидировать ханскую власть в Младшем жузе. Он был разделен на три части во главе с султанами-правителями. В Восточной части основное ядро населения составили выходцы из поколения алимулы, шомекей, кипчак. Средняя часть формировалась из поколения жетыру и отчасти алимулы. В состав Западной вошло поколение байулы. Разделение жуза было проведено в зависимости

от расселения родов и степени влияния в них султанов-правителей, поэтому части получились неравномерными как по территории, так и по количеству населения. Султаны-правители являлись фактически чиновниками Оренбургской пограничной комиссии. При Пограничной комиссии не были организованы приказы. С усилением власти султанов-правителей уменьшилось значение не состоявших на государственной службе султанов, что ослабляло власть казахской аристократии. В состав Пограничной комиссии входили председатель, четыре советника, четыре заседателя из состоятельных казахов. Обязанностями Пограничной комиссии являлось сохранение порядка в степи, наблюдение за действиями местных казахских чиновников, сбор налогов, судебные дела, курирование медицинской части. Таким образом, Пограничная комиссия объединяла в себе функции губернского правления.

В состав местной администрации входили султаны-правители частей жуза, начальники дистанций и местностей. Султаны-правители назначались оренбургским военным губернатором, все остальные чины — Пограничной комиссией. При каждом султано-правителе находилась военная команда в 100—200 человек. Их ставки располагались в казахских станицах и укреплениях. Высшие должности всегда занимали только султаны. В Западной и Средней частях правили потомки ханов Абулхайра и Каипа. Султаны-правители имели помощников, первое время также из султанов. Они были обязаны исполнять поручения султанов-правителей и пограничного начальства, следить за «спокойствием», разбирать ссоры по мелким делам, задерживать и доставлять «злодеев» к ближайшему линейному начальнику, а по уголовным делам — в Пограничную комиссию.

До 1831 г. казахи трех названных частей делились условно на близлинейных и степных. После 1831 г. среди населения, примыкавшего своими кочевьями к пограничной полосе, организуются административные участки-дистанции (участки между двумя крепостями). Внутри них выделялись более мелкие единицы управления — старшинства (местности или аулы), располагавшиеся возле каждого форпоста и отряда. Дистанционное устройство впоследствии распространилось и на степные аулы. В 1839 г. такое деление было введено у кочевников, располагавшихся вдоль Новой линии. В начале 40-х годов дистанционная система охватила часть родов в районе Ново-Александровского укрепления. К середине XIX в.

было открыто 54 дистанции. Они создавались на основе территориального распределения населения.

Исчерпывающее объяснение причин создания дистанций дано в записке управляющего Оренбургской пограничной комиссии генерала М.В. Ладыженского в 1846 г. Из нее следует, что российское правительство считало преждевременной постройку укреплений в глубине Степи, а назначение начальников дистанций оно рассматривало как временную меру. Это позволяло оренбургской администрации контролировать положение в Казахской степи, регулировать ежегодный сбор кибиточной подати.

Дистанционная система в Младшем жузе просуществовала с 1831 по 1868 г. За 37 лет менялось количество дистанций и отделений, их масштабы, размещение в них родов, а также численность населения.

Организация дистанций и административных аулов ограничила, но не ликвидировала полностью власть прежних родовых начальников. Не всегда роды могли иметь родоправителя, но почти в каждом отделении и подотделении были возглавлявшие его бии и старшины. Часть из них при организации дистанций и старшинств получила официальные должности, а часть продолжала оставаться на положении родовых начальников. По данным Оренбургской пограничной комиссии, на 241 официального родового начальника приходилось 107 неофициальных. Сюда не входили многочисленные старейшины хозяйственных аулов, поскольку они подчинялись старшинам отделений и подотделений родов. Все должностные лица в Младшем жузе от аульного старшины до султана-правителя назначались оренбургским генерал-губернатором. Выборная система здесь отсутствовала.

§ 8. ВОССТАНИЕ КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВА

Политико-административные реформы в казахской степи ликвидировали ханскую власть, нанесли ущерб интересам тех султанов, которые были отстранены от управления. Оппозиционно настроенная часть кочевой знати и султанов составила впоследствии основную социальную базу антироссийских выступлений. Недовольные влиянием сильного централизованного Русского государства, султаны искали возможность принять покровительство более слабых центраальноазиатских ханств.

После смерти хана Айчувака (1797—1805) преемником стал его сын Джанторе (1805—1809). Престол у него оспаривал потомок хана Нуралы султан Каратай. Но российское правительство последовательно пресекало все попытки влиятельных родов закрепиться на ханском престоле. Во главе групп знати Каратай не раз выступал за сохранение своих привилегий. Его отряды совершали набеги на неповиновавшиеся ему казахские аулы, нападали на торговые караваны. Каратай убил хана Джанторе, но добиться своих целей не смог. Царское правительство отказалось утвердить его ханом, признав преемником Джанторе — Ширгазы, сына хана Айчувака.

Со второй четверти XIX в. оренбургские губернаторы проводили курс на усиление роли пограничных властей, внедрение военных судов и общеимперских законов; возрастала роль карательных отрядов. Если в Среднем жузе сибирская администрация иногда и шла на компромиссы, то оренбургская проводила в Младшем жузе более жесткий курс. В 1840 г. В.А. Перовскому было разрешено предавать казахов военному суду и утверждать приговоры в случае «бунта и склонения других к возмущению».

Движение, возглавляемое Кенесары Касымовым, началось на территории Среднего жуза. Будучи потомком ханов Аблая и Вали, он считал, что ханское звание в Среднем жузе должно принадлежать только ему. Еще в 1824 г. отец Кенесары Касым и его старший брат Саржан начали набеги на русские поселения и караваны, нападали и на казахские аулы, не желавшие им подчиниться.

Социальную базу движения Кенесары Касымова составляли недовольные политико-административной реформой султаны-чингисиды, ядро войск — его ближайшие родственники: братья и племянники. Основной военной силой были батыры со своими дружинами.

В 1837 г. Касымовы снова появились на своих старых кочевках в пределах гор Улутау, Кокуе, по рекам Джиланчику и Тургаю в Среднем жузе (до этого они откочевывали в пределы Кокандского ханства). В ноябре 1837 г. Кенесары Касымов произвел первое вооруженное нападение на отряд казаков Актауского укрепления, сопровождавший вышедший из Петропавловской крепости караван. В мае 1838 г. султан Кенесары напал на Акмолинский приказ и сжег его. Это вызвало ответные репрессии со стороны власти, и Кенесары со своими сторонниками откочевал в район реки Тургая на территории Младшего жуза.

К весне 1839 г. Кенесары контролировал торговые пути, идущие от Сибирской линии и Троицка в Ташкент. Взямая пошлины с караванов, он получал дополнительные источники доходов для своих отрядов. Посылка карательных экспедиций в Степь вынудила Кенесары и его приверженцев откочевать в Каракумы. Нехватка пастбищ и падеж скота послужили причиной того, что многие казахские роды отложились от Кенесары, и в его распоряжении осталось не более тысячи сторонников.

Регулярные военные экспедиции сибирских отрядов против Кенесары заставили его отряды откочевать летом 1840 г. ближе к пределам Кокандского ханства, где в начале лета был убит его отец Касым. Череда неудач заставила султана Кенесары осенью 1840 г. обратиться к царским властям с просьбой об амнистии. Оренбургский губернатор В.А. Перовский выступил в роли покровителя султана Кенесары, убедив весной 1841 г. Петербург даровать ему прощение.

В 1841 г. на сборе родовой знати и султанов Кенесары был провозглашен ханом. С этого времени особенно сильно проявились деспотизм и жестокость Кенесары и его есаулов. Внутри края он поощрял междоусобицы и баранту; восстановил суд биев, которые разбирали дела по нормам шариата. Для скотоводческих районов он сохранил налог *зякет*, а для земледельческих — *ушур*. Кроме того, существовали особый поаульный налог и многочисленные особые сборы в виде подарков и подношений. Есаулы и сборщики налогов (*зякетчи*) Кенесары насильственно отбирали скот и имущество у населения, что вызывало возмущение народа. Так, в 1844 г. во время сбора зякета произошло крупное столкновение есаулов с родом жаппас. Недовольные жестокими поборами казахи низовьев Сырдарьи напали на стоянку султана Наурызбая (брата Кенесары), вырезали 95 есаулов и заставили бежать самого Наурызбая. Кенесары жестоко расправился с жаппасовцами, разграбив сотни аулов.

Став ханом, Кенесары действовал на подчиненной ему территории как неограниченный властелин, карая смертью заслушание. Не добившись признания ханом со стороны России, он прекратил торговые связи с ней, нападая на укрепленные линии. Тактика борьбы Касымова была рассчитана на внезапную атаку и быстрое отступление. Военным силам пришлось вести против Кенесары и его сторонников длительную борьбу, поскольку его дружины в условиях степных просторов были почти неуловимы. Же-

лая освободить находящихся в плену приверженцев и родственников, в сентябре 1844 г. Кенесары идет на новые переговоры с Оренбургом.

В феврале 1845 г. к нему в ставку было направлено царское посольство Долгова, а несколько позже — посольство во главе с офицером Генерального штаба Герном. Долгову было поручено привлечь Касымова на имперскую службу, предоставив в его распоряжение определенную территорию для пользования.

Однако посольства не имели успеха. Из привезенных Долговым писем Кенесары понял, что вопрос о возврате ему наследственных кочевий не получил решения. Султан отказался принести присягу на верность русскому правительству. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что Кенесары не хотел окончательно разрывать отношений с Хивой и Бухарой.

В 1845 г. император Николай I предписал действовать по отношению к султану Кенесары «не прибегая к оружию», но возвести два укрепления на Иргизе и Тургае, оказывавшихся в центре кочевий Касымова. Еще до постройки укреплений султан обращался к хивинскому хану о предоставлении ему «удобных мест для кочевания». Хан согласился, но при условии принятия подданства Хивы. Это не совпадало с планами мятежного султана.

Осенью 1845 г. против Касымова были двинуты военные силы султанов-правителей, и ему пришлось откочевать из Тургайских степей в район рек Сарысу и Чу. Одновременно Кенесары начал усиленную агитацию среди казахских родов Среднего и Младшего жузов, призывая присоединиться к нему, обещая отдать им земли, отвоеванные у Кокандского ханства. Кенесары начал войну с Кокандом. Ему удалось завоевать три кокандские крепости по Сырдарье — Джулек, Яны-Курган и Турсунбай. Вспышка холеры вынудила снять осаду с крепости Ак-Мечеть и уйти на р. Сарысу. Это было время наибольшего влияния Кенесары Касымова в Степи.

В начале 1846 г. Кенесары откочевал в пределы Старшего жуза, а после поражения, нанесенного ему кыргызами той же весной, ушел в Каратау. Вытесненный с территорий Младшего и Среднего жузов в сентябре 1846 г., он занял труднодоступный полуостров Камал в устье р. Или, откуда совершал набеги на кыргызов и на аулы принявших российское подданство казахских родов Старшего жуза — это сильно ослабило его позиции в Семиречье.

В 1847 г. Кенесары начал новые военные походы на кыргызов, которые оказали ему ожесточенное сопротивление. В одном из боев

он был захвачен в плен и казнен¹⁵. Восстание Кенесары Касымова оказало существенное влияние на ход дальнейшей политики российской власти в Центральной Азии, что способствовало форсированному продвижению России дальше на юг.

§ 9. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ 30—60-х гг. XIX в.

В 30—50-х гг. XIX в. были приняты новые законы: «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами» от 6 апреля 1838 г., «Положение Сибирского комитета о распространении на киргизов сибирского ведомства общих законов Российской империи» от 19 мая 1854 г., «Положение Сибирского комитета о порядке избрания старших султанов в Киргизской степи» от 23 февраля 1855 г., «Положение Сибирского комитета о назначении кандидатов на должности старших султанов во всех внешних округах Киргизской степи» от 1 октября 1856 г.

По распоряжению Комитета министров в 1838 г. Омская область была упразднена. Омск включили в Тобольскую губернию, Петропавловск — в Ишимский уезд этой губернии, а города Семипалатинск и Усть-Каменогорск присоединили к Бийскому уезду Томской губернии. Более мелкие селения распределили между уездами этих губерний. Для общего руководства сибирскими казахами было создано Пограничное управление.

Во главе областей были поставлены пограничный начальник, председатель Пограничного управления и четыре советника, из них один чиновник в чине коллежского асессора (чин VIII класса) из состоятельных казахов. Пограничный начальник и председатель Пограничного управления назначались и увольнялись правительственными указами. Пограничный начальник подчинялся генерал-губернатору Западной Сибири, в его руках была сосредоточена власть гражданского губернатора и дивизионного начальника для местных войск. Он имел право на переговоры с соседними государствами по пограничным делам, но решения согласовывал с генерал-губернатором, а тот — с Министерством иностранных дел.

¹⁵ Подробнее см.: История Казахской ССР: В 5 т. Алма-Ата. 1979. Т. I. С. 156—174; Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20—40-е гг. XIX в. Алма-Ата, 1947. С. 223—273.

Управление сибирскими казахами пограничный начальник вел через Пограничное управление. Все его советники, а также чиновник для особых поручений и секретарь назначались и увольнялись генерал-губернатором. В «Положении» 1838 г. много внимания уделялось центральному управлению Областью сибирских казахов. Старшие султаны, как и прежде, избирались на три года, но утверждались теперь не Омским областным начальником, а генерал-губернатором Западной Сибири.

Одной из особенностей организации местной власти в западных районах казахской степи, где находились кочевья Младшего жуза, было наличие попечителя прилинейных казахов. Эту должность занимали только царские чиновники. Официально она вводилась для «покровительства» казахам в их связях с прилинейными жителями. В действительности попечители проводили политику царизма в крае, выполняли различные поручения Пограничной комиссии, принимали участие в управлении казахским населением. Таким образом, в первой половине XIX в. в Младшем жузе практиковалась так называемая «система попечительного абсолютизма». Вся линия была разделена на 6 попечительств: Гурьевское, Уральское, Оренбургское, Орское, Троицкое, Михайловское.

Одновременно с принятием «Положения» 1838 г. проводилась в жизнь реформа П.Д. Киселева, в результате которой был создан широко разветвленный аппарат по управлению государственными крестьянами. П.Д. Киселев стремился подчинить хозяйство государственных крестьян системе правительственной опеки. Попечительский абсолютизм — система усиления надзора, стремление вмешиваться в детали управления — характерен для царствования Николая I. Распространением на казахов порядков, установленных для государственных крестьян, правительство как бы стремилось уравнивать эти две группы населения.

Большие изменения наметились в судебной системе. Все крупные дела перешли в ведение военных судов или Пограничной комиссии. Только незначительные преступления могли разбираться по народным обычаям. Царская администрация стремилась превратить органы местной власти, в том числе и суды биев, в карательно-полицейские органы. Им были предоставлены полномочия заключать под стражу, наказывать розгами, ссылая в Сибирь на поселение.

В 30—40-х гг. XIX в. усилилась роль военных судов, а также власть военных и областных начальников. Все заподозренные в

нелояльности к империи и участия в «бунтах» приговаривались к смерти, ссылались в Сибирь, направлялись на принудительные работы. С 1842 г. дела казахов об убийствах, грабежах и баранте в обязательном порядке рассматривались военными судами.

Исковые, в отличие от уголовных, дела разбирались биями в аулах и волостях на основании местных действующих обычаев. Решение суда биев вступало в силу, если не поступало жалоб от сторон в областное управление или в окружной приказ, которые имели право пересмотра решений биев. Суды биев подразделялись на инстанции: родовые, подродовые, аульные. Связь бийских судов с официальными органами власти и надзор за их деятельностью со стороны последних привели к фактическому их слиянию. Серьезные злоупотребления рассматривались областным судом.

В 1844 г. происходила дальнейшая реорганизация управления казахами Оренбургского ведомства. Она получила юридическое оформление в виде «Положения об управлении Оренбургскими киргизами». Согласно ему администрирование делилось на «общее» и «частное». Общее осуществляла Оренбургская пограничная комиссия, а частное — султаны-правители, начальники дистанции и аульные родовые старшины. Все они подчинялись оренбургскому военному губернатору.

Вводились повинности, оплачиваемые коренным населением: плакатный сбор за билеты, выдаваемые казахам, нанимавшимся у линейных и внутренних жителей в работники и находившимся вне степи, сбор штрафных денег за просрочку билетов и др.

В начале 50-х гг. появился новый вариант «Положения» для Оренбургской степи, однако обсуждение проекта затянулось и «Положение» 1844 г. просуществовало без изменений до 1868 г.

В начале XIX в. султаны были наиболее сильной в экономическом и наиболее организованной в политическом отношении элитарной группой в Степи, и русское правительство опиралось на них при проведении своей политики. Однако в дальнейшем, в первой четверти XIX в., опасаясь, что лишение наследственных прав султанов может привести к волнениям, правительство передало им административную власть только в среднем звене управления, оставив за собой верховную власть и управление в областях. Но уже во второй четверти XIX в. экономическое и политическое влияние султанов стало уменьшаться, поскольку перестройка аппарата управления казахской степью была направлена на ограничение ро-

довых прав султанов, на превращение их в служилых российских чиновников.

В первой половине XIX в. были ограничены права и родовой знати — биев, старшин, правителей родов. Администрация поставила их под свой контроль. Введение российского судопроизводства подрывало влияние суда биев, так как часть особо важных дел была изъята из ведения местных судов.

В связи с падением влияния института султаната к середине XIX в. падало и значение батыров. Стабилизация политической обстановки в жузах вела к отмиранию этой социальной категории. Батыры сохранили влияние лишь в пограничных районах казахских жузов, где еще не прекратились межродовая баранта и столкновения с хивинскими, кокандскими и бухарскими отрядами.

По этим же причинам изживает себя и институт тюленгутов. Султаны, лишившись власти, перестали нуждаться в тюленгутах-дружинниках, тюленгутах — сборщиках налогов, и те постепенно слились с основной массой кочевников. Часть из них создала самостоятельные родовые отделения во Внутренней орде и Среднем жузе. Незначительное число тюленгутов осталось в качестве прислуги в султанских семьях. К 1860-м гг. система управления казахами в составе Российской империи оставалась самостоятельной для Младшего и Среднего жузов. Старший жуз в это время находился частично под властью Коканда и Хивы, частично оставался независимым.

В 1860-е гг. в правительстве России обсуждался вопрос о реорганизации администрирования казахских земель в духе Великих реформ или же сохранении управления на прежних началах. Для его решения в 1865 г. были созданы Особый комитет и Особая комиссия по ревизии управления краем. По их мнению, к 1867 г. следовало реорганизовать систему в соответствии с новыми преобразованиями в империи. Во-первых, предлагалось ввести единую систему управления казахами Младшего и Среднего жузов. Во-вторых, требовалось приблизить нормы управления к требованиям для внутренних губерний империи с целью дальнейшего слияния территорий кочевников с Российским государством. Такая административная система вводилась в виде эксперимента временно. Юридически это закреплялось «Временным Положением об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями» 1867 г. и «Временным Положением об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей» 1868 г.

Вся территория Центральной Азии в составе Российской империи была разделена в 1867—1868 гг. на области, подчиненные в административном, военном, судебном и хозяйственном ведении трем генерал-губернаторствам — Оренбургскому, Западносибирскому и Туркестанскому. Вновь образованные Уральская и Тургайская области на землях Младшего жуза подчинялись Оренбургскому генерал-губернатору. Семипалатинская и Акмолинская области на землях Среднего жуза — Западносибирскому генерал-губернатору. Семиреченская и Сырдарьинская области на землях Старшего жуза — Туркестанскому генерал-губернатору, земли Букеевского ханства (Внутренней орды) — Астраханскому губернатору.

Управление областями для казахов делилось на областное, уездное, волостное и аульное. Область в административном плане фактически приравнивалась к российской внутренней губернии, уезд — к уезду, волость — к волости, аул — к деревне. Управление областью вверялось военному губернатору и подчиненному ему областному правлению, уезд — уездному начальнику, волость — волостному управителю, аул — аульному старшине. В ауле полагалось по 100—200 кибиток, в волости — 1000—2000 кибиток. Волостные управители и аульные старшины избирались на три года. Кибиточный сбор с кочевников был повышен с 1 руб. 50 коп. до 3 руб. в год.

Отдельное управление было установлено для казаков Уральско-го и Сибирского казачьих войск на территориях Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Однако в военной и административной сферах они подчинялись военным губернаторам областей.

Управление казахами Старшего жуза в составе Туркестанского генерал-губернаторства основывалось на началах Положения 1867 г. по управлению этой частью Российского государства. Руководство казахским населением Букеевского ханства опиралось в своей деятельности на нормы Астраханского губернаторства.

Система администрирования 1867—1868 гг. сохранялась без изменений до начала 1880-х гг., когда преобразования управления регионом были продолжены.

Глава 4

ЗАВОЕВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (вторая половина XIX — начало XX в.)

Российско-британское соперничество в Центральной Азии — Споры о необходимости завоевания Центральной Азии — Дипломатическая активность России в Центральной Азии в 1810—1820-е гг. — Дипломатическая и военная активность России в Центральной Азии в 1830—1850-е гг. — Завоевания России в Центральной Азии в 1860—1870-е гг. — Российские завоевания в Центральной Азии в 1880-е гг. — Проблема государства Йэйтишаар и «Илийский кризис» — Афганистан в российско-британских отношениях и «Памирское разграничение».

К середине XIX в. на территории Центральной Азии существовало три достаточно крупных, но экономически отсталых государства — Кокандское и Хивинское ханства, Бухарский эмират. Непрерывная борьба между этими государствами, перманентная внутренняя нестабильность и слабая военная организация делали Коканд, Хиву и Бухару удобными объектами колониальной политики великих держав, прежде всего Российской и Британской империй, чьи непосредственные владения и сферы влияния к этому времени вплотную подошли к рубежам Центральной Азии.

С самого начала XIX в. правящие и коммерческие круги России стали серьезно рассматривать Центральную Азию как перспективный с точки зрения торгово-экономических интересов регион. К середине XIX в., а в еще большей степени в пореформенной России, развитие капитализма, рост промышленности требовали

расширения внешней торговли, поиска новых рынков сбыта промышленных товаров и источников сырья. Несмотря на то что к середине XIX в. торговля с центральноазиатскими ханствами составляла всего лишь 5—7 % общего внешнеторгового оборота России, отечественные предприниматели, вдохновляемые успехами англичан в Индии, требовали от правительства способствовать расширению торгово-экономических связей со странами Востока. Центральная Азия рассматривалась в России не только как сфера непосредственного приложения российского капитала, но и как важная транзитная территория для расширения торговли с другими странами Востока — с Персией, Индией и Китаем. Таким образом, в интересах России было укрепление своего экономического влияния в Центральной Азии и обеспечение безопасности коммерческого транзита через территорию региона, чего можно было достичь только в условиях активной государственной политики в отношении центральноазиатских ханств.

Кроме того, на фоне событий Крымской войны Центральная Азия превратилась в фактор огромной политической и стратегической важности. Рост влияния России на этих территориях способствовал бы восстановлению престижа страны в Европе и возвращению ей статуса великой державы. Россия прежде всего рассчитывала найти здесь постоянное и универсальное средство воздействия на английскую внешнюю политику. Великобритания должна была считаться с тем, что к северным границам ее владений в Индии выходит мощная держава с огромной сухопутной армией. По мнению Петербурга, активная политика в Центральной Азии могла держать Британию в постоянном напряжении, делая тем самым английское правительство более уступчивым и сговорчивым при решении европейских дел, «восточного вопроса», в частности процесса отмены режима нейтрализации Черного моря.

§ 1. РОССИЙСКО-БРИТАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

История соперничества России и Великобритании в Центральной Азии восходит к рубежу XVIII—XIX вв., когда сначала Павел I готовил свой Индийский поход, а затем и Александр I в Тильзите обсуждал с Наполеоном планы военно-дипломатического союза России и Франции против Британии, в том числе по захвату ее колоний в Азии.

Первая четверть XIX в. ознаменовалась интенсивным проникновением английских эмиссаров в центральноазиатские ханства с целью подготовки почвы для превращения региона в сферу британского влияния. В качестве примеров можно привести миссию британского агента Мир Иззет-Уллы и капитана Хирсея в Бухару и Коканд, а также поездку в Бухару английского эмиссара В. Муркрофта. Россия в это время проводила в Центральной Азии аналогичную политику.

В первой четверти XIX в. намечались лишь слабые очертания англо-русского противоборства в рассматриваемом регионе. Однако уже в 30—40-е гг. XIX в. соперничество России и Великобритании стало весьма серьезным. Активно распространялись слухи о возможном русском вторжении в Индию, в результате которого Центральная Азия сможет сыграть для России роль передового плацдарма. Однако это соперничество проходило за явным преимуществом Британской империи. Более развитый английский капитализм успешно проникал и завоевывал господствующее положение не только на индийском рынке, но и на рынках Центральной Азии. Британские агенты успешно действовали в Бухаре, Хиве и Коканде, в то время как поход генерала В.А. Перовского на Хиву в 1839 г. потерпел фиаско.

Перелом в российско-британском соперничестве в центрально-азиатском регионе произошел в начале второй половины XIX в., когда, с одной стороны, Россия и Великобритания в ходе Крымской войны оказались в условиях военного столкновения, а с другой — Российская империя стала проводить здесь открытую завоевательную политику. Так, один из участников военных действий в Центральной Азии, генерал-майор А.Э. Циммерман писал в 1861 г.: «...Приобретая преобладающее влияние в Средней Азии, мы тем самым приближаемся к пределам английских владений в Индии и, в случае войны с Англией, сможем угрожать ей со стороны, самой для нее чувствительной...»¹ Более того, после начала Крымской войны многие российские государственные и общественные деятели, предлагая проекты широкой экспансии Российской империи в Азии, делали упор на вопрос о походе в Индию с целью ослабления позиций Великобритании на Востоке. Однако все проекты «завоевания Индии» были отвергнуты Военным министерством.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 9. Л. 34—35.

Приближение южных границ Российской империи к пределам сферы влияния Британии в 50—60-е гг. XIX в. вызывало все большее недовольство и опасения английской общественности. В 1864 г. император Александр II, опасаясь негативной реакции Лондона, даже был вынужден издать указ о приостановке военных действий против Коканда. 21 ноября 1864 г. канцлер А.М. Горчаков выступил с официальным заявлением, в котором говорилось, что политика России в Центральной Азии направлена на обеспечение «известного перевеса» над центральноазиатскими ханствами с целью «оградить себя от набегов и грабежей». Пограничное иноверческое население после вхождения в состав России начало подвергаться «набегам более отдаленных племен», и это, по словам Горчакова, привело к необходимости «более далеких, более дорогих повторных экспедиций против врага». Оправдывая в своей ноте действия России, дипломат указал, что подобную политику были вынуждены проводить Северо-Американские Соединенные Штаты по отношению к коренному населению континента, Франция в Алжире, Голландия в своих колониях, Англия в Индии. Кроме того, обосновывая необходимость российских завоеваний, канцлер отметил внутреннюю нестабильность в ханствах, не позволяющую России установить с ними прочные отношения и решать взаимные проблемы путем систематических переговоров. Именно это, по словам Горчакова, подтолкнуло Россию в Центральной Азии «на бесконечный путь завоеваний и аннексий»².

В начале 1869 г. министр иностранных дел Великобритании Д. Кларендон вновь потребовал от России разъяснений сущности ее центральноазиатской политики, на что Горчаков вновь был вынужден заявить об отсутствии угрозы со стороны России британским интересам в Азии. В заявлении канцлера отмечалось, в частности, что Россия не намерена уничтожить государственность Бухары и Хивы.

К этому времени в серьезность слухов о российском вторжении в индийские владения Великобритании уже никто из британских внешнеполитических стратегов не верил. Тем не менее каждый шаг России в Центральной Азии вызывал ответные действия Британии в Северной Индии или Афганистане, призванные компенсировать усиление России. Последний всплеск русско-английского дипло-

² См.: Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алматы, 1998. С. 126—128.

матического противоборства в этом регионе приходится на рубеж 70—80-х гг. XIX в. Связан он с возникновением вопроса о Мервском оазисе, который к этому времени оставался фактически последней центральноазиатской сферой политического влияния англичан. С падением Мерва в 1884 г. Центральная Азия окончательно ускользнула из рук Британской империи. Тем самым российские и британские сферы влияния практически сомкнулись.

§ 2. СПОРЫ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАВОЕВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

При рассмотрении центральноазиатского вектора российской колониальной политики теоретически важным представляется вопрос о наличии или отсутствии единой правительственной концепции внешней политики в рассматриваемом регионе. Необходимо подчеркнуть, что в правительственных кругах главными оппонентами в этих спорах выступали Военное министерство, с одной стороны, и Министерство иностранных дел с Министерством финансов — с другой. Нельзя сказать, что российская дипломатия, в частности канцлер Горчаков, были противниками активной колониальной политики. Скорее, российские дипломаты просто опасались негативной реакции все той же Британии на начало широкомасштабных военных действий в регионе. У министра же финансов М.Х. Рейтерна были свои аргументы. По его мнению, завоевание Центральной Азии должно было повлечь за собой серьезные финансовые издержки и не могло принести доходов казне в будущем. В 1862 г. он, в частности, писал генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю, что «стремиться к дальнейшим завоеваниям вместо того, чтобы развивать уже имеющиеся средства, то же, что отказываться от существенного и гоняться за призраками»³.

Между тем Военное министерство, российский генералитет и местные сибирские и оренбургские власти имели свой взгляд на политику России в Центральной Азии. После того как генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев в 1858 г. присоединил к России Приамурье, его западносибирским и оренбургским коллегами овладела жажда завоеваний и славы. Известно, что, узнав о присвоении Муравьеву титула графа Амурского, генерал-губерна-

³ Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 7. С. 415.

тор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд стал лелеять мечту об украшении своего рода титулом графа Заилийского. В стремлении прославиться генералы фактически перестали реагировать на распоряжения центральных властей, пускаясь в военные авантюры на свой страх и риск, рассчитывая на то, что победителей не судят.

В 1858 г. оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин выступил с предложением о завоевании Коканда, Туркестана и Ташкента. Эта идея не встретила поддержки в правительстве, прежде всего в МИДе. Пассивная позиция МИДа начиная с середины XIX в. постоянно подвергалась критике русской прессы. Кампанию за включение Центральной Азии в состав России развернули такие консервативно-патриотические издания, как «Русский инвалид», «Военный журнал», «Русский вестник» и «Северная пчела». По мнению корреспондентов этих печатных органов, новая территория являлась перспективным и выгодным рынком сбыта для российских товаров и источником сырья, особенно для текстильной промышленности. За активизацию политики России в Центральной Азии во второй половине XIX в. выступали и относительно либеральные издания, такие, например, как «Современник».

После поражения России в Крымской войне правительство, обеспокоенное ухудшением внешнеполитического положения страны, рекомендовало местным властям улаживать спорные вопросы с центральноазиатскими государствами мирным путем. Однако, несмотря на мнение правительства, с одобрения западно-сибирского губернатора Гасфорда сибирское казачество начало строительство военных укреплений в Семиречье. Одновременно оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский по собственной инициативе захватил несколько кокандских укреплений и построил новые в низовьях р. Сырдарьи. Хрестоматийным примером игнорирования позиции Петербурга являются действия генерала М.Г. Черняева, который, вопреки указу императора Александра II о приостановке наступления в Центральной Азии, отдал приказ о штурме Ташкента. Как известно, генерал Черняев в итоге был отозван с поста. Однако пришедший вскоре на его место К.П. фон Кауфман продолжил завоевательную политику.

Так или иначе, в настоящее время вряд ли представляется возможным однозначно ответить на вопрос, явилось ли завоевание Центральной Азии самодеятельностью русских генералов или это была дипломатически завуалированная политика российского правительства. Но все же заслуживает внимания тот факт, что, несмот-

ря на заявления МИДа и миролюбивый пафос правительственных кругов в Петербурге, Российская империя в итоге не уступила никому (факты возвращения Китаю Илийского края и передачи Бухаре части правобережья Амударьи в 1873 г. — особые случаи) ни пяди завоеванных центральноазиатских земель.

§ 3. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1810—1820-е гг.

Последствием континентальной блокады, Отечественной войны 1812 г. и установления послевоенной европейской системы протекционизма явилась относительная торгово-экономическая переориентация России в сторону азиатских государств. 18 марта 1813 г. Комитет министров принял официальное решение о необходимости всемерного развития торговли со странами Востока, в том числе с центральноазиатскими ханствами. В целях улучшения организации отношений России со странами Востока в 1819 г. в структуре Министерства иностранных дел был создан Азиатский департамент. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде специально отмечал важность дипломатических средств для интенсификации торговли с Центральной Азией. Именно оптимизация торговых отношений являлась главной задачей дипломатических миссий, направлявшихся в Центральную Азию в первой трети XIX в. Важно также отметить, что эти миссии кроме политического имели большое научное значение: были собраны значительные сведения по географии, этнографии, социально-экономическому положению, политическому устройству центральноазиатских ханств, а также информация об их взаимоотношениях друг с другом, с Османской империей, Персией, Афганистаном и Англией ⁴.

В плане развития торговли с Востоком важное значение придавалось отношениям с Хивинским ханством, через территорию которого пролегали ключевые транзитные торговые пути. В 1819 г. правителем Русского Кавказа генералом А.П. Ермоловым в Хиву была направлена делегация во главе со штабс-капитаном Н.Н. Му-

⁴ См., например: *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975; *Муравьев Н.Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. Ч. 1—2. М., 1822 и др.

Муравьевым. Хивинский правитель весьма враждебно встретил русских посланцев, сам Муравьев был вынужден 48 дней провести в тюрьме, пока хан не решил все же сохранить русским жизнь. Результаты миссии Муравьева были незначительны. Его предложения о развитии российско-хивинской торговли и гарантиях безопасности коммерческого транзита не встретили поддержки хана. Темой переговоров была также судьба находящихся в хивинском плену до 3000 подданных Российской империи. В первой половине XIX в. этот вопрос постоянно использовался российской стороной в качестве средства давления на ханства. В то же время центральноазиатские правители также не гнушались «разыгрывать карту» пленников, вынуждая Россию быть более уступчивой. После рассмотрения итогов миссии Муравьева в Азиатском комитете пришли к выводу о необходимости привлечения военно-политических средств для обеспечения экономических интересов России в Центральной Азии. Было принято предварительное решение о строительстве русской крепости на восточном берегу Каспийского моря.

Азиатский комитет стремился укрепить отношения с Бухарским эмиратом. С этой целью в 1820 г. из Оренбурга в Бухару была направлена дипломатическая миссия во главе с действительным статским советником А.Ф. Негри. На переговорах с эмиром ему удалось достигнуть соглашения об обеспечении безопасности русских торговых караванов, учреждении в Бухаре российского консульства и о соблюдении эмиратом условий российского тарифного законодательства. Кроме прочего, А.Ф. Негри удалось вывести из бухарского плена 19 соотечественников и узнать о судьбе еще 158 человек. Следует отметить, что относительный успех на переговорах с Бухарой в 1820 г. России удалось обеспечить, достаточно удачно играя на противоречиях между Бухарой и Хивой (эмир Бухары стремился восстановить утраченное влияние на левобережье Амударьи и надеялся на поддержку России).

Вскоре, с учетом договоренностей, достигнутых в Бухаре, в Центральную Азию был направлен из России большой торговый караван, который, однако, подвергся нападению со стороны хивинцев. Караван был вынужден вернуться, потеряв при этом товаров на значительную по тем временам сумму 547 тыс. рублей. Этот факт окончательно убедил российское правительство в необходимости действовать против Хивы военно-политическими средствами. В 1825 г. к восточному побережью Каспия и к Аральскому морю была направлена военно-научная экспедиция во главе с полковником

Ф.Ф. Бергом. Ее целью было изучение топографии, условий продвижения военных отрядов и возможности основать крепость на восточном побережье Каспийского моря. По результатам экспедиции Азиатский комитет окончательно принял решение о строительстве в этом районе опорного пункта. Однако занятость России в восточном вопросе (война с Турцией 1828—1829 гг.) отложила это предприятие.

§ 4. Дипломатическая и военная активность России в Центральной Азии в 1830—1850-е гг.

Начиная с 30-х гг. XIX в., российская политика в отношении Центральной Азии становится все более настойчивой. Активизация России в регионе была прямо связана с деятельностью оренбургского военного губернатора В.А. Перовского. В 1834 г. по его указанию наконец был построен форт Ново-Александровский на Каспии (на берегу залива Мертвый Култук). Впрочем, строительство этого укрепления не решило хивинскую проблему. Хивинцы продолжали грабить торговые караваны и совершать набеги на российских казахов. Ежегодно в Хиву угонялось до 200 пленных из числа подданных России. Перовский, заручившись правительственной поддержкой, стал готовиться к походу против Хивы. Военному губернатору предписывалось взять столицу ханства, принудить его правителя к подписанию выгодного для России договора и освободить всех пленных соотечественников.

Военная экспедиция в Хиву под командованием Перовского в составе 5325 солдат и офицеров при 22 пушках выступила из Оренбурга в ноябре 1839 г. Казалось, что этой достаточно мощной по тем временам, особенно применительно к военным возможностям Хивы, группировке войск было вполне по силам решить возложенные на нее задачи. Однако необычайно суровая и снежная зима помешала планам честолюбивого губернатора. Перовский принял решение повернуть назад и вернулся в Оренбург весной 1840 г., потеряв треть своих солдат, умерших от холода и голода.

Неудача хивинского похода 1839 г. временно приостановила российскую военную активность в отношении центральноазиатских ханств. Этому способствовало также ослабление позиций России на Ближнем и Среднем Востоке после заключения Лондонских конвенций по восточному вопросу 1840—1841 гг. Россия и ханства

Центральной Азии возобновили обмен мирными дипломатическими миссиями. Так, в 1841 г. Хиву посетил капитан Никифоров, а в Бухаре побывала миссия К.Ф. Бутенева и Н.В. Ханыкова⁵. В 1842 г. в Хивинское ханство была направлена делегация полковника Г.И. Данилевского. В свою очередь, в начале 1840-х гг. в России побывали хивинские посольства во главе с Ваиз Ниязом, Ишбаем Бабаевым, Мухаммедом Эмином, а также бухарская миссия во главе с Худояром Колычбаевым. Важно подчеркнуть, что результаты этих дипломатических контактов были малопродуктивными. Только Г.И. Данилевскому удалось подписать договор о добрососедских отношениях России с Хивой, однако и этот договор не выполнялся хивинской стороной⁶.

В 1844 г., во время визита в Англию, император Николай I дал британской стороне согласие оставить ханства Центральной Азии в качестве нейтральной зоны, разделяющей Россию и Индию, чтобы предотвратить их опасное соприкосновение. Россия с этого момента на некоторое время перешла к оборонительной политике на центральноазиатских рубежах. При новом оренбургском военном губернаторе В.А. Обручеве было принято решение о строительстве оборонительных укреплений в Приаралье и низовьях Сырдарьи, где российские владения смыкались с владениями кокандских ханов. В 1847—1848 гг. на берегу Арала было возведено Раимское (Аральское) укрепление. Позже в низовьях Сырдарьи были построены Казалинский и Куванский форты.

С возвращением в мае 1851 г. в Оренбург В.А. Перовского, как горячего сторонника наступательной политики в Центральной Азии, в условиях обострившихся конфронтационных противоречий между Россией и Британией по восточному вопросу, российская центральноазиатская политика вновь приобрела наступательный характер. Уже в 1852 г. по указанию Перовского отряд под командованием полковника И.Ф. Бларамберга попытался овладеть кокандской крепостью Ак-Мечеть на Сырдарье, но действия русских войск были нейтрализованы. В 1853 г. Перовский организовал новый штурм Ак-Мечети. Кокандская крепость вскоре пала, и на ее месте был основан русский форт Перовский (ныне Кызыл-Орда), замкнувший Сырдарьинскую оборонительную линию.

⁵ См.: Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

⁶ См.: Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 140.

Одновременно активное российское продвижение к центральноазиатским рубежам шло и с востока. С основанием в 1847 г. Копальского укрепления у подошвы Семиреченского Алатау весь Семиреченский край до реки Или был включен в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1853 г. началось освоение Заилийского края, и в 1854 г. на реке Алматы было заложено укрепление Верный (ныне — Алматы). В результате весь Заилийский край до реки Чу вошел в состав Российской империи. В 1855—1859 гг. русские военно-научные экспедиции были направлены в район озера Иссык-Куль и гор Тянь-Шаня, что привело к присоединению к России части казахов Старшего жуза и северных кыргызов.

Продвижение российских войск на центральноазиатском направлении, присоединение новых территорий к концу 1850-х гг. логически требовали принятия действенных мер по их обороне и закреплению в российском подданстве местного населения. Это было затруднительно в связи с тем, что расстояние между крайними западным (форт Перовский) и восточным (Верный) флангами российских оборонительных линий составляло более 1000 километров. Объективно необходимо было решить вопрос об укреплении этого пространства. Подобного рода действия привели Россию к новому военному столкновению с Кокандским ханством.

В 1860 г. русские войска разгромили в Чу-Илийском междуречье кокандские гарнизоны крепостей Токмак и Пишпек. Укрепления были взорваны и оставлены русскими. В ответ на действия России бек Каанат-шах выступил во главе тридцатитысячного войска в направлении Верного. Навстречу кокандцам двинулся русский отряд, насчитывавший 800 человек при семи орудиях. Сражение произошло в местности «Сауруков курган». Наступавшие войска противника были встречены картечными залпами. Потеряв порядка 700 человек, кокандцы были вынуждены отступить. После этих событий стратегическая инициатива в российско-кокандском противоборстве полностью оказалась в руках России. В 1861 г. началось русское наступление с западного фланга, закончившееся взятием Джулека и Яны-Кургана на р. Сырдарье.

Продвижению России в кокандские владения способствовало внутрисполитическое положение в Кокандском ханстве. Восставшие казахи и кыргызы осадили Ташкент. В Ферганской долине против Худояр-хана восстали представители одного из наиболее воинственных племен — кипчаков. Дестабилизация в политической

жизни ханства, переход реальной власти в 1863 г. при новом хане Султан-Сеиде в руки воинственного и антирусски настроенного предводителя кипчаков Алимкула осложняли ситуацию на границе российских владений в Центральной Азии.

§ 5. ЗАВОЕВАНИЯ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ в 1860—1870-е гг.

Новый этап русского наступления на Кокандское ханство начался в 1864 г. Силами отряда под руководством полковника Верёвкина, командующего Сырдарьинской линией, и Зачуйского отряда под командованием полковника М.Г. Черняева оказались захваченными города Аулие-Ата и Туркестан. 21 сентября 1864 г. после шестидневного штурма взят город Чимкент. В результате военных действий была оформлена Новококандская оборонительная линия, протянувшаяся от реки Чу до Яны-Кургана. На занятых территориях в начале 1865 г. русское правительство образовало Туркестанскую область (в составе Оренбургского генерал-губернаторства), во главе которой был поставлен получивший генеральский чин М.Г. Черняев.

Несмотря на официальные заверения о прекращении наступательных действий России в Центральной Азии, Черняев развернул наступление на Ташкент и после длительной осады, во время которой погиб кокандский военачальник Алимкул, в июне 1865 г. овладел городом. Часть ташкентцев приветствовала российские войска.

Завоевание Ташкента поставило перед российским правительством вопрос о дальнейшей судьбе города. Из дипломатических соображений Петербург первоначально отказался санкционировать его присоединение к России. В правительстве полагали более целесообразным превратить Ташкент с прилегающими к нему землями в вассальное буферное ханство. Министр иностранных дел А.М. Горчаков, в частности, призывал отказаться от размещения каких-либо войск в «Ташкентской независимой области». Но наиболее последовательно против новых завоеваний выступал директор Азиатского департамента МИД Н.П. Стremoухов, который считал, что присоединение Ташкента не соответствует ни интересам торговли, ни российским политическим интересам, а может вызвать только лишние расходы казны и дипломатические

осложнения. Даже военный министр Д.А. Милютин первоначально полагал, что Ташкент должен остаться формально независимым городом с «муниципальным управлением». Изменение позиции российских правящих кругов относительно статуса Ташкента было связано с осложнением российско-бухарских взаимоотношений по поводу раздела «кокандского наследства». Опасаясь, что Ташкент может быть захвачен бухарцами, правительство отказалось от идеи создания «нейтральной страны» с центром в Ташкенте. К тому же против этого достаточно резко выступил генерал Черняев, в конце концов поддержанный Милютиным. Юридическое включение Ташкента в состав России произошло с момента введения в действие Положения об управлении городом от 11 июля 1867 г.

Присоединение Ташкента привело к прямому столкновению между Россией и Бухарой. Мелкие стычки между российским и бухарским войсками переросли в крупное сражение в районе урочища Ирджар у озера Сасыкколь 8 мая 1866 г., где бухарская армия во главе с эмиром была разбита и бежала в свои пределы. Немедленно вслед за этим российские войска заняли важные пункты, прикрывавшие доступ в Ферганскую долину — г. Ходжент (24 мая 1866 г.) и крепость Нау, которые входили в состав Кокандского ханства. Следующим важным объектом русского наступления стал Джизак, захваченный 18 октября 1866 г.

К середине 1867 г. к Туркестанской области была присоединена значительная территория, входившая ранее в состав Бухарского эмирата, после чего было создано Туркестанское генерал-губернаторство, непосредственно подчиненное центральному правительству. В январе 1868 г. первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман добился от кокандского правителя Худояр-хана принятия договора, фактически ставившего Кокандское ханство под контроль России. Нейтрализовав Коканд, Кауфман продолжил экспансию в отношении Бухары. Началось военное наступление на Самарканд, который был взят 2 мая 1868 г. без боя. В захваченном городе российские войска освободили около 10 тысяч рабов, значительную их часть составляли русские⁷. Оставив в городе небольшой гарнизон, Кауфман с основными силами начал преследование отступающей бухарской армии и 16 мая 1868 г. овладел Катта-

⁷ См.: *Верещагин В.В.* Из путешествия по Средней Азии // *Голос*. 1869. № 94 (апрель).

Курганом. Однако неожиданно бухарцы силами 20-тысячной армии осадили русский гарнизон в Самарканде. Город оказался в тяжелейшем положении. Кауфман был вынужден остановить наступление на Бухару и вернуться под стены Самарканда, с тем чтобы снять осаду. 2 июня 1868 г. на Зирабулакских высотах, между Катта-Курганом и Бухарой, произошло решающее сражение российских и бухарских войск. Бухарская армия потерпела поражение, а эмир Музаффар был вынужден запросить у Кауфмана мира на российских условиях.

В соответствии с подписанным 23 июня 1868 г. мирным договором между Россией и Бухарой эмир признавал все российские приобретения в Центральной Азии и обязался выплатить контрибуцию за военные издержки в размере 200 тыс. рублей. Договор 1868 г. положил начало превращению Бухарского эмирата в российский протекторат.

Следующим объектом завоевательной политики России в регионе логически становилось Хивинское ханство. Выполняя указ Александра II, 5 ноября 1869 г. российский военный отряд под командованием Н.Г. Столетова высадился в Муравьевской бухте Красноводского залива на восточном побережье Каспия. Там был создан новый форпост для наступления на Хиву, а также на владения туркмен. В 1872 г. в поход против Хивы выступил отряд полковника В.И. Маркозова. Однако русские натолкнулись на сопротивление хивинцев, понесли потери и были вынуждены отступить.

Идея нового антихивинского похода не покидала туркестанских генералов. Согласовав свои действия с Петербургом, Кауфман в качестве главнокомандующего экспедицией отдал приказ войскам наступать тремя колоннами на Хивинский оазис — со стороны Ташкента, с Каспийского направления и со стороны Оренбурга. Наступление началось в феврале 1873 г. Хивинский хан Мухаммед Рахим II бежал в пустыню. В итоге войска вошли в Хиву, покинутую бывшим ханом. Кауфман, выступая в поход, имел строжайшее предписание Петербурга Хиву к России не присоединять. Хану были возвращены власть и владения, после чего между Россией и Хивой начались переговоры о мире. Результатом этих переговоров стало заключение 12 августа 1873 г. Гендумянского договора. По его условиям Хива должна была уплатить России контрибуцию в размере 2 200 000 руб., хан признавал себя вассалом российского императора и отказывался от права проводить самостоятельную внешнюю политику, территория ханства к востоку от Амударьи от-

ходила к России, торговля между Россией и Хивой была объявлена беспоплатной, русским судам было предоставлено свободное и исключительное право плавания по Амударье.

После урегулирования хивинских дел Кауфман активизировал политику в отношении Кокандского ханства. В результате заключения русско-кокандского договора 1868 г. правитель Коканда Худояр-хан послушно выполнял все требования туркестанского генерал-губернатора и был верным союзником России. Однако внутривластная ситуация в Коканде была достаточно сложной. В начале 1870-х гг. в различных районах ханства периодически происходили массовые выступления против власти Худояр-хана. Эти волнения, с одной стороны, были вызваны тяжелым социально-экономическим положением большей части населения, с другой стороны, недовольством части мусульман политикой хана, превратившегося в вассала «неверных». К весне 1875 г. восстанием была охвачена вся Ферганская долина. Во главе восставших встали представители кокандской верхушки. В результате Худояр покинул пределы Коканда и бежал под защиту российской власти. Правителем Коканда был провозглашен его сын Насреддин.

Российские войска вступили в пределы Кокандского ханства и 22 августа 1875 г. под Махрамом разгромили кокандскую группировку, потерявшую более 2 тыс. человек убитыми. 29 августа, продвигаясь в глубь территории государства, русские войска заняли Коканд, а 8 сентября — Маргилан. После этих событий Насреддин обратился к Кауфману с просьбами о мире и признании его законным правителем. 22 сентября 1875 г. был подписан новый русско-кокандский договор, который предусматривал отказ от дипломатических сношений с другими странами в обход Петербурга, а также передачу ряда территорий на правобережье Сырдарьи и Нарына (так называемый «Наманганский отдел») в состав России.

Однако договор не остановил военных действий. Начальник Наманганского отдела М.Д. Скобелев подавил восстание в Намангане, после чего двинул русские войска на один из важнейших центров антирусского движения — город Андижан. Кровавый штурм города, сопровождающийся большими потерями с обеих сторон и массовой гибелью мирных жителей, продолжался три дня. В конце концов военное превосходство русских сделало свое дело, и 10 января 1876 г. Андижан был взят. 8 февраля 1876 г. российские войска под командованием Скобелева вновь заняли Коканд. В результате всех этих событий в Петербурге склонились

к мнению о необходимости ликвидации Кокандского ханства. Это было связано прежде всего с опасениями Петербурга, что «кокандский газават» найдет поддержку в Бухаре и Хиве. 19 февраля 1876 г. было объявлено об упразднении Кокандского ханства, присоединении его территории к России и образовании на вновь присоединенных территориях Ферганской области. Кокандцы пытались оказать сопротивление, но безуспешно. Важнейшие населенные пункты ханства были оккупированы русскими; туркестанские власти захватили в плен основных руководителей газавата, часть которых была казнена. Отдельные очаги сопротивления были подавлены с предельной жестокостью. Туркестанский генерал-губернатор был даже вынужден издать специальное распоряжение, чтобы остановить немотивированные расправы над местным населением. Военным губернатором Ферганской области был назначен генерал М.Д. Скобелев. Новый губернатор двинул подчиненные ему войска в Алайскую долину, где силой и дипломатией прекратил сопротивление кыргызов и объявил о присоединении Алайской долины к Российской империи.

§ 6. РОССИЙСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1880-Е ГГ.

Таким образом, на рубеже 70—80-х гг. XIX в. большая часть Центральной Азии в той или иной степени была поставлена Россией под свой контроль. Однако продвижение империи в этом регионе остановлено не было. Следующим этапом стало подчинение туркменских племен. Между туркменами к этому времени не существовало единства. Это выражалось, в частности, во враждебных отношениях между туркменскими племенами теке и йомуд. Желая ослабления туркмен-теке, йомуды готовы были поддержать Россию. Еще в 1877 г. некоторые вожди йомудов обращались к российским властям с просьбой о принятии в российское подданство, однако тогда их просьба не была удовлетворена.

Главным центром сопротивления русским стала территория, где жили племена теке. Около крепости Геок-Тепе в августе 1879 г. туркменам удалось нанести серьезное поражение отряду генерала Н.П. Ломакина, русские потеряли 200 человек убитыми и 250 ранеными. По личному распоряжению императора Александра II был организован новый русский военный поход против текинцев.

Его возглавил генерал М.Д. Скобелев, который после завоевания Коканда прославился в боях с турками на Балканах. 23 декабря 1880 г. русские начали новую осаду Геок-Тепе. Ожесточенные бои продолжались здесь в течение трех недель. Только 12 января 1881 г., после взрыва мины под крепостной стеной, русскими был предпринят решающий штурм, во время которого обе стороны понесли большие потери. В конце концов текинцы были вынуждены капитулировать. По некоторым данным, при Геок-Тепе было убито до 8 тыс. туркмен. После этого инициатива перешла в руки России. 18 января 1881 г. войска овладели селением Асхабад (нынешний Ашгабат).

9 декабря 1881 г. российско-персидской пограничной конвенцией были определены границы между сферой интересов России на туркменском направлении и Персией. Эта конвенция логически определила пределы русского продвижения в данном районе Центральной Азии. В ноябре 1883 г. русскими войсками был занят Теджентский оазис, а 31 января 1884 г. практически добровольно приняли подданство России туркменские племена Мервского оазиса. В марте 1884 г. Мервский и соседний Иолотанский оазисы официально были включены в состав Российской империи. Тем самым процесс подчинения Российской империей Центральной Азии (за исключением памирского направления) практически завершился.

§ 7. ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА ЙЭТТИШААР и «ИЛИЙСКИЙ КРИЗИС»

Вторая половина XIX в. в политике России в Центральной Азии ознаменовалась усилением российско-китайских контактов. Они возникли и развивались со второй половины XVIII в., когда Цинская империя, сокрушив в почти вековой борьбе Джунгарское ханство и захватив Восточный Туркестан (Синьцзян), вышла на рубежи южной Сибири, территории нынешних Казахстана и Кыргызстана. Эти контакты по мере продвижения России на юг постепенно расширялись и становились все более интенсивными. В середине XIX в. настойчивое стремление России узаконить торговые взаимоотношения с Цинской империей в Центральной Азии привело к заключению Кульджинского договора в 1851 г., положившего начало официальным политическим и торговым связям России и Китая в этом регионе. Русско-китайскому разграничению в Цен-

тральной Азии был посвящен Пекинский договор, заключенный русским посланником Н.П. Игнатьевым с цинским правительством в ноябре 1860 г. в дополнение к Айгунскому и Тяньцзиньскому договорам 1858 г. Граница должна была быть определена от оконечности Западных Саян до Памира. Продолжением и развитием Пекинского договора стал Чугучакский договор от 25 сентября 1864 г., делимитировавший российско-китайскую границу в Центральной Азии.

В 1862 г. в китайской провинции Шэньси началось восстание дунган-мусульман. В 1864 г. антиманьчжурское и антикитайское движение достигло Синьцзяна. Осенью 1864 г. восстание охватило пограничные с Россией Илийский и Тарбагатайский округа. В ноябре 1864 г. повстанцы заняли центр Илийского округа — город Кульджу. Наместник-цзяньцзюнь Мин Сюй с гарнизоном заперся в цитадели и отправил своих представителей в Россию к начальнику Алатавского округа генерал-майору Г.А. Колпаковскому с просьбой об оказании военной поддержки. Генерал Колпаковский заявил, что без указания из Петербурга не может оказать такого рода помощь, однако сообщил о ситуации в Синьцзяне в Омск генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю. 19 декабря 1864 г. в Петербурге состоялось совещание министра иностранных дел А.М. Горчакова и военного министра Д.А. Милютина, которые выступили против вмешательства России в события в Синьцзяне. Колпаковскому было дано указание усилить охрану границы, а Мин Сюю было сообщено, что Россия не может оказать ему помощь без официальной просьбы со стороны цинского двора. В то же время российскому посланнику в Пекине А.Е. Влангали было дано указание предпринять все меры к тому, чтобы цинское правительство не обратилось к России с просьбой о военной помощи в Синьцзяне. Основными мотивами такой позиции Петербурга были опасения за стабильность в пограничных с Синьцзяном российских районах компактного проживания мусульман, риск потерять экономическое влияние в Синьцзяне в случае укрепления там мусульманской государственности, а также нежелание вероятного обострения взаимоотношений с главным соперником в Центральной Азии — Великобританией.

3 марта 1866 г. восставшие дунгане и таранчи (уйгуры) захватили цитадель Кульджи. Так пал последний бастион Цинов в Синьцзяне. Цзяньцзюнь Мин Сюй взорвал дворец и вместе со своей семьей и остатками гарнизона погиб.

В результате победы антицинского восстания на территории Синьцзяна образовалось три мусульманских государства — Кульджинский (Таранчинский) султанат, Йэttiшаар и Дунганский (Урумчийский) султанат. Самым мощным из этих образований был Йэttiшаар («Семиградье» — имеются в виду города Кашгар, Янги-Гиссар, Хотан, Аксу, Яркенд, Куча и Курля) с центром в Кашгаре. При содействии регента Кокандского ханства Алимкула во главе Йэttiшара встал бывший комендант Ак-Мечети кокандец Якуб-бек. В 1867 г. последний провозгласил себя правителем государства Йэttiшаар. От османского султана он получил титулы *эмир* и *бадаулет* (счастливец). Ему удалось расширить свое влияние в Синьцзяне, подчинив Урумчийский султанат. Главной целью своей деятельности Якуб-бек провозгласил создание на территории Синьцзяна независимого и признанного на международной арене мусульманского государства. Для этого, по видению правителя Йэttiшаара, было необходимо заручиться признанием со стороны России, Великобритании и Османской империи.

В 1867—1868 гг. Якуб-бек обратился к российским властям с предложением восстановить торговые отношения в обмен на политическое признание. Однако в Петербурге считали более значимым сохранение дружественных отношений с Китаем, в то время как признание Йэttiшаара могло привести к негативной реакции со стороны Пекина. Попытки Якуб-бека добиться политического признания от Британии также не дали положительного результата. Миссия британского посланника Р. Ша в Кашгар завершилась лишь подписанием торгового договора. Тогда Якуб-бек принял решение прибегнуть к шантажу российской стороны. С 1870 г. он начал задерживать российские торговые караваны, а также приступил к подготовке вторжения в Кульджинский султанат, пограничный с Российской империей. Это было оценено как прямая угроза российским экономическим интересам в Синьцзяне, которые главным образом сконцентрировались в Илийском и Тарбагатайском округах. В результате в Петербурге приняли решение упредить Якуб-бека и оккупировать Илийский округ.

Петербург был намерен содействовать возвращению Илийского округа в состав Цинской империи, т.к. стратегические благоприятные отношения с Китаем, имевшим с Россией протяженную сухопутную границу и занимавшим важное место во внешней торговле, для российского правительства были куда важнее, чем новые территориальные приобретения за китайский счет. При этом в правительстве рассматривали вариант образования здесь независимо-

го государства под покровительством России в случае, если Пекин будет не в состоянии или не пожелает в будущем установить суверенитет над территорией округа⁸.

14 июня 1871 г. началось осуществление российской военной операции на землях Илийского округа. 16 июня 1871 г. на правом берегу реки Или в районе села Хоргос произошел крупный бой российских войск с таранчами, четырехтысячный отряд которых был обращен в бегство. Русские отряды продолжили наступление на Кульджу, не встречая никакого сопротивления, а султан Абиль-оглы послал навстречу русским войскам посольство с согласием на капитуляцию. 22 июня 1871 г. Абиль-оглы вручил командующему русской военной экспедицией Г.А. Колпаковскому ключи от Кульджи.

На территории Илийского округа устанавливалось временное российское управление. Край был включен в состав Туркестанского генерал-губернаторства и подчинен военному губернатору Семиреченской области. В г. Верном создавалась специальная Канцелярия по кульджинским делам. Илийский округ делился на четыре участка, во главе администрации стояли русские офицеры. В поселениях таранчей, китайцев, маньчжур и сибиряков была введена выборная власть. Ежегодно на собраниях каждая волость избирала старшину и помощников, а также народных судей, утверждавшихся военным губернатором Семиречья. Волостные управители у казахов-кочевников назначались семиреченским губернатором, а у кочевников из числа калмыков и торгоутов старшины оставались прежними. Вместо многочисленных налогов и поборов, существовавших при маньчжурах и в султанате, русская администрация установила единый налог — по три рубля с семьи. Исключение было сделано для разоренных китайцев и калмыков, которые должны были вносить по одному рублю с семьи.

Правитель Йэттишаара отреагировал на занятие российскими властями Илийского округа попыткой создания антирусского альянса с Кокандским ханством и Бухарским эмиратом. Но его усилия оказались тщетными. К тому времени Коканд был ослаблен действиями российских войск и переживал серию внутривнутриполитических кризисов, а бухарский эмир был связан с Россией договором 1868 г. Якуб-бек был вынужден искать пути нормализации отношений с грозным северным соседом. 28 февраля 1872 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман получил от пра-

⁸ См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 258/908. Д. 18. Ч. 1. Л. 125—128.

вителя Йэтишаара послание с предложением о переговорах. Результатом трудных переговоров стало подписание 15 мая 1872 г. между Россией и Йэтишааром торгового договора. Однако Якуб-беку так и не удалось получить от России официального политического признания. В этих условиях кашгарский владыка решил полностью переориентировать свой внешнеполитический курс на Великобританию, с которой 2 февраля 1874 г. был подписан англо-кашгарский договор — по его условиям Лондон не лишал Якуб-бека надежды на политическое признание в будущем.

Российское правительство было вынуждено обратиться к Пекину с настоятельными рекомендациями ускорить подготовку военной операции по возвращению Синьцзяна под цинскую юрисдикцию. В феврале 1876 г. цинский военачальник Цзо Цзун-тан двинул свою армию в Синьцзян. К лету 1877 г. государство Йэтишаар было практически уничтожено (сам Якуб-бек умер 30 мая 1877 г.), и власть Цинов в Синьцзяне была восстановлена. Только территория Илийского округа оставалась под временным управлением российских властей.

Однако уже 4 марта 1878 г. в Петербурге было принято решение о возвращении Китаю Илийского края. Россия выдвинула перед Пекином ряд требований, при условии выполнения которых она была готова вывести войска из Илийского округа. Начались сложные переговоры между Россией и Китаем по Илийскому вопросу, которые завершились подписанием 12 февраля 1881 г. Санкт-Петербургского договора, который поставил точку в Илийском кризисе. В соответствии с ним Россия передавала Китаю Илийский округ, оставляя за собой западную его часть для поселения там мусульман, пожелавших принять российское подданство. Договор предусматривал уточнение границы в районе Черного Иртыша и озера Зайсан. Заключенный между Россией и Китаем Новомаргиланский протокол в 1884 г. узаконил новую границу между Россией и Китаем в Центральной Азии.

§ 8. АФГАНИСТАН В РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ И «ПАМИРСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ»

С первых десятилетий XIX в. в контексте торгово-экономических и внешнеполитических интересов России в Центральной Азии самостоятельную роль стал играть Афганистан, находившийся в

1820—1830-е гг. под властью кабульского эмира Дост-Мухаммеда. Между тем Британия также рассматривала Афганистан как стратегически важный регион. С одной стороны, Лондон видел в стране, примыкающей к северо-западным границам Британской Индии, перспективный рынок для своих товаров и государство, через которое шла транзитная торговля с Центральной Азией и Хорасаном. Овладение прочными позициями здесь обеспечивало Великобританию связь Северной Индии с центральноазиатскими рынками. С другой стороны, геополитически Афганистан рассматривался Лондоном как буферное государство на подступах к Британской Индии и перспективный плацдарм для колониальной экспансии в регионе.

Активизация внешнеполитических усилий Британии в Центральной Азии, в том числе в отношении Афганистана, подтолкнула кабульского эмира Дост-Мухаммеда к сближению с Россией. В 1837 г. представителю русской дипломатической миссии в Кабуле И.В. Виткевичу удалось склонить эмира к заключению российско-афганского союза. Британия, в свою очередь, оказав дипломатический нажим на Петербург, препятствовала заключению каких-либо договоров России с Дост-Мухаммедом. Неожиданная смерть инициатора этого союза — Виткевича — также способствовала тому, что идея союзных отношений осталась нереализованной. Наконец в 1838 г. Лондон предпринял прямую военную акцию против Афганистана. На территорию этой страны вступила тридцатитысячная англо-индийская армия. Однако развернувшееся в стране движение сопротивления вынудило англичан временно отступить из Афганистана, заключив с ним в 1842 г. мирный договор.

Новый этап российско-британского противостояния в регионе начался спустя пару десятилетий. В 1869 г. российский канцлер А.М. Горчаков сделал официальное заявление, в котором говорилось, что Афганистан не входит в сферу внешнеполитических интересов России. В результате последовавшего за декларацией обмена мнениями Россия и Англия в 1873 г. пришли к соглашению о признании Афганистана «нейтральной зоной» и о необходимости определения границ этого государства. Стороны договорились, что граница Афганистана с российскими владениями должна пройти по реке Пяндж до озера Зоркуль. Тем самым большая часть Памирского нагорья признавалась Британией сферой российского влияния. Но, договорившись о признании Афганистана независимым буферным государством, Россия и Великобритания, все же не до-

веря друг другу, пытались склонить афганского правителя каждая на свою сторону.

Ситуация вновь осложнилась с назначением вице-королем Индии лорда Литтона, сторонника наступательной политики премьер-министра Британии Б. Дизраэли, который открыто заявлял о необходимости «очистить Центральную Азию от москвитов и загнать их в Каспий»⁹. Стремясь перехватить у Лондона инициативу в Афганистане, в 1878 г. Петербург направил в Кабул специальную миссию, возглавляемую генералом Н.Г. Столетовым, с предложением к новому афганскому эмиру Шер-Али перейти под покровительство России. Эмир поддержал идею союза с Россией. Вновь, как и в 1830-е гг., английское правительство в ответ на это сочло необходимым ввести в Афганистан свои войска, заняв три ключевых перевала на горном хребте Гиндукуш, на подступах к индийским рубежам. В ходе проведенной операции афганцы потерпели сокрушительное поражение. Эмир Шер-Али тайно бежал из Кабула, а престол эмира унаследовал его сын Якуб-хан, которого вице-король Индии лорд Литтон принудил подписать 26 мая 1879 г. выгодный для Великобритании Гандамакский договор. Однако в начале октября 1879 г. восставшие афганские солдаты уничтожили английскую миссию в Кабуле. Англо-афганская война продолжилась под руководством племянника Шер-Али Али Абдурахмана.

К началу 1880 г. значительная часть Афганистана была оккупирована британскими войсками. Али Абдурахман был признан в Лондоне афганским эмиром, и с ним было заключено мирное соглашение. Договор сохранял британский контроль над внешней политикой Афганистана и развязывал Али Абдурахману руки в завоевательных устремлениях на северном направлении. На протяжении 1882—1891 гг. эмиру при дипломатической и военно-технической поддержке со стороны Лондона удалось подчинить своей власти памирские княжества Шугнан, Рушан, Вахан, Зебак и Иш-кашим. Эти действия побудили Россию принять меры для обеспечения своих интересов на Памире, который рассматривался в качестве «кокандского наследства». Летом 1891 г. на Памир из Ферганы выступил российский отряд под командованием полковника М.Е. Ионова. В результате военных действий часть памирской террито-

⁹ Цит. по: Глуценко Е.А. Спаситель Бобс // Восток. 2000. № 2. С. 82.

рии была присоединена к России и включена в состав Ферганской области.

На российско-английских переговорах 1895 г. было достигнуто решение о проведении российско-афганской границы от озера Зоркуль параллельно Гиндукушу к Кашгарию. Соглашение предусматривало создание между российскими владениями на Памире и британскими владениями в Индии нейтральной территории, или так называемого «Ваханского коридора», который отходил к Афганистану. Тем самым граница российских владений с Афганистаном была окончательно определена и прошла по реке Пяндж до озера Зоркуль и далее параллельно Гиндукушу до владений империи Цин. Далее российские владения на Памире граничили с Китаем по Сарыкольскому хребту. Статус Афганистана в отношениях между Россией и Великобританией был определен англо-русской конвенцией 1907 г., по которой Россия официально признала политические преимущества Англии в этой стране при сохранении принципа торгового равноправия.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Туркестанская область — Образование Туркестанского генерал-губернаторства — Проекты туркестанских Положений 1871 и 1873 гг. — Особые административно-территориальные единицы — Городское управление в Туркестане — Устройство судопроизводства в Туркестане — Наследие Кауфмана — Подготовка нового Положения об управлении Туркестанского края в 1881 г. — Ревизия сенатора Гирса — Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. — Степное генерал-губернаторство — Туркестанский край в конце XIX века — Статус Семиреченской и Закаспийской областей — Туркестанский край на рубеже столетий — Ревизия сенатора Палена — «Новый курс» политики в Туркестане — Туркестанский край в годы Первой мировой войны.

Создававшаяся в Центральной Азии с середины XIX в. система управления открыто порывала со старыми ханскими традициями. Ярким примером этого стало введение выборности должностных лиц местного первичного управления, которая явно демонстрировала тенденцию европеизировать и обрусить имперскую окраину. Прежняя элита потеряла все свои преимущества (не получила российского дворянства, потеряла значительную часть земельных владений и т.п.) и использовалась новой властью лишь в зависимости от ее лояльности и вовлеченности в управленческие структуры.

Следует заметить, что в деле преобразования Центральной Азии Россия не видела себя первопроходцем. Она широко использовала собственный опыт колонизации Кавказа, внимательно изучала и

принимала во внимание практику современных колониальных империй (Британской и Французской).

Анализ принципов организации и деятельности русской власти в Туркестанском генерал-губернаторстве и казахских степях позволяет выделить два подхода центрального правительства к водворению новой государственности на центральноазиатской окраине, которые можно условно назвать «жестким» и «мягким». «Жесткий» подход представлен учреждением в крае системы военно-народного управления с практически неограниченными правами первых лиц администрации, стремлением в ближайшее время и в максимальной степени добиться органичного слияния Туркестана и Степи с остальной Россией. «Мягкий» подход проявлялся в использовании российской властью традиционных местных институтов и в учете народных обычаев. Эти два подхода сочетались в административной практике, переплетались, дополняя друг друга, и в таком виде определяли специфику российской политики в Центральной Азии. Все это было направлено к главной цели — утверждению в крае российской государственности как можно более спокойной, мирно и постепенно, с учетом местных условий и традиций.

Однако наличие этих двух подходов приводило к тому, что наряду с усиленно насаждавшимся сверху центростремительным движением в крае существовали и весьма заметные центробежные силы, препятствовавшие слиянию с империей и удерживавшие Туркестанский край и Степь на особом положении.

§ 1. ТУРКЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Активная завоевательная деятельность российских генералов в Центральной Азии привела к тому, что в начале 1865 г. к южным границам Российской империи примкнула колоссальная территория. В феврале того же года новый регион превратился в Туркестанскую область в составе Оренбургского генерал-губернаторства. 5 марта в приказе военного министра был объявлен именной указ об упразднении управления Сырдарьинской линией и образовании на его базе управления Туркестанской областью.

Не дожидаясь санкции центра, вскоре после захвата Ташкента в июне 1865 г., первый военный губернатор новосозданной области Михаил Григорьевич Черняев (1865—1866) опубликовал свое обращение к жителям города. Начальник области обещал местным

жителям неприкосновенность веры и обычаев, отказывался от квартирной и военной повинностей, сохранял шариатский суд, запрещал произвольные поборы с населения и, в качестве особой милости, на год освобождал горожан от всех податей и налогов. Обращаясь позднее к вопросу о статусе Ташкента, генерал Черняев считал необходимым предоставить его жителям самоуправление, ограничив вмешательство российской власти только наблюдением за представителями местной администрации и, при необходимости, правом смещения последних с занимаемых должностей.

Завоевание огромного пространства в Центральной Азии поставило перед российской властью проблему административной организации новой территории. И здесь, по вполне понятным причинам, проявилось разномыслие между главным начальником края, оренбургским генерал-губернатором (и командующим войсками Оренбургского округа) Н.А. Крыжановским и военным губернатором Туркестанской области (в составе Оренбургского края) Черняевым. Первый в сентябре 1865 г. объявил Ташкент независимым владением, а второй считал необходимым присоединить его к империи. Третьим судьей выступил Петербург. Вызванные в столицу генералы приняли участие в Особом совещании, итогом которого стало появление Высочайше утвержденной инструкции, предписывавшей «в Ташкенте не стеснять себя никакими регламентациями, а стараться дать ему устройство, действительно наиболее соответствующее нашим и его выгодам»¹.

Еще до решения «ташкентского вопроса» 6 августа 1865 г. было высочайше утверждено временное Положение об управлении Туркестанской области, составленное на основе подготовленного М.Г. Черняевым и известным ученым-путешественником Н.А. Северцовым проекта «Положения о Среднеазиатской пограничной области». Тогда главное начальство в Туркестане было вверено военному губернатору, подчинявшемуся оренбургскому генерал-губернатору. Органом центрального управления для новой области стало Военное министерство, что уже само по себе превращало область в «иррегулярную» губернию (т.к. общеимперская администрация сосредоточивалась в Министерстве внутренних дел) и создавало основу для будущего соперничества двух ведомств. Иными словами, тенденция к милитаризации управления в Центральной

¹ Заметки по среднеазиатскому вопросу Д.И. Романовского. СПб., 1868. С. 38.

Азии, естественным образом сложившаяся в период завоевания, сохранялась, а глава Туркестана, в отличие от «внутренних» губерний империи, сосредоточил в своих руках военное и гражданское управление областью.

Результатом этих административных преобразований стало появление особой системы военно-народного управления, уже опробованной при завоевании и «замирении» Кавказа. Получили законодательное оформление ее основные принципы: 1) неделимость административной и военной власти и сосредоточение ее в одних руках; 2) принадлежность всех чинов военно-народного управления военному ведомству; 3) сохранение традиционных институтов самоуправления под контролем русской администрации; 4) отделение в допустимой степени суда от администрации.

Военно-народное управление Туркестана составили военный губернатор, начальники отделов области, управляющие туземным населением (непосредственные начальники всей «народной» администрации в отделе) и городничие.

Во временном Положении 1865 г. содержалась характеристика управления коренным населением Туркестанской области. Военный губернатор осуществлял его на основании общих правил, установленных для губернаторов, и инструкций командующего войсками Оренбургского округа. Закон включал список туземных должностных лиц. Для кочевников это родоправители, *бии*, *мананы*. Для оседлых — *аксакалы*, *раисы*, *базар-баши* и *казии*. Аксакалы стояли во главе оседлого населения и соединяли в своем лице административную и полицейскую власть. Казии исполняли обязанности судей для городских жителей, а бии — для кочевников. Базар-баши заведовали торговой полицией города. В законе были упомянуты *серкеры* и *закетчи*, на которых лежали обязанности по взиманию податей. Наблюдение за исполнением мусульманских норм было главным занятием раисов. Непосредственными начальниками всей «туземной» администрации являлись управляющие туземным населением. Подчинялись они начальникам отделов. По Временному положению об управлении Туркестанской областью 1865 г. «туземное» управление в городах также составляли выборные из местных жителей. Таким образом, управление местным населением сочетало стремление властей подчинить традиционные институты самоуправления российской администрации с сохранением их некоторой самостоятельности.

«Исправляющий должность» военного губернатора Туркестанской области Д.И. Романовский (1866—1867), сменивший Черняева уволенного за чрезмерную самостоятельность и конфликтность в отношениях с оренбургским генерал-губернатором, столкнулся с непосильной задачей введения в действие рассмотренного выше Положения при практическом отсутствии административных кадров. Тем не менее с именем этого генерала следует связать проявление новой тенденции в управлении — внедрения «русского начала» в «туземную» администрацию. С целью ограничить влияние мусульманского духовенства на внутреннюю жизнь завоеванного края и поставить местную элиту под контроль, новый начальник области пошел на устройство, по примеру Кавказа, *мехкеме* — особого органа, состоявшего из советников от коренного населения. Заседания мехкеме в порядке эксперимента начались летом 1866 г. Дела в этом органе рассматривались в полном соответствии с законами шариата. В компетенцию мехкеме входило свидетельствование торговых сделок и разного рода обязательств. Здесь рассматривались споры и иски, разбирались семейные дела. Его ведению передавались и разнообразные хозяйственные вопросы. Можно сказать, это была первая попытка преобразовать местный традиционный суд.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

После занятия Ташкента российские власти в Петербурге и Оренбурге были обеспокоены административно-территориальным разграничением новых владений империи. Выше отмечалось, что генерал-губернатор Крыжановский первоначально собирался провозгласить независимое Ташкентское ханство под протекторатом России. Чуть позже он предлагал создать в южных районах Центральной Азии две области (Туркестанскую и Ташкентскую) в составе Оренбургского края.

С целью разработки проекта административного устройства Азиатской России в мае 1865 г. создавалась особая комиссия во главе с Ф.К. Гирсом, получившая неофициальное наименование Степная. По завершении работы комиссии выводы были представлены для обсуждения в особый комитет, составленный из высших должностных лиц Военного министерства. Комитет под предсе-

дательством военного министра Д.А. Милютин принял решение об образовании на завоеванных центральноазиатских территориях самостоятельного генерал-губернаторства.

11 июля 1867 г. Александр II подписал именной указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе Семиреченской и Сырдарьинской областей. Первым генерал-губернатором в русском Туркестане стал Константин Петрович фон Кауфман (1867—1882), близкий соратник Милютина, имевший опыт управления Северо-Западным краем и пользовавшийся особым расположением и доверием императора.

В соответствии с рекомендациями Степной комиссии было разработано и введено в действие «Временное положение об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей». Оно основывалось на следующих принципах: 1) укрепление краевой (главной) администрации; 2) приближение структуры органов управления в Туркестане к образцам, сложившимся в прочих частях империи; 3) предоставление решения вопросов местного уровня по всем делам, не имеющим политического характера, выборным лицам из среды коренного населения; 4) сохранение шариата и обычного права в той сфере правоотношений, которая не могла быть еще определена русским законом, и пр.²

Главным должностным лицом в Туркестане назначался — непосредственно императором — генерал-губернатор, который являлся одновременно и командующим войсками округа. Кроме того, первому «главному начальнику края» Кауфману высочайшим рескриптом была предоставлена возможность действовать на месте сообразно с обстоятельствами: «Мы признаем за благо снабдить нашим высочайшим полномочием нашего туркестанского генерал-губернатора... и уполномочиваем его к решению всех политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий и постановлений... Обещаем императорским словом нашим за нас и преемников наших за благо принять все, что в силу сего означенного уполномоченным нашим заключено и подписано будет»³.

² См.: Гейнс А.К. Объяснительная записка к положению и штатам военнопольного управления Семиреченской и Сырдарьинской областей // Гейнс А.К. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. СПб., 1898. Приложения ко второму тому. С. 3—83.

³ Цит. по: Ахмеджанов Г.А. Советская историография присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1989. С. 71.

Для ведения внешних сношений с соседними государствами Кауфману были также даны экстраординарные полномочия: «...право на объявление войны и на заключение мира на условиях, какие генерал-губернатор признает соответствующими достоинству русской державы...»⁴. По военно-народному управлению главный начальник края подчинялся военному министру. На его канцелярию кроме обычных для внутренних губерний обязанностей возлагалось общее заведование всеми управлениями отдельных ведомств (за исключением дипломатической, финансовой, медицинской и горной частей), подчиненных во внутренней России соответствующим министерствам.

Управление каждой из областей делилось на общее (или областное) и частное (по городам, селениям, волостям и аулам). Областные органы власти возглавляли военные губернаторы, которые в отношении военно-народного управления обладали правами и обязанностями губернаторов, определенных для Общих губернских учреждений в империи, но с определенными дополнениями, внесенными в проект Положения. Свои функции по военно-народному управлению губернатор осуществлял через областное правление. По делам хозяйственным, финансовым, судебным и обсуждению законов оно составляло коллегиальное учреждение, что вполне соответствовало общеимперскому положению, а в прочих случаях действовало как канцелярия военного губернатора. Проект 1867 г. фактически устанавливал полный контроль над деятельностью правления со стороны губернатора, который получал право по своему усмотрению изменять даже его коллегиальные решения (за исключением судебных дел).

Новый закон заменял созданные в 1865 г. отделы более привычными для системы внутренней империи уездами, все управление в которых сосредоточивалось в лице уездного начальника. Специальное городское начальство учреждалось в Ташкенте. Должность городничего появилась в г. Верном. Ташкентскому градоначальнику и верненскому городничему подчинялись расположенные в этих городах войска.

Проект Положения 1867 г. стал новым шагом и в деле упорядочения управления территориями. Он делил все коренное население края по условно-этнографическому признаку на сартов (в

⁴ Цит. по: Толбухов Е. Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913. Т. 132. № 6. С. 892.

основном оседлое) и киргизов (главным образом кочевое население — казахов и кыргызов) с определенными различиями в системе местного управления. Кочевое население в каждом уезде делилось на волости, волости — на аулы. Волости возглавляли волостные управители, аулы — аульные старшины. Волостные и аульные избирались населением сроком на три года на аульных сходах и волостных съездах. Выборы должностных лиц низшей администрации были двухступенчатыми. Утверждение волостных осуществлялось военным губернатором, а аульных — уездным начальником. В местах жительства оседлого населения Сырдарьинской области местная полицейская и распорядительная власть находилась в руках аксакалов. Процедура их выборов устанавливалась в том же виде, что и у кочевников. Аксакалы пользовались властью волостных управителей кочевого населения. Созданные прежде институты мехкеме и управляющие туземным населением упразднились как не соответствующие идее замены традиционных учреждений общеимперскими.

Ставя ближайшей задачей русской администрации упрочение нового порядка, документ определял переходное положение власти от роли наблюдательной, последовавшей за завоеванием, к роли организующей, перспективной целью которой было введение Центральной Азии в общегражданскую жизнь Российской империи. Проект 1867 г. казался центральным властям несовершенным и был принят как временный.

§ 3. ПРОЕКТЫ ТУРКЕСТАНСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ 1871 и 1873 гг.

В 1871 и 1873 гг. под руководством Кауфмана были составлены новые варианты «Положения об управлении Туркестанским краем». В первом из них признавалось необходимым расширить право краевой власти применять те или другие общеимперские законы, исходя из местных условий. Предлагалось учредить в Туркестане под председательством генерал-губернатора Совет главного управления из представителей от министерств, который объявлялся высшим правительственным и учредительным «местом» в крае. Таким образом, Совет ставился на совершенно особый уровень, сопоставимый разве только с общеимперским Комитетом министров (только регионального уровня). Совет главного управления

должен был получить право дополнять и разъяснять туркестанское Положение, указывать порядок, сроки и способ применения общеимперского законодательства, разъяснять и формулировать правила шариата. Наконец, полагалось, что он приобретет функции высшего судебного, земского и главного поземельного учреждения. Создание главного управления преследовало две цели: формирование единой концепции туркестанской политики в краевом центре и объединение всех органов гражданского управления в генерал-губернаторстве.

Перемены предлагались и в отношении уездных органов власти. В 1871 г. Кауфман настаивал на необходимости разделения военной и гражданской власти на уровне уезда, т.е. требовал привести положение в уездах в соответствие с общеимперским. Уезды предлагалось разделить на участки и предоставить участковым начальникам права становых приставов. По проекту территория каждого уезда делилась на волости (как в 1867 г.), а волости — на округа. Структура волостного управления, его права и полномочия оставались практически без изменений.

В глазах краевой власти проект Положения 1871 г. являлся, безусловно, проявлением стремления не только распространить на Туркестан общеимперские установления, но и надежно закрепить его в составе единого государства. Тем не менее значительное расширение прав генерал-губернатора и введение порядков, мало согласованных с управлением в других частях империи, встретили существенные возражения со стороны министерств. Проект был отозван канцелярией туркестанского генерал-губернатора для переработки.

Работа над новым вариантом туркестанского Положения началась уже в 1872 г. в созданной распоряжением генерал-губернатора Кауфмана комиссии под руководством начальника Зеравшанского округа генерала А.К. Абрамова, а завершилась к концу следующего года. В 1873 г. военному министру был представлен другой, более согласованный с общеимперским законодательством проект Положения. В нем уже не упоминался Совет главного управления, зато значительно усиливались права и полномочия канцелярии генерал-губернатора. Краевой совет предлагалось заменить ведомственными органами ряда центральных министерств с подчинением их непосредственно Военному министерству (и соответственно генерал-губернатору). Очередной проект фактически распространил на Туркестан нормы управления кочевым населением,

установленные в Степных областях, лишь незначительно их дополнив.

Доработанный комиссией при Военном министерстве текст в 1874 г. поступил на обсуждение в заинтересованные министерства. Пересмотренный с учетом замечаний центральных ведомств, он сохранял особые полномочия генерал-губернатора, но предлагал ограничить его право самостоятельно изменять некоторые общеимперские законоположения. Отделение финансовой, почтовой и судебной частей оставляло в сфере обязанностей областных правлений лишь те функции, которые по Общим губернским учреждениям были возложены на губернские правления внутренней России с добавлением в туркестанских областях местного управления государственными имуществами и обязанностей бывшего приказа общественного призрения, а также делопроизводства и счетоводства по земским повинностям. Кроме того, проект 1873 г., в силу особого значения колонизации края, предлагал возложить на областные правления заведование устройством русских поселений в Туркестане и все переселенческие вопросы. Таким образом, устройство областных учреждений в еще большей степени приближалось к общеимперскому.

Проект Положения 1873 г., вместо принятого в 1867 г. деления местного населения на киргизов и сартов, предполагал установить более точное деление коренного населения по хозяйственно-социальному признаку — на оседлых и кочевых. Тем и другим предполагалось дать совершенно единообразную полицейско-административную организацию по образцу двухступенчатого киргизского управления. К участию в сельском и аульном сходах, вместо прежнего ограниченного состава, предполагалось допустить всех домохозяев и юртовладельцев. Этот проект предлагал допустить некоторое ограничение при выборах на должности волостных управителей. Таким образом, законодательство 1873 г. предполагало присвоить туркестанским местным жителям права сельских обывателей империи с некоторыми исключениями в пользу сохранения народных обычаев. При этом российская власть намеревалась административными мерами обеспечить себе лояльность народных избранников.

Проекты 1871 и 1873 гг. были двойственны по своему характеру: с одной стороны, они тяготели к принципам общеимперского управления, с другой — к перенесению центра тяжести в управлении из Петербурга в Ташкент. И хотя ни один из них не был офици-

ально утвержден, основные элементы Положения 1873 г. были введены в действие в Зеравшанском округе (позже — в Ферганской области) и в Амударьинском отделе, т.е. на тех территориях, которые были присоединены к Туркестанскому краю после 1867 г. и которые формально не подпадали под действие временного Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями.

§ 4. ОСОБЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Выше отмечалось, что проект Положения 1867 г. вводил в крае унифицированное территориальное деление на области и уезды. Однако на практике устройство Туркестанского генерал-губернаторства имело более сложный характер.

В 1868 г. из завоеванной части бухарских владений и присоединенных в 1870—1871 годы к Российской империи некоторых мелких горных бекств в составе края был образован Зеравшанский округ. В административном отношении округ разделялся на два отдела — Самаркандский и Катта-Курганский и управление Нагорными тюменями с центром в Пенджикенте. По своей территории и численности населения округ должен был быть приравнен не к губерниям, а к уездам Европейской России. С момента своего учреждения он не имел утвержденного в законодательном порядке документа об управлении и статусе. Здесь были введены временные правила, разработанные краевой администрацией на основании проекта Положения 1867 г. Позднее отдельными распоряжениями генерал-губернатора эти правила подвергались дополнениям и изменениям, в результате которых начальник Зеравшанского округа стал пользоваться правами и нести обязанности наравне с военными губернаторами областей. Подчиняясь непосредственно генерал-губернатору, он действовал через состоявшую при нем канцелярию и чиновников для поручений. Никакого коллегиального учреждения в округе не было. Выборное начало в отношении местной первичной администрации было весьма ограничено, чего нельзя сказать о широких правах начальника округа в отношении суда, казенных податей, земских и общественных сборов, а также городского хозяйства. Иными словами, при учреждении округа начала общеимперского губернского управления были проигнорированы.

Одной из особых административных единиц был Амударьинский отдел, преобразованный из Амударьинского округа, возникшего в 1873 г. на землях, отторгнутых от Хивинского ханства. Особый статус этого отдела, близкий к областному, объяснялся не только его удаленностью от центра, но в первую очередь стремлением иметь постоянный и жесткий контроль за положением в Хиве, а также необходимостью осуществлять соответствующие дипломатические функции.

Поиски наиболее эффективной системы управления велись и в Ферганской области, созданной в 1876 г. на территории окончательно завоеванного Кокандского ханства. В соответствии с высочайшим повелением генерал-губернатору предписывалось самостоятельно ввести временное управление в области, исходя из местных условий. Сразу после создания Ферганской области Кауфман учредил здесь областное правление, предписав ему в гражданских делах руководствоваться действующим в крае проектом Положения 1867 г. и последующими узаконениями. Но такой порядок просуществовал недолго. Уже через несколько месяцев генерал-губернатор предложил принять к руководству неутвержденный проект Положения 1873 г., применив проект 1867 г. лишь к делам судебным.

Говоря об особых административно-территориальных единицах, следует иметь в виду не только амбициозность местных администраторов, но и особое их геополитическое положение, и специфику населения, и поиск наиболее эффективных управленческих решений, который непрерывно велся в рассматриваемый период.

§ 5. ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ТУРКЕСТАНЕ

В особом управлении находились туркестанские города, состоявшие из двух частей — «русской» и «туземной». Во главе городов стояли городничие, заведовавшие городской полицией, наблюдавшие за сбором податей и исполнением предписаний и требований начальства, разбиравшие жалобы русских поселенцев на городских «туземцев» и т.д. По Временному положению об управлении Туркестанской областью 1865 г. первичную администрацию коренного населения в «туземных» частях составляли выборные из местных жителей: старший аксакал (соответствовал городскому голове), *аксакалы* (гласные городской думы) — заведующие кварталами в полицейском отношении, *раис* — помощник городничего по поли-

цейскому управлению из местного населения, казий — исполняющий обязанности судьи. Должностные лица местного городского управления получали предписания и исполняли требования, исходявшие от городничего, и подчинялись ему лично.

Проект Положения 1867 г. вводил в Ташкенте должность городского начальника, приравненную по статусу к положению начальника уезда, должность его помощника и городскую канцелярию. Более высокий статус получал и верненский городничий. В 1877 г. в Ташкенте было введено Городовое положение, и городское хозяйство перешло в распоряжение думы и городской управы. В то же время рассмотрение дел о городском хозяйстве, относящееся в остальной России к ведомству министра внутренних дел, передавалось в ведение генерал-губернатора. Ему же подлежало утверждение регламента городской управы и торговой депутации (по надзору за торговлей). Должность городского головы совмещалась с должностью начальника города Ташкента, что также противоречило общеимперскому закону. Рассматривая вопрос о действии Городового положения в Ташкенте, необходимо отметить, что «русская» часть города, имевшая жителей в шесть раз меньше «туземной», была представлена в общей городской думе 48 депутатами, а коренное население — только 24 лицами. Поэтому все вопросы в ней должны были решаться русским меньшинством.

В старой части города обязанности полиции, под наблюдением уездной администрации, лежали на *курбаши*, его помощнике и аксакалах. В их распоряжении состояла вольнонаемная полицейская стража из коренных жителей. Городское хозяйственное управление «русской» частью города состояло из председателя, нескольких членов и секретаря, назначавшихся вышестоящим начальством. В полицейском отношении «русская» часть находилась в заведовании городничего.

В основе Городового положения лежала самостоятельность действий городского общества в пределах, установленных законом. Но Кауфман не считал возможным предоставить эти права горожанам. Генерал-губернатор, вопреки основному принципу самоуправления, установил обязательные расходы для города, которые не были предусмотрены Городовым положением и доходили до пятой части всех городских доходов.

Важно обратить внимание на еще одну особенность Туркестанского края. В 1867 г. места пребывания главного, областных и уездных управлений стали пользоваться правами городских поселений.

Эти поселения, называвшиеся городами, за исключением Ташкента, не могли еще самостоятельно вести свое городское хозяйство, не имея для этого достаточных средств. Поэтому генерал-губернатор был вынужден присоединить к ним ближайшие «туземные» поселения и обложить их сбором для покрытия городских расходов.

§ 6. УСТРОЙСТВО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ТУРКЕСТАНЕ

Несмотря на то что органы местного самоуправления создавались в крае по общеимперскому образцу, законодатели ставили их под контроль администрации, лимитируя их и без того ограниченную самостоятельность. Организация местной власти имела массу недостатков: ограничение избирательного начала, наделение органов самоуправления полицейскими функциями, отсутствие единообразия в функционировании этих органов у разных слоев населения и в разных районах генерал-губернаторства, несостоятельность деления населения по этнографическому признаку, постепенность и нерешительность реальных изменений в отличие от более радикальных проектов и т.д. Однако главной тенденцией оставалось приобщение местных жителей и органов общественного управления коренного населения в Туркестане к положению низших податных сословий внутренней России и системе сельского самоуправления империи.

Еще разработчики проекта Положения 1867 г. пришли к выводу о невозможности сиюминутного подчинения коренных жителей общеимперскому судопроизводству. Поэтому в сферу ведения российского суда отнесли только дела переселенцев из внутренних районов империи (спору между собой и с местным населением, между жителями оседлых и кочевых районов), а также наиболее тяжкие преступления. Другими словами, была сделана попытка создать новую судебную систему параллельно традиционной в надежде, что «справедливый русский суд» станет более привлекательным для коренных жителей. В зависимости от вида судебных дел имперская судебная власть в крае принадлежала уездным судьям, временным военно-окружным комиссиям, областным правлениям на правах Палаты уголовного и гражданского суда и съезда мировых судей, а также Правительствующему Сенату. В 1878 г., не получив на то «высочайшего соизволения», обязанности дополнительной кассационной инстанции в крае принял на себя генерал-губерна-

тор. Судебными вопросами в канцелярии главного начальника края ведало специальное судебное отделение, не имевшее аналога в остальной России.

Важной частью туркестанской правоохранительной системы оставалось «туземное» судопроизводство. Специальные народные суды на основе шариата (т.е. мусульманского права) и адата (т.е. обычного права) для разбора дел, в которых не были замешаны русские, были установлены еще в 1865 г. Более детально традиционное судопроизводство рассматривалось в проекте Положения 1867 г. (где суд, как и самоуправление, был разделен по этнографическому признаку). Суд биев (на основе адата) для кочевников объявлялся гласным и публичным. Бии избирались населением волости и утверждались военным губернатором. Для решения дел, выходящих за пределы их компетенции, назначались периодические съезды всех биев волости. Подобным же образом был организован и суд казиев (на основе шариата) у оседлого населения, на который туркестанская администрация смотрела как на пережиток прошлого, рассчитывая, что сам он постепенно придет к упадку. В 1881 г. предполагалось несколько расширить юрисдикцию российского суда в отношении коренного населения, определить систему наказаний, налагаемых биями и превратить их регулярные съезды в вышестоящие инстанции народного суда для кочевников.

Российское законодательство по Туркестану убеждает, что новая власть весьма осторожно отнеслась к традиционному суду. Сохраняя народные суды, правительство надеялось, что они не выдержат конкуренции с европеизированным имперским судом. Практика же в этом далеком крае, как всегда, расходилась с законодательной теорией. Хотя мероприятия главного начальника края в целом свидетельствовали о стремлении сохранить за решениями народного суда ту устойчивость, которая была заложена в проект Положения 1867 г., его циркулярные распоряжения, запрещавшие отмену окончательных решений народного суда, нередко нарушались им же самим и даже военными губернаторами.

§ 7. НАСЛЕДИЕ КАУФМАНА

Весной 1881 г., вскоре после убийства Александра II, К.П. фон Кауфман тяжело заболел и отошел от дел, а через год скончался. За пятнадцать лет его деятельности на посту туркестанского генерал-

губернатора были пройдены первые шаги в освоении Россией новой территории и заложены основные принципы взаимоотношения российской власти с покоренным населением.

Первый Главный начальник края обладал исключительными полномочиями. В своих действиях он был подотчетен по «дипломатической части» Азиатскому департаменту МИД, а по вопросам общего управления — Азиатской части Главного штаба. Фактически Кауфман более или менее четко выполнял первое предписание. Второе же стало правилом лишь при его преемниках. Для первого генерал-губернатора это было лишним. Кауфман пользовался особым доверием имперского правительства и мог напрямую общаться с военным министром и с самим императором. Более того, он нередко обращался к государю с просьбами санкционировать уже осуществленные в крае мероприятия, а иногда присваивал себе неотъемлемые prerogatives верховной государственной власти. Не следует забывать о том, что генерал-губернатор мог и ослушаться императорской воли. Но надо признать, что позволить себе все это мог только Кауфман и только при Александре II.

По прибытии в край первый генерал-губернатор убедился, что привыкшие к авторитарному стилю местные жители не воспримут в качестве своего нового законного правителя всего лишь царского чиновника, пусть и достаточно важного. Именно в силу этих обстоятельств у южной границы империи появился «полуцарь» (*ярым-паша*) с практически безграничными правами.

Главное управление в Русском Туркестане приобрело следующие характерные особенности. Во-первых, значительно усилилась единоличная власть генерал-губернатора, что не могло не сказаться на жесткой централизации и персонификации системы управления на краевом уровне. Во-вторых, канцелярия главного начальника края поставила под свой контроль администрацию областей, подобное положение было несвойственно для высшего управляющего органа Российской империи. В-третьих, главная краевая администрация по особым полномочиям получила возможность изменять, дополнять, ограничивать и даже отменять действие общегосударственного российского законодательства на подведомственной территории. Все это позволяет определить характер деятельности туркестанского генерал-губернатора как автократию, вызванную, безусловно, особым военно-политическим положением края, что было продиктовано стремлением осуществить слияние Туркестана с остальной империей в максимально короткий срок.

§ 8. Подготовка нового Положения об управлении Туркестанского края в 1881 г.

В самом начале 1881 г., незадолго до своей гибели, Александр II дал указание оперативно подготовить новый проект Положения для Туркестана. С этой целью в Ташкенте была создана комиссия под руководством военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского (исполнявшего обязанности генерал-губернатора в связи с болезнью Кауфмана). Документ, работа над которым была завершена в конце 1881 г., сохранял основные положения проекта 1873 г., учитывал новые туркестанские реалии и требование императора о возможном уменьшении расходов на управление краем.

Комиссия 1881 г. соглашалась с тем, что положение генерал-губернатора Туркестанского края должно было отличаться от общеимперского. Подчинение частей общего управления в генерал-губернаторстве соответствующим министерствам, по ее мнению, внесло бы разнь и ослабление власти там, где были нужны единство и сила. Поэтому для сохранения целостности администрации проект предполагал сконцентрировать все отрасли управления в лице главного начальника края, подведомственного военному министру. Была зафиксирована четкая система подчинения областного правления военному губернатору, а последнего — генерал-губернатору, что оправдывалось общеимперской и местной практикой. Поддерживалось ставшее уже очевидным мнение об отделении судебной власти в крае от административной. Областные правления должны были исполнять главным образом обязанности губернских правлений. Кроме того, на них, как и прежде, возлагались функции канцелярии военного губернатора и вообще всех губернских учреждений, которые еще не были созданы на местах. Из проекта 1881 г. было исключено положение о том, что областные правления имеют право применять общеимперские установления по своему усмотрению — безусловное подтверждение идеи о стремлении официальных властей к постепенной ликвидации различий в административных системах Туркестана и внутренних губерний России.

Проект Положения 1881 г. вновь возвращался к идее дробления уезда на участки и предлагал ввести городские полицейские управления только в городах Ташкенте и Верном. Он (как и проект 1873 г.) приравнивал туркестанских сельских и аульных старшин и волостных управителей в правах и обязанностях к соответствующим

щим должностным лицам в сельских обществах империи. Учреждение сельских сходов и волостных съездов для заведования общественными, хозяйственными делами и выбора должностных лиц допускалось на основаниях общероссийского Положения 19 февраля 1861 г. с учетом местных условий.

Таким образом, проект Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве 1881 г. в целом сохранял основные начала, заложенные в предыдущих (1867 и 1873 гг.) проектах, и продолжал главную тенденцию российского законодательства по Туркестану — стремление к перспективному слиянию центрально-азиатской окраины с внутренними частями империи. Вместе с тем проект 1881 г. предполагал усиление власти генерал-губернатора и военных губернаторов, неуклонно подтверждал подведомственность общего управления края Военному министерству и нераздельность военной и гражданской администрации (во всяком случае на краевом и областном уровне).

§ 9. РЕВИЗИЯ СЕНАТОРА ГИРСА

В 1882 г. в Ташкент был назначен второй главный начальник края, М.Г. Черняев (1882—1884), к которому император Александр III испытывал особую симпатию не только как к доблестному покорителю Центральной Азии, но и как к стороннику близких новому монарху консервативно-почвеннических воззрений. Стремясь переустроить Туркестан по-своему, генерал Черняев весьма критично отнесся ко всему кауфманскому. Многие прежние начинания были приостановлены, влиятельные единомышленники Кауфмана — Колпаковский, Абрамов и другие — покинули Туркестан. Черняев приступил к пересмотру принципов организации управления в крае. Была провозглашена борьба с превышением власти и проведено несколько судебных процессов над должностными лицами. Деятельность М.Г. Черняева была недолгой, но оставила в истории региона заметный след. В частности, по инициативе нового генерал-губернатора из Петербурга была назначена ревизия Туркестанского края под руководством сенатора Ф.К. Гирса (прежде возглавлявшего Степную комиссию), которая в 1883 г. и представила очередной проект туркестанского Положения.

В преамбуле к ревизскому проекту Гирс писал, что «при настоящем настроении края и благоприятно сложившейся внешней

политике нашей в Средней Азии нет причины приостанавливать движение развития края на пути объединения его с общими учреждениями империи»⁵. В связи с этим военно-народное управление как отжившее свой век и не удовлетворявшее современным потребностям края предполагалось заменить управлением на общем основании с незначительными изменениями в соответствии с местными условиями.

Тенденция к замене военно-народного управления в крае на общеимперское гражданское проявляется в стремлении составителей проекта 1883 г. максимально приблизить власть генерал-губернатора и его канцелярии к положению соответствующих властей и управлений в других окраинах, а в перспективе и во всей империи; вывести из ведения краевого начальства и передать соответствующим министерствам некоторые управления отдельных ведомств, а общее администрирование, в перспективе, министерству внутренних дел; начать разделение военной и гражданской власти; реорганизовать судебную часть в генерал-губернаторстве на общеимперских основаниях и т.п.

Проект Положения, разработанный по итогам работы ревизии Гирса, сохранял традицию законопроектов 1873 и 1881 гг. в делении местного населения на две категории (оседлое и кочевое). Касаясь вопросов местного управления кочевого населения, составители проекта 1883 г. однозначно высказывались в пользу сохранения выборного начала, но с недоверием отнеслись к расширению избирательного права, считая, что оно может принести больше вреда, чем пользы для народа. Волостные управители должны были утверждаться в своих должностях военными губернаторами. Уездный начальник приобретал теперь право в исключительных случаях временно отстранять волостного от исполнения служебных обязанностей. Утверждение в должности аульных старшин, смена и отстранение их за злоупотребления зависели также от уездного начальника. Проект 1883 г. предлагал узаконить двухступенчатую систему общественной администрации с тем, чтобы сельское управление оседлого населения (как и кочевого) состояло из волостного съезда и волостного управителя, сельского схода и сельского старшины (соответствующего аксакалу). Порядок выборов местных властей, права и обязанности оседлого и кочевого населения совпадали.

⁵ [Гирс Ф.К.] Объяснительная записка к проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. Б.м., [1883]. С. 10.

Развивая общеимперскую тенденцию в управлении краем, ревизия Гирса предполагала заменить должность ташкентского градоначальника более приемлемой должностью полицмейстера, а пост «туземного» помощника начальника города признавала целесообразным сохранить с переименованием его в должность старшего полицейского аксакала. Во всех прочих городах заведование полицией возлагалось на уездных начальников или особых полицейских приставов.

§ 10. ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ 1886 г.

20 января 1884 г. последовало высочайшее повеление об образовании особой межведомственной комиссии для изучения итогов деятельности ревизии Ф.К. Гирса и разработки окончательного проекта положения об управлении Туркестанским краем под председательством бывшего главы дипломатической миссии в Хиву и Бухару (1858 г.) и директора Азиатского департамента МИД, недавнего министра внутренних дел графа Н.П. Игнатьева. В ее работе принимали участие представители министерств, участники ревизии, некоторые лица, служившие в крае при Кауфмане и участвовавшие в составлении проекта 1881 г., а также новый туркестанский генерал-губернатор Н.О. фон Розенбах. Перед сотрудниками комиссии была поставлена уже знакомая задача устройства гражданского управления в крае с учетом местных условий ради прочного закрепления Туркестана за Россией, сокращения казенных расходов на его управление и увеличения доходов.

Новый проект Положения об управлении Туркестанского края по некоторым позициям существенно отличался от предыдущего (ревизского). Его особенности сводились к следующему: 1) если Гирс в 1883 г. вполне определенно наметил переход края в ведение МВД, то комиссия графа Игнатьева однозначно оставляла генерал-губернаторство в ведении Военного министерства; 2) вместо единой соединенной палаты уголовного и гражданского суда было предложено учредить в каждой области свой суд с правами губернских соединенных палат и мировых съездов; 3) организация общественного управления кочевым и оседлым населением должна была стать фактически идентичной, хотя и оставалась под жестким контролем уездной и областной администрации.

Подготовленный проект Положения в 1885 г. подвергся обсуждению в министерствах и критике нового туркестанского генерал-губернатора. В январе—марте 1886 г. он был вынесен на обсуждение Государственного Совета. После внесенных исправлений 12 июня того же года удостоился высочайшего утверждения и с 1887 г. был введен в действие.

Важнейшей особенностью Положения об управлении Туркестанского края 1886 г. стало включение в административную систему генерал-губернаторства управлений отдельными частями различных ведомств, сохранявших подотчетность соответствующим министерствам. Кроме того, все должности, за исключением военных губернаторов (и, естественно, генерал-губернатора), теперь могли замещаться как военными, так и гражданскими лицами. И хотя управление Туркестанским краем в целом оставалось в ведении военного министра, вышеуказанные нововведения безусловно демонстрировали стремление распространить в крае новые элементы общеимперской губернской системы.

Однако справедливости ради следует отметить, что новый закон утвердил и существенные экстраординарные элементы местной административной системы. Так, наиболее значительным изменением стало учреждение Совета генерал-губернатора, что было продиктовано необходимостью создания при генерал-губернаторе коллегиального органа, обсуждению которого подлежали бы земские и поземельно-податные дела, а также законодательные и другие важнейшие аспекты управления Туркестанским краем. Примечательно, что по вопросам общего управления краем заключения Совета имели совещательное значение. Дела, касавшиеся земского хозяйства и поземельно-податного устройства, решались большинством голосов. В то же время в исключительных случаях главный начальник края получал право проводить в жизнь собственные решения, не согласуясь с мнением большинства в Совете. Появление этого органа не следует рассматривать в ракурсе обособления государственной окраины. Истинная причина нововведения кроется в несовершенстве туркестанской административной системы, в невозможности за короткий срок без социальных потрясений инкорпорировать край в состав единой империи и придать ему общеимперский губернский характер.

Положение 1886 г. впервые регламентировало и предметы ведения управляющего канцелярией генерал-губернатора. Областное правление должно было исполнять обязанности и пользоваться

правами губернского правления. На основании Общего губернского учреждения вводился новый орган — канцелярия областного правления. Положение 1886 г. одобрило разделение гражданской и военной властей на уездном уровне. Наконец-то уездный начальник превращался в гражданского чиновника (наделялся правами и обязанностями уездного исправника и уездного полицейского управления). Уезды делились на районы (участки), которыми заведовали участковые приставы с правами и обязанностями становых приставов по Общему губернскому учреждению. Таким образом, на уровне уездной администрации законодательно закрепились тенденции к распространению на Туркестан общегосударственных губернских установлений.

Положение 1886 г. предоставило военным губернаторам право вводить в городах упрощенное общественное управление на основании ст. 2109 Общего губернского учреждения. Полицейское управление в «русских» частях городов максимально приближалось к общеимперскому, а в «туземных» передавалось в руки выборных из среды местных жителей аксакалов (заведовавших отдельными городскими частями) и назначаемых военными губернаторами старших аксакалов, осуществлявших высший полицейский надзор в городе.

Закон представил усовершенствованную систему организации власти у оседлых жителей края. Вызвано это было тем, что с течением времени неуклонно возрастала доля именно оседлого населения среди коренных жителей, поскольку на переход к оседлости и была нацелена политика русской власти в этой части империи. Если проект Положения 1867 г. учреждал волостное деление лишь для кочевников, то в 1886 г. оно было распространено и на оседлых жителей. Местное управление в крае приобрело практически единообразный характер. Теперь и оседлое и кочевое население в каждом уезде делилось на волости, а волости — на сельские общества (аксакальства). Во главе волостей стояли выборные волостные управители (мингбаши), а в сельских обществах — сельские старшины (аксакалы). Процедура выборов общественной администрации и состав сельского схода полностью соответствовали Общему положению о крестьянах 1861 г. Аксакалы избирались на общем сходе сельских обществ простым большинством голосов. Здесь же избирались мирабы для заведования второстепенными арыками (заведование главными оросительными каналами возлагалось на назначавшихся военными губернаторами арык-аксакалов), пятиде-

сятники (элликбаши) от каждых 50 хозяйств, составлявшие волостной съезд, который выбирал волостного управителя. Аксакалы и волостные управители утверждались в должностях уездными начальниками и военными губернаторами соответственно. Права, обязанности и круг деятельности волостного управителя, сельского старшины, волостного съезда и сельского схода определялись Общим губернским учреждением, хотя и с определенными дополнениями. Ведению волостного съезда подлежали избрание народных судей и раскладка общественных сборов и повинностей, относящихся к нескольким сельским обществам. Волостной управитель обязан был приводить в исполнение судебные решения и правительственные распоряжения, следить за изменением численности населения, наблюдать за своевременным поступлением всех сборов и исполнением повинностей, не допускать неразрешенных сборов и неуставленных повинностей. Сельский старшина должен был созывать сходы для избрания уполномоченных по раскладке податей в селениях, собирать с населения все подати и повинности и представлять их в казначейство.

Таким образом, более глубокая регламентация прав, обязанностей и полномочий русской администрации в крае, окончательное разделение военной и гражданской власти на уездном уровне, четкое структурирование местной администрации, ее унификация для коренного населения, создание условий для развития оседлости в крае и русской колонизации, приближение оседлого коренного населения по своему положению к жителям центральных районов империи, учреждение в крае отраслевых учреждений центрального подчинения наряду с сохранением сильной власти генерал-губернатора и созданием совета при нем — все это указывает на стремление интегрировать Туркестан в состав империи, построить организацию управления и быта населения края на основе порядков, установленных для других областей России.

Судебная часть в генерал-губернаторстве была максимально приближена к общеимперскому положению. Народный суд по-прежнему оставался под контролем общей администрации, предметы его ведения ограничивались в пользу русского суда, регламентировались права и обязанности народных судей.

Новый закон наконец-то создал унифицированную административно-территориальную систему в крае. Генерал-губернаторство состояло из трех областей: Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской. Семиреченская область с 1882 по 1898 гг. входила в

состав Степного края. В Сырдарьинскую область входили Амударьинский отдел (сохранял особый статус в силу своего особого геополитического положения) и пять уездов — Казалинский, Перовский, Чимкентский, Аулиеатинский и Ташкентский. Из пяти уездов состояла и Ферганская область: Кокандского, Маргиланского, Андижанского, Наманганского и Ошского. Созданная вместо Зеравшанского округа Самаркандская область включала четыре уезда: Самаркандский, Катта-Курганский, Ходжентский и Джизакский. Каждый уезд состоял в среднем из 3 участков и 20 волостей.

Положение 1886 г. стало окончательным вариантом основного закона для Туркестанского края, итогом двадцатилетней законотворческой деятельности местных и центральных властей, свидетельством сохранения главной тенденции политики царского правительства в Центральной Азии, направленной на органическое слияние Туркестана с остальной империей, частным проявлением общего курса имперской политики в отношении окраин.

§ 11. СТЕПНОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

В начале 1880-х гг. царское правительство провело работу по изменению ряда глав Временного положения по управлению Степными областями 1868 г.⁶ Эти изменения явились логическим продолжением внутренней политики правительства Александра II, а затем Александра III. Вспомним, что Положение 1868 г. создавалось как экспериментальный документ и носило временный характер. В целях приспособления законодательных положений по управлению краем царское правительство, учитывая местные реалии, постоянно вносило в него коррективы, соответствовавшие своим стратегическим планам и принципам наибольшей целесообразности при решении этноконфессиональных проблем.

Параллельно с пересмотром текста Положения, правительство провело изменения в территориально-административном делении края. Были ликвидированы Оренбургское и Западносибирское генерал-губернаторства, в административное ведение которых до 1881 г. входили Степные области. В 1881—1882 гг. было образовано Степное генерал-губернаторство.

⁶ См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1291. Оп. 82. 1881 г. Д. 27. Л. 1—58; РГИА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 246. Л. 1.

Получив некоторый опыт администрирования и проанализировав результаты реализации законопроекта об управлении землями от 1868 г., правительство в начале 80-х годов XIX в. ввело раздельное управление Младшим и Средним казахскими жузами⁷. Территория Старшего жуза временно разделялась между Степным и Туркестанским генерал-губернаторами. Семиреченская область входила в состав Степного генерал-губернаторства, а Сырдарьинская — Туркестанского. Эта структура сохранялась с 1881 по 1898 г. В 1898 г. Семиреченская область вернулась под юрисдикцию Туркестанского генерал-губернатора. Вопрос со Старшим жузом не был решен окончательно, и его двоякий статус сохранялся вплоть до 1917 г.

Управление Уральской и Тургайской областей обособлялось. Эти области, исторически объединявшие большую часть Младшего жуза, получили некоторую автономность и специальное управление, Главными начальниками областей стали Уральский и Тургайский губернаторы. Параллельно с этим они впервые обретали законодательное право прямого выхода на вышестоящие государственные инстанции, минуя Степного генерал-губернатора, так как его полномочия не распространялись на эти области.

Экспериментальный и временный характер законоположений по управлению краем сохранялся вплоть до 1890 г. К этому времени царским правительством был завершен проект постоянного Положения по управлению Степными областями, который был введен в действие в 1891 г. вслед за изменениями административно-судебной системы Туркестанского края 1886 г.

25 марта 1891 г. вышел указ по Правительствующему Сенату императора Александра III о введении в действие Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями⁸. Согласно этому Положению управление областей составляли: 1) главное управление в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях в лице Степного генерал-губернатора; 2) управление отдельными частями разных

⁷ См.: *Нарбаев Н.Б.* Россия и Евразия: Проблемы государственности. М., 1997. С. 164—165; *Бекмаханова Н.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986. С. 87; *Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления.* М., 1997. С. 339.

⁸ См.: *Полный свод законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ).* Собр. III. Т. XI. № 7475. § 1—7.

ведомств, например почтового, финансового, горного и лесного дела, путей сообщения и т.д.; 3) местные административные и судебные учреждения: а) областные, б) уездные, в) городские, г) сельские. Местопребыванием главного правления для Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей назначался город Омск, а областных управлений: в Семипалатинской области — город Семипалатинск, в Акмолинской — город Омск, в Семиреченской — город Верный, Уральской — город Уральск, Тургайской — город Оренбург.

Управление казачьих войск находилось в ведении министерств военного, финансов, государственных имуществ, народного образования, госконтроля и определялось общим законодательством. Оседлые и кочевые местные жители пользовались правами сельских и городских обывателей. Права и преимущества, присваивавшиеся другим состояниям империи, ими приобретались на основании общих законов.

Главное управление Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областями вверялось Степному генерал-губернатору, определявшемуся и увольнявшемуся императором через именные высочайшие указы Правительствующему Сенату и приказы в установленном порядке. Права и обязанности генерал-губернатора, а также его отношение к верховной власти, государственным и местным учреждениям определялись правилами Общего губернского учреждения и Положением 1891 г. Во многом они были сходны с правами, обязанностями и полномочиями Туркестанского генерал-губернатора. При генерал-губернаторе состояла канцелярия.

Областное управление образовывали военный губернатор и областное правление. В Семиреченской и Уральской областях губернаторы одновременно являлись наказными атаманами казачьих войск. Военные губернаторы определялись и увольнялись по представлению бумаг министром внутренних дел, при предварительном согласовании с военным министром через именные высочайшие указы Правительствующему Сенату и приказы в общеустановленном порядке. Областное правление пользовалось нравами и исполняло обязанности губернского правления. Независимо от этого оно ведало всеми делами по области, для которых не существовало особых учреждений.

Уезды с находившимися в них городами, кроме тех, что имели особое управление, состояли в ведении уездных начальников, которые определялись и увольнялись в Акмолинской, Семипалатин-

ской и Семиреченской областях Степным генерал-губернатором, а в Уральской и Тургайской — местными военными губернаторами. Уездный начальник пользовался правами и исполнял обязанности уездного исправника и полицейского управления по общим законам империи.

Администрация кочевого населения в каждом уезде подразделялась на волостную, а внутри них — на аульную общественную. Число кибиток в волостях не должно было превышать 2000, а в аульных обществах — 200. Волости заведовались волостными управителями, аульные общества — аульными старшинами, избираемыми на 3 года. В целом система местного кочевого управления была идентична изложенной уже ранее согласно Положению 1868 г.

Общественное управление и станичный суд в поселениях казачьих войск существовали на основании особых положений об этих войсках. Управление сельского коренного населения русского происхождения образовывалось и действовало на основании учреждения общественного управления сельских обывателей. Права и обязанности уездного присутствия по крестьянским делам по отмене решений волостного суда предоставлялись областному правлению. Управление дунган и уйгур в уездах делилось на волости, а волости — на сельские общества. Волости заведовались волостными управителями, а сельские общества — сельскими старшинами. Порядок их избрания, права и обязанности, а также порядок действия волостного съезда и сельского схода определялись на тех же основаниях, что и для соответствующих лиц и учреждений кочевого населения края.

Судебные, нотариальные опекунские учреждения и народные судьи в областях образовывались и действовали на основании правил о судебном устройстве Туркестанского края. Права, присвоенные Туркестанскому генерал-губернатору по отношению к судебной и административной частям во вверенном ему крае, принадлежали в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях Степному генерал-губернатору. В каждом уезде и городах Омске, Семипалатинске, Верном и Уральске находились мировые судьи. Права и обязанности областного прокурора передавались оренбургскому губернскому прокурору и его «товарищам». Число народных судей определялось областным правлением перед выборами, однако не более одного судьи на каждое аульное или сельское общество. Выборы, права и обязанности народных судей, а также их съездов были аналогичны их выборам и съездам в Туркестанском крае.

Эта система управления степными областями сохранилась без изменений до 1917 г. В 1910 г. российское правительство начало работу по подготовке новой реформы административно-правового устройства Степного генерал-губернаторства. Однако ее осуществление было прервано Первой мировой войной и событиями 1917 г.

§ 12. ТУРКЕСТАНСКИЙ КРАЙ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В истории Туркестанского генерал-губернаторства можно выделить два периода: 1) 1865—1886 гг., когда российская власть лишь пробовала различные подходы к управлению окраиной, вела ее постепенно к органическому единению с остальной империей (в это время и организация общественной администрации, и суд, и поземельно-податные отношения во многом сохраняли традиционный характер); 2) 1886—1917 гг., когда приобщение Центральной Азии к общегосударственным порядкам и вовлечение края в экономическую жизнь страны происходили ускоренно, путем более жестких мер, и общероссийские порядки проникали практически во все сферы жизни коренного населения. В конце XIX в. в регион устремились отечественные предприниматели, правительству с трудом удавалось сдерживать крестьянскую колонизацию новых земель, росли сепаратистские и антирусские настроения в среде мусульманского духовенства, краевые власти, понукаемые из центра, теряли прежнюю плодотворную гибкость в отношениях с традиционными институтами управления, суда, ислама. В значительной степени это было обусловлено началом действия краевого Положения 1886 г. и деятельностью самих туркестанских генерал-губернаторов.

Мероприятия по введению нового туркестанского Положения заняли два года и завершились в 1888 г. Генерал-губернатор Николай Оттонович фон Розенбах (1884—1889) признавал впоследствии, что все шесть лет управления краем шла его непрерывная борьба с Петербургом. Причину низкой эффективности функционирования системы Розенбах видел в чрезмерной централизации, а выход — в расширении полномочий начальников имперских окраин. Как ему казалось, Положение 1886 г., призванное поставить местную администрацию под больший контроль центральной власти и максимально приблизить азиатскую окраину к положению внутренних

губерний империи, только мешало генерал-губернатору оперативно и эффективно управлять вверенным ему краем.

Тем не менее по инициативе главного начальника края была реанимирована часть кауфманских предприятий (экспериментальная хлопковая плантация, гренажная станция, публичная библиотека, заведение ирригацией в Фергане), уничтоженных за время второго срока управления М.Г. Черняева. В период пребывания Розенбаха у власти начали функционировать областные суды, лечебницы для коренного населения, стала складываться система русско-туземных школ. Было организовано изучение узбекского («сартовского») языка чинами русской администрации. Новый генерал-губернатор проявил себя последователем Кауфмана в политике «игнорирования» ислама.

В отношениях с сопредельными странами Розенбах выступал за невмешательство во внутренние дела соседей России, полагая, что непродуманная и амбициозная политика была способна нанести только вред авторитету империи на международной арене.

Отсутствие взаимопонимания между туркестанским генерал-губернатором и военным министром П.С. Ванновским вынудило Розенбаха подать в отставку, которая, хотя и не сразу, была принята императором. Новым главным начальником в край был назначен генерал от инфантерии барон Александр Борисович Вревский (1889—1898).

Введенное в действие с 1 января 1887 г. новое туркестанское Положение продолжало оставаться объектом острой дискуссии как между Ташкентом и Петербургом, так и в среде столичных министров. Для согласования министерских позиций и пересмотра закона по высочайшему повелению в 1894 г. была образована межведомственная комиссия под председательством члена совета министерства финансов Д.Ф. Кобеко. К началу ее работы был приурочен всеподданнейший отчет главного начальника Туркестана, подводивший итог пятилетия его службы в этой должности. Лейтмотивом критики Положения 1886 г. со стороны краевой администрации вновь стало явное сокращение пределов власти генерал-губернатора. Однако наиболее суровой критике барон Вревский подверг тезис о независимости судебных органов. Он жаловался на то, что выделение судебных функций из компетенции краевой администрации приведет к падению авторитета генерал-губернаторской власти и к снижению уважения к органам администрации в

целом. Предупреждая центральное правительство, что чрезвычайно беспокойное население некоторых районов края, в частности Ферганской области, будет сохранять реальную угрозу для спокойствия в крае до тех пор, пока вся полнота власти не вернется в руки генерал-губернатора⁹. Как показало дальнейшее развитие событий, этому пророчеству суждено было сбыться.

Работа комиссии не имела сколько-нибудь значимых законодательских последствий. Тем не менее в 1897 г. в недрах военного министерства стала вызревать идея создания на центральноазиатской окраине своего рода наместничества — объединения всех административно-территориальных единиц региона в рамках Туркестанского края. В этом, безусловно, можно усмотреть вполне объективное стремление унифицировать административное устройство Центральной Азии, хотя современники связывали столь неожиданный интерес к широкомасштабной территориальной реформе с именем начальника Закаспийской области А.Н. Куропаткина, которого военный министр Ванновский прочил в туркестанские наместники¹⁰. Но судьбе было угодно распорядиться по-иному. Куропаткин занял кресло военного министра, а реформа заглохла. Однако идея туркестанского наместничества не покинула новоиспеченного главу военного ведомства. В начале марта 1898 г. был опубликован высочайший указ (подписанный еще 26 декабря 1897 г.) о новом разграничении в Сибири и Центральной Азии. Новый министр осуществил включение Закаспийской и Семиреченской областей (последняя в свое время, до 1882 г., подчинялась Ташкенту) в состав Туркестанского края.

Единая административная система в регионе еще не была установлена, и входившие в состав края области функционировали на основании трех во многом различавшихся законов: Сырдарьинская, Ферганская и Самаркандская области — Положением об управлении Туркестанского края 1886 г.; Семиреченская область — Положением об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей 1891 г.; Закаспийская область — временным Положением об управлении Закаспийской области 1890 г.

⁹ См.: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. III. С. 369—370.

¹⁰ Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870—1910 гг.) // Исторический вестник. 1913. № 11. С. 465—466.

§ 13. СТАТУС СЕМИРЕЧЕНСКОЙ И ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

До введения в действие Степного положения 1891 г. общее управление Семиреченской областью было организовано в соответствии с проектом Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей 1867 г. Оно было сосредоточено в лице военного губернатора и в областном правлении. Военному губернатору было вверено военное и военно-народное управление областью, а также управление Семиреченским казачьим войском на правах его наказного атамана. В то же время, еще до начала 90-х гг. XIX в., в административной системе области были произведены некоторые изменения, отличавшие ее не только от внутренних губерний империи, но и от коренных областей Туркестана.

Так, в дополнение к трем основным отделениям областного правления в разное время в Семиречье были открыты строительное и межевое отделения, учреждена должность областного лесничего. К 1882 г., т.е. ко времени передачи области в Степное генерал-губернаторство, компетенция областного правления, определенная в проекте 1867 г., значительно изменилась. Некоторые отрасли управления были изъяты из его ведения. В то же время на него возлагались обязанности, не упоминавшиеся в проекте Положения. До 1889 г. заведование финансовой частью области было сосредоточено в Туркестанской казенной палате, а затем перешло в казенную палату Омска. Учебная часть с 1882 г. отошла в ведение главного инспектора училищ Западной Сибири. Почтово-телеграфные учреждения области входили в Туркестанский почтово-телеграфный округ. В 1889 г. область была включена в состав Семипалатинско-Семиреченского горного округа. Надзор за внешней торговлей со второй половины 1890 г. перешел к Туркестанскому и Семипалатинскому таможенным окружным управлениям.

Таким образом, изменение принадлежности области (переход из одного генерал-губернаторства в другое) вовсе не означал автоматического изменения подчиненности областных административных органов, что создавало некую промежуточность, пограничность области меж двух крупных административных образований, что отнюдь не вносило стройность и порядок в местную административную систему.

Управление Закаспийской областью до 1898 г. существовало автономно от Туркестанского края. Еще в 1832 г. в восточном Прикаспии было основано русское укрепление Ново-Александровское

(позднее — форт Александровский), образовавшее вскоре вместе с прилегающей территорией Мангышлакское приставство. Оно входило до 1868 г. в состав Оренбургской губернии, а позднее — в Уральскую область Оренбургского генерал-губернаторства. В 1870 г. закаспийские территории подчинялись Кавказскому наместничеству. Здесь были образованы уже два приставства — Мангышлакское и Красноводское. Первое находилось в ведении военного губернатора Дагестанской области. Вторым руководил начальник штаба главнокомандующего Кавказской армией.

Такое раздвоение управления было устранено лишь в 1874 г. (во Временном положении о военном управлении в Закаспийском крае), когда из этих двух приставств высочайшим повелением был образован Закаспийский военный отдел с центром в Красноводске, подчиненный в военном и административном отношении главнокомандующему Кавказской армией. В ту пору на посту кавказского наместника, равно как и главнокомандующего, находился великий князь Михаил Николаевич. Высокое покровительство главных начальников Кавказа (ранее М.С. Воронцова и А.И. Барятинского, теперь младшего брата императора Александра II) придавало руководителям Закаспийской области совершенно особый статус среди коллег в Центральной Азии.

Назначение и увольнение от должности начальника Закаспия происходило через Высочайший приказ. На него возлагались обязанности и предоставлялись права губернаторов по Общим губернским учреждениям и заведование местным населением во всех отношениях. В системе созданного здесь военного управления начальнику отдела, в отличие от других центральноазиатских территорий, принадлежало исключительное право назначать представителей коренного населения на должности волостных управителей, представлять к наградам, а также подвергать всех должностных лиц дисциплинарным взысканиям и аресту. Права и обязанности приставов также определялись в весьма общих чертах и основывались на должностных инструкциях уездных исправников в империи. Однако в отношении местного управления приставы могли назначать аульных старост и подвергать должностных лиц взысканиям. Кочевое население отдела распределялось на волости и аулы в зависимости от порядка кочевания, пользования земельными угодьями или родового деления.

Что касается судоустройства, то для «традиционных» преступлений сохранялся народный суд по обычаю. Избиравшиеся насе-

лением бии утверждались начальником отдела и образовывали аульный суд. Более важные дела рассматривались судебным съездом биев пристава. Председательство на съезде возлагалось на самого пристава. Апелляционными инстанциями для народного суда становились начальник отдела и главнокомандующий армией. Для разбора преступлений кочевников против власти и государственного имущества устанавливались военно-судные комиссии.

Сравнение этого документа с «туркестанским» законодательством демонстрирует определенные отличия двух систем управления одним и тем же регионом. Самое принципиальное из них заключается в различном отношении имперской власти к местным традиционным институтам. Временное Положение 1874 г. было ближе по духу коренному населению, которое привыкло жить под властью своих родоправителей и для которого более приемлемо было видеть власть сильной и потому священной, а не избираемой и поэтому приземленной.

После завоевания Ахалтекинського оазиса 6 мая 1881 г. был опубликован императорский указ о присоединении к России текинских земель и преобразовании Закаспийского военного отдела в одноименную область с центром в Асхабаде. Летом следующего года появилось Положение об управлении Закаспийской области, сохранявшее ее в составе Кавказского военного округа. Областное управление возлагалось на начальника и состояло из штаба и специальных частей военного управления. Начальник области назначался императором и пользовался правами губернаторов внутренних губерний, частью прав главного начальника военного округа, а также весьма широкими полномочиями в финансово-хозяйственной сфере. Гражданская администрация и делопроизводство были сосредоточены в областном штабе. Управление в уездах Закаспийской области сосредотачивалось в руках уездных начальников, назначавшихся из среды военных. При них состояли помощники и уездные управления. Административные функции начальников уездов по-прежнему определялись Временным положением 1874 г.

В 1890 г. вступило в действие Временное Положение об управлении Закаспийской области, которая теперь выводилась из состава Кавказского края и переходила в непосредственное ведение военного министерства. Закрепляя прежние функции закаспийского начальника, новый закон дополнял их важнейшими дипломатическими полномочиями и обязанностями по обеспечению охраны

государственной границы. Временное Положение 1890 г. еще более, чем в Туркестане, акцентировало военную составляющую областного управления, хотя и придавало гражданской администрации более законченный вид. В военном отношении областной начальник — командующий войсками в области — пользовался правами командующего военным округом. Под его руководством действовали военно-областной совет, областной штаб и канцелярия начальника области. Новый закон не предусматривал практически никаких новшеств ни в уездном, ни в «общественном» управлении коренным населением. Вводил Положение в жизнь новый начальник области Алексей Николаевич Куропаткин.

Все местные положения и административная практика в Закаспии демонстрировали неторопливость введения в регионе российских государственных учреждений. Здесь сложился новый тип власти, суть которого состояла в симбиозе общеимперской администрации и традиционных местных институтов. Политику, проводившуюся российской администрацией в Закаспийской области, следует рассматривать как своего рода альтернативу «туркестанской» линии Кауфмана, нацеленной на приоритетное распространение в крае общеимперских установлений. Петербургское правительство и отечественные торгово-промышленные круги решали, какой из этих двух вариантов предпочесть, выбрав, в конце концов, более скорый и прямолинейный. Наглядно это представлено в присоединении Закаспийской области к Туркестанскому краю и в бесконечных попытках адаптации областных реалий к туркестанской действительности.

§ 14. ТУРКЕСТАНСКИЙ КРАЙ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Осуществление территориальной реформы 1899 г. потребовало кадровых изменений. «Новому» Туркестану нужен был новый генерал-губернатор. Им стал генерал-лейтенант Сергей Михайлович Духовской (1898—1901). Пребывание в новой должности началось для него с первой широкомасштабной вспышки антироссийских настроений — Андижанским восстанием, которое поставило под сомнение правильность курса Кауфмана на «игнорирование» ислама. Генерал-губернатор вскоре представил специальный всеподданнейший доклад «Ислам в Туркестане», в кото-

ром он предлагал выработать общегосударственный план отношения к исламу, включавший в себя недопущение создания в крае духовных мусульманских управлений, передачу их функций общей администрации¹¹.

Примечательно, что в рапорте военному министру от 5 августа 1898 г. генерал-губернатор Духовской (солидарно со своими предшественниками Розенбахом и Вревским) давал негативную оценку политико-правовой ситуации в крае: «...Установив выборное начало не только для туземной администрации, но и для суда, ослабив, даже почти устранив влияние уездной администрации на сельское управление и снабдив народный суд обширными полномочиями, Положение 1886 года, с одной стороны, затруднило наблюдение за населением, а с другой — сделало уездную администрацию лишь исполнительницей решений народного суда. В то же время полное разделение судебной и исполнительной власти, подчинив частью последнюю прокурорам и мировым судьям, которые в то же время нисколько не ответственны за спокойствие и безопасность края, должно было еще больше подорвать престиж и силу власти... Таким образом, подготовка восстания в крае вытекала из самого положения вещей и если проявилась пока лишь в Фергане, то это благодаря особенностям тамошнего населения и некоторым несчастным обстоятельствам»¹².

Из всего этого российская администрация делала вывод о необходимости введения в крае жестких кауфманских порядков, что после подавления восстания нашло свое выражение в уничтожении принципа выборности волостных управителей и судей, расширении прав местной имперской администрации, увеличении числа российских чиновников и личного состава военных гарнизонов в ферганских городах. Расследовав причины и итоги Андижанского восстания, Главный штаб выступил с предложением об усилении обрусения края, а военный министр Куропаткин высказался за ужесточение контроля над действиями мусульманского духовенства. С другой стороны, наиболее дальновидные представители правящих кругов предостерегали от опасности принятия радикальных мер в государстве, обладающем не только весьма многочислен-

¹¹ См.: Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора от инфантерии Духовского «Ислам в Туркестане». Ташкент, 1899 год // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 241—275.

¹² Там же. С. 5.

ным собственным мусульманским населением, но и имеющем протяженную границу с исламским миром¹³.

Так или иначе, восстание 1898 г. дало новый импульс для административных преобразований в Центральной Азии. Высочайше утвержденным положением Комитета министров 11 июня 1899 г. были определены основания нового устройства Туркестана, вступившие в силу с 1 июля того же года. Вошедшие в состав края Семиречье и Закаспий продолжали функционировать в соответствии со своими особыми положениями. Генерал-губернатору предоставлялось право вносить изменения в правоприменительную практику отдельных норм этих законов. Главная администрация специальных частей управления (финансовой, контрольной, учебной, государственных имуществ и др.) в Семиреченской и Закаспийской областях перемещалась в Ташкент. В столице края была образована комиссия для выработки проекта Положения об управлении Туркестанским краем в его новом составе. Она признала невозможным в обозримом будущем подчинение Закаспийской области общему для всего Туркестана управлению.

В 1901 г. главным начальником Туркестана стал генерал-лейтенант Николай Александрович Иванов (1901—1904), который едва ли не первым своим актом в новой должности обязал военных губернаторов представить соображения об изменениях, которые следовало внести в местное законодательство. В апреле 1902 г. главный начальник края объявил о создании в Ташкенте особой комиссии под председательством тайного советника К.А. Несторовского для выработки общекраевого Положения. Проект особой комиссии поддерживал тенденцию к укреплению власти генерал-губернатора за счет ограничения полномочий краевого совета. В остальном же труды комиссии Несторовского стали чрезвычайно подробной компиляцией и систематизацией всех законодательных актов, циркуляров и правил, составленной с учетом мнений представителей старшей краевой администрации и собственного опыта.

Новый проект не затрагивал Закаспийскую область, сохранявшую свое особое положение. Таково было желание военного министра А.Н. Куропаткина. В результате действующие областные начальники, подчиненные туркестанскому генерал-губернатору,

¹³ Записка министра финансов С.Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 7 (155). М., 2003. С. 198—209.

игнорировали последнего, обращаясь со всеми своими представлениями, касающимися интересов области, непосредственно к военному министру. Да и сам министр постоянно вмешивался в маломальски важные вопросы жизни Закаспия, расходуя на эту область не только свое время, но и государственные средства из особого министерского фонда для чрезвычайных нужд армии.

Работа над проектом была завершена довольно оперативно. Уже в 1903 г. он был представлен военному министру, но затерялся в недрах огромного ведомства. Неутомимый генерал-губернатор тем не менее не прекращал попыток усовершенствовать туркестанское законодательство. В феврале 1904 г. Куропаткин был отставлен с поста военного министра, а вскоре в Ташкенте скончался и Н.А. Иванов. Преемниками последнего стали генерал от кавалерии Николай Николаевич Тевяшев (1904—1905) и генерал-лейтенант Д.И. Субботич (1905—1906). Пребывание их во главе Туркестанского края не было ознаменовано сколько-нибудь активной преобразовательной деятельностью. Хотя именно в это время Военное министерство все-таки передало фактическое управление Закаспийской областью в руки туркестанского генерал-губернатора, а проект особой ташкентской комиссии оказался в центре внимания Петербурга. Вновь стала актуальной идея приведения Закаспия к общему положению туркестанских областей.

17 апреля 1906 г. было высочайше утверждено положение Совета министров о передаче управления Туркестанским краем из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел и об устройстве генерал-губернаторства на общеимперских основаниях. В то же время существенные замечания отдельных министров и министра внутренних дел, считавшего целесообразным в условиях весьма высокой революционной активности населения сохранить существующий порядок управления краем, убедили в необходимости приурочить передачу Туркестана в подчинение МВД к введению нового Положения об управлении краем.

Целый комплекс проблем, связанных с подавлением революционной активности населения, с завершением территориально-административной реформы, разработкой общего туркестанского Положения и передачей края в ведение Министерства внутренних дел, выпал на долю генерала от инфантерии Николая Ивановича Гродекова (1906—1908), бывшего приамурского генерал-губернатора, прослужившего в Туркестане до этого не один десяток лет.

В 1907 г. Совет министров выразил озабоченность затягиванием выработки туркестанского положения. Накопилось много задач, требующих первоочередного разрешения (урегулирование поземельного устройства «иностранцев», упорядочение русской колони-

зации края, использование природных богатств Туркестана в интересах государственной экономики и т.п.). Ситуация, по мнению Совета, не только не позволяла откладывать разработку проекта нового положения, но даже заставляла немедленно созвать с этой целью специальное совещание. В течение двух лет оно должно было подготовить закон, основанный на тех преобразованиях, которые правительство намеревалось ввести по всей России с учетом некоторых местных особенностей. Одновременно с составлением указанного проекта совещание должно было обсудить условия и порядков передачи края в ведение МВД.

В соответствии с высочайше утвержденным 30 июля 1907 г. положением Совета министров было образовано особое вневедомственное совещание для выработки нового Положения об управлении Туркестанского края под председательством знатока туркестанских законов и действительности К.А. Несторовского. В центре его внимания оставался проект, разработанный ташкентской комиссией 1902 г. Однако сложность урегулирования ряда специфических вопросов (указанные выше поземельное устройство, переселение, ирригация и горное дело), особое положение Закаспийской области (не исследованное наиболее «фундаментальной» ташкентской комиссией), отсутствие объективных сведений о функционировании ее администрации убедили власти в необходимости более внимательного изучения реального состояния Туркестанского края, и в особенности Закаспийской области. С этой целью высочайшим повелением по докладу военного министра 8 марта 1908 г. была назначена сенатская ревизия Туркестанского края. Работы же комиссии Несторовского были временно приостановлены, а в край назначен новый главный начальник генерал-адъютант П.И. Мищенко (1908—1909).

§ 15. РЕВИЗИЯ СЕНАТОРА ПАЛЕНА

В июне 1908 г. императором была утверждена инструкция ревизирующему сенатору, перед которым была поставлена задача проинспектировать все правительственные и общественные учреждения в крае, за исключением войск и православного духовенства. Четко формулировались важнейшие цели ревизии: подготовка окончательного Положения и выяснение возможности применения к Туркестану общеимперских законов. Кроме обычных прав ре-

визиющего сенатора, инструкция предписывала проверяющему выяснение целесообразности функционирования целых отраслей управления, злоупотреблений должностных лиц. Он мог приостанавливать действие приказов и циркуляров всех местных чиновников, включая генерал-губернатора, возбуждать уголовное преследование и отстранять от исполнения обязанностей подозреваемых администраторов и т.п.

Назначенный ревизором один из самых компетентных сенаторов граф К.К. Пален вместе с двадцатью помощниками более года тщательно исследовал все аспекты управления и экономических отношений в регионе — краевую, областную, уездную, городскую, сельскую и местную администрацию, горное дело, сельское хозяйство, дела о вопросах переселения, налоги, полицию, тюрьмы, суды и государственные имущества. Весьма подробные сообщения его комиссии стали лучшим источником для изучения Туркестана в предвоенный период¹⁴.

Пален утверждал, что настало время военному началу уступить место гражданскому элементу. Именно этот шаг должен был способствовать водворению порядка в крае. Для русского населения и оседлых местных жителей он рекомендовал ввести земство. В отношении же кочевого населения ревизия признавала правильным ограничение самоуправления. С целью устранения злоупотреблений, распространенных при выборах должностных лиц из коренного населения, он отстаивал ликвидацию избирательной системы и замену ее назначением вышестоящим начальством.

Значительное место сенатская ревизия уделила вопросу укрепления административного аппарата в Туркестане. Например, предлагалось ввести в крае общеимперское Городовое положение 1892 г. (т.е. заменить действовавшее в Ташкенте Городовое положение 1870 г.), что безусловно означало усиление административного надзора за деятельностью органов местного самоуправления. Кроме того, ревизия однозначно указывала на недостаточную численность полицейских в городах и уездах края и признавала необходимым увеличить штаты и оклады полиции.

В отношении переселенческой политики Пален предлагал отказаться от наводнения Туркестана колонистами из малоземельных

¹⁴ Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. СПб., 1910. Ч. II. Административный строй. Органы краевого, областного, уездного и сельского управления.

губерний. Он видел другой путь закрепления этих территорий за Россией и предложил иной план русской колонизации Семиречья. В столкновении интересов коренного и русского пришлого населения он отдавал предпочтение последнему, однако выступал за более медленные темпы колонизации и привлечение в край «сильных представителей русской народности». Ревизия признала допустимым отчуждение некоторой части туркестанских земель в переселенческий фонд. Все прочие земли предполагалось закрепить за местным населением на праве собственности. Вслед за этим в действие должны были вступить экономические механизмы. Приток русского капитала в Туркестан должен был превратить этот край в процветающую часть империи. Здесь же следует заметить, что ревизия считала необходимым в некоторой степени увеличить налогообложение местного населения.

Таким образом, ревизия Палена видела дальнейшую задачу государственной власти в Туркестане в окончательном приобщении края к общеимперским порядкам как в административной и общественной жизни, так и в распространении на центральноазиатскую окраину капиталистической экономики, ставшей к этому времени нормой для остальной России. Иными словами, в начале XX в. традиционная тенденция к сращиванию Туркестанского генерал-губернаторства с внутренними имперскими территориями, впервые заявленная в конце 60-х годов прошедшего столетия, не только продолжала сохранять актуальность, но и получила новый мощный импульс.

§ 16. «Новый курс» политики в Туркестане

Быстрая смена главных начальников края (за неполные первые два десятилетия XX в. в Ташкенте сменилось 8 генерал-губернаторов, не говоря о временно исполнявших эту должность), безусловно, явилась фактором, тормозящим выработку новых законов, дезорганизующим управление Русским Туркестаном. Необходимость же эффективных преобразований в крае была вполне ясной как для губернаторов-«туркестанцев» (Н.А. Иванов, Н.И. Гродеков и А.Н. Куропаткин длительное время прослужили на различных должностях в местной администрации), так и для получивших административный опыт на других окраинах (С.М. Духовской и Д.И. Субботич до назначения в Туркестан были приамурскими ге-

нерал-губернаторами), или служивших на высших должностях во «внутренней» России (Н.Н. Тевяшев четыре года служил губернатором в Астрахани). Многие из них имели опыт службы в Туркестане, на Кавказе, в Сибири и т.д., но никто не обладал той близостью к верховной власти, какая была у Кауфмана, Черняева и даже Розенбаха. Без этого все их усилия отстоять самобытность Русского Туркестана и его административной системы фактически были обречены на неуспех.

Революционные события 1905—1907 гг. в Туркестане весьма рельефно показали, насколько крепко этот удаленный край уже был связан с остальной империей. Внутриполитическая деятельность столыпинского кабинета применительно к Туркестану обрела характер «нового курса» в переселенческой политике, направленного на создание на азиатской окраине империи мощного слоя из русских крестьян, что должно было содействовать прочному водворению в крае российской государственности. Главным управлением землеустройства и земледелия был разработан проект «Положения о поземельном устройстве крестьян, оседлых туземцев Туркестанского генерал-губернаторства и сибирских инородцев на казенных землях сибирских губерний и областей Туркестанского генерал-губернаторства». На межведомственных совещаниях по вопросу «О землеустройстве киргиз» (1907 г.) и «О порядке колонизации Семиреченской области» (1908 г.) за правительством было признано право на изъятие «для своих целей» земель и построек кочевого населения. Эти планы предполагали не столько реформу статуса Туркестана и системы его управления, сколько дальнейшее усиление российской власти на окраине империи.

Сменивший туркестанского генерал-губернатора Мищенко генерал от инфантерии Александр Васильевич Самсонов (1909—1914) застал край в тяжелейшем положении, вызванном как серьезными революционными потрясениями, так и внутренней нестабильностью, обусловленной и несовершенством административной системы (отсутствием общекраевого Положения), и паленской «чистой» местной администрации. Неудивительно, что новый генерал-губернатор начал с того, что сформулировал свой взгляд на наиболее насущные проблемы края.

Во всеподданнейшем докладе за 1909 г. Самсонов указывал на недопустимое умаление власти главного начальника в крае, на важность распространения в среде коренного населения русского языка и российской гражданственности, на необходимость усиления

штатов полиции и учреждения сыскных отделений. Высказываясь в пользу превращения Туркестана в «действительно русскую страну», Самсонов связывал развитие русской колонизации с широким распространением искусственного орошения пустынных земель. Он указывал на необходимость территориального единства края с предоставлением его областям довольно широкого самоуправления. Интересно, что генерал-губернатор всерьез размышлял о возможности, а то и необходимости окончательного присоединения к империи Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Главный начальник края подтверждал основные идеи, выдвинутые его предшественником в плане учреждения особых тайных агентов по разведыванию настроений коренного населения и обучению туркестанских администраторов местным языкам, традициям и праву, а также в отношении реформы народного образования. Кроме того, Самсонов предлагал резко ограничить юрисдикцию народного суда. Наконец, он высказался за увеличение колонизационного фонда для устройства страдающего малоземельем русского крестьянства путем изъятия у кочевников «излишков» земель¹⁵.

Преобладающее в правительстве настроение было четко сформулировано в 1912 г. главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным после посещения Туркестана: «...в Туркестане пока еще не закончена творческая эпоха внутреннего устройства. Эта эпоха требует не той или иной перестройки форм управления, а сильной, вооруженной средствами и энергией власти. Только эта власть и может создать чаемый “новый Туркестан”. В этой перспективе вопросы о замене военного управления Туркестана общегражданским или предположения графа Палена о введении в крае земства представляются отдаленными и сравнительно второстепенными. И та, и другая реформа — дело будущего... Видя воочию подавляющее пока в Туркестане преобладание туземной стихии, невольно чувствуешь, что здесь еще место русскому военному лагерю, это — этап победного шествия России в Центральную Азию; российская военная власть понятнее и внушительнее для притихшей туземной толпы, чем гражданская; и если... “губернатор во фраке” должен в каждой колонии сменять “губернатора в эполетах”, то смена эта должна совершаться лишь в свое время. Военное управление не мешало до сих пор хозяйственному

¹⁵ Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году. Б.м., б.г.

развитию Туркестана, не помешает ему и в будущем. Состав уездных начальников, являющихся главной рабочей силой местного управления, хорош, и администрация края в общем успешно справляется со своими прямыми задачами. Земство в крае также пока только отвлеченная идея, которой трудно придать реальные очертания... *Земство* нужно будет уже *после* создания русского Туркестана, а не *в целях* его созидания...»¹⁶.

§ 17. ТУРКЕСТАНСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начало Первой мировой войны в 1914 г. помешало осуществлению планов переустройства управления в Центральной Азии. Регион, вслед за всей Российской империей, вступил в полосу кризисов, конфликтов и революций. В это время Туркестанским генерал-губернаторством управлял генерал от кавалерии Ф.В. Мартсон (1913—1916).

В условиях осложнения положения российской армии на фронтах Первой мировой войны, правительство не только установило жесткий контроль над производством и распределением туркестанского хлопка, но и обложило с 1 января 1915 г. коренное население края дополнительным так называемым военным налогом. 25 июня следующего года Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». Для Туркестана это означало мобилизацию 250 тыс. местных рабочих на тыловые работы. Такое решение, не подкрепленное соответствующими организационными мероприятиями, вызвало недовольство у местного населения. В результате Государственная Дума выступила с настойчивыми требованиями прекратить мобилизацию на военно-тыловые работы и отложить проведение призыва до окончания хлопковой кампании. После некоторых колебаний был издан новый царский указ от 30 июля 1916 года, который объявлял об отсрочке набора рабочих до

¹⁶ Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году. Приложение к всеподданнейшему отчету. СПб., 1912. С. 78—79.

15 сентября. Но вспыхнувших волнений остановить не удалось, они в конечном итоге вылились в широчайшее народное восстание.

Усмирять восставший край выпало на долю туркестанского «ветерана» — генерал-адъютанта, бывшего военного министра А.Н. Куропаткина (1916—1917). Кроме «умиротворения» важнейшей восточной окраины на него возлагались задачи наладить использование богатейших ресурсов края в военных интересах, а также организовать, по собственному усмотрению, новую мобилизацию населения края на тыловые работы. Вскоре по приезду в край главный начальник собрал представителей всех слоев населения Ташкента и обратился к ним с речью, в которой подчеркнул неизменность правительственного курса и объявил о своем намерении наказать лиц, обвиненных в убийстве русских, в соответствии с туркестанскими «традициями» — подвергнуть 2000 десятин земли, на которой произошли убийства, отчуждению в пользу русского населения. В целом же по делу восстания было привлечено свыше 3 тысяч человек. Всего осуждены были 872 человека, 51 из которых казнен, а остальные получили разные сроки каторжных работ, арестантских рот и тюремного заключения.

Однако, прекрасно понимая необходимость действовать более гибкими методами в Туркестане, Куропаткин вынужден был пойти на некоторое смягчение режима и улучшение общей политической обстановки в крае. С этой целью он наметил программу социально-экономических и политических мероприятий: 1) приостановить распродажи за долги земельных участков; 2) выяснить права кочевого населения на участки земли, оставленные в его пользовании; 3) принять меры по борьбе с дороговизной и продажей спиртных напитков в городских поселениях; 4) прекратить сведение личных счетов под флагом политического сыска. Проектировались и меры по обеспечению края хлебом и продовольствием до нового урожая и семенами для посева путем подвоза хлеба из Сибири и Европейской России. Была начата своеобразная кампания по расширению политических прав местной буржуазии, началась чистка «туземной» администрации, зачастую дискредитировавшей российскую власть, пристальному вниманию подверглись и наиболее одиозные представители последней.

Практические мероприятия высшей краевой администрации в сфере управления являлись частью подготовительных мероприятий по изменению Положения 1886 г., которое признавалось в правительственных кругах, и особенно в Государственной Думе, устарев-

шим, архаическим и даже «одним из сильнейших тормозов развития края». Работы по подготовке очередного проекта Положения начались в конце августа 1916 г. Возглавленная самим генерал-губернатором комиссия предложила следующие меры по реорганизации областного, уездного и сельского управления. В областных правлениях предлагалось вернуться и даже расширить кауфманскую практику создания отраслевых отделений, призванных взять под свой контроль все ведомственные учреждения. На уездном уровне, по аналогии с Астраханской губернией, было признано необходимым ввести институт крестьянских начальников и вообще усилить штат администрации, а при уездных управлениях планировалось создание нового коллегиального органа — уездного съезда. Усиление «попечительной» функции уездных властей подкреплялось созданием коннополицейской стражи.

Что касается сельской администрации, поставленной под контроль крестьянских или участковых начальников, то ее прерогативы отныне должны были ограничиваться исключительно хозяйственными вопросами. Одновременно комиссия Куропаткина сочла необходимым усилить значение и поднять престиж волостной администрации, постепенно сокращая в ней удельный вес «туземного элемента». Народный суд сохранялся в неизменном виде, хотя в перспективе ему предполагалось придать вид волостного суда внутренней России.

Разрабатывавшийся проект туркестанского Положения весьма откровенно предлагал рассматривать край как вполне самостоятельную административно-территориальную единицу в составе империи. Сохраняя систему военно-народного управления, он пытался приспособить имперскую власть в крае к новым условиям, усилить эффективность ее контроля за обществом. В октябре 1916 г. Куропаткин телеграфировал управляющему Министерством внутренних дел А.Д. Протопопову: «...Долгим опытом службы в Туркестане пришел к заключению, что главнейшими началами в деятельности правительственной власти по отношению к туземцам должны служить: полная определенность и устойчивость требований, твердость власти, соединенная со справедливостью и отеческой заботливостью. Надо добиваться, чтобы нас боялись и уважали. Полюбят после...»¹⁷. Впрочем, генерал-губернатор не особо спешил с подготовкой административных реформ, и работа над но-

¹⁷ Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. № 3. С. 56—57.

вым Положением приблизилась к своему завершению лишь к началу февраля 1917 г.

Первые известия о свержении царской власти были получены в Ташкенте поздно ночью 28 февраля. Но о победе Февральской революции местные власти сообщили только 3 марта. Одновременно (2 и 4 марта) возникли Ташкентские Советы рабочих и солдатских депутатов, объединение которых произошло уже 28 марта. 5—6 марта из депутатов городской думы был образован Ташкентский исполнительный комитет Временного правительства. Коренное население стало объединяться в демократические национальные организации трудящихся — Советы мусульманских рабочих депутатов и Союзы трудящихся мусульман.

Легитимизируя революционные завоевания, уже установленные явочным путем, Куропаткин стремился не только сохранить свою власть, но и предотвратить «расползание» Туркестана. Генерал-губернатор сразу же признал новую власть. Временное правительство, веруя в «заслуженную популярность» Куропаткина, не замедлило признать его своим комиссаром в крае; оно оставляло все высшее управление края в руках бывшего царского генерал-губернатора и даже предоставило ему некоторую свободу действий.

Однако продолжение царской политики мобилизации на военно-тыловые работы неуклонно вело власть к краху. 31 марта 1917 г. исполкомы Ташкентского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов на своем объединенном заседании постановили: отстранить от исполнения должности генерал-губернатора Туркестанского края и командующего войсками округа Куропаткина. В крае сложилось традиционное для того времени двоевластие.

Временное правительство в Петрограде 7 апреля 1917 г. постановило образовать Туркестанский комитет для наведения «порядка и устройства Туркестанского края». Главой Турккомитета стал член Государственной Думы, управляющий Министерством внутренних дел кадет Н.Н. Щепкин. Новый орган управления окраиной наделялся правами прежнего генерал-губернатора. 13 апреля члены Туркестанского комитета прибыли в Ташкент. Завершалась более чем 50-летняя история Русского Туркестана.

Глава 7

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Экономические связи России с Центральной Азией
в XVIII — первой половине XIX в. — Дискуссии о «цене»
Империи — Земельная и налоговая реформы —
Изменения в агрокультуре Центральной Азии —
Железные дороги в Центральной Азии —
Хлопководство — Записка Кривошеина — Развитие
промышленности — Социально-экономическая
структура общества — Этапы демографического
развития.*

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В научной литературе и публицистике уже давно активно обсуждается вопрос, насколько экономические интересы определяли расширение Российской империи на Восток. В частности, были ли экономические мотивы решающими в завоевании Центральной Азии. Большинство современных ученых склонны полагать, что экономическая политика в регионе была малоактивной, а основным стимулом были политические задачи, в частности соперничество с Англией. Экономическая выгода и экономическое господство не было главным стимулом присоединения новых территорий, а скорее побочным эффектом этой политики.

Для России более важным являлось идеологическое господство, осознание себя «мировой державой», которая несет окраинам «цивилизованную жизнь» и конкурирует на этом поприще с другими великими державами. Такая идеология была важным фактором самосознания русской элиты и русского общества, что, в свою очередь, стимулировало политическое и экономическое развитие самой метрополии. Лишь на самом закате империи власть стала более целенаправленно формулировать и рационализировать экономические задачи.

В XVIII в. и в первой половине XIX в. экономика региона была слабо развитой и имела преимущественно аграрный характер. В оседлых районах Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств преобладало земледелие, местное население выращивало пшеницу, ячмень, разные сорта проса, бобовые, садовые культуры и виноград. Сельское производство было в основном натуральным и полунатуральным, с зачатками денежного оборота. В небольших количествах возделывались технические культуры, в первую очередь хлопок. Скотоводство было распространено в степях и горных районах: там было овцеводство, коневодство и верблюдоводство. В кишлаках занимались домашним производством различной одежды и утвари. В городах было развито ремесленное производство. Существовала даже особая специализация отдельных городов: Ташкент был крупнейшим центром кожевенного производства, Коканд — центром производства бумаги, Бухара славилась своим ювелирным делом, Маргилан — ткачеством и т.п. В Центральной Азии большую роль играла торговля, прежде всего транзитная, которая приносила немалые дополнительные доходы: Бухара была перевалочным пунктом в Персию, Афганистан и Индию, Коканд — в Восточный Туркестан (Синьцзян) и Китай.

В XVIII в. государства Центральной Азии воспринимались российскими властями только как торговый партнер, поставщик золота, серебра, хлопчатобумажных и шелковых тканей (которые, как писал один чиновник в XVIII в., «можно почесть за главные продукты»). Из кочевых районов в Россию завозили лошадей и мелкий скот, овчину, шерсть. С другой стороны, регион расценивался как возможный потребитель российских и европейских (доставляемых через Россию) товаров. Но в гораздо большей степени Центральная Азия рассматривалась не как самостоятельный торговый партнер, а как важный и самый короткий перевалочный торговый пункт для

связи с Индией. Главную статью доходов в российский бюджет составляли пошлины с торговли.

Маргинальный характер экономических отношений России и Центральной Азии в первой половине XIX в. по-прежнему сохранялся. В 1802 г. вывоз русских товаров в центральноазиатские государства и казахские степи составлял 1/3 всего вывоза в Азию, тогда как весь вывоз в Азию составлял всего около 5 % общего заграничного экспорта российских товаров. В 1825 г. объем вывоза в абсолютном выражении возрос почти в 4 раза, но доля в экспорте оставалась той же. При этом вывоз в казахские степи составлял 2/3 от общего объема, а в центральноазиатские ханства — 1/3. Вывозили из России металлические изделия, выделанные кожи, сахар, бумажные и полотняные ткани, постепенно возрастала доля вывоза хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей. Из Центральной Азии привозили китайский чай, скот (от казахов), меха и пух, полуфабрикаты — хлопок-сырец, шелк-сырец, шерстяные и хлопчатобумажные изделия. В целом в расширении центральноазиатского экспорта российская власть была не очень заинтересована, так как этот рынок был очень маленьким и слабым.

Главным гарантом, а иногда и главным организатором торговых отношений с Центральной Азией было государство. Торговля велась купцами и караванами, как правило, под правительственной охраной (из-за угрозы грабежей, которым они подвергались со стороны казахов и хивинцев, контролировавших верховья Амударьи). Весной караваны направлялись в Россию, осенью из России в Центральную Азию. Маршруты велись из Оренбурга или Троицка. От Оренбурга до Хивы караван шел 45—55 дней, до Бухары — почти 2 месяца. В 1825 г. был организован «вооруженный караван» в Бухару, но он потерпел неудачу из-за нападения хивинцев. Только в 1869 г. был открыт новый путь: по Волге и Каспию до Красноводска и далее к р. Амударье. В середине XIX в. была создана Аральская флотилия, на которую возлагались большие надежды как в военном, так и торговом отношениях; однако в 1884 г. она была ликвидирована. Расчеты на организацию судоходства по р. Сырдарье и Амударье не оправдались из-за их лишь частичной судоходности.

В это же время усилилось экономическое проникновение в Центральную Азию англичан, и российские власти были озабочены защитой интересов русских купцов в Бухаре и Хиве. Дипломатические миссии, которые зачастили в Бухару и Хиву, одним из

главных пунктов своих переговоров ставили вопрос о защите купцов от нападений и снижении транзитных пошлин для российских товаров.

К 1850 г. поставки российских товаров в Азию выросли до 11 % относительно общего объема российского экспорта, но доля центральноазиатского вывоза оставалась по-прежнему около 1/3, из которой половина приходилась на центральноазиатские государства, а половина — на казахские степи. Возрос вывоз хлопчатобумажных изделий, что было связано с быстрым развитием хлопчатобумажной промышленности в России, увеличился экспорт зерна. Из Центральной Азии ввозили хлопок-сырец, хлопчатобумажные ткани и хлопчатобумажные изделия, а также меха. Кочевники-казахи поставляли на российский рынок главным образом скот (овец и лошадей), а также кожу, шерсть, козий пух, звериные шкуры. В это время для более организованной торговли с казахами на границе со степными районами устраивались ярмарки. В целом абсолютный объем товарооборота с регионом в 1840—1850-е гг. даже упал (в 3 раза!) по сравнению с 1830-ми гг.

Российский импорт из Центральной Азии в абсолютных показателях на протяжении всей первой половины XIX в. превышал экспорт в этот регион из России. В 1865 г. ввоз из Центральной Азии все еще превышал вывоз и только завоевание Ташкента существенно изменило ситуацию — уже в 1867 г. вывоз примерно на 20 % стал выше, чем ввоз. Скорректировалось и другое важное экономическое соотношение: если в 1860 г. 2/3 всех российских товаров направлялось к казахам, то уже в 1867 г. ситуация изменилась зеркальным образом и 2/3 товаров из России шло в оседлые районы Центральной Азии. Таким образом, не столько завоевание было следствием развития экономических отношений с Центральной Азией — напротив, экономические связи следовали по пятам за российской армией.

И наконец, последний штрих в этой картине. Объемы российско-центральноазиатского товарооборота были в десятки раз меньше товарооборота Англии с Индией. Это еще раз говорит о том, что экономическое проникновение России в Центральную Азию не было по-настоящему значимым с точки зрения возникновения единого хозяйственного пространства.

Надо сказать, что такого рода экономические приоритеты сохранялись чуть ли не до конца XIX в. Центральная Азия продолжала рассматриваться в качестве рынка для сбыта российских товаров,

а также в качестве транзитного пункта. В 1894 г. российские таможенные посты были установлены на границе Бухары и Афганистана. Таким образом были учреждены ограничительные барьеры для конторля за поставками товаров из Индии (и Великобритании). Однако бедное население региона оставалось не очень привлекательным покупателем, а быстрое развитие морских и железнодорожных путей снизило роль Центральной Азии в торговле. Лишь в конце XIX в. произошло принципиальное переосмысление места региона в экономике Российской империи.

§ 2. ДИСКУССИИ О «ЦЕНЕ» ИМПЕРИИ

Один из вопросов, который волновал русскую власть после образования Туркестанского генерал-губернаторства — «цена» империи, т.е. та цена, которую платит российское государство за то, чтобы удерживать часть Центральной Азии в своем составе. Была ли выгодна империя с экономической точки зрения? В спорах второй половины XIX и начала XX вв. этот вопрос формулировался так: является ли колония — Туркестан — убыточным или прибыльным образованием с точки зрения метрополии. Единства по этому вопросу не было, поскольку «цену» различные общественные, политические и государственные силы и институты исчисляли по-разному.

Например, Министерство финансов понимало эту цену как соотношение бюджетных, т.е. государственных, расходов на содержание администрации и войск, обустройство границ и городов, проведение железных дорог, а также других затрат из казны — и бюджетных доходов, т.е. всех налогов и прибылей, которые Государственное казначейство получало. Вплоть до падения самодержавия это соотношение в Туркестанском генерал-губернаторстве было таким, что регион рассматривался как один из самых убыточных. С 1868 по 1881 г., т.е. годы правления генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, из Туркестана в Государственное казначейство поступило около 54,7 млн. рублей дохода, а было израсходовано 140,6 млн., т.е. почти в 3 раза больше¹. Разницу, как говорилось в отчете ревизии 1882—1883 гг. (уже после смерти Кауфмана), Тур-

¹ Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. СПб., 1883. С. 366.

кестанский край «изъял» за «счет податных сил русского народа»². Такое положение дел побуждало Министерство финансов требовать от туркестанской администрации как сокращения лишних расходов, так и получения дополнительных доходов. Общественное мнение России было убеждено, что Туркестан — это колония, которая живет за счет метрополии, и место, где чиновники позволяют себе не просто ненужные траты, но и наиболее склонны к коррупции.

В конце XIX в. российский министр финансов С.Ю. Витте отмечал рост благосостояния туркестанского населения, прежде всего в результате распространения хлопководства, которое развивалось в регионе благодаря целенаправленным усилиям государства. Это давало, по мнению Витте, право увеличивать податную нагрузку на население. В ответ оппоненты, не отрицая необходимости увеличения налогов и других сборов в Туркестане, считали «предвзятой» точку зрения, будто край является для России «обузой». В специальной записке «Убыточен ли Туркестан для России» в 1899 г. А. Стеткевич писал, что «несомненный» подъем благосостояния населения «обуславливается не железной дорогой и даже не развитием хлопководства, а замирением края»³. По мнению автора записки, значительную долю — до 2/3 средств — всех бюджетных расходов составляло содержание войск, вычтя которую, казна в действительности получала прибыль, а не убыток.

Только начиная с 1906 г. доходы казны от Туркестана стали превышать расходы. В 1911 г. это соотношение было: 22,2 млн. руб. и 18,8 млн. руб. Однако и этот достигнутый результат не удовлетворял центральную власть. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин в 1912 г. писал, что если сопоставить эти данные с количеством земли, земельной площадью и ее ценностью на других окраинах империи, «то окажется, что Туркестан дает казне, относительно, вчетверо менее других частей Государства»⁴.

Надо сказать, что рассуждения об убыточности Туркестана и всего региона Центральной Азии были частью общей дискуссии об убыточности колоний и окраин. При этом рассуждения строились так, будто эти окраины финансируются за счет недостаточного финансирования центральных районов Европейской России. Даже

² Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. СПб., 1883. С. 367.

³ Стеткевич А. Убыточен ли Туркестан для России. СПб., 1899. С. 6.

⁴ Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. С. 70.

те регионы государства, где доходы в казну были достаточно высокими (например, в Польше), или те, где развитие промышленности шло быстрыми темпами и бюджет получал все больше доходов (как в Закавказье), подвергались такой же критике. Схожие дебаты шли в это время и в других европейских империях.

§ 3. ЗЕМЕЛЬНАЯ И НАЛОГОВАЯ РЕФОРМЫ

Первые мероприятия российской власти в Туркестане были направлены на рационализацию системы земельных отношений и системы налоговых сборов. При этом чиновники и политики учитывали две задачи: 1) умиротворение края, т.е. создание более благоприятного для местного населения экономического строя, и 2) получение дополнительных доходов. Эти задачи, естественно, входили в противоречие друг с другом.

На первом этапе российского правления земельный и налоговый вопросы вызывали ожесточенные споры в администрации. Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман пытался отстоять ту точку зрения, что земельная собственность в регионе должна быть государственной, а пользование землей — подворным или даже общинным. Это, по его мнению, отвечало интересам России и соответствовало обычаям центральноазиатского сообщества, прежде всего шариату и обычному праву. Против такой позиции выступали центральные министерства. Они усматривали в подходах Кауфмана отказ от частной собственности, которая, как утверждали либералы, имевшие большое влияние в правительстве Александра II, должна была стать фундаментом будущего «прогрессивного» Туркестана. Тем не менее «Главный начальник Туркестана», пользовавшийся поддержкой самого императора, стремился на практике осуществить свои собственные планы земельного переустройства в крае. После смерти Кауфмана новый генерал-губернатор М.Г. Черняев и руководитель ревизии 1882—1883 гг. Ф.К. Гирс попытались дезавуировать решения предыдущей администрации. Однако в результате бурного обсуждения в «Положении об управлении Туркестанского края» 1886 г. была принята компромиссная формулировка: оседлому населению земля передавалась в подворно-участковое потомственное владение, пользование и распоряжение, хотя сам термин «частная собственность» был исключен из закона.

Правда, Положением 1886 г. кочевья объявлялись государственными землями, переданными в бессрочное общественное пользование кочевников. Точно такая же норма была закреплена во Временном положении об управлении степными областями Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств от 1868 г. и потом в Степном положении («Положении об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями») от 1891 г. При этом российская власть обсуждала вопрос о целесообразности поощрять переход кочевников к земледелию. Сторонники оседания кочевников ссылались на необходимость усиления контроля за кочевым населением и сбором налогов, а также на необходимость усиления русского культурного влияния, чему кочевой образ жизни, по их мнению, препятствовал. Противники утверждали, что переход к земледелию вызовет разорение значительной массы населения и усиление его недовольства.

Российская власть, преследуя во многом политические цели, фактически уничтожила в Туркестане все крупные землевладения, без выкупа передав всю искусственно орошаемую и богарную, т.е. орошаемую дождем, землю (за исключением дикорастущих лесов) мелким производителям, которые раньше обрабатывали ее в качестве арендаторов. Была, правда, частично сохранена *вакуфная* собственность (особый вид неотчуждаемой собственности мусульманских учреждений), но и число вакуфов было резко сокращено, а сами они поставлены под жесткий государственный контроль⁵. Потом проблема вакуфов долгое время дебатировалась русскими администраторами, но решение о том, нужно ли их поддерживать или, напротив, постепенно отменять, так и не было окончательно принято.

Столь же либерально, в пользу местного населения, был решен вопрос о налогах. Первое время в Туркестане сохранялась прежняя податная система, которая включала два основных вида земельного налога — натуральный налог с зерновых культур (*харадж*) и денежный налог с огородно-садовых культур (*танан*), размер которых колебался от 1/10 до 1/5 урожая (а иногда и выше). Эти налоги собирались с каждого домохозяйства огромной армией бывших ханских чиновников. В 1870-е гг. сначала в Ферганской области, а с

⁵ Наливкин В.П. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания // Ежегодник Ферганской области. Новый Маргилан, 1904. Т. 3.

1887 г. — по Положению 1886 г. — и по всему Туркестану вместо этих двух налогов был введен «государственный поземельный налог» в размере $1/10$ среднего валового дохода. Система исчисления этого налога упростилась: раз в несколько лет определялся средний урожай и средняя цена основной культуры, после чего высчитывался средний валовой доход, фиксированная десятая часть которого на несколько лет становилась налогом. Этот налог собирался усилиями местной администрации не с отдельного домохозяйства, а с сельского общества или «дачи», раскладка внутри которого производилась решением самого населения.

Вместо старого налога — $1/40$ часть с продукции животноводства и с продукции местной промышленности (*заякет*) — были введены «кибиточная подать» для кочевников и промысловый сбор, т.е. пошлины за право торговли и занятия промыслами. Туркестанская власть в 1886 г. установила фиксированный размер «кибиточной подати» — 4 руб. (в 1860-е гг. она составляла 1 руб. 50 коп., что равнялось стоимости 1 барана).

Все реформы в сфере земельных отношений и налоговой системы заметно снизили совокупность государственного давления на местную экономику. Уменьшение податей и избавление от арендной платы за землю способствовали росту экономического благосостояния местного населения и соответственно росту доверия к российской власти, чего последняя и добивалась в первую очередь.

Постепенно практика умиротворения отступила на второй план, а на первый план вышла другая задача — рационализация экономической деятельности и соответственно увеличение доходов казны. Вопрос о том, как это сделать, стал предметом обсуждений и различных проектов реформ. Власть не решилась тронуть главный — поземельный — налог, сохранив его ставку в прежнем размере, хотя сфера его применения была расширена и налог стал взиматься не только с орошаемых земель, но и с богарных и необрабатываемых земель. Вместо этого предлагалось обратить больше внимания на разного рода косвенные подати (земский сбор, налог на городское недвижимое имущество, гербовый сбор, акцизный и патентный сборы, различные натуральные повинности и т.д.) — предполагалось увеличивать их и повышать количество налогоплательщиков. Предусматривалось, в частности, ввести новый налог (в виде процента к «государственному поземельному» и кибиточному) взамен отбывания воинской повинности, но введение его откладывалось по политическим мотивам. Со временем инфля-

ция и рост благосостояния обесценили ту сумму, которая была зафиксирована для «кибиточной подати», поэтому разрабатывался новый налог — «покопытный» (т.е. фиксированный процент выплаты с каждой головы скота), но он так и не был введен. В целом налоговый пресс оставался не очень сильным: по расчетам ревизии Палена, в Туркестане на 1 человека в год приходилось всех налогов в среднем 1 руб. 61 коп. (для кочевников) или 2 руб. 44 коп. (для оседлого населения).

В начале XX в. было принято несколько дополнительных мер, которые усиливали права частной собственности на землю и стимулировали более активный ее оборот. Этому способствовало окончание поземельно-податных работ — почти сплошного описания земельных владений и создания их реестра. Кроме того, в соответствии с общей политикой на стимулирование распада общины, были введены правила, облегчавшие выход отдельных домохозяйств из системы общественной раскладки податей. Одновременно, используя положение о государственной принадлежности кочевьев, власть приняла решение об изъятии части «излишек» в пользу переселенцев. Это стимулировало переход кочевого населения к оседлости, что диктовалось скорее политическими, чем экономическими мотивами, в частности стремлением более четко разграничить права и территории владения местного населения и переселенцев.

§ 4. ИЗМЕНЕНИЯ В АГРОКУЛЬТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С приходом русских в агрокультуре центральноазиатского общества изменения происходили очень медленно. Агроном В.И. Юферев отмечал, что «туземное» хозяйство «нерационально» использует земельные богатства, что проявляется в таких элементах хозяйственной практики, как «крайне примитивный рабочий инвентарь, исключаяющий сколько-нибудь правильную обработку пахотных угодий, каждогодняя распашка полей без отдыха и внесения удобрений, отсутствие, ввиду однообразного подбора культивируемых растений, правильного чередования их, засоренность семян»⁶. Правда, авторы обследований местного хозяйства, про-

⁶ Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. Данные бюджетного исследования. Т.1. Ташкент, 1910. С. 152.

веденных в 1912—1913 гг., признавали, что «технически хозяйство организовано примитивно, но по тщательности возделывания растений, по степени утилизации полевых площадей оно едва ли уступит наиболее рационально поставленным экономиям Западной Европы»⁷.

Тем не менее отдельные новшества проникали в местное общество. Получили распространение такие новые культуры, как картофель, помидоры, капуста, сахарная свекла, овес и пр. Русскими были завезены в Центральную Азию более продуктивные сорта фруктов и винограда. Была заимствована коса, некоторые другие орудия труда. Были предприняты меры по организации борьбы с вредителями (саранчой). Большие изменения претерпела традиционная отрасль домашней экономики — шелководство, которому российские власти уделяли немалое внимание. Уже к 90-м годам XIX в. во многих городах Туркестана были открыты специальные гренажные заведения, в которых разведение грены (яички шелкопряда) было поставлено на заводскую основу. Распространились более качественные породы шелкопряда — их завезли из Франции, Турции и Италии. В 1913—1914 гг. было 11 гренажных заведений, в 1913 г. произведено 295 140 пудов коконов.

Центральноазиатское земледелие полностью зависело от воды и искусственного орошения. Эта проблема всегда была заботой не только отдельного земледельца или общины, но и государства. Однако российская власть фактически оставила эту важную часть экономической жизни в руках местных жителей, введя в Положение 1886 г. норму о том, что «воды в главных арыках, ручьях, реках и озерах предоставляются населению в пользование, по обычаю». Лишь в начале XX в. от осознания важности регулирования водных отношений и необходимости систематического обновления ирригационной инфраструктуры власть перешла к разработке специального закона, который, правда, так и не был принят.

Правительство всячески поощряло проекты по развитию ирригации в Центральной Азии. В 1880—1890-е гг. великий князь Николай Константинович построил в Голодной степи на казенные средства канал имени Николая I протяженностью 90 км. После введения в эксплуатацию в 1895 г. канал орошал около 7 тыс. десятин (позднее эта площадь увеличилась до 12 тыс.). Потом в Го-

⁷ Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1915. Вып. 1. Текст. С. 259.

лодной степи был построен новый канал «Романовский», который к 1916 г. оросил 28 тыс. десятин. Мургабскому царскому имению, образованному в Закаспийской области, принадлежало 25 тыс. десятин орошенной при помощи самых передовых технологий своего времени территории. Здесь были построены три плотины и даже небольшие гидроэлектростанции, снабжавшие электричеством несколько фабрик. Рост интереса, в том числе частных предпринимателей, к ирригационным проектам в регионе диктовался ростом стоимости орошенной земли. Даже несмотря на высокие инвестиционные и эксплуатационные расходы, они могли окупаться доходами, которые сулило выращивание здесь хлопка.

§ 5. ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Отдаленность Центральной Азии от метрополии и большие расходы на караванные перевозки, почтовую связь и пр. довольно скоро сделали предметом обсуждения необходимость строительства здесь железной дороги. Разрабатывалось много проектов, но дороговизна и неясные экономические перспективы и выгоды заставляли отказываться от них. Очередной такой проект был отвергнут военным министром Д.А. Милютиным в 1875 г.

Однако ситуация резко изменилась в начале 1880-х гг. Быстрое продвижение англичан к границам Центральной Азии со стороны Персии и Афганистана заставило русскую власть предпринять срочные усилия по наращиванию своего военного присутствия в регионе. Нужна была система быстрой переброски войск в Закаспийские степи, и в 1880 г. было принято решение о строительстве железнодорожного полотна от Каспийского моря до селения Кизыл-Арват (217 верст). Законченного плана, куда должна вести эта дорога, не было. По мере продвижения армии вглубь этой территории железная дорога продолжалась сначала до г. Ашхабада, а потом до Амударьи (г. Чарджоу). В 1886 г. было принято решение продлить железную дорогу до Туркестана, связав всю Центральную Азию единым транспортным путем и решив, таким образом, стратегическую задачу военного контроля над захваченными территориями. В 1888 г. дорога, названная Закаспийской военной железной дорогой, была доведена (через Бухарский эмират) до г. Самарканда.

Общая протяженность пути от Красноводска до Самарканда была 1415 верст, стоимость ее составила 79,7 млн. руб. Закаспийская военная железная дорога находилась на военном положении: должности начальников депо и станций занимали офицеры двух специально созданных Закаспийских железнодорожных батальонов, младшие военные чины работали машинистами, дорожными мастерами, кондукторами и т.д. С открытием пути до Самарканда убыточная прежде железная дорога в 1888 г. впервые дала прибыль в казну.

В начале 1890-х гг. военный фактор присоединения и удержания Центральной Азии отошел на второй план, а на первый выдвинулся фактор экономического освоения. В 1895 г. было принято решение продлить Закаспийскую железную дорогу в Ферганскую область и построить ветку в г. Ташкент. В 1898 г. эта задача была решена, а в следующем году транспортная артерия получила новое название — Среднеазиатская железная дорога.

Изначально решавшая военные цели Закаспийская дорога с точки зрения экономической целесообразности была построена очень неудобно: часть пути в центральную Россию проходила через Каспийское море и Закавказье, что увеличивало цену на перевозку товаров. Чтобы уменьшить транспортные издержки, в 1900 г. было принято решение построить новую железную дорогу из г. Оренбурга до Ташкента протяженностью 1736 верст (не считая нескольких веток). Военно-стратегическая роль этой дороги также принималась во внимание при принятии решения о строительстве. Ташкентская железная дорога, сократившая путь до Москвы на треть, была открыта в 1906 г.

В начале XX в. в Туркестане велось активное железнодорожное строительство. В 1900 г. была проведена ветка из Мерва до Кушки, в 1912—1914 гг. были построены железнодорожные пути, соединившие все основные города Ферганской области, к 1916 г. была построена Бухарская железная дорога, которая дошла до Термеза. Проложили множество узкоколейных веток. По большей части это строительство, имевшее стратегический характер, производилось из средств казны и лишь в 1910-е гг. активно стали привлекаться частные капиталы.

Степной край был вначале связан с европейской Россией железными дорогами Рязань—Уральск, Самара—Оренбург. В 1890-х гг. построили Сибирскую железную дорогу, которая объединяла регион. Планировалось проложить Туркестано-Сибирскую

железную дорогу из Ново-Николаевска (Новосибирска), но она была проведена только до Семипалатинска.

§ 6. Хлопководство

Несмотря на политическую подоплеку территориальной экспансии Российской империи на Восток, экономическая составляющая этого процесса играла важную роль и со временем возрастала. Российские чиновники и политики все больше начинали осмыслять такие свои функции и задачи на присоединенных землях, как рационализация местного хозяйства, повышение его экономической отдачи, включение новых частей империи в общее экономическое пространство и их хозяйственная специализация. Нередко это осмысление сводилось к поиску какого-то одного направления экономической деятельности или какой-то одной отрасли, которая могла стать «ключом» к решению всех перечисленных задач.

Таким «ключом» в Туркестане стала хлопководческая отрасль. Значение центральноазиатского хлопка в России осознавалось уже давно. Еще в 1819 г. полковник Струков предлагал снять пошлины с «хлопчатой бумаги», ввозимой из Центральной Азии в Россию. При этом надо заметить, что хлопчатобумажные изделия на протяжении первой половины XIX в. составляли конкуренцию российской хлопчатобумажной промышленности. Центральноазиатские государства не столько потребляли хлопчатобумажные изделия, сколько сами вывозили их в Россию. Российская промышленность была заинтересована в снижении импорта хлопчатобумажных изделий и увеличении импорта хлопка-сырца как сырья для русских фабрик. Как рынок сбыта продукции Центральная Азия, население которой было сравнительно малочисленным и крайне бедным, интереса не представляла. Такого рода приоритеты, не раз озвученные российскими промышленниками и купцами, были сформулированы в целом ряде исследований ученых и предложений чиновников⁸.

В середине века ввоз в Россию хлопка-сырца из Центральной Азии возрос с 10 до 25% относительно общего ввоза продукции

⁸ См.: *Небольсин П.* Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856.

хлопковой отрасли из этого региона, ввоз же хлопчатобумажной пряжи и хлопчатобумажных изделий упал соответственно с 25 до 5% и с 50 до 20—30%. Только завоевания в регионе резко изменили ситуацию: доля хлопка-сырца в конце 1860-х гг. в импорте увеличилась до 60—80%. Но даже несмотря на это, регион оставался какое-то время на периферии экономической активности. Еще в 1857 г. доля хлопка-сырца, поступающего из Центральной Азии, составляла всего лишь 6,5% всего хлопка-сырца, потребляемого хлопчатобумажными фабриками России, в 1867 г. она возросла только до 16,1%. К этому надо добавить, что русское завоевание привело поначалу к резкому сокращению хлопкового производства в регионе. Вывоз хлопка из Ферганы упал с 900 тыс. до 20 тыс. пудов в год. Это было связано с отменой налога харадж, часть которого население должно было платить хлопком.

В 1860-е гг. дала о себе знать зависимость от хлопка Америки — из-за Гражданской войны в США в 1861—1865 гг. снизился ввоз американского хлопка. Русская власть была вынуждена искать дополнительные источники сырья для быстро растущей текстильной промышленности, которая составляла около четверти всей российской промышленности при преобладании именно хлопчатобумажных изделий. Текстильная индустрия имела важное значение для государства как источник поступления валюты и как военный ресурс (хлопок использовался также для производства порохов). В связи с этим Центральная Азия очень заинтересовала российскую администрацию как возможный альтернативный источник поставки хлопка.

Правительство стало предпринимать целенаправленные меры по расширению хлопковых посевов в Туркестане. Создавались опытные хлопковые поля, на примере которых местному населению демонстрировали все выгоды этого производства. Практиковалась выдача задатков под будущий урожай. Другой важный шаг — начиная с 1880-х гг. происходила замена местных низкопродуктивных сортов хлопчатника так называемыми американскими сортами. В начале 1880-х гг. генерал-губернатор М.Г. Черняев обратился в правительство с предложением освободить посевы американского хлопка от любых налогов на 6 лет. Министр финансов Н.Х. Бунге отнесся к этому отрицательно и взамен предложил использовать для развития хлопководства поощрение «почетными отличиями», например медалями. В конце 1880-х гг. с ходатайством об освобождении от уплаты налогов на хлопок (или снижении этих

налогов) обратились к Министерству финансов ташкентские хлопководы. На этот раз ситуация была противоположной: несмотря на возражения туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского, который видел в такой льготе обогащение «спекулянтов», а не «производителей», Министерство финансов поддержало просьбу. В 1891 г. Госсовет принял решение в течение 6 лет облагать хлопок государственным налогом наравне «с орошенными полями, занятыми сухими посевами» (т.е. применять ту ставку налога, которая в данном районе рассчитывалась для посевов пшеницы, ячменя и люцерны). В 1897 г. уже сам генерал-губернатор Вревский обратился с просьбой продлить льготу, а в 1900 г. Госсоветом были приняты поправки в Положение 1886 г., согласно им льгота становилась постоянной. В 1910-е гг. многие экономисты и чиновники выступали за ее отмену, но сформировавшееся мощное «хлопковое лобби» сумело препятствовать этому.

Однако главной мерой, стимулирующей развитие хлопкового производства в Туркестане, стало введение протекционистских пошлин на ввоз иностранного (главным образом американского) хлопка. С 1864 по 1878 г. завоз хлопка вообще не облагался пошлиной. В 1878 г. была установлена пошлина в 40 коп. с 1 пуда очищенного хлопка-волокна. К 1894 г. размер пошлины вырос до 3 руб. 15 коп., что фактически было запретительной мерой на ввоз иностранного хлопка. С этого момента хлопок, доходность которого до этого была не выше риса, кукурузы и джугары, стал самой выгодной сельскохозяйственной культурой Туркестана. В 1900 г. пошлина выросла еще на 1 руб., позднее была установлена пошлина в 5 руб. 25 коп. Цены на хлопок, таким образом, оказались искусственно взвинчены, и спекулятивный капитал ринулся в регион за быстрой и высокой прибылью.

Указанные мероприятия привели к тому, что за несколько десятилетий хлопководство превратилось в ведущую отрасль туркестанской экономики. Если в 1888 г. под хлопчатником находилось 68 650 дес., то в 1898 г. — 152 078 дес., в 1908 г. — 282 574 дес., в 1916 г. (пик развития хлопководства) — 533 671 дес., т.е. почти в 8 раз больше по сравнению с 1888 г.⁹ Соответственно если в 1888 г. было произведено 873 600 пудов хлопка-сырца, то в 1907 г. — около 10 700 000, т.е. в 12 раз больше. Уже к 1915 г. посевы хлопка за-

⁹ Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. 2-е изд. М., 1926.

нимали около 30% всех орошенных земель в разных районах Туркестана. В Ферганской области — основном хлопководческом районе — им отводилось около 40% (в 1916 г. — почти 50%) всей поливной площади; в Закаспийской — около 30%, в Самаркандской — около 8%, в Сырдарьинской — около 7,5%. Хлопок по сути стал превращаться в монопольную культуру. При этом, правда, он не обеспечивал полностью потребности российского капитализма. К 1900 г. туркестанский хлопок давал 24 % сырья, необходимого для текстильной промышленности, а к 1914 г. — 50%.

Хлопководство повысило зависимость Туркестана от метрополии, поставляющей в обмен на сырье готовую продукцию. В 1914 г. из Туркестана вывозилось продукции на 269 млн. руб., из которой 80% составляло текстильное сырье. В свою очередь, ввозилось в Туркестан продукции на 243,6 млн. руб., из которых около 40% приходилось на готовый текстиль, около 22% — на продукты питания (в том числе 7% — хлеб), 11% — на продукцию металлообработки, 7% — на продукцию деревообрабатывающей промышленности, около 6% — на продукцию химической промышленности, около 5% — на топливные грузы и т.д. Импорт зерна покрывал около 25% потребления этого продукта населением Туркестана.

История становления хлопковой отрасли в регионе показывает, что главная особенность экономической политики России в Туркестане заключалась в том, что роль «мотора», т.е. идеолога, финансиста и менеджера, в совершающихся и планирующихся реформах играло государство. Государственная власть в лице чиновников создавала план преобразований, сама осуществляла его и сама же контролировала его выполнение. Это имело, с одной стороны, положительный характер, поскольку власть могла делать огромные капиталовложения, не обусловленные необходимостью быстрой отдачи, что позволяло перестраивать экономику на долгосрочную перспективу. С другой стороны, власть могла подчинять экономическую логику внешнеэкономическим (военным, внешнеполитическим и пр.) целям, что было чревато серьезными кризисами. Так и произошло во время Первой мировой войны. Площадь под посевами хлопчатника, необходимого военной промышленности, продолжала увеличиваться. При этом заготовительные цены на хлопок были регламентированы правительством и повышались медленнее, чем росла инфляция. Поставки зерна на фронт и соответственно сокращение объемов завоза зерна в Туркестан поставили центральноазиатское население на грань голода. Все это в какой-

то мере предопределило дальнейшие разрушительные события 1916—1917 гг. и гражданскую войну в регионе.

§ 7. ЗАПИСКА КРИВОШЕИНА

В современной научной литературе сложилось мнение, что сформировавшаяся в Туркестане экономическая система, в основе которой лежало хлопководство, является классическим примером колониальных отношений. Это мнение можно признать справедливым лишь отчасти. Скорее, надо говорить о том, что к такому роду связей между метрополией и колонией Российская империя подошла совсем близко в начале XX в., спустя несколько десятилетий после завоевания части Центральной Азии. Более того, можно даже утверждать, что только в 1910-е гг. была осознана идея, что задачи империи в Туркестане должны быть переформулированы с точки зрения превращения Туркестана в экономический придаток метрополии. К.К. Пален, руководитель ревизии Туркестанского края в 1909 г., писал в своем отчете о существующих еще сомнениях «в целесообразности столь настойчиво проводимого в крае русской властью нововведения (хлопководства. — *Авт.*)»¹⁰. Некоторые экономисты, отмечая во многом искусственный характер хлопкового бума в Туркестане, писали: «Развитие культуры хлопка не может прогрессировать беспредельно и бесконечно», и хлопок должен войти «в строй местного хозяйства нормальным ингредиентом, не нуждающимся более ни в каких налоговых поощрениях»¹¹.

И все-таки решение о превращении Туркестана в основную хлопковую базу Российской империи было принято. Наиболее четко эта цель была сформулирована в Записке главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным на имя императора Николая II в 1912 г.¹² Указав, что хлопковые плантации Туркестана дают (вместе с Хивой и Бухарой) половину нуж-

¹⁰ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. СПб., 1911. Ч. 1. Отд. 1. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К.Паленом. С. V.

¹¹ Материалы для изучения хлопководства. СПб., 1912. Вып. 1 / Сост. Н.И. Малаховский. С. 80.

¹² Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб., 1912.

ного для России хлопка, а другую половину страна вынуждена покупать по высокой цене у Америки (где только один штат Луизиана производил столько же хлопка, сколько весь Туркестан), Кривошеин поставил цель: «...Надо весь привозной хлопок заменить своим...»¹³ Увеличение производства хлопка могло быть достигнуто только рядом мер, которые, по сути дела, представляли собой план кардинального экономического переустройства Туркестана.

Кривошеин считал, что необходимо увеличить долю занятых под хлопок орошенных земель с 16,8% (как было в 1910 г.) до 33% по всему Туркестану. Это означало прежде всего сокращение производства зерна в регионе. Как писал высокопоставленный чиновник, «сеять и здесь все ту же пшеницу — значит идти вразрез с требованиями здравого экономического расчета»¹⁴. Недостаток зерна должен был быть компенсирован увеличением богарных посевов в самом Туркестане, а главное — дальнейшим развитием железнодорожной сети, т.е. проведением ветки от Ташкента (станция Арысь) через Пишпек (нынешний Бишкек) к Верному (нынешний Алматы), и строительством Туркестано-Сибирской магистрали от Верного через Семипалатинск на Алтай. Это позволило бы поставлять в Туркестан хлеб из Семиречья и Западной Сибири. Для удешевления поставок зерна по существующей дороге из Оренбурга следовало бы уменьшить тарифы на перевозку.

Хлопок был самой выгодной культурой Туркестана: он давал в 3—5 раз больше доходов, чем поливная пшеница, в 2—4 раза больше, чем рис, в 1,2—2 раза больше, чем люцерна. Однако чтобы дополнительно заинтересовать местное население в увеличении производства хлопка, необходимо было уменьшить высокие издержки, связанные с хлопководством, — прежде всего дороговизну рабочих рук и недостаток оборотных средств. Первую проблему Кривошеин предлагал решить заменой ручного труда машинами (тогда речь шла о более широком применении для вспашки земли плуга и использовании конной тяги), вторую — развитием системы дешевой ссуды через Государственный банк и созданием кредитных товариществ.

Однако главным средством увеличения производства хлопка А.В. Кривошеин считал не столько использование уже орошенных

¹³ Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 7.

земель, сколько новое орошение. Для этого было необходимо, во-первых, «упорядочение» существующей ирригационной сети, проведение водосбросных каналов, создание более современной системы шлюзов и водораспределителей, укрепление плотин и т.д.; и, во-вторых, строительство новых ирригационных сооружений в Фергане, Голодной степи, Бухаре. По мнению Кривошеина, огромные запасы воды позволяли оросить «как бы второй Туркестан». Землю для этого предполагалось выделить из государственных земельных фондов, образовавшихся в результате поземельно-податного размежевания в районах с оседлым населением и изъятия «излишков» в районах, где жили кочевники.

Проблему орошения новых земель Кривошеин напрямую связал с другой — политической — задачей: усиление российского влияния в Туркестане. С его точки зрения, «этот новый Туркестан, не уступая в обширности старому, туземному, может превзойти его богатством и культурностью, и новое население его будет — русским»¹⁵. Другими словами, все вновь орошенные земли российская власть должна была предоставлять исключительно русским переселенцам (с условием, что треть своих посевов они отдадут под хлопок). Более того, российское влияние должно было распространиться и на территории традиционного проживания местного населения. Кривошеин считал необходимым скупать землю у разорившихся «туземцев» через Крестьянский поземельный банк и продавать ее русским земледельцам (впрочем, царский администратор не учитывал тот факт, что русские крестьяне в силу ряда культурных и исторических причин предпочитали хлопку другие сельскохозяйственные культуры).

Выводы и предложения главноуправляющего землеустройством и земледелием лишь подытоживали сформировавшуюся на рубеже XIX—XX вв. тенденцию и превращали ее в осознанную государственную политику. Однако многие из указанных в Записке Кривошеина мер так и не были воплощены в жизнь, многие были осуществлены уже после крушения империи. Таким образом, применительно к истории Туркестанского края можно говорить, скорее, о концептуальном экономическом колониализме, который лишь частично был реализован на практике.

¹⁵ Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. С. 30.

§ 8. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Развитие промышленности в Центральной Азии было напрямую связано с развитием хлопководства. Иначе говоря, развивались те отрасли, которые обслуживали хлопковое производство. Если в 1880 г. в Туркестане было 2 хлопкоочистительных завода, то в 1900 г. — 93, в 1914 г. — 220. По данным 1913 г. почти 80 % всей валовой промышленной продукции приходилось на первичную обработку хлопка-сырца. Хлопкоочистительные фабрики принадлежали, как правило, торговым фирмам, основной деятельностью которых являлась закупка и перепродажа хлопка. Эти фирмы, по мнению экономистов, «не шли по пути развития промышленного капитализма», вкладывая свой капитал главным образом в торговые операции¹⁶.

Зарождение промышленного капитала произошло в маслособойной промышленности, основанной на обработке отходов хлопководства. В 1914 г. в Туркестане было 30 хлопкомаслобен. Торговые фирмы объединялись и создавали мощные промышленные группы, конкурирующие друг с другом за рынок сбыта.

В Туркестане в начале XX в. велась активная разведка залежей сырья. В частности, было открыто месторождение нефти в Санто и Чимионе (Ферганская область), на о.Челекен на Каспии. В 1913 г. был добыт максимум — 13 млн. пудов — сырой нефти, но потом добыча упала. Такие объемы нефтедобычи не представляли большого интереса для государственного и частного капитала. Все полученное сырье использовалось для внутренних нужд, но все равно не покрывало даже 1/3 всех местных потребностей.

Горнодобывающая промышленность в Туркестане начала развиваться еще в 1870—1880-е гг., когда добывалось по 200—250 тыс. пудов каменного угля в год, в 1910-е гг. добывалось по 12 млн. пудов каменного угля. Всего с 1880 по 1916 г. было добыто 69,9 млн. пудов угля. Крупные разработки каменного угля были в Ферганской области. Уголь добывали также в Закаспийской области и около Чимкента. Весь добытый уголь шел только на местные нужды.

В Туркестане производилась добыча соли, серы, золота, шла выплавка медной руды; была и кожевенная, мыловаренная, мукомольная, винодельческая промышленность и т.д. В 1914 г. в Туркестане было выработано 3,3 млн. киловатт-час электроэнергии.

¹⁶ Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства. С. 191.

В Степном крае основой экономики было животноводство, ведущую отрасль которого составляло овцеводство. Местная промышленность строилась, главным образом, на переработке животноводческой продукции. В регионе имелись маслодельное, мыловаренное, кожевенное, овчинно-шубное и др. производства. Начиная уже с 30—40-х гг. XIX в. здесь стала развиваться добывающая промышленность. Основными видами сырья были каменный уголь, золото, цветные металлы, прежде всего медь, позднее — нефть. Появились рудники, фабрики, заводы, в которые русские, а потом и иностранные предприниматели (англичане, французы, немцы) вкладывали свои капиталы. В 1913 г. в Степном крае добывалось 90 тыс. тонн угля и 7 тыс. тонн медной руды. Правда, это было лишь 0,3% всей промышленной продукции России.

Наряду с промышленностью в Центральной Азии не утратило своего значения мелкое ремесленное производство — вышивка, металлообработка, гончарное производство, выделка кожи и т.д. Однако роль ремесленного производства падала из-за конкуренции более дешевых и часто более качественных товаров промышленного производства, ввозимых из метрополии.

§ 9. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Социально-экономические последствия русского завоевания Центральной Азии были очень противоречивыми. Безусловно, можно говорить о том, что уровень жизни местного населения стал расти. Появление большого числа российских чиновников, рост городского населения, размещение в Туркестане частей российской армии увеличили спрос на рынке труда, появилось много новых специальностей. Резко — в 2—3 раза — возросла оплата за работу: «работник (слуга), получавший до того времени у состоятельного сарта 19 рублей (10 тиллей) в год с очень скудными пищей и одеждой, нанявшись в услужение к русским, стал получать, тоже при готовой, но обильной пище, от 4 до 7 рублей в месяц»¹⁷. Появился дополнительный спрос на продукты земледелия — фрукты, виноград, овощи и т.д. Еще больше доходы населения стали увеличиваться с

¹⁷ *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь // Мусульманская Средняя Азия: Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 74. В 1860—1870-е гг. квалифицированный российский рабочий зарабатывал 100—150 руб. в год, на рубеже XIX—XX вв. — 300—400 руб.

развитием хлопководства. Годовой заработок арендатора-издольщика с десятины составлял в начале XX в. от 100 до 200 руб., по тем временам очень большие, даже с учетом инфляции, деньги. До прихода русских хозяйство в доходом 200—300 руб. считалось богатым. Высокие закупочные цены на хлопок-сырец привели к росту жизненного уровня у той — немалой — части населения, которая смогла завести свое хлопковое дело.

Вместе с тем новые экономические реалии — и прежде всего монопольное положение хлопководства — изменили всю социально-экономическую структуру центральноазиатского общества, циклы его динамики, функционирование домашнего хозяйства.

Хлопководство было рыночным производством, продукция которого полностью продавалась и не потреблялась в домашнем хозяйстве. Это разрушило натуральный или полунатуральный характер экономики: многие виды кустарного производства исчезли и были заменены покупкой готовых товаров повседневного использования, в том числе продовольствия, на рынке. Семейный бюджет приобрел денежную форму (60—80% всех доходов и примерно столько же — даже больше — расходов стали денежными), а соответственно и попал в зависимость от инфляции, других монетарных факторов (в частности меняющихся цен на хлопок в США, главном центре хлопкового производства). Домашнее хозяйство стало более рациональным и в то же время более подверженным внешним влияниям.

Нерегулярное, периодическое поступление доходов в семейные бюджеты повысили роль кредитов под будущий урожай, необходимых для закупки семян и удобрений, оплаты рабочей силы и рабочего скота (по расчетам, семья, сама обрабатывающая свой участок, должна была вложить предварительно 70—80 рублей). Это привело к появлению в Туркестане развитой финансовой инфраструктуры. Если в 1889 г. в Туркестане было лишь одно отделение Государственного банка, а первое отделение коммерческого банка открылось в 1898 г., то в 1912 г. в крае было 7 отделений Государственного и 40 отделений коммерческих банков. Всего к началу 1913 г. в Туркестане было 265 кредитных учреждений разного типа. Кроме того, возник целый класс посредников, дающих мелким производителям авансы и скупающих у них хлопок, который потом перепродавался крупным хлопкозаготовительным организациям и торговым фирмам. Посредники забирали себе львиную долю дохо-

дов в качестве процентов и комиссионных. Крестьянину кредит обходился от 20 до 40, а иногда и до 60%.

Развитие системы кредитования привело, в свою очередь, к развитию рынка земли (которая закладывалась под обеспечение ссуды), цены на нее также резко поднялись (одна десятина земли под хлопком стоила 1,5—3 тыс. руб. — на эти деньги в европейской России можно было купить 15—20 десятин). В итоге произошло массовое перераспределение земельных угодий. Возник, с одной стороны, слой богатых землевладельцев-баев, вынужденных сдавать большую часть своих земель арендаторам (*чайрикорам*), и, с другой стороны, огромная прослойка малоземельных хозяйств, вынужденных зарабатывать на отходничестве и временных работах в качестве поденных рабочих (*мардикор*). Как писал в 1912 г. в своем отчете Кривошеин, «при помощи различных закладных и векселей, местные баи сосредоточивают в своем владении значительные орошенные площади, получая их за бесценок по закладным при содействии народных судов. Есть туземные евреи и сарты, состояние которых оценивается уже многими сотнями и даже тысячами десятин, следовательно, миллионами рублей; и рядом с этим, в отдельных уездах Ферганской области и в Асхабадском уезде процент безземельных доходит до 30%»¹⁸.

Вместе с тем надо сказать, что разорение крестьян и концентрация земельной собственности в Туркестане не имели необратимого характера. В частности, эти процессы сдерживались особенностями норм наследования, которые существовали в Центральной Азии. По шариату каждый из детей должен был получить часть имущества своего отца, что приводило к тому, что большие земельные участки регулярно дробились на мелкие наделы. Российские экономисты, проводившие обследование в 1915 г. обратили внимание, что «в экономике сартовского хозяйства... все время происходит два процесса — развития и распада, или упадка хозяйства... хозяйство с сильным трудовым ядром, но без средств производства, т.е. без земли и инвентаря, обычно начинает с малого — отдельные члены семьи — работники мардикерствуют, затем снимают землю в аренду, далее покупают землю... Когда размеры землевладения перевалют за трудовую норму и когда свои члены семьи не в состоянии обработать своей земли, последняя сдается чайрикерам. Та-

¹⁸ Записка Главноуправляющего. С. 56—57.

кую эволюцию проходят хозяйства по пути их расширения»¹⁹. Попытки искусственного создания плантационного хозяйства (наподобие американской) крупными хлопковыми фирмами также не принесли успеха.

Еще одна особенность хлопковой монополии — ярко выраженный циклический характер производства, т.е. период, когда трудовые затраты минимальны, сменялся периодом, когда была необходима концентрация значительных трудовых ресурсов. Второй этап требовал как привлечения дополнительных рабочих рук со стороны, так и концентрации собственных трудовых ресурсов. Это сдерживало переход местного населения из аграрного производства в промышленность. При населении в несколько миллионов человек численность рабочих в Туркестане к моменту падения самодержавия составляла всего несколько десятков тыс. человек. Причем большинство рабочего класса составляли выходцы из европейской России.

В Степном крае процессы социально-экономической трансформации имели примерно те же тенденции, хотя и происходили, в силу особенностей экономики, менее интенсивно, чем в Туркестане. Скотоводство и зерновое земледелие не давали сверхдоходов, но даже в такой хозяйственной системе быстрее, чем прежде, шел процесс социальной дифференциации, образования класса богатых скотовладельцев и земледельцев — с одной стороны, и класса бедняков — с другой.

§ 10. ЭТАПЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Одним из существенных последствий завоевания Центральной Азии и вхождения ее части в состав Российской империи стало изменение демографической модели воспроизводства местного населения. Для прошлого было характерно сочетание высокой рождаемости с высокой смертностью, в результате чего общий прирост населения оставался очень низким. В конце XIX в. складывается другая модель, признаками которой стали высокая рождаемость и снижающаяся смертность. В Центральной Азии начался так называемый демографический взрыв.

¹⁹ Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г. М., 1924. С. XXV.

Снижению смертности поначалу способствовало замирение края и прекращение междоусобных войн, которые уносили тысячи жизней. Затем к этому фактору добавились новые — относительное улучшение качества жизни, питания, гигиены, а также первые шаги по внедрению государственного медицинского обслуживания (борьба с эпидемиями и пр.). В 1883 г. в Ташкенте появились первые женские амбулатории и родильные приюты. В 1907 г. в Туркестане было 123 больницы, 194 врача-мужчины, 30 врачей-женщин, 23 фармацевта.

Первыми на путь демографического взрыва вступило кочевое и полукочевое население Степи, где русская власть утвердилась раньше. Этот процесс виден на примере Букеевской орды, где учет населения был наиболее точным. В 1802 г. здесь проживало 31 тыс. человек, в 1825 г. — 52 тыс., в 1857 г. — 100 тыс., в 1868 г. — 145,8 тыс., в 1897 г. — 207,3 тыс. человек. Общая численность кочевников-казахов в течение XIX в., по расчетам современных исследователей, выросла примерно в 2 раза (с 2,25 до 4 млн. человек). На рубеже XIX—XX вв. ежегодный естественный прирост населения в Степном крае составлял от 0,8% до 1,4%. В самом начале XX в. было зафиксировано снижение показателей естественного прироста, в том числе из-за снижения рождаемости, что специалисты называют «процессом демографической саморегуляции» в условиях «ограниченности номадного ареала»²⁰.

В XIX и особенно в начале XX в. население степей (потом Степного края) увеличивалось за счет массовой внешней миграции. Особенно бурно этот процесс шел в последние десятилетия существования империи, когда в Степной край переселилось, по разным оценкам, от 1,3 млн. до 2 млн. человек. В Акмолинской области в 1909 г. число переселенцев превысило число казахского населения (соответственно 607,5 тыс. и 513,5 тыс. человек).

Население Туркестанского края с середины XIX в. по 1916 г. выросло почти в 2 раза (с 4 млн. до 7,5 млн. человек). Естественный прирост населения Туркестана, который в 1870—1880-е гг. был не более 0,4—0,6%, увеличился до 1,5—2%, а в некоторых регионах и до 3% в год. Такие высокие темпы прироста объясняются в том числе и усилением на рубеже XIX—XX вв. притока мигрантов из

²⁰ Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII — начала XX века). Барнаул, 2003. С. 200—202.

Бухары, Восточного Туркестана и Афганистана. Русские переселенцы (за исключением Семиреченской области) не составляли сколько-нибудь значительной части внешней миграции.

Русское завоевание изменило всю демографическую структуру Центральной Азии. Если еще в XVIII в. основное население проживало в Бухарском эмирате, то к началу XX в. самым населенным стал регион, входивший в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Недавняя малонаселенная окраина — Фергана — превратилась в самый густонаселенный район не только Центральной Азии, но и — по плотности населения — всей империи. Похожее изменение пропорций разных регионов произошло среди казахов: численность Младшего и Среднего жузов росла быстрее, чем численность Старшего жуза, основная территория которого вошла в состав Российской империи только в середине XIX в. В целом по Центральной Азии выросла численность городского населения, появились новые города, возросло влияние городской культуры на сельскую местность.

Демографический взрыв в Туркестане и Степном крае заложил основы новых проблем для региона. В начале XX в. появились явные признаки перенаселенности. Однако пока эта проблема не была острой и не осмыслялась российской властью или местной элитой как препятствие для каких-то реформ и трансформаций. Регулирование демографического воспроизводства не стало частью имперской политики.

Глава 8

ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ОБЩЕСТВА ПОД ВЛАСТЬЮ ИМПЕРИИ

Мусульманское образование — Российское образование у казахов — Миссия Елисеева — Российское образование в Туркестане — Русско-туземные школы — Реформа традиционного образования — Новометодные школы — Русификация — Литература, музыка, драматургия, архитектура, прикладное искусство — Пресса — Просветители.

§ 1. МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

XIX в. Центральная Азия уже не относилась к передовым странам мусульманского мира. Эпоха, когда Бухара и Самарканд по праву считались центрами богословия, науки и культуры, осталась в прошлом. Тем не менее знания, ученость, образованность были по-прежнему в почете в центральноазиатском обществе. Бухара и после принятия российского протектората привлекала к себе студентов не только из соседних городов, но и из мусульманских районов европейской России. При российской власти была возобновлена, хотя и не достигла прежнего расцвета, деятельность исламских религиозных учебных заведений в Самарканде, всего здесь функционировало 18 медресе, из которых крупнейшими являлись Тилля-Кари и Ширдор. Школы-мектебы и медресе открывались в Ташкенте, Коканде и Андижане.

Традиционная система образования в регионе включала в себя две ступени. Первая — *мектеб*, или школа начального религиозного обучения, которая обычно открывалась при мечети. Платили учителю и содержали помещение мектеба жители селения или городского квартала. Среди кочевников мектебы функционировали вес-

ной и в начале лета. Число учеников редко превышало два-три десятка человек, учились в классах только мальчики. Они изучали арабский алфавит, после чего переходили к механическому чтению и выучиванию наизусть Хафтияка, небольшой книги, содержащей выдержки из Корана с основными молитвами, необходимыми при выполнении обрядов. Основы мусульманского вероучения преподавались по книге Чоркитаб и некоторым другим произведениям, написанным на персидском и тюркском языках. Некоторые ученики дополнительно читали и изучали стихотворные сборники средневековых поэтов Хафиза, Бедиа, Навои и Суфи Аллаяра. Преподавание в мектебах было индивидуальным и длилось несколько лет.

Для девочек существовали отдельные школы, в которых проходили примерно ту же программу, что и в мектебах. Женские школы чаще были в городах и поступали в них дочери богатых купцов и исламской духовной элиты.

Вторая ступень образования — *медресе*, или средние и высшие школы, которые имелись, как правило, лишь в городах и крупных селениях. Содержание зданий таких медресе и оплата преподавателям (*мударрис*) осуществлялись из доходов пожертвованного имущества — *вакуфов*. Наблюдение за хозяйством вели специальные люди — *мутавали*. В учебную программу медресе входило изучение арабской грамматики, богословско-юридической литературы, а также книги по метафизике, космографии, астрологии, географии, истории, медицине и математике. Весь курс обучения в медресе длился не менее 10 лет. По окончании ученики могли становиться имамами в мечетях и учителями в начальных школах. Те, кто хотел получить более полное богословское образование, отправлялись в Турцию, Египет или Индию.

Хотя система мусульманского образования охватывала большую часть населения и каждый ребёнок получал определённые навыки и знания, в целом уровень грамотности в Центральной Азии оставался очень низким.

§ 2. РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У КАЗАХОВ

Уже в первой половине XIX в. в степных районах, вошедших в состав Российской империи, местное население стало обучаться в российских школах. Первая начальная светская школа для казахских детей была открыта русскими в Букеевском ханстве (современ-

ная Астраханская область России) в 1841 г. В 1850 г. при Оренбургской пограничной комиссии открылась светская школа с семилетним сроком обучения. Ее задачей была подготовка из числа казахов писарей и переводчиков в низовом звене российской администрации. Школа просуществовала 19 лет и выпустила 48 учеников. Похожее учебное заведение открылось в Омске при областном правлении сибирских киргизов (казахов) в 1865 г. Изначально в нем обучалось 20 учеников. В этих школах изучали русский язык, арифметику, казахский язык, основы шариата, порядок составления деловых бумаг, а несколько позже географию и гимнастику.

Открытие начальных народных школ в степных районах Центральной Азии относится к 60-м гг. XIX в. В 1868—1896 гг. в Уральской области работали 24 русско-казахские школы. В Акмолинской области к 70-м гг. XIX в. из 71 учебного заведения была одна русско-казахская школа и 4 русско-татарских. В 1883 г. мужские школы для обучения казахских детей функционировали в областном центре Семипалатинске, а также в уездных городах Павлодаре, Усть-Каменогорске, Зайсане, женские школы — только в Семипалатинске и Павлодаре; в 1886 г. в них учились 152 мальчика и 37 девочек. В Тургайской области, как и в остальных областях Степного генерал-губернаторства, народное образование развивалось медленно. В 1861 г. начала функционировать русско-казахская школа в г. Троицке, затем в 1864 г. — в Тургае и Иргизе. К концу XIX в. в области было 162 школы, в которых проходили обучение 3560 мальчиков и 962 девочки.

Выходцам из Центральной Азии был открыт доступ в высшие учебные заведения России. В начале XX в. несколько десятков казахов учились в Петербургском и Казанском университетах, других учебных заведениях технического и сельскохозяйственного профилей.

§ 3. Миссия ЕЛИСЕЕВА

Православное миссионерство на территории Туркестана после его вхождения в состав Российской империи было запрещено, но в степных кочевых районах дело обстояло немного иначе.

Так, в 1882 г. согласно указу Святейшего Синода Русской православной церкви, данному на имя преосвященного Петра, епископа Томского и Семипалатинского, среди казахов Семипалатин-

ской области была открыта православная миссия. В 1892 г. православный миссионер сначала Тобольской, а затем Туркестанской православной епархии Ефрем Елисеев, происходивший из крещеных татар Казанской губернии и получивший специальную миссионерскую подготовку на противомусульманских курсах при Казанской духовной академии, начал активную пропаганду православия среди казахского населения. Он прекрасно знал татарский, казахский и арабский языки: был способен с листа переводить цитаты из Корана на тюркские языки, знал арабский текст Библии. Еще до своего приезда в Казахские степи Елисеев был наслышан, что киргизы (казахи) — «только внешние мусульмане и проповедь можно начать со всяким встречным киргизом безбоязненно». По словам самого миссионера, он неоднократно читал новокрещеным Евангелие от Луки на казахском языке, вероятно, сам являясь автором перевода этого христианского текста.

Еще при предшественниках Елисеева на миссионерской должности в ауле Букони в Семипалатинской области некоторые песнопения, ектинии, православные молитвы читались и пелись «по-киргизски» (по-казахски), а в Великий пост для говенья миссионер назначал особую неделю, когда все богослужение происходило по-казахски, «так же он поступал и в Буконском стане, которым заведовал». Таким образом, применение казахского языка для приобщения казахов к христианству к началу деятельности Елисеева уже имело определенную традицию.

Однако результаты миссии за первые 10 лет ее существования были не столь уж впечатляющими: было крещено всего 200 казахов. Причин тому было много, в том числе и активная деятельность проповедников ислама. Мусульманская пропаганда особенно беспокоила церковных иерархов. С приездом Елисеева темпы христианизации возросли. Если в 1892 г. было крещено лишь 13 человек, то в 1893 г. святым крещением было просвещено уже 69 мужчин и женщин из мусульман. В 1892—1893 гг. Елисеев активно разъезжал с миссионерскими целями по восточным районам Степного края. Вся его жизнь в Букони представляется чередой бесконечных поездок, бесед с местными жителями, обращением в православие казахов и татар. В декабре 1893 г. стараниями Е. Елисеева в Букони была открыта школа для новокрещеных мальчиков-казахов. Помещалась она в миссионерском доме. Учеников на первых порах было всего пять человек. Выбор учебников, по которым обучались в школе, был невелик: букварь и священная история на казахском. Мо-

литвы заучивались и пелись детьми также по-казахски. Таким образом, православный миссионер Елисеев фактически стал основателем одной из первых школ с преподаванием предметов на казахском языке.

§ 4. РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТУРКЕСТАНЕ

Вопрос о культурном освоении Туркестана всегда рассматривался российскими властями как один из важнейших в деле вовлечения центральноазиатской окраины во внутреннюю жизнь империи. В 1870—1873 гг. в Ташкенте работала особая комиссия, ее деятельность завершилась представлением на имя военного министра проекта «Плана устройства учебной части и образования в Туркестанском крае», который в качестве главной задачи просвещения коренного населения определял «его слияние с основами русской государственной жизни». Достичь поставленной цели предполагалось путем создания неконфессиональной (что должно было защитить от посягательств на религиозные убеждения «иностранцев») и общей для русских и коренных жителей школы (что призвано было способствовать ассимиляции завоеванного края). Следует заметить, что проект уделял большее внимание представителям оседлого населения, справедливо, как тогда казалось, полагая, что оно, в отличие от кочевников, более расположено к освоению европейского знания.

Проектом предусматривалось учреждение мужской гимназии в Ташкенте, куда на общих основаниях могли поступать дети мусульман, учительской семинарии с трехгодичным сроком обучения и с преподаванием языков местных народов, а также образцовой школы при семинарии с вакансиями для мусульман. Кроме того, предусматривалось создание системы уездных народных школ с четырехлетним общеобразовательным курсом и ремесленным классом. В них предполагалось вести совместное обучение русских и сартов (представителей мусульманского оседлого населения), с вакансиями для киргизов (т.е. представителей кочевого населения). Параллельно планировалось обустроить кыргызов и каракалпаков, сеть начальных школ для казахов, рассчитанных только на обучение чтению и письму на русском и родных языках. Как в уездных, так и в начальных школах преподавание местных языков предпола-

лось вести с употреблением русской транскрипции (по методике Н.И. Ильминского)¹.

Этот документ в несколько измененном виде был утвержден в 1875 г. и вводился в действие постепенно. Следует заметить, что отдельные учебные заведения для жителей Туркестана возникли еще до утверждения проекта, причем в их основу были положены идеи первого генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана о преподавании в школах ремесел, которые могли «впоследствии обещать верные заработки»², и о необходимости привлекать в школы девочек.

Первая русская школа для местного населения в Туркестане была открыта в 1870 г. в г. Самарканде. В следующем году начала работу трехклассная народная школа с ремесленными классами для детей обоего пола в Ташкенте. В 1875 г. на средства местного православного священника Вознесенского было открыто народное училище (с отделением для девочек) в Чимкенте. Все эти школы были приняты в 1876 г. в ведение управления по учебной части при Туркестанском генерал-губернаторстве, а в 1878 г. преобразованы в двухклассные городские училища.

Согласно положению о городских училищах от 1872 г., в учебных заведениях «мусульманской грамоты и мусульманского закона Божьего не изучали». Преподавание велось на русском, а к местным языкам прибегали только тогда, когда встречались непонятные ученикам выражения. Религиозное же обучение было отменено только для мусульман, православные же дети изучали закон Божий как важную составную часть общего образования. В отношении преподавания основ ислама в русской школе Туркестана среди российских администраторов наличествовали две тенденции, противоположные друг другу. Первую олицетворял Кауфман, допускавший, что во время преподавания закона Божьего православным детям ученикам-мусульманам давались бы соответствующие уроки муллами. С другой стороны, весьма сильно была выражена точка зрения о невозможности возлагать на русскую школу в Туркестане преподавание «вероучений, в основании своем несогласных с господствующею религиею в государстве». В соответствии с ней ро-

¹ Подробнее см.: *Граменицкий С.М.* Очерк развития народного образования в Туркестанском крае // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1896. Т. 5. С. 6—7.

² Цит. по: *Кочаров В.* Из истории организации и развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1959. С. 10.

дители могли «наставлять своих детей в правилах исповедуемой им веры своими средствами». Трудно было ожидать от жителей Туркестана, особенно от более религиозных представителей оседлого населения, доверия к такой русской школе, куда доступ был открыт православному священнику и закрыт мулле³.

§ 5. РУССКО-ТУЗЕМНЫЕ ШКОЛЫ

19 декабря 1884 г. в доме богатого ташкентского купца Сейид-Гани Азимбаева состоялось открытие первой русско-туземной школы. Преподавателем был назначен один из лучших знатоков местных языков и обычаев, В.П. Наливкин. В 1885 г. начали работу три приходских русско-туземных училища в Сырдарьинской области, а в 1886 г., после «высочайшего соизволения» на создание такой формы образования для местного населения, появилось сразу 14 таких школ. В 1898 г. начались занятия в русско-туземных школах в Верненском уезде. К 1896 г. их число в Туркестане доходило до 28, к 1911 г. — до 89. Были открыты также Хивинская и Бухарская русско-туземные школы.

В отличие от обычных русских школ, в которых открывались классы для местного населения, русско-туземные школы предназначались исключительно для коренных жителей края и включали учебную программу мусульманских мектебов. Согласно утвержденной в 1887 г. инструкции, учебный день в русско-туземных школах делился на две части: первые два часа изучались чтение, письмо и арифметика на русском языке, а вторые два часа туземный учитель занимался мусульманским вероучением. Первоначально предполагалось открывать такие школы преимущественно там, где население меньше всего имело возможность знакомиться с русским языком — в сельской местности и отдаленных городских кварталах. Этот расчет не оправдался. Вскоре школы были перенесены в города, где местное население жило в непосредственном контакте с русскими и где оно больше нуждалось в знании русского языка. При некоторых из них были открыты интернаты, чтобы дети больше времени проводили в русскоязычной среде.

Российская власть уделяла большое внимание новому виду школы, видя в ней средство для «просвещения и слияния с русски-

³ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 301—302.

ми всей массы туземного населения». Планировалось, что со временем условием назначения на должности в местном управлении станет получение образования в таких школах. В целом, однако, русско-туземная школа не стала, как задумывалось, главным источником распространения российской («общечеловеческой») культуры среди местного населения и не смогла подготовить новую, лояльную к России, элиту. Как писал один из русских деятелей, М.М. Вирский, «ни одна из русско-туземных... школ... не выпустила из своих стен ни одного туземца, умеющего правильно читать, не говоря — писать по-русски»⁴. Впрочем, многие чиновники видели причину этого не в «распоряжениях администрации края», а в «косности и неподготовленности самих туземцев»⁵.

§ 6. РЕФОРМА ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В свое время генерал-губернатор Кауфман избрал тактику «игнорирования» традиционной мусульманской школы (мектебов и медресе) в расчете на то, что она не выдержит конкуренции с «более прогрессивной» вестернизированной русской школой. Теория невмешательства основывалась на опубликованной в 1869 г. «Записке ординарного профессора С.-Петербургского университета В.В. Григорьева», в которой автор, бывший председателем Оренбургской пограничной комиссии (1854—1862), исходя из посыла о невозможности радикального «переделывания» мусульман, делал вывод о невозможности реформирования исламской школы путем введения в нее русского языка и других светских предметов.

Однако сменивший Кауфмана М.Г. Черняев начал наступление на исламскую школу, предложив ввести в программу нового медресе русский язык, математику, географию, историю, естествознание и другие предметы.

Вступивший на пост главного начальника Туркестанского края в 1884 г. Н.О. фон Розенбах счел необходимым в отношении религиозных школ проявить большую осторожность. В качестве альтернативы им он предложил идею русско-туземных школ. Сами же мусульманские школы, во всяком случае номинально, были поставлены под контроль администрации. Инспектор мусульманских

⁴ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. С. 308.

⁵ Граменицкий С.М. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. С. 25.

школ В.П. Наливкин пытался было реформировать медресе на основе перевода арабской грамматики и мусульманского богословия на узбекский (сартовский) язык и преподавания арифметики и других современных предметов на русском языке. Позже, с целью приспособить их к правительственным нуждам, он предложил открыть при медресе курсы русского языка. Но ни первый, ни второй вариант, вследствие противодействия губернаторов, так и не были осуществлены.

Разразившееся в 1898 г. Андижанское восстание заставило туркестанские и центральные власти вновь задуматься о месте и роли «мусульманской пропаганды» и русской школы в идеологической жизни края. Мнения разделились. Часть местных администраторов вместе с Наливкиным, самаркандским губернатором графом Н.Я. Ростовцевым и известным деятелем в сфере образования мусульман Н.П. Остроумовым настаивали на установлении контроля над мусульманскими учреждениями вплоть до создания в Туркестане мусульманского духовного управления под контролем российских чиновников. Противоположную группу, продолжавшую придерживаться позиции «игнорирования» ислама, возглавляли главный инспектор училищ Туркестанского края Ф.М. Керенский (отец будущего главы Временного правительства А.Ф. Керенского) и инспектор народных училищ Сырдарьинской области С.М. Граменицкий. Генерал-губернатор С.М. Духовской в конечном счете воздержался от организации духовного управления. На деле, с одной стороны, главный начальник края передал политическое наблюдение за мусульманской школой областной и уездной администрации, поощрял чтение публичных лекций научно-популярного характера на узбекском (сартовском) языке; с другой стороны, после передачи Семиречья в состав Туркестана в 1899 г. было отменено требование обязательного преподавания русского языка в медресе области (как это было принято в Степном крае).

Надежды на то, что, помимо устаревших учебных программ, причиной исчезновения мусульманских традиционных школ будет сам факт перехода власти к иноверному правительству в Центральной Азии (когда медресе и мектебы оказались лишены государственного финансирования), не оправдались. Старая мусульманская богословская школа и вообще ислам обнаружили больше жизненных сил, чем ожидали первые русские администраторы в Туркестане. Даже в степных районах, где влияние ислама было несоизмеримо меньше, чем в оазисах, в волостях и аулах казахские

дети учились обычно в начальных мусульманских школах-мектебах, реже — в медресе.

Царское правительство периодически пыталось принять меры к тому, чтобы преградить путь к открытию новых мусульманских школ в Центральной Азии. Оно требовало, в частности, чтобы лица, желающие заниматься обучением детей в мектебах и медресе, получали соответствующее разрешение — в форме особого свидетельства — от учебного начальства. За свидетельство взималась денежная пошлина, а уклонение от его получения каралось штрафами и арестом с последующим запретом обучать своих детей в мусульманских школах. Однако, несмотря на все ограничения, мусульманские школы открывались в регионе повсеместно. Если по сведениям 1876 г. в Ташкенте существовало 11 медресе, то по сведениям 1910 г. — уже 22, из чего можно сделать вывод, что число медресе в главном городе Туркестанского края после вхождения в состав России удвоилось. В Фергане в 1892 г. насчитывалось 120, а в 1911 г. — 204 медресе. В Самарканде в 1876 г. было 18 медресе, в 1912 г. — 19. В Джизаке в 1902 г. работало всего 1 медресе, а в 1912 г. их было уже 3. На Ходжент в 1912 г. приходилось 40 медресе. Всего медресе в главных трех областях Туркестанского края было 328 в 1911 г. против 313 в 1900 г. В степных районах к 1913 г. мектебы функционировали повсеместно, зачастую «незаконно», т.е. без письменного разрешения властей. Точному учету число таких заведений не поддавалось, их существование скрывалось. По неполным данным, только в одном лишь Туркестанском участке Чимкентского уезда Сырдарьинской области насчитывалось более 1000 мектебов, тогда как русско-казахских школ по всему Степному краю было тогда 157 и в большинстве из них число учащихся не превышало 50.

Российская политика по отношению к традиционному богословскому мусульманскому образованию в Центральной Азии, к старой мусульманской школе, с 1876 до 1907 гг. изменилась кардинальным образом. Если в 1876 г. казалось, что «русскому влиянию на Востоке представляется задача важная и возвышенная разбить умственные оковы магометанства и приобщить туземцев к жизни человечества»⁶, то в 1907 г. мусульманская школа сравнивалась с древнерусской христианской, а курс медресе признавался «очень

⁶ Керенский Ф. Медресе Туркестанского края // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 11. С. 36 (Керенский цитирует статью некоего Г. в «Туркестанских ведомостях» за 1876, № 48).

серьезным, соображенным с действительными потребностями народной жизни» и подлежавшим не коренной ломке, а постепенной и осторожной эволюции в смысле «упорядочения системы обучения и обновления самих знаний в таких науках, которые не касаются религиозных верований»⁷. Российские власти в Туркестанском крае, прежде всего в его оседло-земледельческих районах, принимая во внимание конфессиональную ситуацию во вновь завоеванных землях, не предпринимали шагов по распространению там православия. Деятельность православных миссионеров в Средней Азии была запрещена.

§ 7. НОВОМЕТОДНЫЕ ШКОЛЫ

В конце XIX — начале XX в. определенное влияние на культуру и образование народов Центральной Азии оказали другие мусульманские подданные Российской империи — поволжские и крымские татары. После того как русские цари с конца XVIII в. стали содействовать распространению ислама в своих азиатских владениях, с ведома российских властей посылались сначала в Казахские степи, а затем, по мере вхождения Центральной Азии в состав России, и в ее оазисы муллы из числа поволжских татар для насаждения ислама и организации мусульманских школ и обучения детей. Многие из них были переводчиками и представителями российских фирм, действовавших в Центральной Азии. Татары частично выполняли культуртрегерские функции в Центральной Азии, служа своеобразным мостом, связывающим европейскую Россию с этими районами Азии. Благодаря их активности и прежде всего вследствие деятельности известного крымско-татарского просветителя Исмаил-бея Гаспралы (Гаспринского), вслед за районами компактного расселения мусульман в европейской части империи так называемые новометодные мусульманские школы стали возникать и на территории Туркестана.

Новометодные мектебы появились здесь несколько позднее русско-туземных школ, в 90-е гг. XIX в. В них совмещалось преподавание традиционных религиозных предметов с изложением некоторых элементов светских дисциплин, в число которых иногда

⁷ *Остроумов Н.П.* Мадрасы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 7, январь. Отд. 3. С. 28, 20, 31.

входило преподавание русского языка. Подобные учебные заведения возникали в крупных городских центрах, где концентрация переселенцев из татар была довольно высокой. Вероятно, в этих городах новометодная школа имела больший успех, чем русская. В Ташкенте, например, в 1910 г. насчитывалось 8 русско-туземных школ, а новометодных — 16. В Коканде в 1911 г. находились две русско-туземные школы со 162 учениками и 8 новометодных с 530 учениками. Уже через несколько лет после своего появления татарская новометодная школа стала заметным элементом образования мусульманских центральноазиатских народов после их вхождения в состав Российской империи.

После спада первой российской революции, в конце первого десятилетия XX в., туркестанская администрация вынуждена была обратить самое серьезное внимание и пересмотреть свою оценку традиционных мектебов и медресе. Произошло это именно в связи с распространением в Центральной Азии джадидизма и новометодных мусульманских школ. Последние, сочетавшие в себе модернизированную систему изучения ислама и элементы светского образования, начали восприниматься властями как угроза распространения в крае панисламизма и пантюркизма. Ставшие своеобразным средним звеном между старометодной и русско-туземной школами, они постепенно набирали силу и обретали популярность в среде местного населения, низвергая тем самым надежды Кауфмана и его последователей на «естественное» отмирание мусульманского образования. Реакцией на это стали мероприятия краевых властей (официально не поддержанные Петербургом), направленные на ограничение влияния новометодных школ: назначение учителями в них «туземцев одного племени с учащимися», запрещение учителям-татарам преподавать в них, требования обязательного введения русского языка и обязательного утверждения учебных программ и учебников у представителей власти. Все это должно было поставить новометодные мектебы и медресе под контроль российской администрации⁸.

С 1912 г. краевая администрация и вовсе встала на путь притеснения и закрытия этих учебных заведений. Ее не устраивало положение, при котором русская школа в Туркестане уже не выдерживала конкуренции с мусульманской. Выход был найден в резком

⁸ Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе в Средней Азии // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 7. С. 54—55.

расширении сети русских и русско-туземных школ, призванных поставить их идеологически верно подкованных выпускников во главе административной и экономической жизни края, ограничив возможность доступа к социальным благам для нерусифицированной молодежи. Параллельно краевая администрация стала проявлять либерализм к старометодным школам, которые могли открываться явочным порядком и самостоятельно решать вопросы о кадрах, программах преподавания, средствах содержания. Крупный деятель на ниве просвещения в Туркестане Н.П. Остроумов вообще видел в старой школе много рациональных зерен, способных при должном направлении превратить эти учебные заведения в надежную опору царизма.

§ 8. Русификация

Рассмотрение спектра взаимоотношений царского правительства, российского общества и центральноазиатских владений империи невозможно без выяснения целей и методов осуществлявшейся там имперской политики, ее сущности и форм выражения. Редкие работы дооктябрьских ученых выделяли суть и стержень взаимоотношений российского центра и окраин империи. Для внутренней политики России второй половины XIX в. этим стержнем представляется политика русификации. Расходясь во взглядах на характер и методы осуществления русификаторской политики правительства (насильственные и ненасильственные), историки дооктябрьского периода в большинстве своем сходились на том, что русификация подразумевала ограничение культурной самобытности на какой-либо территории Российской империи и активное распространение там русского языка и литературы, замену местных органов власти и управления на общеимперские, интенсивное распространение православия и русской культуры. Заметим, что в дореволюционной прессе термин «русификация» не пользовался особой популярностью. Внутреннюю политику царской России на окраинах чаще именовали более нейтральным «обрусением», под которым понималось ненасильственное, естественное сближение с русским народом, превращение в русского по языку и традициям.

И если в отношении других окраин империи имели место широкие дискуссии о формах и методах приобщения к имперскому

единству, если в их отношении можно еще говорить о русификации, то Центральная Азия занимала особое положение.

Итак, русификация включает в себя политическую, экономическую, кадровую, правовую, культурную, бытовую составляющие. Но главная роль по праву принадлежит образованию. Для имперских властей второй половины XIX в. было очевидным, что существование единого и стабильного многонационального государства невозможно без создания прочной идеологической базы, стержнем которой должна была стать русифицированная система народного образования. В 1869—1870 гг. в недрах Министерства народного просвещения была разработана программа развития школьного дела в среде нерусских народов и сформулирована ее основная идея: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом»⁹.

Выше отмечалось, что, кроме отказа от вмешательства в религиозные дела мусульман, К.П. Кауфман отводил особую роль охране от ислама кочевых народов Туркестана. Реализуя эту задачу, генерал-губернатор приступил к созданию школ для казахов и кыргызов, рассчитывая на то, что их дети «обрусуют в русских школах и примкнут к русской гражданственности, после чего узкое и одностороннее мусульманство не будет уже в состоянии оказывать на них своего влияния, не соответствующего идеям и принципам европейской цивилизации»¹⁰. Таким образом, программа обрусительной политики имперской власти в Центральной Азии в первый период присоединения Туркестана к России сводилась к следующему: 1) совместное обучение русских детей и детей коренного населения; 2) преподавание в этих школах на русском языке, по русским программам и учебникам. Следует заметить, что со временем главный начальник края разрешил обучать казахов в русской школе родному языку.

Во второй половине 1880-х гг. при новом генерал-губернаторе Розенбахе произошло заметное изменение в тактике русификации. Были осуждены «игнорирование» туземных религиозных школ, устранение ислама из программы обучения, ориентация на кочевое население и привлечение его в русские школы, начались поиски

⁹ Цит. по: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М., 1960. С. 62—63.

¹⁰ Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае // Кауфманский сборник. М., 1910. С. 140.

новых методов обрусения народов Центральной Азии. Было признано необходимым перейти от дорогих двухклассных училищ к более дешевым одноклассным приходским школам, к созданию отдельно для оседлого и кочевого населения русских начальных школ грамотности без интернатов и с кратким курсом обучения. За новым типом приходского училища укрепился термин «русско-туземная школа», которая фактически соединила в себе мектеб и русскую школу грамоты. Образцом для организации русских классов стала система Ильминского, подразумевавшая обучение русскому языку при помощи родного языка детей с применением к нему русской транскрипции: тексты переводились сначала с родного языка на русский, а затем — в обратном порядке. Организация «туземного класса» сыграла свою привлекательную роль. Русско-туземные школы стали распространяться по всему краю. Однако крайняя ограниченность русской составляющей такой школы вряд ли могла способствовать исполнению цивилизаторской миссии империи, с одной стороны, а с другой — превращало в фикцию самое «прочное и окончательное слияние» народов Центральной Азии с остальными жителями империи. На это накладывалось и то обстоятельство, что открытие русско-туземных училищ носило насильственный характер, учебный процесс в них был поставлен весьма неудовлетворительно и, наконец, коренное население не видело в них никакой конкретной пользы.

Новый этап в русификаторской деятельности туркестанских властей связан с именем С.М. Граменицкого, ставшего в 1892 г. инспектором народных училищ Сырдарьинской области. Видя главный недостаток русско-туземных школ в том, что занятия в них ведутся на родном языке с переводом на русский, в результате чего ученики не только не могли научиться говорить по-русски, но и не понимали разговорную русскую речь, он предложил вовсе исключить родной язык из учебной программы и перевести все обучение в русском классе на русский язык с применением натурального метода и немой наглядности. С одобрения главного инспектора училищ Туркестанского края Керенского, с 1897 г. Граменицкий перевел обучение во всех школах Сырдарьинской области на русский язык. Вслед за этим был отмечен значительный рост русско-туземных школ, что было связано не только со сменой методов преподавания, но и с общим развитием капиталистического хозяйства в Центральной Азии.

Урок Андижанского восстания заставил генерал-губернатора С.М. Духовского избрать двойственную тактику. С одной стороны, он попытался поставить мусульманское образование под контроль администрации, а с другой — предпринимал шаги, которые нельзя было истолковать иначе, кроме как потворство исламской школе. Кстати, в это время в отношении русификации в сфере образования определились два течения, имевшие место в среде имперской администрации. Первое сводилось к идее обучения на родном языке (система Ильминского). Второе боролось против использования в школе родного языка, навязывая коренному населению исключительно русскоязычную школу. При всем различии этих путей приобщения населения к «российской гражданственности» (первый был подчинен православно-миссионерской задаче, а второй вел к торможению развития национальных культур), оба они призваны были осуществить русификаторские цели, хотя, приходится признать, безуспешно.

В начале XX века, когда стала рушиться убежденность в скорой естественной ассимиляции коренных жителей Туркестана, краевая администрация пыталась предпринять все более и более радикальные меры. В 1910 г. генерал-губернатор Самсонов предлагал параллельно с русско-туземными школами в городах создавать в отдаленных кишлаках, где местное население еще не ощутило острой потребности в русском языке, чисто туземные школы с преподаванием на родном языке, где бы русский язык, как государственный, являлся обязательным предметом обучения. Он был убежден, что это было бы меньшим злом по сравнению с новометодными мектебами. Однако эта идея не встретила поддержки в столичных кругах.

В 1915 г. власти вновь вернулись к проблеме реформирования мусульманской школы. На сей раз обсуждался вопрос о реорганизации мектебов и медресе в общеобразовательные учреждения. Но и здесь проблема не сдвинулась с мертвой точки. Подобную меру признали способной содействовать укреплению в среде местного населения конфессиональных и национальных особенностей, что совсем не согласовывалось с общегосударственными интересами.

Говоря об эффекте русификаторской деятельности туркестанской администрации конца XIX — начала XX в., следует обратить внимание на то обстоятельство, что, воздерживаясь от реформы старометодных мектебов и медресе, краевые власти препятствовали стремлению местной интеллигенции к созданию мусульманской

школы нового типа. И это вело к противоположному результату — порождало предпосылки для развития пантюркизма, связанного с панисламизмом.

Важнейшим элементом в деле освоения центральноазиатской окраины являлось внедрение русского языка в делопроизводство административных органов всех уровней и судопроизводство. С переходом в состав Российской империи делопроизводство управления краем осуществлялось на русском языке. Вне этого процесса остались лишь «туземная администрация» (сельская и волостная) и «туземный суд». Лишь после Андижанского восстания генерал-губернатор Духовской поставил вопрос об обязательном введении русского языка в письменных сношениях органов туземной администрации с русскими властями. Вскоре идея была развита официальными «Туркестанскими ведомостями», которые предлагали издать постановление о введении русского языка в делопроизводство и установить срок, в течение которого эта мера должна была быть реализована. В связи с этим органы краевого управления усилили внимание к курсам русского языка для взрослого коренного населения. Индивидуальный подход к слушателям, свобода в методике и программах преподавания, финансирование за счет казны — все это должно было превратиться в «действенный способ сближения туземцев с русской школой и русскими людьми». Однако факт, что вплоть до 1917 г. в волостях с коренным населением делопроизводство так и не удалось перевести на государственный язык, свидетельствует о том, что все меры, предпринимаемые имперской администрацией с целью обрусения населения, не имели сколь-нибудь серьезного эффекта.

В 1906 г. генерал-губернатор Туркестана Субботич поднял вопрос о необходимости для представителей русской власти владеть языками народов Центральной Азии. Проблема не была новой. Предшественники Субботича поощряли подобную политику, некоторые сами владели местными языками. В крае издавались учебники, самоучители, словари, организовывались уроки и курсы для чиновников и русского населения. И все-таки эти попытки не имели большого успеха, хотя и не были совсем безрезультатными. Как свидетельствует академик В.В. Бартольд, этому полезному для укрепления влияния России в регионе мероприятию противились влиятельные чины российской колониальной администрации, открыто заявлявшие, что непосредственное обращение начальника к

народу на его языке приведет в глазах мусульман к умалению престижа русской власти¹¹.

Итак, говоря о русификации в целом, следует отметить, что еще первый генерал-губернатор края К.П. фон Кауфман заложил основы синтеза местного традиционного и российского общеимперского начал в самых разных сферах общественной жизни. Видя реальную возможность мирно, без жестких русификаторских мер, постепенно превратить жителей восточной окраины в полноценных граждан России, он содействовал развитию местного самоуправления (введение выборности аульных начальников), поощрял сотрудничество с властью представителей местных элит, стремился придать русскому переселению в край просветительский характер, проводил гибкую политику в различных сферах жизни в Туркестане.

Он осуществлял политику уважения религиозных чувств местного населения, прекрасно понимая, что запретительные меры вызовут лишь раздражение жителей и перерастут в противостояние российским властям. Поддерживая идею укрепления имперской судебной власти в крае, российская администрация сохраняла в регионе традиционные суды для коренного населения и формально не вмешивалась в их работу. В первые десятилетия российского господства в Центральной Азии предпринимались меры для улучшения быта, ирригации для развития сельскохозяйственной культуры, создания благоприятных условий для развития местной торговли и промышленности, распространения среди местного населения начал элементарной медицинской грамотности.

Все это дало основание главному начальнику края в своем отчете императору докладывать, что местное население не поддается антирусским настроениям: «Успокоенное материально и ненасилованное в нравственном своем быте, не видя ни покровительства и уступчивости, ни гонения своей религии, население остается глухим к беспокойным проповедям доживающих или пришлых фанатиков».

Однако воцарение нового императора, изменение политического курса правительства и утверждение Положения 1886 г. значительно ослабили самостоятельность туркестанского генерал-губернатора, постепенно ввергая край в ситуацию, в какой находились другие русифицируемые окраины. Разразившееся в 1898 г. Анди-

¹¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. С. 385.

жанское восстание заставило власти засомневаться в правильности курса на веротерпимость и сохранение самобытности края.

В своем специальном всеподданнейшем докладе «Ислам в Туркестане» генерал-губернатор С.М. Духовской предлагал сделать ставку «на силу», установить жесткий контроль над мусульманским духовенством¹². К подобным выводам пришло и Военное министерство, предложившее всемерно способствовать обрусению края, отменить выборность местной первичной администрации, перейти на русский язык в судопроизводстве. Однако все эти предложения остались нереализованными. Огромная протяженность границ с мусульманскими странами, по словам министра финансов С.Ю. Витте, диктовала осторожность в отношении ислама из-за опасности «подорвать неприязненное... отношение во всем мусульманском мире».

Практика убеждает, что царское правительство не осуществляло на территории своих центральноазиатских владений политику насильственной русификации. Оно лишь стремилось к их закреплению в составе империи и распространению на новых землях общегосударственных установлений.

§ 9. ЛИТЕРАТУРА, МУЗЫКА, ДРАМАТУРГИЯ, АРХИТЕКТУРА; ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

После вхождения в состав Российской империи под влиянием русской культуры произошли значительные изменения во всех областях как материального, так и духовного быта коренного населения центральноазиатского региона. В то же время стародавние традиции прочно сохраняли свои позиции, с трудом уступая место новым веяниям и идеям.

Так, в литературе тюркоязычных оседлых жителей Центральной Азии (узбеков и таджиков) второй половины XIX — начала XX в. более менее четко определилось несколько направлений. Первое можно условно назвать клерикальным. Его представители (во главе с узбекскими поэтами Хазини и Нисбати, таджикскими — Афзалмахдumi Пирмасти, Кози Курбон-ханом Фитратом, Алмахом и др.) в своем творчестве проповедовали религиозно-мистические идеи. Придворные поэты Фируз и Анбар создавали произведения

¹² Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора от инфантерии Духовского. С. 241—275.

в жанре любовно-эротической лирики. Их творчество провоцировало пышный расцвет вычурно-формалистического стихотворного стиля. Другая группа поэтов (Муками, Фуркат, Ахмед Дониш, Савдо, Возех и др.), следовавшая традициям Лютфи и Навои, внесла в литературу собственно народные мотивы, создала произведения большой художественной силы, пронизанные народным духом и народной мудростью. Творческий метод народного направления — критический реализм — только зарождался и был тесно связан с просветительским движением.

Замечательный узбекский поэт Муками обогатил национальную литературу прекрасными лирическими произведениями. Его сатирические произведения, обличавшие социальную несправедливость и лицемерие представителей служителей культа, пользовались большой популярностью в народе. Творчество Фурката, пропитанное просветительскими тенденциями, сыграло большую роль в приобщении узбекского народа к русской культуре. Заметный след в узбекской литературе оставили и писатели-джаидиды (Бехбуди, Ходжа Муин). В это время продолжала развиваться и народная поэзия, реалистичная по своему содержанию, имевшая ярко выраженную социальную, а зачастую и антиправительственную направленность. Близко к собственно народной поэзии находилось творчество известного узбекского поэта Хамзы Хаким-заде. С начала XX в. и в устном народном творчестве, и в произведениях ряда поэтов (Хамзы, Завки, Шохина, Асири, Айни и др.) все большее звучание приобретают антицаристские мотивы. Под влиянием творчества Фурката, Муками, Завки, Хамзы Хаким-заде Ниязи завершалось формирование узбекского литературного языка.

В литературе оседлых тюрков рассматриваемого периода существовали два жанра: поэзия и проза при безусловном доминировании первого. Однако со временем начинают зарождаться элементы рассказа, романа, повести, публицистики и мемуаров. Драматургия, как жанр первоначально появляется на узбекском языке («Падаркуш» М. Бехбуди), потом на таджикском. Сказки, рубай, песни, народные притчи и рассказы, бытовавшие с давних времен, сохранили свое место в народном творчестве. Среди множества народных поэтов следует отметить Фахри Румони, Мулло Йора и Кудрата Бадахшони, которые оставили после себя не только замечательные лирические вирши, но и произведения с явно выраженным социальным звучанием, зло высмеивающие лживых и коварных служителей ислама и местных чиновников.

В рассматриваемый период продолжало развиваться и устное народное творчество степных народов. Поэтическая деятельность акынов постепенно приобретала профессиональный характер. Значительное место в устной литературе второй половины XIX в. занимали *айтысы* — состязания певцов (*акын*), проводившиеся публично. Особой популярностью в народе пользовались айтысы, затрагивавшие социальные проблемы, осуждавшие злоупотребления местной аристократии и царской администрации. С другой стороны, заметно распространены были айтысы исключительно религиозного плана. Часть казахских и кыргызских поэтов воспевала батыров, боровшихся за свободу народа. Другие слагали стихи и песни о жизни простого люда, рассказывали о несправедливостях, творимых властями разных уровней. Третьи воспринимали жизнь с позиций канонов ислама, крайне негативно оценивали проникновение в казахский аул российского капитализма, резко выступали против разного рода модернизации. Четвертые, особенно в начале XX в., сочиняли хвалебные гимны в честь баев, волостных управителей и аульных старшин. Полемикой между этими направлениями во многом определялась картина общественно-литературной жизни региона в начале XX в.

Во второй половине XIX в. происходило развитие и письменной казахской литературы, самым значительным представителем которой в этот период являлся Абай Кунанбаев — поэт, мыслитель и композитор. С 1900 по 1917 г. вышло около двухсот книг на казахском языке. Среди них были образцы народного творчества и переводы классиков Востока, а также произведения, написанные по мотивам устной восточной литературы.

Творчество туркменских поэтов-шахиров пронизано любовью к родине и свободолюбием. Они обличали пороки современного им общественного строя, призывали к активному противостоянию и борьбе, но не могли еще нащупать перспективы дальнейшего развития народа. Ближе шахирам было и устное народное творчество, зафиксировавшее негативное отношение населения к произволу правящей верхушки туркменского общества и административно-управленческого аппарата. Параллельно следует отметить, что и в туркменской поэзии достаточно большое место занимали реакционно-консервативные и националистические мотивы. Важнейшей особенностью литературы народов центральноазиатского региона в этот период являлись ее связи с русской литературой и литературами других народов — татар, каракалпаков, азербайджанцев и др.

Тесно связана с народной поэзией была музыка, игравшая важную общественную роль в жизни туркменского населения. Искусство народных певцов — *бахши* — высоко ценилось народом, но зачастую находилось на службе племенной аристократии и ханской администрации. Музыкальная культура оседлого населения Центральной Азии периода российского господства представлена как классической музыкой узбеков и таджиков, основанной на среднеазиатской и иранской музыкальной традиции (музыкальные поэмы — *макамы*), так и собственной народной музыкой, являвшейся результатом творчества безвестных поэтов, музыкантов и певцов. Кроме лирических и сатирических песен большой популярностью пользовались эпические произведения — *дастаны* («Гуругли», «Алпамыш» и др.), повествующие о подвигах легендарных героев. Напевно-декламационный рассказ сменялся пением стихов под аккомпанемент домбры. Поэтому исполнители дастанов были искусными поэтами-импровизаторами и хорошими музыкантами. В 1905 г. на граммофонные пластинки впервые в истории были записаны популярные узбекские музыкальные произведения в исполнении известного ташкентского певца Муллы-Туйчи Ташмухамедова.

Огромное влияние на развитие музыкального искусства степных народов оказала деятельность большой группы народных композиторов, в которую входили и женщины — талантливые певицы и домбристки, авторы популярных в народе произведений. В их песнях воспевались красота и мудрость народа, находили отражение темы социального протеста, звучали призывы к борьбе с несправедливыми законами и произволом султанов-правителей, мечты о свободе.

Важной особенностью кыргызской музыки являлась жизненная конкретность художественных образов, навеянных социальными условиями, бытом, природной средой, окружавшей кочевников-скотоводов. В начале XX в. в среде кыргызских музыкантов все больше обозначалась социальная и художественная дифференциация. По жанровым признакам музыка делилась на инструментальную и вокальную. Вокал, как правило, был представлен одnogолосием, а в инструментальной музыке употреблялось двух-, трех-, а иногда и четырехголосие. Среди кыргызских акынов отдельного внимания заслуживает музыкальное творчество Токтогула Сатылганова, покорявшего сердца слушателей. Он был способным имитатором, незаурядным комиком. Разыгрывая бытовые сценки из жизни народа, артист каждый раз сопровождал их жестами и му-

зыкальной импровизацией. Токтогул был создателем своеобразных музыкальных басен, которые до сих пор популярны в народе.

Драматическое искусство еще до вхождения в состав Российской империи имело у центральноазиатских народов определенную традицию. Известные актеры были при дворах местных ханов. Одним из них был пользовавшийся успехом у кокандского Худоярхана Закирджан. Существовала драматургия узбекского и таджикского уличного театра (*кизикчи*), она весьма разнообразна по тематике и сюжетам. Представляемые пьесы были импровизациями на основе определенной сюжетной схемы и представляли собой сценки двух типов — осмеяние уродливых явлений быта и сатира на ишанов, баев, судей и должностных лиц. Уличные актеры давали представления перед местной публикой как в лицах, так и с помощью кукол. Кукольный театр и представления в лицах обычно устраивались не только коренными жителями, но и русскими. Кукольные спектакли иногда сатирически высмеивали даже русских губернаторов и уездных начальников, что вызывало раздражение властей, и представления на данную тему стали подвергаться цензуре. К началу XX в. относится творчество и деятельность основоположника современной узбекской драматургии Хамзы Хакимазаде. В начале XX в. зарождается казахский театр в самостоятельной форме. Первые шаги в это время делала и казахская драматургия. В 90-е гг. XIX в. в Туркестан проникает русский цирк, и уже в 1902 г. здесь возникает узбекская цирковая труппа, просуществовавшая 10 лет.

Новые черты приобретала местная архитектура. Хотя сооружение культовых зданий практически полностью следовало веками устоявшимся традициям, здесь тем не менее начинается применение новых строительных материалов, приемов и элементов декора. Более динамично реагировала на изменяющиеся бытовые, социальные и технические условия архитектура жилого дома. При общей стандартности и скромности архитектурных форм и культовые и жилые здания зачастую отличались прекрасной внутренней отделкой.

Утверждение российского господства в Центральной Азии и включение региона в единое российское экономическое пространство повлекло за собой заметный упадок художественных ремесел. Продукция местных мастеров не выдерживала конкуренции с модными и дешевыми изделиями российских коллег. Азиатские керамисты вынуждены были перейти к выпуску более дешевых и примитивных вещей, сбывая их по низкой цене. Между тем заме-

чательными по мастерству исполнения и колористике остаются орнаменты Ферганы, Бухары и Хорезма. Медная посуда сохранила изящество веками выработанной формы, тщательную проработку гравированных и чеканных орнаментов, уникальные эмали, лаки и инкрустации. Своеобразием, изяществом, богатством форм и видов отличались ювелирные изделия мастеров Бухары и Коканда. Текинские ковры и туркменские паласы считались лучшими в регионе, представляя собой шедевры народного искусства.

Специфические условия формирования материальной культуры в степных районах, где главной формой хозяйства было кочевое и полукочевое скотоводство, определили самобытность казахского прикладного искусства. Оно не выработало присущих оседлым цивилизациям монументальных форм изобразительного искусства. Зато высокого уровня достигли технология производства, форма и декор предметов быта. Особого мастерства достигли казахские мастера в резьбе по дереву, кости и камню. Среди произведений ювелирного искусства казахов и кыргызов великолепием и своеобразием отличались оружие, предметы конской сбруи, мужские и женские пояса.

Культура стала, пожалуй, едва ли не единственной сферой общественной жизни народов Центральной Азии, применительно к которой российское завоевание можно характеризовать как в целом прогрессивное явление. Политика имперской администрации, хотела она этого или нет, привела к тому, что в творчестве местных деятелей культуры в большей степени стало проявляться светское и общегуманистическое, гражданское содержание. Это обстоятельство, а также тесный диалог культур в рамках империи разнообразили не только содержание, но и формы творчества, вносили новые, дотоле не известные мотивы. Следует признать, что вслед за присоединением Центральной Азии к России здесь усилился процесс складывания этнических общностей, возникновения их общенациональных черт, шло формирование национальных культур.

§ 10. ПРЕССА

Одной из особенностей культурной жизни Центральной Азии являлось то обстоятельство, что до вхождения в состав Российской империи здесь не были знакомы с лито- и типографским делом. Это отличало регион от соседних стран мусульманского Востока, в ко-

торых уже существовали определенные традиции книгопечатания и полиграфии.

Первая типография в Центральной Азии была создана в Ташкенте в 1868 г. и принадлежала штабу Туркестанского военного округа. Она обеспечивала печатной продукцией части русской армии, расквартированные в Туркестане, и администрацию генерал-губернаторства. В дальнейшем число лито типографий в районах Центральной Азии, находившихся под прямым русским управлением, росло быстрыми темпами.

В Ташкенте и других городах публиковались издания многочисленных научных обществ и кружков, появление которых стало возможным только после установления власти России в крае. Однако вся эта деятельность касалась большей частью русского населения. С 1870 г. русские власти выпускали «Туркестанскую туземную газету» на языках местных народов. Долгие годы ее редактором был Н.П. Остроумов.

После 1905 г. в Туркестане стали выходить в свет газеты и журналы, которые издавались местными интеллигентами. В них обсуждались самые разные стороны жизни региона, публиковались материалы о других странах, велась активная просветительская деятельность. Некоторые газеты и журналы, такие как «Таракки», «Хуршид», «Ойна», «аль-Ислах», завоевали авторитет и стали популярны среди населения. Впрочем, многим изданиям не удавалось обеспечить свое экономическое существование, некоторые были закрыты властью. Татарские газеты издавались в Туркестанском крае с 1906 по 1908 г., пока их не запретили власти. В Асхабаде издавались две частные русские газеты — «Закаспийское обозрение» и «Асхабад». В 1903 г. «Закаспийским обозрением» была сделана попытка издания газеты на языке фарси.

На территории Бухарского протектората первая литопечатня открылась в 1901 г. в Бухаре. До 1913 г. она трижды меняла своих хозяев (среди владельцев не было местных жителей). За период с 1907 по 1909 г. в этой литопечатне издано около 45 наименований книг и других изданий, в основном на фарси, реже на тюркских языках. В конце XIX — начале XX в. в Бухаре насчитывалось 26 магазинов, торговавших книгами.

Первый номер бухарской газеты, носившей название «Бухара-йи-Шариф» (Благородная Бухара), был отпечатан на фарси 11 марта 1912 г. Первоначально это было ежедневное издание. Потом газета стала выходить четыре раза в месяц, а перед закрытием, ко-

торое последовало 2 января 1913 г., лишь дважды в месяц (всего вышло в свет 153 номера). Газета «Туран», бывшая приложением к ней на сартовском (узбекском) языке, увидела свет 49 раз.

В степных районах первая газета появляется в 1870 г. К началу XX в. периодическая печать здесь стала развиваться очень активно. Целый ряд газет и журналов издавался в Оренбурге, из них несколько — на казахском языке. Многие издания по политическим соображениям были закрыты властями после двух-трех номеров. Лишь газета «Казахстан» выходила в течение двух лет, а газета «Казах» издавалась с февраля 1913 по 1918 г. Старые же газеты — «Туркестан уялаты» (1870—1883 гг.) и «Дала уялаты» (1888—1902 гг.) — к этому времени прекратили свое существование. Большое значение для формирования казахской культуры имел первый казахский журнал «Айкап», издававшийся в 1911—1915 гг. Направление журнала не было четким. Тем не менее в развитии казахской литературы и казахского литературного языка «Айкап» сыграл немалую роль. В нем активно сотрудничали большинство известных казахских литераторов и писателей начала XX в., публиковались статьи, пропагандировавшие просвещение, освещавшие жизнь и быт казахского аула, ратовавшие за переход казахов к оседлому образу жизни.

§ 11. ПРОСВЕТИТЕЛИ

Начало просветительства в Центральной Азии, находившейся под российским управлением, было положено деятельностью отдельных подвижников, представителей коренных народов Туркестана и Степи, понимающих необходимость внедрения новой грамотности, светской образованности в среду своих народов. И пальма первенства здесь принадлежит Ибраю Алтынсарину.

Алтынсарин был «киргизином черной кости». Он прожил недолгую жизнь — всего 48 лет. Рано потеряв отца, Ибрай в пять лет был зачислен в школу при приграничной комиссии в Оренбурге, созданную русскими властями специально для казахских детей. В 1857 г. в 16 лет он закончил учебу и в течение двух лет работал писарем у деда, войскового старшины той же комиссии, а затем стал «младшим толмачом» оренбургского областного правления. Спустя год он получил назначение учителем в Тургай. Затем Алтынсарин — письмоводитель, уездный судья, старший помощник на-

чальника уезда, с сентября 1879 г. — и.о. инспектора казахских школ Тургайской области, а с октября 1888 г. — инспектор этих школ. В чиновничьей иерархии Алтынсарин прошел путь от губернского секретаря до статского советника. Его деятельность на ниве просвещения была достаточно высоко оценена русским правительством. Орден Святого Святослава и два ордена Святой Анны второй и третьей степени служат тому подтверждением.

Представители разных этнических и культурных групп называли его по-своему. Официально его звали Ибрагим, и это имя вводило его в мир ислама. В обиходе же среди казахов его имя звучало как Ибрай, а русские чиновники в Степи называли его Иваном Даниловичем. Для самого Алтынсарина такая ситуация обернулась раздвоением сознания. Эту раздвоенность Алтынсарин преодолел, ориентируясь на усвоение русской культуры в противовес традиционному мусульманскому образованию и новометодным татарским школам. Он выступил инициатором перевода казахского языка на русскую графику и «приземления» ислама в глазах своих учеников. Этому служили труды «Киргизская хрестоматия» и «Шариати ислам» («Мусульманский шариат») — учебные пособия, изданные им соответственно в 1879 и 1884 гг.

Целью школ, поборником создания которых выступал Алтынсарин, было обучение воспитанников русскому языку, но не сразу, а только после того, как они научатся читать по-казахски. Он писал: «Необходимо прежде всего озаботиться, по мнению нашему, введением в киргизскую степь общеотечественного языка русского и русской же грамоты, проводником которых, вернее всех других, могут служить только народные русско-киргизские училища, учрежденные в среде самих киргизов... Молодое поколение киргизов будет смотреть на язык и грамоту русскую как на единственный язык культуры и знания, пристрастится к ним и будет развиваться в русском более или менее духе»¹³. Казахский просветитель был убежден, что его народ «скоро сольется с государством русским, сам увидит счастье свое в этом сближении и будет не только скотоводом, но и земледельцем»¹⁴. Эти слова были написаны И. Алтынсариным в 1880 г.

К блестящей плеяде таджикских просветителей этого времени относится философ и публицист Ахмед Дониш (1827—1897), выхо-

¹³ Алтынсарин И. Записка о киргизских волостных школах // Алтынсарин И. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1976. Т. 2. С. 238—239.

¹⁴ См.: Оренбургский листок. 1880. № 17.

дец из Бухары, высоко оценивавший значение науки и культуры, ратовавший за просвещение народа. Его видными последователями были публицисты и литераторы Тош-ходжа Асири, Абду Рауф Фитрат, Мирзо Азими Соми. Тем не менее, пропагандируя светское начало, все они были верующими мусульманами. Среди оседлого тюркоязычного населения идеи просветительства проповедовали такие известные его представители, как драматург, писатель и поэт Хамза Хаким-заде, поэты, литераторы и публицисты Муки-ми Мухаммед Амин Мирза-ходжа-оглы, его друг Фуркат, Аваз Отар из Хивы. Фуркат был активным пропагандистом русской культуры, призывал свой народ к общению и сближению с русскими, печатался в русских газетах Туркестанского края.

* * *

Изменения, произошедшие в жизни населения Центральной Азии за время нахождения в составе Российской империи, оказались глубокими и всесторонними. Как в оседлых районах региона, так и в кочевых благодаря русскому влиянию произошло становление и развитие новых общественных отношений, были созданы основы современной светской культуры, светского образования, возникли новые формы художественного и интеллектуального самовыражения. Российское господство объективно ускорило политическое и культурное пробуждение центральноазиатской окраины, ее движение к гораздо более высокому уровню общественного устройства.

Глава 9

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ НА БЫТ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Кочевое скотоводство казахов — Социально-политическая организация традиционного казахского общества — Влияние кочевничества на духовную культуру и быт казахов — Развитие земледелия и промыслов у казахов — Институционализация традиционных структур казахов в рамках империи — Изменения в быту и духовной культуре казахов — Оседлое население в сельской местности и городе — Семья и женщина в земледельческом обществе — Земледельческая община — Бытовой ислам у оседлого населения — Традиционное общество и российское влияние.

§ 1. КОЧЕВОЕ СКОТОВОДСТВО КАЗАХОВ

В условиях аридной (засушливой) зоны Евразии в течение длительного этапа исторического развития экстенсивное скотоводство было единственным возможным способом освоения ойкумены. Генезис кочевничества сопровождался сложением и консервацией своеобразных социальных отношений и менталитета.

До присоединения казахов к Российской империи и в первые десятилетия после присоединения основой их традиционного хозяйства являлось полукочевое и кочевое экстенсивное скотоводство. Маршруты кочевий родов, обусловленные природно-климатическими и ландшафтными условиями и структурой стад, колебались в пределах от 150 до 3000 км в год. В одном из отчетов российской администрации говорилось, что быт казахов «обуславливается самою природою степных областей: большая часть их территории состоит из песчано-глинисто-солонцеватых пространств,

которые, по почвенным и климатическим условиям, пригодны более для скотоводства, нежели для хлебопашества и только киргиз (казах. — *Аят.*) может утилизировать их табунным скотоводством, благодаря своим постоянным перекочевкам с одного места на другое»¹.

Ученые выделяют несколько типов кочевания: доминирующее меридиональное, широтное, вертикальное (в горных районах). По иной классификации выделяют типы естественного и искусственного водопользования.

Основу структуры стада кочевника-казаха составляли лошади и овцы, в качестве выючных животных огромное значение имели верблюды. В горных районах разводили коз, т.е. те виды скота, которые были приспособлены к тебеневке (выпасу на заснеженных пастбищах), регулярным перегонам и имели развитый стадный инстинкт. Существовали региональные особенности видовой структуры стада, зависевшие от экологических условий.

Следствием адаптации к природным условиям стала чрезвычайно высокая степень натурализации хозяйственной деятельности. Казахи-кочевники утилизировали практически все продукты скотоводства. Скот дает казаху «летом молоко, кумыс, для зимы мясо». Из бараньей шерсти изготавливается кошма на юрту и на постель. Бараньи кожи идут на тулупы, арканы делаются из шерсти и конского волоса, верблюжья шерсть идет на армячину и т.д., навоз, получаемый от скота, идет на топливо, одним словом «ни одна мелочь не пропадает»².

В казахском обществе скот был средством производства, средством и предметом труда, являлся объектом частной собственности, средством обмена, продуктом питания, способом определения экономического благосостояния и выполнял к тому же сакральную функцию. По поверьям казахов, лошадь создана из ветра, овца — из неба, верблюд — из солончака, козел — из камня. Лошадь была наиболее почитаемым, «чистым» животным. Наиболее ценной, помимо лошади, казахи считали овцу — основу стада, главный источник и символ благосостояния. Также весьма ценным видом скота был верблюд, считавшийся символом силы, выносливости и трудолюбия.

При встрече на пастбище казахи обращались друг к другу со словами: «Пусть размножаются стада»; проклятие выражалось

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 156. Л. 16 об.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. 1. Л. 56.

формулой: «Чтобы ты никогда не имел своего скота и не мог кочевать вместе с народом». В одном из обращений к российскому правительству с просьбой о замене генерал-губернатора казахи просили назначить такого, чтобы он «помогал бы нам плодить скот». Скот даже был выделен в отдельную правовую категорию, все остальное имущество называлось *мулк*. Только скот подвергался особой маркировке. На него ставилась родовая тамга.

Годовой цикл кочевания был разграничен на четыре периода: зимний, весенний, летний и осенний. В каждой четверти годового цикла проводились специфические для сезона работы, которым, как и жизненному пути казаха, соответствовали определенные обряды. От соблюдения как первых, так и вторых во многом зависела возможность выживания. Существовал и двенадцатилетний цикл по лунному календарю, фиксируемый родовой памятью по природным аномалиям.

Спецификой натурального хозяйства казахов являлась слабая специализация производственной деятельности. Земледелие и ремесло имели место, но являлись подсобными промыслами.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА

Традиционное казахское общество было структурировано по кровнородственному, генеалогическому принципу, выразившемуся в складывании родоплеменной и жузовой организации. В состав трех — Улу (Старшего), Орта (Среднего) и Киши (Младшего) — жузов входили союзы племен, племена, роды, поколения, отделения и аулы. Существовала своеобразная стратификация этих объединений. Положение рода в иерархии зависело от происхождения, численности, экономической и военной силы. В зависимости от положения рода вырабатывались стереотипы поведения его членов. Так, представители авторитетных родов занимали лучшие места на собраниях и пирах, обладали преимуществом в суде, имели более выгодные условия при перекочевках. Позднее российские купцы также заметили эту особенность: на ярмарках «адайцы наиболее желанные покупатели: они не торгуются и деньгами не дорожат»³.

³ Седелников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. С. 23.

Вне традиционной многоступенчатой лестницы кровного и генеалогического родства находились две группы, возводившие свое происхождение к иноплеменникам. Они не имели собственной родовой территории, проживая во всем ареале расселения казахов, не будучи к тому же членами общины. К первой категории — *торе* — относились Чингисиды. Часто их именовали «белая кость» (*ак-суек*) в отличие от остальных казахов, именовавшихся «чёрной костью» (*кара-суек*). Появление этой группы связано с монгольским завоеванием, после которого потомки Чингисхана приобрели в тюркской среде элитарный статус, связанный якобы с внеземным происхождением их предка, и ставший традицией, закреплённой адатом. Ак-суек были неподвластны суду биев и не подлежали телесным наказаниям за совершенные ими преступления. Признаками внешнего почтения служили обращение к султану не по имени, а «господин» (*таксыр*), обязательное коленопреклонение, другие атрибуты власти.

Нередко к ак-суек относили отправителей мусульманского культа — *кожа*. Они считались потомками пророка Мухаммеда, что определяло их высокий социальный статус. Влияние кож в Степи было незначительным, что объясняется относительной малочисленностью группы и слабой исламизацией традиционного общества казахов-кочевников. Высокая самооценка и стремление дистанцироваться от кара-суек, вплоть до обычая заключения браков только внутри своей группы, позволяют говорить о существовании в традиционном казахском обществе отдельного сословия ак-суек.

Сфера действия генеалогического родства была широка и пронизывала всю систему общественных отношений и представлений казахов-кочевников, являясь ее неотъемлемой составляющей. На низших звеньях родоплеменной организации (отделение, род, аул) патронимия, возглавляемая родовым старшиной, регулировала вопросы наследования имущества, опеки, материального обеспечения ритуалов, на уровне высших групп (племя, союз племен, жуз) — вопросы власти, идеологии, сношений с соседними народами.

Помимо социальной дифференциации на ак-суек и кара-суек существовала и внутренняя стратификация. В первой группе она определялась генеалогией (происхождение от определенной линии Чингисидов или кож), во второй существовали собственные сословно-корпоративные группы, принадлежность к которым определялась личными качествами (сила, храбрость, опыт, ум, ораторское искусство, удачливость и др.) и половозрастными признаками.

К таким корпорациям с открытым статусом относились категории биев, тарханов, батыров, старшин (аксакалов). Существовала еще одна прослойка — *бай*. Они не обладали в XVII—XVIII вв. особыми властными полномочиями, отличаясь от остальных сородичей более высоким имущественным положением.

Основная часть лично свободного населения — *шаруа* — разделялась по принципам хозяйственной специализации и имущественному положению, но на формирование социального статуса они оказывали незначительное влияние. Существовали следующие категории шаруа: пастух (*консы*), занимающийся земледелием (*егинши*), бедняк (*байгуши*), безземельные (*джатаки*, букв. «лежащие») и ряд других.

На низшей ступени социальной иерархии находились лично зависимые рабы (*кул*). Они использовались лишь в домашнем хозяйстве (им не доверяли даже пасти скот) и продавались на центральноазиатских невольничьих рынках. Правом владения рабами обладали представители как ак-суек, так и кара-суек. Другая зависимая категория — *тюленгуты* — выполняла особые поручения и участвовала в военных действиях.

§ 3. Влияние НОМАДИЗМА НА ДУХОВНУЮ КУЛЬТУРУ И БЫТ КАЗАХОВ

Материальная и духовная культура казахов также была максимально приспособлена к кочевому образу жизни, развиваясь параллельно и гармонично с ним. Казахи жили в юртах — округлых кибитках, покрытых войлоком. Время ее установки не превышало двух часов. Были на зимовках и стационарные хозяйственные и жилые помещения.

Домашние промыслы — обработка кожи и шерсти, ковроделие, дерево- и металлообработка, гончарное и керамическое производство — обеспечивали личные нужды и потребности кочевого хозяйства. Продукцию ремесла на продажу и обмен община практически не производила. Орнамент, цвет и форма посуды, одежды, ковров, юрты, упряжи и т.п. выполняли символическую функцию и имели обрядовое значение. Одновременно они являлись средством передачи традиции. По форме и узору на верхней одежде можно было судить о сословном, половозрастном, имущественном положении, а также о принадлежности к определенно-

му роду, иногда даже аулу и занимаемом в нем общественном положении.

В духовной культуре можно выделить две основные сферы творчества: музыка и поэзия, которые чаще всего объединялись в песенном жанре. Специфической особенностью традиционной культуры казахов было отсутствие группового исполнения: ни хорового пения, ни оркестровой музыки в казахской Степи до XIX в. не существовало. Этим внешне снималась общественная тотальность, но внутренним содержанием произведений она усиливалась, т.к. известными становились лишь приемлемые в рамках существующих традиций произведения. На пирах музыканты (*кюйши*), певцы-импровизаторы (*акыны*) и сказители (*жырау*) были желанными гостями, получали подарки и хорошее угощение. Слава о них распространялась чрезвычайно быстро, и они имели значительный авторитет. Основными темами произведений были любовная и природная лирика, а также эпические сюжеты. Устная литература, являясь консолидирующим достоянием, также способствовала выработке и консервации стереотипов.

Традиционное казахское общество до присоединения к России можно отнести к особому типу традиционализма, когда в течение длительного времени остаются неизменными, соблюдаются и достоверно воспроизводятся в этнической и родовой среде издревле усвоенные традиции, понятые как ценные для жизни и обеспечивающие ее благосостояние. Такой традиционализм «бывает удовлетворенным лишь в том случае, если традиционалистский взгляд проникает во все сферы — сферу политики, экономики, культуры и религии и объединяет их в общем понимании полученного от прошлого *sacrum*»⁴. Он характеризуется общественной тотальностью, когда вся жизнь индивидов подлежит общественному контролю; бессознателен пока стабилен, культура при нем понимается как неделимое целое, а изменение фрагментов опасно для существования целого.

§ 4. РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ПРОМЫСЛОВ У КАЗАХОВ

Вхождение казахов в состав Российской империи создало условия для относительно быстрого роста их народонаселения. Высо-

⁴ Шацки Е. Утопия и традиция / Пер. с польск. М., 1990. С. 370.

кий естественный прирост и возрастание абсолютного числа жителей в условиях ограниченности номадного ареала оседло-земледельческими зонами и невозможности в тех условиях экстенсивного прироста привели к тому, что на рубеже XIX—XX вв. в среде казахов-кочевников возникла ситуация относительной демографической перенасыщенности⁵. Природно-климатические, почвенные и ландшафтные особенности лимитировали количество выпасаемого скота. При сохранении его общей численности обеспеченность скотом возраставшего по численности населения неизбежно снижалась. Миграция населения в казахские степи и изъятие части территорий в переселенческий фонд усугубили это положение и стали основной причиной перехода части кочевников-казахов к иным формам хозяйственной деятельности. Тому же способствовала политика колониальных властей, поскольку в российском правительстве к XIX в. утверждается мнение, что «спокойствие в Степи будет достигнуто тогда, когда киргизы обратятся к лучшему человеческому житию», т.е. перейдут к оседлому образу жизни⁶.

Изменение социально-экономической ситуации выразилось в увеличении числа земледельцев и оседлых казахов. Еще в конце XVIII в. стали появляться земледельческие участки. Земледелие первоначально носило очаговый характер, но со второй половины XIX в. его размеры стали резко возрастать — в результате оно превратилось из подсобного промысла в один из основных источников жизнедеятельности для значительной части казахского населения. Казахи выращивали преимущественно зерновые в степных районах и бахчевые на Сырдарье и частично Тургае и Иргизе. Использовалось и богарное (дождевое), и поливное земледелие. Причинами этого стали как особенности природно-климатических условий и почв, так и то, в каком культурном окружении было начато земледелие. Элементы заимствования отражались также в технологии обработки почвы, в использовании различных видов сельскохозяйственных орудий труда и др. Так, на Тургае использовался метод поливного земледелия. Орошение производилось при помощи чигирей по арыкам и каналам. Такая технология представляет кальку с земледелия районов, близких к Бухаре, где некоторое время жил основатель земледельческой общины Сеиткул. В горных районах и Прибалхашье применялся полив с помощью перекрываемых арыков, истоком которых служили горные ручьи с запрудами,

⁵ Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана. С. 196—202.

⁶ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 19.

либо использовался прием посева на дне пересыхающих рек и озер и на заливных лугах, когда «высокая» вода закреплялась дамбами. Эта система напоминает земледельческие приемы и навыки, использовавшиеся в хозяйствах жителей Коканда и Тянь-Шаня. Однако большая часть казахов использовала систему богарного земледелия, русский сельскохозяйственный инвентарь и технологию обработки почвы. Этот тип земледелия тем более устраивал казахов, что позволял им одновременно заниматься и земледелием, и полукочевым скотоводством.

Вместе с заимствованием технологии обработки почв менялось отношение кочевого населения к земледелию. Оно переставало представляться второстепенным занятием. О принятии кочевниками земледелия убедительно свидетельствует факт его развития в социальных группах с различным имущественным статусом. Земледелием в степных областях занимались и богатые, и бедные казахи. Более того, на рубеже XIX—XX вв. более половины казахских хозяйств в Степном крае в той или степени занимались обработкой земли.

§ 5. ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СТРУКТУР КАЗАХОВ В ИМПЕРИИ

С 30-х гг. XVIII в. казахи попадают в орбиту политического и торгово-экономического влияния России. Первоначально имперская администрация попыталась опереться на традиционные элитарные группы, оставив автономию во внутренних вопросах. Привлечение торе к государственной службе и юридическая институционализация их власти привели к падению авторитета султанов. Возникли прецеденты нарушения обычая заключать только внутрисловные браки. К середине XIX в. появилась прослойка из потомков браков между торе и кара-суек — *караман*, не пользовавшаяся привилегиями султанов. Должности, появившиеся в Степи по реформе М.М. Сперанского, сохранили только символическую преемственность. Процесс упадка авторитета торе зашел столь далеко, что во время восстания 1916 г. казахи Акмолинской и Тургайской областей избрали по традиционному обряду хана из нечингисидов. Авторитет кожа, несмотря на возросшую исламизацию казахов, также понизился. Главными отправителями мусульман-

ских обрядов становились муллы, которые с 1869 г. утверждались гражданским начальством.

Институт батырства еще считался авторитетным, однако стать батыром было сложно: военные функции являлись прерогативой правительственных войск, а от отбывания воинской службы казахи освобождались, *баранта* же (т.е. угон скота как способ решения спорных дел) была объявлена конокрадством и приравнивалась к воровству, разбор дел по которому совершался общероссийским судом. Изменилось и положение биев. Из их компетенции были изъяты в пользу общеимперского суда все уголовные и гражданские дела с суммой иска свыше 50 руб. Сами бии с 60-х гг. XIX в. находились на службе и утверждались губернской и уездной администрацией, также стал осуществляться государственный контроль за исполнением решений суда биев. К концу XIX в. стали регулярными обращения казахов к имперскому суду. В возникавших оседлых поселениях казахов система бийского судопроизводства вообще применялась лишь в случае споров с кочевниками.

Рабство у казахов было запрещено уставом 1822 г., а договоры России со среднеазиатскими государствами 50—60-х гг. XIX в. исключили возможность работорговли, упразднив причину, стимулировавшую казахское рабовладение. Во второй половине XIX в. источники уже не фиксируют наличия в степи кулов.

Имущественное расслоение в конце XIX — начале XX в. было весьма значительно. Проявлением этого служила высокая концентрация земли и скота в отдельных хозяйствах. Так, в Павлодарском уезде Семипалатинской области 12500 бедняцких хозяйств имели 63 500 лошадей, тогда как 800 байских — 172 700. Бедняцкие и середняцкие хозяйства (84%) имели столько же скота, сколько 16% байских хозяйств. Имущественная дифференциация характерна для всех скотоводческих регионов Степного края и Туркестана. Сильная поляризация общества и разрыв традиционных общинных отношений приводили к выходу из общины. В Семипалатинской области в 1888 г. было около 10 тыс. бедняков-джатаков, перепись населения 1897 г. зафиксировала увеличение их числа в 10 раз.

Часть казахов уходила в город, и к 1917 г. рабочий класс из их числа насчитывал около 60 тыс. человек. Основная же часть потерявших скот казахов поселялась в земледельческих районах. Здесь на базе прежнего обычая взаимопомощи возникает новый, когда вновь прибывшему, независимо от родовой принадлежности, соседи-казахи оказывали помощь и поддержку. Многие казахи нанима-

лись на работу к переселенцам и казачьим старожилам. Имущественная дифференциация стала выполнять иную социальную функцию, чем в традиционном родовом обществе. Уже к концу XIX в. социальный статус определяется по двум основным критериям — экономическое положение и взаимоотношения с российскими властями.

§ 6. ИЗМЕНЕНИЯ В БЫТУ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ

С переходом казахов к земледелию происходили кардинальные изменения не только в хозяйстве, но и в быту, что достаточно точно отразили представители российской администрации: «...Грамотность русская и мусульманская, знание русского языка,... удобная в трудовом обиходе одежда на татарский лад, чистые и просторные жилища, нередко уже с прямыми и сознательными претензиями на комфорт, — все это сопутствует земледелию и промыслам и отсутствовало... у кочевников-скотоводов, которые живут по-прежнему...»; казахи «стали делать постройки из сырцового кирпича, деревянные, стараясь приблизиться к городским зданиям, одежда теперь стала большей частью покупная, а раньше приготавливалась из собственных материалов... Посуда была только деревянная, а теперь фаянсовая, эмалированная, стеклянная... Изменился и убогий киргизский инвентарь. Появились четырехколесные телеги и мастера изготавливающие их, верховая езда сокращается»⁷.

Поддержка колониальной администрации способствовала перераспределению земельных площадей в пользу оседлых. Осевшие сообщества становились «сильными». Так, верховья Уила, принадлежавшие ранее роду табын, были заняты в 1868 г. родом алим, правители которого, осев, стали фактическими владельцами территории. Такие случаи были весьма типичны для того периода. Появились даже новые понятия, такие как отар (хутор), кран (грань), меже (межа), печатный (судья), и другие, лексически связанные с русским языком.

Казахи заявляли, что «по обычаю теперь жить нельзя, для спокойной жизни нужны границы». У земледельцев появилось понятие личной собственности на землю. У кочевников к 70-м гг. XIX в. сформировалось понятие «чужой земли». Это произошло, с одной

⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 38. Л. 120 об.

стороны, из-за смещения родов и вынужденного перехода к хозяйственной группировке аулов, с другой — из-за признания земли государственной собственностью. В период столыпинской реформы здесь также возникают прецеденты посемейного распределения пастбищных угодий, и кочевники, как ранее земледельцы, переходят к соседской общине. Этот процесс частично сопровождался переходом к интенсивному скотоводству.

В духовной сфере процесс упадка казахского традиционализма на рубеже XIX—XX вв. выразился в форме возникновения двух литературных направлений — просветительского и «эпоха скорби» (*зар-заман*). Просветители считали необходимым усваивать нормы европейской (здесь равно русской) культуры. Другой формой реакции на начавшиеся модернизационные процессы стала попытка реархаизации. Литературное направление *зар-заман* идеализировало счастливое кочевое прошлое, являвшееся «золотым веком» казахской истории. Современность поэты оценивали как «скорбную эпоху». Сторонники традиционализма обвиняли в ухудшении нравов технический прогресс, осознавая прямую взаимосвязь между развитием инфраструктуры и степенью проникновения иной культуры.

В результате постепенной трансформации, вызванной осторожной, но целенаправленной политикой российских властей, и благодаря более тесным непосредственным контактам с русскими переселенцами уже в конце XIX в. во всех регионах в рационе питания казахов стала важное место занимать пища растительного происхождения. Возрастание ее структурной роли в потребительской корзине казахов происходит не столько за счет уменьшения употребления мясных блюд, сколько за счет возрастания спроса на растительные продукты.

Изменения в бытовой сфере происходили по мере развития товарно-денежных отношений. Еще в 30-х гг. XIX в. в Младшем и Среднем жузах хождение денег было слабо развито. Необходимость платить кибиточный сбор в российских рублях приводила к вовлечению казахов в товарно-денежные отношения. Начальник штаба Сибирского корпуса С.Б. Броневский писал: «...Сметливые купечество и казаки в это время, как сильно начинают понуждать киргиз (казахов. — *Авт.*) к расплате и отнюдь не прежде, являются с деньгами и берут у них скот за совершенный бесценнок»⁸. В первой

⁸ Казахско-русские отношения: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1969. Вып. 2. С. 255.

половине XIX в. развивалось ростовщичество, когда некоторые богатые казахи организовывали торговые товарищества и давали своим единоплеменникам деньги под процент. Основная масса кочевников оставалась достаточно индифферентна к получению денежных доходов. Характерным для середины XIX в. является следующее наблюдение: казах не пойдет к другому торговцу, хотя бы у него товар был дешевле. Однако большая часть казахов постепенно втягивалась в товарно-денежные отношения. Показательно, что если земельные споры прежде были связаны с сезонными перекочевками, то теперь главным аргументом становилась прибыль, которая могла быть получена «по приговорам аульных сходов» от сдачи земли в аренду.

Российская статистика свидетельствует, что с последней трети XIX в. многие казахские хозяйства начинают реагировать на конъюнктурный спрос, изменяя в соответствии с рыночным спросом структуру стада и посевов или даже вид хозяйственной деятельности.

Таким образом, в казахском обществе во второй половине XIX — начале XX в. происходили значительные политические, экономические и социальные изменения. Традиционная организация где-то прекратила функционировать вовсе, где-то существенно трансформировалась. Произошла институционализация социальных групп родового общества, бывшие привилегированные группы в значительной мере утратили сословные черты. Определение социального статуса стало зависеть уже не столько от происхождения и авторитета, сколько от экономического благосостояния и хозяйственной принадлежности. Активно шел процесс разложения родовой и формирования соседской общины, причем во многих оседлых регионах он был завершен к началу XX в. С переходом к интенсивным по сравнению с кочевым скотоводством форм хозяйственной деятельности утрачивалась часть каналов трансляции традиции. Следствием упадка традиционализма стал кризис идентичности, отразившийся на бытовом уровне, в экономике, в возникшей политической сфере и духовной культуре казахов.

Трансформация процессов, определявших жизненный уклад, свидетельствует о качественных изменениях в социуме, демонстрируя, что модернизационные процессы в казахском обществе не стали лишь внешней оболочкой традиционного уклада, а затронули глубинные структуры и функции. Процессы трансформации казах-

ского кочевого общества были объективны и неизбежны, но их характер, темпы и нормы во многом стимулировались политикой России.

§ 7. ОСЕДЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ И ГОРОДЕ

Центральная Азия — сельская страна. В конце XIX — начале XX в. в сельской местности проживало около 85% населения, в городах — около 15% (в густонаселенных оседлых районах этот процент поднимался до 20%).

Большинство оседлого населения Центральной Азии проживало в селениях (*кишлак*), размеры которых чаще всего не превышали нескольких десятков домов. Были старые кишлаки, которые насчитывали сотни домов и порой мало чем отличались от городов. Встречались и поселения отдельными хуторами (*курганча*). Двор оседлых жителей был отгорожен от улицы большими глинобитными стенами, которые иногда производили впечатление крепости. Внутри стен было несколько построек — один или два жилых дома, хозяйственные постройки, печь (*тандыр*). Жилые постройки были глинобитными, с плоской крышей, иногда с верандой (*айван*). Они были хорошо приспособлены к жаркому времени года. Зимой жилище отапливалось с помощью жаровни с углями (*санда*), которая помещалась посередине зимней комнаты. Мебель отсутствовала, обитатели дома сидели на одеялах (*курпача*), постланных прямо на полу, вещи хранились в специальных стенных нишах.

Часть жилого помещения считалась «мужской», или «внешней» (*ташкари*). Здесь принимали гостей и проводили праздничные мероприятия. Зажиточные хозяева строили для этого специальную гостиную (*мехмонхона*). Внутренняя часть жилых построек (*ичкари*) считалась «женской», там, как бы скрываясь от чужого взгляда, находились женщины и дети. Однако замкнутость жизни была лишь видимостью. Задние стороны двора выходили в сады и поля, где были свои тропинки и дорожки, на которых соседи и родственники общались между собой вполне непринужденно и свободно.

В кишлаках было немного общественных строений. Те или иные общие мероприятия проводились на специальной площадке, либо у кого-нибудь в частном доме. Лишь в крупных селениях и городских кварталах была одна или несколько мечетей. Сюда съезжались на праздники жители небольших окрестных сел. В связи с

ростом населения и увеличением размеров кишлаков, а также некоторым повышением благосостояния в конце XIX — начале XX в. строительство мечетей приобрело массовый характер. Почти в каждом кишлаке появилась своя мечеть. При мечети, как правило, была начальная школа (*мектеб*), в которой дети прихожан обучались азам счета и письма, основным молитвам и религиозным правилам. В конце XIX в. произошел бум строительства другого типа общественного здания — чайной (*чайхона*, «самовар»), в которой мужчины могли встречаться уже независимо от распорядка молитв.

Основным занятием населения было сельское хозяйство, основу которого составляло поливное земледелие, основанное на искусственном (ирригационном) орошении. Немаловажную роль играло также богарное (под дождь) земледелие. До прихода русских основную роль в посевах составляли пшеница, ячмень, люцерна, разные виды проса, огородные, бахчевые и садовые культуры. Хозяйство было натуральным. В горных районах было мало хлеба, и его заменяли просяными изделиями, а также пищей, приготовленной из плодов тутовника. При русских значительно возросла роль хлопка, и домохозяйства постепенно были вовлечены в товарно-денежные отношения. Появились такие новые огородные культуры, как картофель, томаты, капуста и др. Обрабатывали поля своего рода мотыгой с тяжелым железным лезвием (*кетмень*) и сохой без отвала (*омач*), которая не переворачивала, а только разрыхляла почву. Железный плуг так и не привился в местном земледелии. Животноводство у оседлого населения имело подсобный характер.

Города (*шахар*), за редким исключением, были «большими кишлаками». Традиционно городом считалось место, где находилась резиденция (*арк*, *урда*) местного правителя — хана или бека, а также располагались базар, тюрьма, мечети, медресе, и все это было окружено крепостной стеной. В городских медресе получали среднее и высшее мусульманское образование десятки, а иногда и сотни студентов, которые после окончания обучения обретали право называться муллами, т.е. грамотными людьми. В самых известных городах Туркестана — Самарканде, Ташкенте, Коканде — были десятки медресе и сотни мечетей. Города делились на отдельные жилые кварталы — *махалля* или *гузар*, в каждой из которых была своя мечеть, иногда своя чайхана. Например, Ташкент включал в себя 280 махалля, Ходжент — 146, Самарканд — около 100. Эти кварталы объединялись в более крупные части — *даха*. Жилая застройка была скученной, сплошной, нередко с двух- и трехэтажны-

ми жилыми зданиями. Города часто имели усадьбную, т.е. фактически сельскую застройку. В городах не было канализации, а воду жители брали из специальных бассейнов (*хауз*). В некоторых городах вход в квартал перегораживали специальные ворота, которые закрывали на ночь. На территории городов внутри стен не было ни садов, ни пашен — городское население имело летние усадьбы в пригородах и проводило там почти полгода, совмещая городские занятия с сельскими. Пригородная зона была настолько тесно связана с городом, что в сознании населения составляла с ним единое целое.

В городах сосредотачивалось ремесленное производство. Ремесленные цеха различной специализации были организованы в виде особых корпораций, которые имели своего главу, свой устав (*рисоля*), свои ритуалы посвящения и даже своего духовного покровителя из числа мусульманских святых. Мастер (*уста*) в течение ряда лет обучал ученика (*шогирд*), после чего на собрании всех членов цеха объявлял его новым мастером.

Российские власти стали официально называть городами только областные и уездные центры, в которых возникали «русские части» с русско-европейской застройкой и инфраструктурой. Эти части имели свое собственное управление, а население жило изолированно от мусульманского мира. При русских значение одних городов, например Ташкента и Нового Маргилана (потом г. Скобелев, сегодня г. Фергана), резко усилилось, значение других, например Коканд, уменьшилось. Окружающий мир для оседлого жителя, еще недавно редко бывавшего в соседнем городе и даже соседнем кишлаке, благодаря железным дорогам, активной торговле, упорядоченным административным связям, расширился и стал более близким.

§ 8. СЕМЬЯ И ЖЕНЩИНА В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Вопреки распространенному мнению, семья у большинства оседлых жителей была небольшой. Хотя детей рождалось много, значительная их часть умирала в младенчестве и детстве. Однако родственные узы между родителями и взрослыми детьми, которые образовывали свои собственные семьи, оставались крепкими. Все помогали друг другу в хозяйственных и повседневных делах, вместе проводили свободное время и справляли праздники, по выраже-

нию местных жителей, «питались из одного котла». Нередко люди жили такими семейными группами, в которых главенство принадлежало самому старшему человеку. По сути дела, такие родственные группы часто имели одно общее домохозяйство, жили в одном дворе. Девушки после выхода замуж уходили в дом мужа и его родителей. Сыновья, женившись, какое-то время жили вместе с родителями, а потом строили свой дом и постепенно отделялись. Младший сын, по обычаю, оставался в отцовском доме, наследовал его и жил вместе с родителями до самой их смерти. Семья и семейная группа были основным гарантом социального выживания: сироты, инвалиды, старики были под опекой близких или дальних родственников.

Девушки выходили замуж в довольно раннем возрасте, порой в 12 лет. Молодые люди, напротив, долго — иногда до 30 лет — оставались холостыми, поскольку женитьба требовала от них устойчивого материального положения. Нередкими были так называемые кузенные браки — между двоюродными, троюродными братом и сестрой — особенно по материнской линии. У некоторых групп, прежде всего у осевших недавно кочевников, сохранялись экзогамные запреты брать в жены представительниц своего рода. Брачных партнеров подыскивали старшие члены семьи. Зажиточные сельчане могли себе позволить по законам шариата иметь 4 жены. Вторую жену обычно брали себе в том случае, если у первой жены не было детей или не рождались сыновья. Однако многоженство не имело широкого распространения и охватывало не более 3—5% населения.

В мусульманском обществе, особенно среди населения городов, было развито затворничество женщин, доходящее порой до полного обособления их от общественной жизни. Женщина могла появиться в общественных местах только в специальном халате, наброшенном на голову (*паранджа*), и с закрывающей лицо сеткой из конского волоса (*чимбет*, *чачван*). В сельской местности, у кочевников и жителей гор эти правила были менее строгими — женщина могла быть с открытым лицом, и только представители духовной элиты и знати старались придерживаться строгих правил. Жена обращалась к мужу только на «вы» и даже не называла его по имени, заменяя его именем старшего сына; в свою очередь мужчина обращался к жене на «ты». Женщины не могли сидеть в общей компании с мужчинами; на улице жена не могла идти рядом с мужем. Эта явно приниженная роль женщины в домашнем быту часто вос-

принималась русскими чиновниками и публицистами как доказательство угнетения женщины, ее якобы бесправности. В действительности же во многих семьях женщины имели большое влияние.

Существовали правовые особенности положения мужчины и женщины. Например, мужчина мог, казалось бы, легко дать женщине развод, тогда как шариатское право женщины на развод оговаривалось целым рядом условий. Так, ислам строго охранял права женщины, прежде всего в материальном плане — у женщины было свое имущество (*махр*), которое она получала в случае развода. Кроме того, в случае несправедливого отношения мужа к жене на защиту последней вставали ее семья и родственники.

В целом, как писали супруги В. и М. Наливкины, «несмотря на кажущуюся замкнутость женщины, на скрывание ее от посторонних глаз и хождение под чимбетом и паранджой, жизнь данной семьи не только никогда не является секретом для соседей и знакомых, но, наоборот, вполне известна им во всех не только материальных, но даже и в нравственных подробностях». По их словам, «тирания мужа здесь в сущности гораздо меньше, чем в Европе»⁹.

§ 9. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ОБЩИНА

Как уже говорилось, земледелие Центральной Азии было основано на искусственном орошении. Недостаток воды часто являлся причиной споров и даже конфликтов между отдельными семьями, кишлаками и даже районами. Пострадавшими были, как правило, те, кто возделывал землю в конце стока. За справедливым распределением воды следили специальные лица (*мирабы*), которые выбирались населением. Споры на более высоком уровне улаживали *мираб-баши* или *арык-аксакалы*, руководившие мирабами.

Создание ирригационных сооружений, включающих многокилометровые каналы и водораспределительные системы, поддержание их в рабочем состоянии требовали больших усилий и коллективных работ. Планирование и обслуживание больших водных трасс регулировалось центральной властью, мелкие каналы находились на попечении жителей отдельных селений. Совместные ирригационные работы были одним из основных факторов, сохраняв-

⁹ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 137—138.

ших общинный характер землепользования и водопользования в Центральной Азии. Не случайно русские чиновники называли их «водными общинами».

Однако за рамками этих специфических отношений коллективные формы производства или собственности в центральноазиатском обществе практически отсутствовали. Ислам строго стоял на страже частной собственности, ограничивая ее лишь незначительными требованиями (например, человек лишался собственности на землю в случае, если не обрабатывал ее в течение ряда лет). Взамен были развиты довольно сложные арендные отношения, которые любую форму кооперации превращали в сделку частных лиц.

Несмотря на сказанное, формы общежития и коллективистское сознание были достаточно развиты в регионе. Их проявления наиболее отчетливо выступают во время *хашар* — совместного строительства жилых построек, или разного рода праздников и прочих мероприятий. Сотни, а иногда и тысячи гостей собирались на пиршества (*туй*) по случаю обрезания мальчиков (*суннат-туй*), заключения брака (*нихох-туй*), рождения детей (*бешик-туй*). Каждый гость приходил со своим подарком и уходил с пира не с пустыми руками.Guests развлекали музыканты, танцоры, профессионалы-острословы. Обычной фигурой на богатых собраниях был мальчик (*бача*), который, переодевшись в женскую одежду, танцевал перед гостями (эта форма развлечения, как аморальная, вызывала острую критику у русских). Не менее многолюдно было на похоронах, которые совершались в день смерти, и особенно на поминках, которые проводились на 3-й или 7-й, 40-й дни и годовщину со дня смерти. При большом стечении народа отмечались местный новый год (*навруз*), который приходится на 22 марта, а также весенние общественные жертвоприношения (*худои*) по случаю начала сельскохозяйственного сезона. Все эти мероприятия и многие другие требовали больших затрат и организованности. Каждый местный житель считал своим долгом устроить для общества пиршество по тому или иному поводу, а уклоняющиеся от этой обязанности подвергались осуждению. В каждом кишлаке или городском квартале существовали выбранные народом люди, ответственные за проведение обрядов.

Заметную роль в жизни среднеазиатского общества играли так называемые «мужские объединения» (*ган*). Членами таких объединений были все мужчины селения или квартала — *джура*. Во главе стоял *джура-баши*.

Подчинение общине и общественному мнению сформировали, с точки зрения наблюдателей, не столько какой-то особый коллективизм, сколько такие индивидуальные черты характера, как необязательность, скрытность, хитрость. Большинство русских исследователей и путешественников, чиновников отмечали, что здесь «лгут, льстят и преувеличивают так часто и по столь разнообразным поводам, что мало-помалу получаешь привычку никому не верить на слово или по крайней мере относиться ко всем сообщениям с крайней осторожностью»¹⁰. Туземец предпочитал на виду демонстрировать приверженность своей общине и ее порядкам, в частном же быту часто поступал вопреки общепринятым нормам.

§ 10. Бытовой ислам у оседлого населения

Оседлое население Туркестана исповедовало ислам и принадлежало к последователям ханафитского толка, который считается наиболее терпимым к разного рода местным обычаям доисламского или неисламского происхождения. Этим был обусловлен довольно синкретический характер центральноазиатского «народного ислама».

Среди русской публики, особенно в европейской России, существовало стойкое убеждение, что оседлые жители Центральной Азии являются чуть ли не фанатичными приверженцами ислама. Однако реальная картина была гораздо более сложной. Несмотря на строгие требования религии соблюдать основные правила (*фарз*) мусульманской веры — совершать ежедневную пятикратную молитву (*намаз*), держать пост в светлое время суток в месяц Рамадан, совершать паломничество (*хадж*) в Мекку и т.д., — в повседневной жизни местное население, особенно сельчане, часто уклонялось от строгого следования этим предписаниям. Большое число молящихся в мечети можно было увидеть только по пятницам и по большим мусульманским праздникам (*руза-хайит*, *курбан-хайит*). Остальное время мечети посещали только старики. Под разными предлогами мусульмане старались избежать поста, заменяя его жертвой в пользу бедняков. В обществе были распространены всякого рода суеверия и ритуалы, которые подвергались жесткой критике со стороны

¹⁰ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. С. 139.

догматически настроенных мулл. Тем не менее население имело стойкое мусульманское самосознание, превалировавшее над всеми остальными типами самоидентификации и являлось мощным средством общественного регулирования и общественной мобилизации.

В исламе нет священнослужителей. Однако прослойка грамотных, образованных людей (*мулла* среди мужчин, *отин* среди женщин) выделялась из общей массы населения и выполняла важные общественные функции. Без их участия не совершалось ни одно важное мероприятие в семье и общине. Наиболее грамотный мулла выбирался на должность кишлачного или квартального *имама* — предстоятеля на молитве. Кроме этого, в обществе существовали многочисленные другие персонажи — разного рода гадалки, шаманы, врачи, которые, несмотря на отрицательное отношение к ним со стороны мусульманских деятелей, пользовались большой популярностью у населения.

Местное мусульманское общество, как и кочевое, делилось на два сословия — «белую кость» (*ок-суяк*) и «черную кость» (*кара-суяк*, или *фукаро*). К первому принадлежали разного рода группы, которые вели свое происхождение (чаще всего мнимое) от пророка Мухаммеда, первых четырех мусульманских халифов и других святых. Как правило, из числа этих групп формировалась местная политическая и экономическая элита. Из этой же среды рекрутировались суфийские наставники — *ишаны* или *пиры*, которые имели своих духовных клиентов — от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Считалось, что каждый мусульманин должен иметь своего наставника (часто наследственного), которому нужно было приносить подношения (*назр*).

Формально ишаны и их ученики-мюриды принадлежали к суфийским братствам, наиболее известны из них Накшбандия, Ясавия и Кубравия. Однако фактически каждый ишан, или пир, возглавлял свою собственную, часто совершенно автономную общину. К моменту русского завоевания региона суфизм как интеллектуальное учение, которое провозглашало особый мистический путь познания Бога, в значительной мере вырожден и превратился в консервативный социальный институт.

Большую роль в жизни людей играло также паломничество к святым местам (*мазар*) и подношение подарков их смотрителям — *шейхам*, которые могли одновременно выполнять функции пиров и ишанов. Наиболее известными местами паломничества на тер-

ритории Туркестанского края в XIX в. были «Трон Соломона» в г. Ош, Шахимардан (мнимая могила «праведного» халифа Али, двоюродного брата и одновременно зятя Пророка) к югу от г. Маргилана, мавзолее популярного суфийского наставника и поэта Ахмеда Ясави в г. Туркестан, мазары Бухары и Самарканда. Кроме них существовали тысячи других больших и малых почитаемых мусульманами мазаров.

Российское влияние на центральноазиатский ислам было двояким. С одной стороны, русская власть подорвала позиции прежнего наследственного духовенства, лишив их былых привилегий и значительной части собственности, а также установив внешний контроль за действиями шариатского судопроизводства. С другой — власть политикой модернизации способствовала быстрому проникновению в общество новых исламско-пуританских идей и в целом распространению исламского просвещения, а также появлению новой мусульманской элиты. Не случайно число мечетей в оседлой части Центральной Азии кратно возрастает именно на рубеже XIX—XX вв. Все эти изменения подготовили новый всплеск исламского возрождения и мусульманского самосознания.

§ 11. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И РОССИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ

В представлениях российских ученых и чиновников местное общество выглядело отсталым и архаическим, находящимся на более ранних этапах исторического развития. Русские отмечали подавление индивидуальности, тотальное господство ислама, восточный деспотизм, приниженное положение женщины и т.д. Центральноазиатское общество выглядело как застывшее в своих древних формах общежития.

В российской литературе второй половины XIX в. сложился целый жанр описания быта народов Центральной Азии. В многочисленных публикациях присутствовали самые разнообразные мотивы. В них можно найти описания экзотических ритуалов (суфийские радения, танцы бачей и т.д.), особенностей восточного менталитета (экономически затратные расходы на обряды). Отмечались такие негативные черты, как лживость и агрессивность местного населения, которое всегда «держит камень за пазухой» в отношении русских, так и позитивные — искренность и непосредственность, свойственные «туземцам», как детям природы, еще сохраняющим чистоту «первобытного» состояния.

Российская власть имела всегда двойственное отношение к способу и характеру учета местных социальных и культурных особенностей при реформировании колоний. Например, генерал-губернатор Оренбургского края, в состав которого в 1865—1867 гг. входила Туркестанская область (до образования отдельного Туркестанского генерал-губернаторства) Н. Крыжановский полагал, что «пора перестать потворствовать нравам, языкам и обычаям наших слабых соседей... В Средней Азии мы должны быть одни господами, чтобы через наши руки могли со временем проникнуть туда цивилизация и улучшение жизни тех несчастных париев рода человеческого»¹¹. Противоположную точку зрения отстаивал академик А.Ф. Миддендорф. Ученый, имея в виду жителей Центральной Азии, писал: «Наши сотоварищи по подданству могут быть приведены к цели — достижению высшего совершенства развития — лишь тогда, когда будет обращено должное внимание на каждую историческую, т.е. порожденную естественною необходимостью, особенность»¹².

Таким образом, с одной стороны, русские старались не вмешиваться в быт местного населения, понимая, что это опасно с политической точки зрения и бессмысленно с практической. В законах об управлении Туркестанским краем было сформулировано, что население живет, руководствуясь своими обычаями. С другой стороны, русские видели свою задачу в том, чтобы путем просвещения привести центральноазиатское население к цивилизованной жизни. Поэтому моральное осуждение дикости, предрассудков, пережитков и стремление поправить, вмешаться всегда присутствовало в реальной бюрократической практике. Именно в таком споре и даже конфликте, постоянно воспроизводившем напряжение между разными точками зрения, рождался тот политический и административный опыт, который назывался колониальным управлением.

На практике российское влияние на повседневную жизнь оседлого населения Центральной Азии принимало самые разнообразные формы. Чаще всего оно было спонтанным и обуславливалось расширением экономических и культурных связей региона с Россией и Западом. Фабричные товары, привозимые из России, проникали в быт людей. Появились новая одежда и новые материалы

¹¹ Письмо Оренбургского генерал-губернатора директору Азиатского департамента от 3 сентября 1865 г. // Туркестанский край: Сборник материалов по истории его завоевания. 1865 год. Ташкент, 1914. Ч. 2. С. 48.

¹² Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 451.

для ее изготовления, изменилась женская и мужская мода. Распространились предметы обихода, характерные для русских. Некоторые состоятельные горожане стали строить дома и обустраивать их на русский (европейский) манер. В сельском хозяйстве появились новые виды культур, которые стали частью местного рациона питания. Население Центральной Азии быстро оценило и освоило такие блага технологической цивилизации, как железная дорога, телеграф, почта. Возросло число людей, знавших русский язык, больше людей стали ездить в европейскую Россию и даже на Запад, узнавая, как живет население этих стран.

Не меньшее влияние на центральноазиатское население оказала целенаправленная политика империи по внедрению таких институтов, как выборы местной власти, строгой судебной системы (в том числе российской), упорядоченного налогового закона. Все это сформировало новые представления о государстве, его границах, власти и политике, несмотря на все издержки, связанные с коррупцией русских чиновников. Как писал В. Наливкин, «наш приход в Среднюю Азию внезапно, нежданно-негаданно для всего местного люда» пробил широкие бреши «в толстой стене, отделявшей до того времени этот полусонный, замкнутый мирок от неутомительно шумного мира европейской цивилизации, причем все это отразилось главным образом на духовной, интеллектуальной жизни оседлого населения»¹³.

Вместе с положительными изменениями были и отрицательные. Практически все современники отмечали рост пьянства, преступлений и проституции среди оседлого населения Туркестана. Чиновники местной власти и судьи народного суда, контроль над деятельностью которых ослаб в силу их выборности и автономности, получили огромные возможности для взяточничества. В обществе, где раньше социальные различия были небольшими, появилась прослойка богачей и масса разоренных бедняков. Все это подготовило общество к тем потрясениям, которые охватили Центральную Азию в 1916 г. и продолжились в эпоху гражданской войны в 1920-е гг.

¹³ *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь // Мусульманская Средняя Азия. С. 72.

Глава 10

МИГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Казачья колонизация в казахских степях — Состав и организация жизни казачества — Развитие казахских войск в XIX — начале XX в. — Старообрядцы в Центральной Азии — Переселенческое движение во второй половине XIX в. — Новая переселенческая политика в начале XX в. — Положение переселенцев в Центральной Азии — Пришлое население городов и промышленных районов — Миграции отдельных этнических групп.

своение земель Центральной Азии, постепенно присоединявшихся к России, было неотъемлемым и одним из важнейших элементов имперской политики на Востоке и само по себе именовалось казачьей и крестьянской «колонизацией», под этим подразумевалось создание переселенческих колоний на новых территориях. На протяжении четырех столетий, начиная с XVI в., колонизация лишь в отдельных случаях носила организованный характер, обычно же она была стихийной, а российское правительство, «догоняя процесс», предпринимало меры к ее регулированию и, в зависимости от конкретной ситуации, либо поощряло переселение, либо пыталось его сдерживать.

Благодаря освоению «простым людом из России» казахских степей, а впоследствии и земель Туркестана, решалось несколько основополагающих для российской политики задач. Первая и самая ранняя из них — создание границ по ареалу кочевания казахов — была связана с необходимостью не допускать их на постепенно расширявшиеся территории, вводимые в сельскохозяйственный оборот российским земледельческим населением. Сложившееся во многом стихийно казачество в пограничных с казахской степью районах призвано было, с одной стороны, не пропускать кочевников вглубь российской земли, а с другой — оградить их с юго-востока от набегов с территории бывшей Джунгарии. При этом казачество способствовало появлению сети российских поселений,

развитию промыслов и сельского хозяйства на контролируемых им участках, а также — торговых отношений с местным населением. Тем самым решалась вторая крайне важная задача колонизации территорий — установление экономических связей между казахской степью и остальной Россией.

Позднее началось переселение российских крестьян, которое повлекло за собой решение следующих задач: во-первых, распространение земледелия в регионе, и в первую очередь — хлебопашества; во-вторых, подготовка базы для постепенного перехода кочевого населения к оседлости, поскольку именно соседство с крестьянами-переселенцами активизировало этот процесс у отдельных групп казахов и кыргызов. Движение русского населения в Центральную Азию было связано также с промышленным развитием региона и включением его в систему экономики всей империи.

В целом русские переселенцы должны были и создавали опору российской государственности на недавно присоединенных территориях. Тем не менее царская администрация была вынуждена постоянно балансировать, учитывая, с одной стороны, степень целесообразности миграций из России, а с другой — опасаясь недовольства русской властью и волнений среди местных жителей, вызванных постепенным оттеснением их с участков земли, которые они исконно считали своими.

§ 1. КАЗАЧЬЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В КАЗАХСКИХ СТЕПЯХ

Появление первых групп русского населения в казахских степях относится к концу XV — началу XVI в., когда на р. Яик (Урал) стали стекаться первые поселенцы, стремившиеся к вольной жизни вдали от гнета государственной машины. В царствование Ивана Грозного здесь уже хорошо известны были «воровские люди», пришедшие с Дона. Малонаселенные, но плодородные яицкие земли, богатые рыбой и другими природными ресурсами, вполне соответствовали представлениям о привольном житье, слухи о котором быстро распространялись по Волге и Дону, вызвав усиленный приток новых переселенцев. Во многих случаях официальная колонизация шла по следам «вольной», правительство признавало Участок своим, так как он был уже занят русскими.

Столкновения с татарами, башкирами и калмыками побудили «вольницу» попытаться узаконить свое положение, чтобы действовать от имени царя и получить от него поддержку. Начиная с XVII в. формировавшееся уральское казачество отстаивало права на землю по обоим берегам Яика, добываясь от правительства соответствующих грамот. В XVII—XVIII вв. появилась целая серия правительственных актов, закреплявших черту владений казачества¹. В конце XVII — первой половине XVIII в. по Яику возникли укрепленные линии с казацкими и крестьянскими поселками. Велось строительство крепостей на Яицкой линии. Она ограничивала казахские степи с запада от Каспийского моря, Гурьева городка, по Яику и шла дальше на восток по северной границе степей.

На востоке казахских степей первые вольные поселенцы и беглые люди с XVII в. расселялись по р. Иртыш. Для ограждения южной Сибири от угроз со стороны Джунгарии еще при Петре I, в начале XVIII в., началось строительство первых крепостей по Иртышу. В этих крепостях, составлявших Иртышскую, или Сибирскую, линию, находились военные гарнизоны, туда же направлялись на срочную службу городские казаки, часть из них осела здесь на постоянное жительство. На Алтае и на территории нынешнего Восточного Казахстана первые русские переселенцы появились в XVIII в.²

К 40-м гг. XVIII в. в царском правительстве сложилась концепция расширения казахских поселений вдоль всей границы с казахской степью: с запада, от Урала, с севера, а также с востока по Иртышу — с постепенным соединением отдельных военных линий и поэтапным продвижением вглубь степи. В 40-х гг. XVIII в. по Иртышу было построено более 20 укреплений. Была усилена Кольвано-Кузнецкая линия и создана Бийская линия — как линии на границе Алтая с Китаем. К 1755 г. с северной стороны степей — на Тоболе и в приишимских степях была построена Пресногорьковская (Горькая) линия. Она тянулась от Омска на запад к Оренбургу и соединяла линии, располагавшиеся по западной и восточной границе казахских степей. Военные поселенцы этих линий стали

¹ Россия. Полное описание нашего Отечества / Ред. В.П. Семенов. СПб., 1903. Т. 18. Киргизский край. С. 147—148, 153; *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. С. 70—71.

² *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. С. 66.

официально именоваться соответственно Уральским, Оренбургским и Сибирским казачьими войсками.

§ 2. СОСТАВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ КАЗАЧЕСТВА

На вновь построенных линиях были размещены несколько военных полков крепостного казачества, набравшихся на годичную службу из городских казаков. На срочную службу посылались сибирские крестьяне под именем выписных казаков, казаки из Донского и Яицкого войск, башкиро-мишарские команды. Часть временных поселенцев добровольно оседала здесь и входила в состав казаков. Помимо добровольного заселения, в казачество зачислялись ссыльные и другие группы людей. Так, в 70—90-е гг. XVIII в. сибирское казачество было пополнено за счет неблагонадежных запорожцев и пленных польских конфедератов, а также 2 тыс. солдатских детей³.

Состав казачьих войск был очень пестрым: помимо выходцев из различных групп более старого казачества и многочисленных ссыльных, в войска вливались старoverы и сектанты, бежавшие от религиозных притеснений, государственные и беглые крестьяне, отставные солдаты и их семьи. Кроме русских, среди казаков были татары и башкиры, украинские казаки, казахи, а также калмыки, мешеряки, туркмены и другие. Хотя подавляющее большинство казачества исповедовало православие, татары и башкиры в основном оставались мусульманами, а калмыки — буддистами⁴. Традиционно в составе казачества преобладали мужчины. Учитывая это обстоятельство, правительство доставляло, в частности, сибирским казакам женщин из ссыльных и преступивших закон, многие находили жен среди местного населения.

Казачество являлось военным сословием. Различными по статусу группами казачества были вольные казаки, принадлежавшие к полуавтономным общинам и обладавшие значительной свободой в своих действиях, и служилые, в том числе городовые казаки, которые несли службу по охране городов и рубежей России и получали содержание из казны. Казак нес службу всю взрослую жизнь

³ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. С. 66—75.

⁴ Россия. Полное описание. Т. 18. С. 190; Казаки России. (Прошлое. Настоящее. Будущее.) М., 1992. С. 37—40.

и был обязан иметь собственное снаряжение, обмундирование и лошадь. Казачье самоуправление представляло собой поселковые (станичные) круги и войсковой круг; исполнительная власть была у избираемых кругами атаманов. Войсковому штабу подчинялись отдельные (окружные) атаманы, которые ведали административно-полицейскими органами и казаками-дворянами. Войско возглавлял наказной атаман, которым являлся генерал-губернатор края.

Казаки обеспечивали свои семьи и свою службу в первую очередь благодаря владению землей, которая закреплялась за войсками государством. Важнейшей задачей местного самоуправления было управление землепользованием: основные земли находились в общинной собственности. Иногородние могли селиться на этих землях и использовать их на правах аренды. Кроме собственного хозяйства, казаки получали доходы в виде жалованья, военных трофеев, а также от дарованных государством льгот на владение угодьями, рыбными и соляными промыслами, льгот на меновую торговлю с местным населением и т.д. Внутри своей территории войско, имея собственный капитал, обеспечивало создание и работу школ и больниц, промышленных и ремесленных предприятий. Дешевизна казачьих войск для государства определялась тем, что защищать и использовать иными способами казенные природные ресурсы в отдаленных и труднодоступных районах было почти невозможно.

§ 3. РАЗВИТИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В 1807 г. казаки Иртышской, Ишимской и Колывано-Кузнецкой линий были преобразованы в Сибирское линейное войско. В первой половине XIX в. казаки составляли преобладающий элемент в оседлом земледельческом населении восточной половины казахских степей. Сибирское войско являлось одним из крупных землеладельцев в регионе. Рост и организация этого войска не были спонтанным процессом и постоянно являлись заботой правительства, которое увеличивало его состав и территорию принудительными мерами, теми же способами развивало экономику, насаждало управленческие структуры. До 1861 г. Сибирское войско находилось на казенном обеспечении. Все попытки создать местную хлебную базу за счет казачьей запашки не увенчались успехом: казачья пашина оставалась убыточной для казны.

В середине XIX в. произошел значительный рост численности населения в войске за счет крестьянских деревень, приписанных к его составу, и зачисления в казачество крестьян-переселенцев — все это повлекло за собой развитие земледелия на территории войска. В 60-е гг. XIX в. на территории Сибирского казачьего войска проживало почти 136 тыс. человек, из них более 90 % относилось к военному сословию. К 1912 г. военное сословие составляло 160 тыс. человек, почти столько же проживало штатских⁵.

В 30-е гг. XIX в. Оренбургская линия была укреплена благодаря возведению Новой линии, выдвинутой относительно Старой на расстояние до 100 верст. В 1840 г. Новая линия и земли между Старой и Новой линиями вошли в состав Оренбургского казачьего войска, а население было обращено в казаки. Сюда «предложили» переселиться государственным крестьянам соседних уездов и населению ряда казачьих станиц. Распоряжение вызвало волнения среди крестьян, однако несколько тысяч человек все же удалось переместить. В степных и линейных дистанциях Области оренбургских казаков значительную долю составляло местное кочевое население. В конце XIX в. численность военного сословия составляла 350 тыс. человек, а в 1912 г. — 508 тыс., все население войска достигло 617 тыс. человек⁶.

К середине XIX в. на южных границах Области оренбургских казахов было построено несколько укреплений, в том числе Аральское в устье р. Сырдарья, прикрывавшее эти районы от набегов со стороны Хивинского и Кокандского ханств. Тогда же появились форты Казалинск и Перовский, которые составили Сырдарьинскую линию. В середине XIX в. при укреплениях были основаны казачьи поселения. Поселенцы получали помощь от казны и налоговые льготы. Наиболее многолюдным стал форт Казалинск (Казалы), где, кроме казаков, жили крестьяне, купцы, отставные солдаты. Жители поселений занимались земледелием, в том числе осваивалось поливное земледелие, распространенное у местного населения по р. Сырдарья, скотоводством, рыболовством, торговлей и извозом.

Самое старое Уральское (Яицкое) казачье войско образовалось во многом стихийно, и правительство почти не вмешивалось в его

⁵ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. С. 116; Казаки России. С. 26.

⁶ Казаки России. С. 24, 94; Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. С. 116.

формирование. Во 2-й половине XIX в. казаки составляли 19 % населения Уральской области. В конце столетия военное сословие составляло более 110 тыс. человек, а в 1912 г. — 155 тыс. человек, а все население войска насчитывало 200 тыс. человек⁷.

В середине XIX в. возникли новые поселения в Семиреченском и Заилийском крае. Было разрешено поселение здесь всем желающим с зачислением их в Сибирское казачье войско. После присоединения Семиречья к России сюда были переселены, в основном принудительно, казацкие семьи из Сибири, для них выделялось продовольствие и денежное пособие. В 1850 г. Семиреченское казачье войско было выделено из Сибирского войска. В последующие годы это войско пополнялось за счет крестьян-переселенцев, солдат и мещан. В 1912 г. все казачье население насчитывало 57 тыс. человек⁸.

В период формирования Семиреченского войска для казаков отводились огромные наделы — по 30—45 десятин на мужчину. Однако с началом крестьянского переселения польза в казачьей колонизации Туркестанского края представлялась генерал-губернатору К.П. фон Кауфману сомнительной. Он считал, что казачество не могло с тем же рвением осваивать большие участки плодородной земли, занимаясь земледелием, как это стали делать на гораздо меньших наделах крестьяне-переселенцы. В 1868 г. семиреченский военный губернатор Г.А. Колпаковский писал, что «казак не имеет возможности вести правильно хозяйство, потому что он от времени до времени отрывается от своих занятий к военной службе». Дальнейшее расширение казачьих владений было приостановлено, часть казачьих земель была возвращена преимущественно кочевому населению⁹.

§ 4. Старообрядцы в Центральной Азии

Территория нынешнего Восточного Казахстана с XVIII в. осваивалась не только казаками. С развитием горнорудной промышленности на Алтае там формировалось заводское население. Для защи-

⁷ Казаки России. С. 22—23, 34.

⁸ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. С. 108, 174, 185; Казаки России. С. 26, 32, 34.

⁹ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. С. 108—109; Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае. Ташкент, 1983. С. 34—35.

ты алтайских заводов во второй половине столетия была укреплена Бийская линия. В конце XVII — начале XVIII в. в крае появились крестьянские поселения. В горных долинах р. Бухтармы селились беглые солдаты и крестьяне из поволжских и центральных губерний — здесь они были свободны от экономической зависимости, религиозных преследований и воинской службы. Они стали называться «каменщиками». После раскола русской церкви с 1667 г. к беглецам присоединились старообрядцы, стремясь сохранить истинное благочестие и обрести здесь легендарное «Беловодье» — страну, где всем свободно и легко живется. Спустя сто лет, в 1765 г., это население пополнилось переселившейся с Вятки значительной группой их единоверцев — «поляков». Находясь вне контроля правительства, они не платили податей, живя в горах, «в камне», в самых труднодоступных местах, занимались охотой и рыболовством, выменивая шкуры на хлеб.

И лишь с 1791 г. «каменщики» были официально признаны подданными Российской империи на правах «инородцев». Как и сибирских аборигенов, их обязали выплачивать в казну подать (ясак) звериными шкурами, что было легче повинностей русского крестьянства. После этого «помилования» они спустились в долину и образовали 9 деревень, где стали вести земледельческо-скотоводческое хозяйство. Здесь построили Новую Бухтарминскую линию укреплений с Бухтарминской крепостью. В XIX в. «ясачные каменщики» были переведены в разряд «оседлых инородцев» с выплатой оброка, а с 1878 г. их стали брать на военную службу как крестьян¹⁰.

В 1870-е гг. группа казаков-старообрядцев за непокорность властям была исключена из состава Уральского войска и выслана на вновь присоединенные туркестанские земли. В Амударьинский отдел и на р. Сырдарью переселили несколько сотен казаков с зачислением их в сословие сельских обывателей. Таким образом по берегам рек Амударьи и Сырдарьи, на островах Аральского моря образовалась своеобразная группа «уральцев». Попад в полное тюркоязычное окружение, «уральцы» быстро освоили местные языки, однако сохранили особенности русского уральского говора и не потеряли свой русский облик. Руководители Туркестанского края считали ссыльных «уральцев» прекрасным колонизационным элементом. «Уральцы» занимались рыболовными промыслами, они стали лучшими лоцманами и строителями лодок.

¹⁰ Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 9—15.

§ 5. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Крестьянское переселенческое движение в восточные окраины России началось вскоре после отмены крепостного права в 1861 г. Экономическое положение освобожденных крестьян оказывалось, как правило, крайне тяжелым, их наделы в европейской части страны были слишком малы, чтобы обеспечить полноценное существование семьи; вследствие этого усилились процессы аграрного перенаселения. Особенно страдали от малоземелья крестьяне на самых плодородных и густонаселенных землях — в черноземных губерниях Центральной России и на Украине. Переселяясь на Восток, крестьяне надеялись найти там свободную землю и лучшую жизнь.

Переселенческая политика Российской империи складывалась и видоизменялась на протяжении нескольких десятилетий. В зависимости от преобладавших в различные периоды у центральной и местной власти мнений по этому вопросу и конкретной социально-демографической ситуации движение крестьян рассматривалось то как нежелательный процесс, то как вынужденная необходимость, а позднее, в начале XX в., — как позитивное во многих отношениях явление.

В 1860—1870-е гг. переселение в центральноазиатский регион, главным образом в казахские степи, шло самовольно, т.е. без каких-либо санкций правительства, и даже несмотря на запретительные меры. Передвижение крестьян сдерживалось крайне затрудненным выходом из общины, а также тем, что на новых местах переселенцам почти нигде, за исключением, в частности, Алтайского округа, не разрешалось водворяться на государственные земли. В тот период новоселы чаще всего брали землю у кочевников-казахов по соглашению — на правах аренды, хотя бывали и самовольные захваты участков, что иногда допускалось российской администрацией. Кочевое население обычно уступало излишки — те участки, которые фактически не использовались или лежали на периферии кочевий.

Поворот в переселенческой политике наметился к началу 1880-х гг., когда крестьянский земельный голод сделался реальной угрозой для стабильности империи, а правительство стало осознавать, что необходимо упорядочить переселенческое движение. В 1881 г. были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли». Право на переселение полу-

чили безземельные и малоземельные крестьяне, был облегчен выход из общины. Однако массовое переселение, которое правительство не могло бы контролировать, считалось нежелательным, поэтому в устройстве крестьян на новых местах сохранялись ограничения. Впрочем, Временные правила так и не были опубликованы; несмотря на официальное признание переселений, правительство колебалось, а с 1883 г. переселение было временно приостановлено.

В 1889 г. был утвержден и действовал до 1904 г. новый переселенческий закон, в который вошли основные положения Временных правил. Главная задача нового закона заключалась в том, чтобы переселения не носили неконтролируемый самовольный характер, а были подчинены администрации — начиная с выбора людей, которым выдавались разрешения на переезд, и заканчивая разрешением водворяться только на заранее отведенных участках казенной земли. Переселенец, не получивший разрешения в соответствующих инстанциях, считался самовольцем и подлежал, по правилам, возвращению обратно. Законом впервые предусматривалась выдача официальным переселенцам пособий и ссуд на обзаведение хозяйством и предоставлялись льготы, в том числе отсрочка по воинской повинности. При выдаче разрешений принимались во внимание имущественное положение крестьянина и место его проживания, поскольку приветствовалось переселение крепких хозяев из перенаселенных районов.

Однако новый закон не остановил огромного потока самовольных переселенцев. По некоторым подсчетам, в начале 1890-х гг. самовольные переселения составляли от 60 до 85 % всей миграции за Урал¹¹. В 1891—1892 гг. масса переселенцев устремилась на восток из-за постигшего центральную Россию неурожая и голода. Возвращать обратно всех «самовольцев» было невозможно, и правительство стало узаконивать возникшие без разрешения поселения, причисляя жителей к фактическим местам их водворения. С 1892 г., когда переселенческим делом занялся Комитет Сибирской железной дороги, положение несколько упорядочилось, стало уделяться больше внимания заселению и промышленному развитию прилегающих к железной дороге земель, при этом проводились масштабные землеотводные работы, участки отводились и для самовольных переселенцев. Только с 1893 г. было окончательно легализовано

¹¹ Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 31.

переселение в степные районы, люди стали получать путевые пособия, им оказывалась врачебная и продовольственная помощь, частично оплачивался проезд по железной дороге.

Особенности крестьянской колонизации Туркестана во второй половине XIX в. заключались в том, что там была значительно более высокая плотность населения, чем в казахских степях, причем преобладало оседлое земледельческое население, освоившее в далеком прошлом пригодную к обработке землю — и богарную, и искусственно орошенную. Использование не освоенных прежде земель было возможно лишь при условии проведения масштабных и дорогостоящих работ по их орошению. Водворять переселенцев в исконно земледельческие районы, особенно в густонаселенную Ферганскую долину, правительство не решалось, боясь вспышек недовольства среди местного населения.

В то же время администрация края была заинтересована в заселении пригодных для земледелия районов крестьянами для создания опоры российской власти на недавно присоединенных территориях. Губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский писал, что русские поселенцы будут способствовать переходу кочевого населения к оседлому образу жизни, их сближению с русскими¹². Администрация края, вместо того чтобы возвращать самовольных переселенцев на родину, чего требовали законы, стремилась обустроить крестьян прежде всего в Семиреченской области. Они получали по 7—10 дес. земли, материальную помощь — «подъемные», т.е. деньги на строительство дома, приобретение рабочего скота, инвентаря и посадочного материала, пользовались различными льготами.

В 1895 г. новый российский император Николай II высказался за поощрение колонизации в Сибирь. Вскоре было образовано Переселенческое управление для руководства движением на Восток. Специально направленная в казахские степи в 1896 г. экспедиция под руководством Ф.А. Щербины должна была выявить «излишки» земель, находящихся в землепользовании у казахов, для возможной организации там переселенческих участков. Однако политика, направленная на ограничение потока переселенцев и «учинение препятствий» для самовольного водворения, сохранялась и в первые годы XX в.

¹² Фомченко А.П. Русские поселения. С. 36.

§ 6. НОВАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ XX в.

В начале XX в. переселение крестьян на восток стало составной частью новой аграрной политики российского министра внутренних дел П.А. Столыпина. Крестьянство было освобождено от общинной зависимости, расширялись права переселенцев. Миграции стали поощряться — особенно в районы, намеченные властями, и из местностей, где малоземелье было особенно ощутимым.

В 1904 г. был обнародован новый переселенческий закон, разрешавший свободное переселение крестьян в азиатскую Россию с предварительной посылкой ходоков для выбора земельных участков. В целом начиная с 1904 г. прежняя политика препятствий и прямого запрещения переселений сменилась политикой их поощрения и форсирования. Правительство начало рекламировать идею переселения, среди крестьян было распространено более 6,5 млн. экз. брошюр и листовок с призывами переезжать в азиатскую часть России. С 1906 г. стали действовать льготы на проезд по железной дороге, что явилось толчком к массовому переселению.

Основной поток миграции направлялся в Сибирь и на Дальний Восток, но около трети переселенцев в 1906—1910 гг. ехали в казахские степи. Туркестан официально считался закрытым, однако тысячи самовольцев устремились в кочевые районы края. Многие малоимущие крестьяне не могли в короткие сроки устроиться на новых местах и разорялись. Так, только в Акмолинской области к 1910 г. ожидало землеустройства более 100 тыс. человек, а в Семиреченской — около 40 тыс. самовольцев. Значительная часть неустроенных переселенцев возвращалась обратно. Ежегодно в 1905—1911 гг. из азиатской России поток обратных мигрантов составлял 10—36% от прямого потока переселенцев, а в 1911 г. вернулось около 60%. По Туркестанскому краю эти цифры были еще выше: в 1910 г. количество уехавших превысило число прибывших, а в 1911 и 1913 гг. покинули новые места соответственно 81% и 99% от числа прибывших¹³.

В 1910 г. правительство выдвинуло «новый курс» в переселенческой политике. Отныне задача состояла в заселении окраин «крепким элементом», в распространении единоличных и хуторских хозяйств (в противовес общинному землепользованию) для

¹³ Шарова П.Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. М., 1940. № 8. С. 20, 31.

того, чтобы иметь в виде крепких кулацких хозяйств «оплот русской государственности». Был издан ряд законов, введен новый порядок выдачи ссуд, направленных на создание прежде всего зажиточных самостоятельных хозяйств. В Туркестане была поставлена задача развития хлопководства, причем законом 1914 г. право переселения на казенные орошаемые земли Туркестана предоставлялось только состоятельным людям христианского вероисповедания.

Водворение постоянно возраставшей массы переселенцев требовало поиска все новых и новых участков земли в Степном и Туркестанском краях. В 1907 г. в Степной край была отправлена экспедиция для отыскания дополнительных «излишков» и сокращения норм, выработанных для кочевого населения в ходе предыдущих исследований. Изъятие земель у казахов производилось с учетом земельных нужд кочевников, определялись излишние земли, которые, по мнению землеустроителей, можно наиболее безболезненно вывести из пользования местных жителей. При этом площадь переселенческих участков в каждом районе была ограничена: из них исключались пути для прогона скота в ходе перекочевков, караванные дороги, орошаемые местным населением участки, пахотные земли, подходы к водопоям и т.п. Проекты переселенческих участков согласовывались с влиятельными лидерами кочевников, которых российские власти старались склонить к добровольной уступке запроектированных земель. О масштабах землеотводных работ, связанных с крестьянской колонизацией, можно судить по тому факту, что всего к 1917 г. на территории современного Казахстана площадь «излишков» составила 28% казахского землепользования¹⁴.

По «Положению об управлении Туркестанским краем» 1886 г. за местным оседлым населением следовало закрепить находившиеся в его постоянном владении угодья, а в кочевых волостях вся территория находилась в пользовании кочевников, поэтому «лишних» земель практически не было. Тем не менее движение самовольцев не прекращалось, а в 1901—1902 гг. значительно возросло. В 1903 г. были изданы «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую». Этот закон предусматривал отвод, в том числе искусственно орошаемой земли, однако

¹⁴ Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950. С. 55.

практически этот вопрос не был решен, поскольку такие земли в крае отсутствовали.

На основании нового переселенческого закона, принятого в 1904 г., все ранее прибывшие в Туркестанский край самовольцы были узаконены, однако Туркестан не был включен в число заселяемых районов и формально оставался закрытым для переселения. В период столыпинских реформ в Семиреченской, Сырдарьинской и Ферганской областях все же были созданы переселенческие районы, появились «статистические партии», которые проводили хозяйственно-статистические, агрономические и гидрологические исследования. В 1907 г. было решено установить нормы земельного надела для кочевого и полукочевого населения с целью определения «излишков». В степных районах Туркестана администрация старалась договариваться с кочевниками, которые могли уступить землю по доброй воле, часто за вознаграждение.

Только в конце 1910 г. в соответствии с «новым курсом» был принят закон, позволявший изымать «излишки» земли у казахов и кыргызов, кочевавших в коренных областях Туркестанского края, под русскую колонизацию. Тогда же Семиреченская область была официально открыта для переселенцев. Тем не менее и в 1906—1910 гг. в коренных областях Туркестана производилось изъятие у кочевников земли, на которой было образовано пять переселенческих участков. В 1910 г. были закончены работы по отмежеванию земель, принадлежащих местному земледельческому населению, тогда стало возможно определить свободные земли государственного фонда в оседлых районах.

С начала крестьянского переселенческого движения, т.е. с 70-х гг. и до конца XIX в. в Степном крае численность славянского населения увеличилась более чем вдвое и составила по переписи 1897 г. 430 тыс. человек. Их удельный вес среди населения кочевых областей составил 11%. Всего за 1897—1917 гг. славянское население на кочевых территориях увеличилось в три раза и достигло в Степном крае более 1 млн человек¹⁵. Первое место по численности переселенцев занимала Акмолинская область. Славянское население Туркестанского края в 1897 г. составляло почти 200 тыс. человек, из них в 116 крестьянских поселках проживало 70 тыс. человек. К 1917 г. славянское население Туркестана

¹⁵ Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. С. 129, 134—138, 171—175.

составляло около 750 тыс. чел. — 10% населения края. Из них 350 тыс. проживало в сельской местности, причем 278 тыс. человек — в переселенческих поселках. Первое место по количеству переселенцев занимала Семиреченская область — там обосновалось две трети всех переселенцев края¹⁶.

§ 7. ПОЛОЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Наибольшее количество мигрантов давали самые густонаселенные черноземные губернии, где у крестьян были наименьшие земельные наделы. Это прежде всего Полтавская, Курская, Черниговская, Тамбовская и Воронежская губернии и Левобережная Украина. Кроме того, массовое движение, особенно после 1912 г., началось из Киевской, Харьковской, Волынской, Саратовской губерний, а также из Приуралья и Западной Сибири. До 1906 г. основное количество переселенцев принадлежало к среднеобеспеченным крестьянам, которые рассчитывали поправить свое положение на новых местах. В XX в. бедноты среди них стало значительно больше.

Потоки переселенцев в Степной и Туркестанский края шли разными путями. Со строительством в 1896 г. западного участка Сибирской железной дороги, передвижение значительно упростилось. Со строительством Оренбургско-Ташкентской железнодорожной магистрали и соединением ее с Закаспийской железной дорогой двумя ветками в 1898 и 1900 гг. проезд в южные районы Центральной Азии также был облегчен. Переселенцев, как правило, перевозили в специальных товарных вагонах вместе с имуществом и скотом. На переселенческих остановочных пунктах людей в лучшем случае ждали специальные палатки; врачебная помощь и продовольствие редко когда были рассчитаны на большие партии прибывавших.

Переселялись почти всегда организованно. Собиралась группа хозяев, составляли список, утверждавшийся в волостном правлении, для поисков лучшей земли избирали ходоков — опытных и энергичных крестьян. Поиски начинались справками в Переселенческом управлении в Омске, которое предлагало на выбор несколько участков. Ходоки пытались определить плодородие почв,

¹⁶ Фомченко А.П. Русские поселения. С. 45—46, 71.

поэтому приезжали весной, когда появлялась растительность. Переселенцы обращали все имущество в деньги, оставляя только самый ценный инвентарь и брички, с собой везли в среднем 200—300 руб. на хозяйство. Устройство населенных пунктов начиналось с выбора места под поселок и разбивки его плана¹⁷.

Переселенческие села, как правило, не были изолированы друг от друга и образовывали целые «кусты» поселений, тяготевших либо к одному центру, либо тянувшихся вдоль почтовых трактов, железных дорог, рек. Исключение могли составлять небольшие самовольные села, возникшие в отдаленной или труднодоступной местности. В возникших поблизости городов и торгово-промышленных поселках крестьяне могли делать крупные покупки, заключать торговые сделки, туда же свозили на переработку или отправку в другие регионы сельскохозяйственную продукцию, предназначенную на продажу.

Так, центральное положение во всей Голодной степи занимала станция Мирзачуль (ныне г. Гулистан). В этом пристанционном поселке, позднее — городе, как и при станциях на участке железной дороги Ташкент—Маргилан—Андижан, сосредотачивались промышленные предприятия и учреждения по обслуживанию прибывающего и коренного населения. В Мирзачуле работал на местном сырье хлопкоочистительный завод, там же был большой базар, многочисленные чайханы и харчевни, мясные, колбасные, мучные, керосиновые лавки, лесной и угольный склады, аптека, услугами которой пользовалось и местное население. В переселенческих районах функционировали «склады сельскохозяйственной продукции», снабжавшие крестьян инвентарем, «опытные станции», вырабатывавшие оптимальные пути разведения в местных условиях различных сельскохозяйственных культур и обеспечивавшие крестьян высококачественным посадочным материалом.

По установленному российской администрацией порядку, лицам коренных национальностей не разрешалось обустраиваться в русских селах. Это было особенно актуально для густонаселенных областей Туркестана. Власть стремилась максимально оградить переселенцев от контактов с местным населением, вследствие которых могла возникнуть зависимость крестьян от помощи не всегда благодушно настроенных коренных жителей. Безопасность сельчан обеспечивалась российской администрацией и военными

¹⁷ Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии. Л., 1930.

силами, кроме того, в каждом доме предписывалось иметь винтовку. Однако фактически уже в первые годы после водворения между переселенцами и коренными жителями устанавливались хозяйственные и торговые отношения, выгодные обеим сторонам. Правило «закрытости» сел для людей коренных национальностей никогда не соблюдалось строго, там часто жили наемные работники, лавочники, переводчики, прислуга¹⁸.

В целом на новом месте воспроизводился привычный для крестьян уклад жизни, регулируемый ими самими и политически — через общинное самоуправление, и экономически. По своему внешнему виду переселенческие поселки мало чем отличались от русских и украинских сел в Центральной России. Вдоль одной или двух-трех длинных улиц высаживались деревья, в южных районах прокладывались арыки. В центре села обычно располагалась православная церковь, если только большинство жителей не придерживалось других христианских исповеданий, строились школы и приходские училища. Иногда открывались амбулаторные фельдшерские пункты, реже работали лечебницы. Услугами медиков охотно пользовалось и коренное население. Имелись базары или торговые ряды, различные частные магазины, лавки, мельницы, кузницы, пекарни, рисосушилки и ремесленные мастерские, продукция некоторых из них была популярна и у коренного населения.

Величина нарезаемого для одного хозяйства участка обычно колебалась от 6 до 20 десятин и зависела от наличия свободной земли, ее качеств и возможности орошения. Считалось, что такой надел достаточен для обеспечения прожиточного минимума семьи, которая в состоянии обрабатывать его самостоятельно; больший же потребует найма «туземных» работников, что признавалось нежелательным. Экономическая самостоятельность переселенцев опиралась на комплексную структуру их хозяйства. На полях и усадебных участках выращивали необходимый для обеспечения семьи набор пищевых и технических культур, занимались животноводством, иногда пчеловодством, одна-две отрасли хозяйства обычно имели товарный характер. В северных и центральных районах ка-

¹⁸ Брусина О.И. Славяне в Средней Азии: Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX века. М., 2001. С. 35—36; Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии // Коммунистическая мысль. Ташкент, 1926. Кн. 1. С. 23.

захской степи ведущей отраслью было возделывание зерновых на богарных (неполивных) землях, существенную роль играло животноводство. В этих районах и в Семиречье развитие товарного зерноводства напрямую связано с деятельностью переселенцев. Они распахивали целинные земли, применяя передовые по тому времени сельскохозяйственные орудия, такие как бороны, молотилки и главное — железный однолемешный плуг, неизвестный ранее местному населению и позволявший возделывать твердую и каменистую почву. Лишь изредка у отдельных переселенцев скотоводство было основным занятием. Зажиточные крестьяне иногда сдавали казахам свой скот на выпас или арендовали казахские пастбища. Переселенцы завезли улучшенные породы скота: тонкорунных и мериносовых овец, ангорских и придонских коз, лошадей, крупный рогатый скот различных пород, что способствовало улучшению пород скота в хозяйстве местного кочевого населения. Русские крестьяне способствовали распространению среди кочевого населения сенокосения и практики заготовки сена на зиму — это помогало сохранить поголовье скота во время зимней бескормицы и способствовало сокращению длины перекочевков.

Основу крестьянского хозяйства в Туркестане составляли не только традиционные для Центральной России культуры, и новые, характерные преимущественно для Центральной Азии. Заниматься орошением и возделывать местные культурные растения крестьяне учились, прибегая к помощи и опыту коренных жителей, которые нанимались во многие семьи в качестве сезонных или поденных работников и выполняли определенные, непривычные для русских виды работ. Такое сотрудничество в хозяйственной сфере, как и установление торговых и добрососедских отношений, происходило вопреки расчетам русской администрации, однако сыграло положительную роль в «укоренении» переселенцев на новых местах. Обычно на богарных землях занимались хлебопашеством, а такие культуры, как рис, хлопок и ряд других, в том числе технических, возделывались на поливных землях.

В большинстве переселенческих районов Туркестана главной товарной отраслью являлось зерноводство. Исключение составляли села Голодной степи, где на продажу выращивали хлопок. Хлопководством занимались также русские крестьяне в некоторых селах Ташкентского уезда Сырдарьинской обл., Маргеланского и Андижанского уездов Ферганской обл. Нередко товарным было садоводство (урожай яблок вывозился далеко за пределы Центральной

Азии), виноградарство, в предгорьях — пчеловодство. Под влиянием российского крестьянства у местного населения также стало развиваться товарное садоводство, огородничество и пчеловодство. Основными животноводческими отраслями были молочное скотоводство, коневодство, а также овцеводство и свиноводство.

На реках Урал, Иртыш, на нижней Амударье, на Каспийском и Аральском морях, на озерах Иссык-Куль и Зайсан и на других водоемах развивалось русское промысловое рыболовство, под влиянием которого распространилось и местное рыболовство. На Иссык-Куле открылось судоходство. На соляных степных озерах велась промысловая добыча соли.

§ 8. ПРИШЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ И ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ

Еще в XVIII в. русские промышленники положили начало развитию горнозаводского дела в восточных районах нынешнего Казахстана. На заводах и рудниках трудились приписанные к ним крепостные крестьяне, а также рабочие, отбывающие таким образом срок военной службы, кроме того — ссыльные, военнопленные и беглые старообрядцы. После 1861 г. бывшие крестьяне стали вольнонаемными рабочими.

В Степном крае городов было немного, их большая часть — это бывшие крепости и военные поселения, где сосредотачивались различные учреждения. Заметный рост городов наблюдался во второй половине XIX в. На востоке края развивались прииртышские города — Семипалатинск, Усть-Каменогорск и др. Самым крупным городом в западной части в середине XIX в. был Уральск, который во второй половине столетия становится политическим и экономическим центром края. Самым крупным городским сословием тогда было крестьянство, следующим по численности — мещанство. Города пополнялись за счет бывших крестьян, занявшихся предпринимательством, торговцев.

В конце XIX в. городские жители составляли 36% постоянного населения Акмолинской области, более 8% — Уральской и Семипалатинской, 4% — Тургайской областей¹⁹. Самыми многонасе-

¹⁹ Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. С. 129—132, 203.

ленными в начале XX в. были Уральск (39 тыс. человек) и такие города, как Семипалатинск, Петропавловск, Кустанай, Усть-Каменогорск, Гурьев, где проживали от 10 до 30 тыс. человек. От 4 до 9 тыс. жителей было в Акмолинске, Илецке, Павлодаре, Кокчетаве, Актюбинске. Всего в городах проживало более 180 тыс. человек²⁰. В крупных торговых центрах — Петропавловске, Семипалатинске, Акмолинске, Кокчетаве, Атбасаре, Уральске, Гурьеве — действовали летние и осенние ярмарки.

Городское население главным образом было представлено выходцами из различных регионов России, прежде всего русскими, украинцами и татарами. Переселенцы оказали большое влияние на формирование кадров наемных рабочих, особенно квалифицированных неземледельческих, среди которых преобладали русские. В кочевых областях среди всех рабочих (включая сельскохозяйственных) и прислуги коренное население не составляло большинства. Ряд промыслов в регионе возник с появлением русских переселенцев. Новоселы в крае постоянно нуждались в заработках, они становились лесорубами, извозчиками, строителями, сталеварами. Многие из приехавших для строительства Сибирской железной дороги специалистов остались в Степном крае в качестве рабочих.

После присоединения Туркестанского края к России, с развитием промышленности, торговли и транспортных связей городское население значительно увеличилось — во многом за счет пришлого населения. В Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях расширялись старые города, рядом с ними возникали русские городские поселения, их строительство было обусловлено торговыми интересами, а также стратегическими и политическими соображениями царского правительства. «Русские» части появились в непосредственной близости от старого Ташкента, Самарканда, Коканда. Небольшие аулы Закаспийской области (Ашхабад и Мерв) стали городскими центрами, было основано много новых городов, преимущественно — в кочевых районах. Многие города превратились из военно-стратегических пунктов в торгово-промышленные и культурные центры. В них селились прибывающие рабочие, специалисты, коммерсанты, чиновники и военные. Доля «некоренного» населения в городах Туркестанского края была значительно меньше, чем местного. В «русской» части Ташкента к 1914 г. их было менее 20% — около 50 тыс. человек.

²⁰ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. С. 279.

К городам «чисто русского происхождения» относились почти все города Закаспийской и Семиреченской, а также Сырдарьинской области, например Казалинск, Перовск, Петро-Александровск, а также Новый Маргилан в Ферганской области. Во многих населенных пунктах, возникших вокруг военных крепостей и железнодорожных станций, русские составляли незначительную часть населения, если не считать военнослужащих. В Ашхабаде русские составляли менее 30% (12 тыс. человек), в Мерве — около 44% (8 тыс. человек), Красноводске — 37% (7 тыс. человек). Перечисленные города Закаспийской области росли главным образом за счет мигрантов из Закавказья, Персии и Афганистана. Туркмен, проживающих в этих городах, было всего около 700 человек. Подавляющее большинство русские составляли в Новом Маргилане (Фергана), Петро-Алексеевске (Турткуль), Верном (Алматы), Пишкеке (Бишкек), Капале, Лепсинске. Так, в Семиреченской области в 1905 г. русских насчитывалось более половины населения в Верном, Лепсинске, Пишкеке и более трети — в Джаркенте, Пржевальске, Капале. Вторая по численности группа городского населения, татары, составляла почти 40% жителей в Капале, а в других городах от 4 до 19%²¹.

После заключения в 1873 г. мирного договора между Россией и Бухарой начался приток российских подданных в Бухарский эмират. Взаимная торговля привлекала сюда предпринимателей, многие прибыли в связи со строительством Закаспийской железной дороги, размещением русских гарнизонов, основанием Амударьинской флотилии, строительством Самарканд-Термезского тракта. По данным 1898 г., в эмирате проживало более 12 тыс. российских подданных, кроме того, там было расквартировано 8-тысячное русское войско. К 1917 г. в Бухарском эмирате проживало до 50 тыс. российских подданных, не считая военнослужащих. Русские поселения возникли главным образом по железной дороге и на р. Амударье, некоторые из них превратились в небольшие города европейского типа. Жителями этих поселений становились чиновники, военнослужащие, торговцы, ремесленники и т.д. Заметную долю населения составляли переселенцы таких национальностей, как армяне, евреи, татары, персы и другие²².

²¹ *Фомченко А.П.* Русские поселения. С. 71—72; *Бекмаханова Н.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. С. 186.

²² *Фомченко А.П.* Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958.

§ 9. МИГРАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Этнический состав населения Степного и Туркестанского краев после вхождения в состав Российской империи изменился не только за счет количественно преобладавших в миграционных потоках представителей восточных славян, главным образом — русских и украинцев, но и вследствие переселения представителей других народов — как с территории России, так из соседних Китая и Персии. Большинство формировавшихся этнических групп в силу культурных и конфессиональных отличий от местного населения мало с ним смешивались, длительное время сохраняли свою самобытность, образуя общины или семейные группы и занимая определенные социальные ниши.

В Центральную Азию переселилось много татар из Среднего Поволжья, Северного Приуралья и Западной Сибири. Правительство привлекало татарских купцов для налаживания торговли с местным населением, значительное количество их прибывало в регион в качестве служащих царской армии, часто они работали переводчиками. Заметной была деятельность татарских духовных лиц и татарской интеллигенции. Они, распространяя исламское образование, способствовали росту грамотности, особенно среди кочевого населения, открывали мечети, школы, культурные учреждения. Ассимиляционные процессы среди татар были незначительны, хотя в Уральской области часть татар входила в состав казачьего войска, приняла православие и обрусела. К 1917 г. представителей этого народа насчитывалось в регионе более 100 тыс. человек²³.

В конце XIX в. были основаны первые поселения немцев, выходцев из старых немецких колоний Поволжья, Причерноморья, Волыни. Массовое переселение немцев происходило в 1906—1910 гг. — в основном на северо-восток территории нынешнего Казахстана. Были основаны сотни немецких поселений, в первую очередь на Алтае, в Оренбургской области, Акмолинской, Семипалатинской, Сырдарьинской и Закаспийской областях. Немцы вели достаточно замкнутый образ жизни, в селах занимались земледелием, мясо-молочным животноводством, коневодством, ремеслами. Много внимания они уделяли внедрению агротехнических новшеств, улучшению пород скота.

²³ Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. С. 147, 183—186.

В середине XIX в. в Центральной Азии появились армяне, выходцы из Карабаха, Зангезура и Западной Армении. Двигаясь через Каспийское море, армяне осваивали первоначально Закаспийскую область, работали главным образом на строительстве железной дороги. Основная масса армян направлялась в городские поселения и постепенно осела как в старых, так и в новых туркестанских городах компактно: почти в каждом из них были свои армянские кварталы. Поселенцы осваивали ремесленные профессии, удовлетворявшие разнообразные нужды местных жителей, открывали многочисленные лавки, работали в строительстве. Армянские купцы осуществляли товарообмен с Россией, состоятельные армяне владели многими хлопкоочистительными, маслобойными, кожевенными и иными предприятиями²⁴.

Центральноазиатский регион находился вне черты еврейской оседлости, там образовались сравнительно небольшие по численности группы европейских евреев, селившиеся преимущественно в городах. В Туркестанском крае разрешалось жить, кроме отставных военных, только привилегированным категориям евреев: ремесленникам, купцам, квалифицированным специалистам. Среди переселившихся евреев было много торговцев, промышленников, коммерсантов, медицинских работников, инженеров, корреспондентов местных периодических изданий. Численность этой группы европейских евреев в регионе в начале XX в. составляла несколько тысяч человек.

В последние десятилетия XIX в. в регионе стали появляться персидские купцы. Большое число выходцев из Персии прибыло в Закаспийскую область для работы в качестве временных рабочих-землекопов на строительстве железной дороги. Они приходили целыми артелями, пересекая границу без документов, поскольку администрация Туркестана видела в них дешевую рабочую силу и облегчала их пребывание на российской земле.

Значительное число уйгуров (таранчи) и дунган переселилось в Туркестанский край в начале 80-х гг. XIX в. после жестокого подавления китайским правительством восстания восточно-туркестанских (синьцзянских) мусульман. Из них более 45 тыс. уйгур и 4 тыс. дунган поселились в Семиреченской области, небольшая часть осела в Ферганской и Сырдарьинской областях. Выходцы из западного

²⁴ *Амирьянц И.А., Григорьянц А.А.* Армяне Средней Азии // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. М., 1992. Ч. 1. С. 157–169.

Китайцы жили и в городах, но большинство — в сельской местности, занимались торговлей и обслуживанием населения: работали пекарями, поварами, плотниками, сапожниками. Широко были развиты домашние промыслы: шелкомотание, вышивание, плетение циновок. Основная масса уйгур и дунган была земледельцами, причем очень искусными. Больших успехов они достигли в огородничестве и садоводстве, использовали свободные и малопригодные земли для разведения риса и других полевых культур. Туркестанские власти стали предоставлять этим переселенцам пустующие, чаще всего заболоченные земли на льготных условиях, с тем чтобы по истечении 10 лет облагать их налогами.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Исламская политика России в XVIII в. — Исламская политика России в Степи в конце XVIII — начале XIX в. — Степные положения 1868 г. и 1891 г. — Исламская политика в Закаспийской области — Религиозная политика по отношению к кочевникам Туркестана — Религиозная политика среди оседлого населения Туркестана — Андижанское восстание 1898 г. и доклад Духовского — Неисламские религиозные общины Центральной Азии.

§ 1. Исламская политика России в XVIII в.

Во время царствования Екатерины II российская власть на протяжении столетий проводила политику ограничения прав мусульман — то смягчая ее, то усиливая. В 1767 г. в наказе Уложенной комиссии Екатерина II признала «пороком» притеснение ислама и иных неправославных религий. Безусловно, конфессиональную толерантность «просвещенной» императрицы можно рассматривать как следствие ее немецко-протестантской ментальности, усиленной активным диалогом с передовыми умами Европы. К тому же, как очень прагматичный политик, она, несомненно, яснее многих «природных русских» деятелей видела опасность религиозных притеснений в обстановке нарастающего внутривосточного кризиса. Драматические события «пугачевщины», в которых приняли участие и многие мусульмане, укрепили уверенность Екатерины II в правильности избранного нового конфессионально-политического курса. Указом от 17 июля 1773 г. она провозгласила всеобщую веротерпимость и запретила православным иерархам вмешиваться в дела мусульманских общин, отнеся их к ведению государственной власти. 8 апреля 1783 г. Екатерина II подтверди-

ла принципы терпимого отношения к исламу в Манифесте о присоединении Крыма¹.

В 1788 г. императрица учредила так называемое Оренбургское магометанское духовное собрание — *муфтиат*, центр которого находился, однако, не в Оренбурге, а в Уфе. Этот государственно-религиозный орган был призван руководить деятельностью мусульманских общин России, включая и присоединенные территории Центральной Азии (Казахской степи), но исключая мусульман Крыма, для которых в 1794 г. императрица образовала отдельный муфтиат — Таврическое мусульманское духовное управление с центром в Бахчисарае. Муфтиаты содержались за счет казны, за государственный счет также был налажен выпуск разнообразной исламской литературы, в частности Коранов. Власть разрешила мусульманам открывать религиозные школы — *мектебы*, а также исламские вузы — *медресе*, готовившие кадры священнослужителей для мечетей.

Таким образом, ко времени активного освоения вновь присоединенных территорий Центральной Азии (Казахской степи) российская власть уже имела достаточно ясно и четко сформулированные принципы своей исламской политики.

§ 2. Исламская политика России в Степи в конце XVIII — начале XIX в.

Во второй четверти XVIII в. в состав Российской империи вошли обширные территории Центральной Азии, принадлежавшие крупным казахским родоплеменным объединениям — Младшему и Среднему жузам. Активное освоение этих территорий пришлось на последнюю четверть XVIII в. и таким образом совпало с завершением формирования основных принципов исламской политики правительства, которые и были применены к новым подданным-номадам Казахской степи. Сущность этой политики заключалась в безусловной терпимости к духовно-религиозному быту кочевников и утверждении среди них мусульманской веры.

Конфессиональный курс Екатерины II и ее последователей был не только оправданным, но и единственно верным. Во-первых,

¹ См.: Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М. 2001. С. 47—48.

правительство исходило из того, что ислам уже достаточно укоренился среди кочевников и их нельзя легко обратить в новую веру посредством массовой христианизации. Справедливость такого подхода отмечал позже первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман. Отвечая сторонникам усиления православного миссионерства среди «язычествующих», неустойчивых мусульман-кочевников, он подчеркивал: «...Мировоззрение у них мусульманское и... трогать их верование безнаказанно нельзя, как у настоящих, истых мусульман»². Во-вторых, российская власть была убеждена в том, что христианизация кочевников будет не только весьма долговременным и дорогостоящим мероприятием, но и опасным в силу естественного ему сопротивления. Наконец, профессиональный курс властей в Степи был как прагматичным, так и стратегически выверенным. Правительство справедливо полагало, что ислам, являющийся, подобно христианству, религией монотеистической, может стать эффективным средством преодоления родоплеменной розни и объединения кочевников в интересах единой российской государственности, формирования из них действительно верноподданных русскому царю.

Впрочем, время от времени идея христианизировать казахов появлялась в умах некоторых российских чиновников. В 1820-е гг. М.М. Сперанский, в бытность свою генерал-губернатором Сибири, планировал послать в Степь «особенную миссию», которая должна была «действовать» на кочевников «одними увещаниями и убеждениями»³. Однако в конечном счете из этого замысла прославленного русского реформатора ничего не вышло.

Для практической реализации религиозно-политических планов в Казахской степи власть привлекла российских мусульман — татар Поволжья, называвшихся «казанскими», и татар Западной Сибири. Выбор был оправдан: за два с лишним столетия пребывания в составе Российского, по сути христианского государства мусульмане-татары и смирились, и сблизились с русской жизнью как таковой. К тому же их в значительной мере вдохновляла и толерантная исламская политика Екатерины II, и огромные суммы, выделенные ее правительством для проведения миссионерской работы среди кочевников-казахов. Екатерина II писала в связи с этим Си-

² Цит. по: Пропащин А. Генерал-адъютант Константин Петрович Кауфман как устроитель Туркестанского края (1867—1882). Ташкент, 1913. С. 79.

³ Устав о Сибирских киргизах // ПСЗ РИ. Собр. I. 1822—1823. Т. 38. СПб., 1830. № 29—127.

бирскому и Уфимскому генерал-губернатору О.А. Игельстрому, что «построение там для главнейших родов мечетей, школ... весьма полезно и нужно. Снабдение разных родов киргизских муллами немалую пользу в наших делах принести может»⁴.

«Снабдением» кочевников-казахов священниками занимался Уфимский муфтиат, которому были подведомственны все религиозные дела номадов Степи и который координировал миссионерскую деятельность татар. Муфтиат назначал своими указами, изданными от «Высочайшего имени», мулл в кочевья (это послужило складыванию их народного названия «указные»). Муллы были ответственны за грамотное отправление мусульманского культа и религиозное обучение детей кочевников, что особенно контролировалось муфтиатом.

Первоначально среди «указных» мулл в Степи доминировали татары. Однако со временем российская власть стала продвигать на должности «указных» мулл для кочевников их соплеменников из числа *шакирдов* — казахов, получивших образование в медресе Оренбурга, Казани, Уфы, Троицка и др. Впрочем, «указных» мулл-казахов не хватало на все степные приходы и на эти должности продолжали назначать татар. Кроме того, «указные» муллы-казахи, возвращаясь на работу в родные кочевья, нередко занимались профессиональной деятельностью формально, отдавая предпочтение привычной с детства и более надежной хозяйственной жизни животновода.

Дефицит мусульманского просвещения, образовавшийся на огромных пространствах Казахской степи, восполнялся также деятельностью так называемых «полу-муллы» (*яр-мулла*) — бродячих проповедников ислама, чей статус, естественно, никем официально не удостоверялся. Их проповеди носили, как правило, эклектичный характер, представляя собой смесь преданий о Пророке с фрагментами из истории и героического фольклора кочевников. Подавляющее большинство «яр-мулл» действовали не из высоких идейно-религиозных побуждений, а из корыстных — желания заработать на доверчивой любознательности кочевников. Среди «яр-мулл» было немало агентов из южных центральноазиатских ханств, сеявших антирусские настроения и нагнетавших таким образом религиозно-политическую обстановку в Степи. Немногочисленная,

⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 208. Оп. 1. Д. 11. Л. 104.

в сравнении с громадными территориями Степи, имперская администрация не вела постоянной и эффективной борьбы с этими вольными проповедниками ислама, не усматривая в них угрозы для российской власти.

В начале XIX в. правители Кокандского ханства активизировали свои действия на южных рубежах Степи и в Семиречье. Они содействовали массовому проникновению вглубь российских территорий миссионеров-исламизаторов, среди которых, кроме непосредственно кокандских, было немало бухарских и хивинских религиозных деятелей. После завоевания кокандцами земель казахов и кыргызов в Таласской и Чуйской долинах, в Прииссыккулье и на Центральном Тянь-Шане, наплыв миссионеров из центральноазиатских ханств в Степь еще более усилился. Известный русский администратор и знаток «степной» проблематики А.К. Гейнс писал по этому поводу: «...Совершенно же утвердили в магометанстве киргиз (казахов. — *Авт.*) поселившиеся среди них толпы магометан из соседних среднеазиатских ханств Хивы, Бухары и Коканда, постоянно стремящихся поддерживать среди киргиз (казахов. — *Авт.*) всеми способами магометанство, а вместе с тем и собственное влияние в видах торговых и политических»⁵.

Следует отметить, что ханские миссионеры не только проповедовали ислам в его наиболее ортодоксальной и агрессивной форме, но и открыто прокламировали антироссийские лозунги, находившие поддержку среди многих кочевников. Эти лозунги в немалой степени побуждали кочевников к восстаниям. В таких условиях российская власть была вынуждена усилить полицейско-административный контроль за религиозной жизнью в кочевьях. Пришлые пропагандисты ислама в Степи отлавливались и препровождались восвояси. Но такая участь постигла далеко не всех из них, поскольку многих номады прятали в своих кочевьях, причем часто с ведома «указных» мулл.

Таким образом, религиозно-политическая ситуация в Степи к началу присоединения южных районов Центральной Азии была достаточно противоречивой и тревожной, а потому необходимость проведения соответствующих реформ казалась всем более чем очевидной.

⁵ Гейнс А.К. Киргиз-кайсаки (В Зауральской степи) // Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1. С.76.

§ 3. СТЕПНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ 1868 и 1891 гг.

21 октября 1868 г. император Александр II утвердил «Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» (Степное положение). Последнее заметно изменило вектор религиозной политики царской власти в степных районах. Положение имело специальный раздел «Об управлении духовными делами киргизов». Оно изыало кочевое население Степи из ведения Уфимского муфтиата, что, по замыслу законодателей, должно было свести на нет влияние татар на религиозную жизнь номадов. С этой же целью в степных областях был ликвидирован институт «указных» мулл. Отныне заведование «духовными» делами кочевников закон поручал муллам, избранным самими казахами. Эти муллы передавались в ведение так называемого «общего гражданского управления», а через него — Министерства внутренних дел.

Степное положение устанавливало порядок утверждения мулл в своих должностях и отстранения (увольнения) от них. На каждого избранного муллу составлялся «общественный приговор» жителей прихода. Он должен был передаваться уездному начальнику, который после его изучения направлял приговор в областное правление, где готовились соответствующие документы для подписи военному губернатору соответствующей области, уполномоченному утверждать кочевых мулл в их должностях. Лишь после подписи губернатора мулла считался официально вступившим в должность, и об этом делалось сообщение в областной газете.

Закон устанавливал обязанность уездных начальников принимать «общественные приговоры» избирателей и передавать их в областное правление. Однако, по скрытому замыслу законодателей, уездные начальники стали основными фигурами в избирательном процессе. Закон предписывал, что уездные начальники должны были принимать «общественные приговоры» об избрании мулл, но он не обязывал их передавать все без исключения такого рода приговоры в областное правление. Уездные начальники могли вернуть приговор назад по самым разным причинам — на то у них всегда был широкий выбор возможностей, но главной причиной обычно оказывалась «неблагонадежность» избранного муллы.

Степное положение 1868 г. устанавливало избрание только одного муллы на волость. Оно возлагало обязанности по содержанию мулл на избравшие их кочевые общества. Если ранее «указные»

муллы освобождались от уплаты различных податей и сборов, то теперь избранные муллы возвращались в податное состояние. Однако закон допускал возможность уплаты податей за мулл их избирателями при условии принятия соответствующего «общественного приговора». Если ранее каждая мусульманская община могла на свои средства построить мечеть, не испрашивая на то разрешения властей, а лишь уведомляя их об этом, то Степное положение установило, что «возведение мечетей дозволяется только с разрешения генерал-губернатора»⁶. Закон возлагал обязанности по содержанию мечетей и находящихся при них религиозных школ — мектебов — на кочевые сообщества, но с запретом принуждать платить тех, кто не хотел делать этого. Степное положение запрещало учреждение вакуфов, на доходы от которых могли бы содержаться мечети и мектебы, тем самым осложнялась задача кочевых сообществ по их материальному обеспечению. Закон устанавливал право мулл преподавать в религиозных школах, но только с разрешения уездного начальства.

Несмотря на свой «временный» характер, Степное положение 1868 г. действовало более 22 лет. На его функционирование не повлияли административные преобразования 1882 г., когда было учреждено Степное генерал-губернаторство. Однако после этого принципы регулирования религиозной жизни кочевников Степного края оказались разными, поскольку в Семиреченской области, выведенной из состава Туркестанского края, продолжало действовать «Временное Положение об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» 1867 г., которое вообще никаким образом религиозную жизнь не регулировало. В результате в течение почти девять лет кочевое население степных областей имело ограниченное законом число мулл, мечетей, мектебов и т.п., тогда как казахи, кыргызы и др. в Семиреченской области могли иметь все это в любом нужном количестве.

Ситуация выровнялась с 25 марта 1891 г., когда император Александр III утвердил новое «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей». Закон 1891 г. был уже не «временным», поскольку об-

⁶ Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 21 октября 1868 г. // Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата. 1960. Т. 1. С. 340.

становка в Степи к концу XIX в. в достаточной мере определилась и стабилизировалась. Законодатель учел, что Положение 1868 г. излишне регулировало конфессиональную жизнь мусульман-номадов, и потому в новом Положении такое регулирование было сведено практически до минимума. Документ содержал всего четыре статьи, определявшие принципы религиозной жизни кочевников. Он сохранил принцип: «одна волость — один мулла», формально упростился порядок избрания мулл, не устанавливалось никаких требований к личным качествам претендентов, не упоминалось ни об «общественных приговорах» об избрании мулл, ни о правах уездных начальников и областных правлений по отношению к ним.

Положение декларировало: «Муллы избираются инородцами из своей среды. Утверждение избранного лица в звании муллы, а также устранение его от сего звания принадлежит военному губернатору»⁷. Таким образом, формально протоколы об избрании мулл можно было напрямую направлять для утверждения военному губернатору. Тем не менее, завуалированный бюрократический порядок избрания мулл до их утверждения, не только сохранился, но и ужесточился. Избрание мулл по-прежнему осуществлялось после предварительных консультаций с волостным и уездным начальством.

Степное положение 1891 г., в отличие от предшествовавшего, не содержало норм об обеспечении мулл за счет «приходов» и о возможности последним уплачивать за них подати, хотя практика осталась прежней. Были сохранены нормы, касающиеся открытия мечетей и религиозных школ, в том числе и в части запрета принуждать население делать взносы на их счет; сохранился и запрет на учреждение вакуфов.

Положение 1891 г. внесло мало нового в религиозную жизнь кочевого населения степных областей, которые ранее подлежали регулированию «временным» Положением 1868 г. Однако общие принципы исламской политики российской власти в этом регионе были лишь подтверждены новым Положением, но не развиты, а посему конфессиональный курс правительства здесь оставался неизменным, вплоть до 1917 г.

⁷ Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей от 25 марта 1891 г. // Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 394.

§ 4. Исламская политика в Закаспийской области

В религиозной политике царской власти среди кочевников Центральной Азии особое место занимала Закаспийская область, большинство которой составляли туркмены. После образования области в ней действовало Временное положение 1882 г., в соответствии с которым она находилась в ведении Кавказского наместника. Это Положение не устанавливало никаких принципов регулирования религиозной жизни кочевого населения, тем более что ко времени его принятия многие туркменские племена еще находились в состоянии вражды с российской властью.

После окончательного «замирения» туркмен в области была проведена военно-административная реформа. 6 февраля 1890 г. было утверждено «Положение об управлении Закаспийской области», которое, несмотря на свой «временный» характер, действовало вплоть до 1917 г. Положение 1890 г. вывело Закаспийскую область из подчинения кавказским властям и на правах «особого военного округа» передало в ведение непосредственно военного министерства. Закон не регулировал религиозную жизнь мусульманского населения, но зато предоставлял начальнику области чрезвычайно широкие полномочия по «общему надзору» за таковой.

Первый начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин (1890 — январь 1898 г.) использовал эти полномочия в полной мере. Суть его политики заключалась в противодействии усилению ислама среди местного населения. Особенно тревожило Куропаткина укрепление позиций шариата среди туркмен. В целях ослабления ислама среди кочевников генерал-лейтенант в 1894 г. учредил в Асхабаде Чрезвычайный съезд народных судей Закаспийской области, поставив перед ним задачу решать дела на основе туркменского обычного права-*адата*, хотя присутствие шариатских судей-*казиев* в качестве консультантов на съездах не исключалось. Куропаткин решительным образом пресекал миссионерскую деятельность «исламизаторов» из Хивинского и Бухарского ханств, не менее решительно изгонял он и проповедников ислама, являвшихся из Туркестанского генерал-губернаторства. По его распоряжению, чины уездной и приставской администрации осуществляли неусыпный надзор за деятельностью мулл в кочевьях⁸.

⁸ В Закаспийской области приставства выступали как отдельные административно-территориальные образования («подуезды»).

Строительство и открытие мечетей, религиозных школ, мазаров и т.п. допускалось только с разрешения начальника области.

Вне всякого сомнения, Куропаткин внес в религиозную жизнь кочевников сильный элемент дисциплины, подчинив ее государственным интересам России. Характерно, что разумная, взвешенная и осторожная политика находила положительный отклик среди кочевого населения — начальник пользовался у него большим уважением. Это признавали даже англичане, посещавшие в то время Туркестан⁹. Сенатор К.К. Пален, ревизовавший Туркестанский край в 1908—1909 гг., отмечал, что преемники Куропаткина на посту начальника Закаспийской области бездарно растратили весь накопленный им авторитет в среде номадов¹⁰.

Действительно, с уходом Куропаткина на должность военного министра, исламизация кочевого населения Закаспийской области стала усиливаться. Причиной этому была, в числе прочего, передача Закаспийской области в состав Туркестанского края по императорскому указу от 26 декабря 1897 г. Если ранее, когда область была самостоятельной, Куропаткин мог договориться с Туркестанским генерал-губернатором А.Б. Вревским о мерах по запрещению проникновения туркестанских и бухарских исламских проповедников в Закаспийский регион, то теперь такие ограничения были сняты. «Единение» кочевого населения с «твердым» в вере мусульманским населением «коренных» областей Туркестанского края объективно не могло иметь иных последствий, как повышение уровня исламизации закаспийских туркмен, казахов, каракалпаков и др. Сказывалась также и близость Хивинского ханства, миссионерам из которого после Куропаткина никто серьезно не противодействовал.

§ 5. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К КОЧЕВНИКАМ ТУРКЕСТАНА

Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман изначально принимал решительные меры по предотвращению мусульманизации номадов Туркестанского края, начатой еще прави-

⁹ См., например: *Skrine F.H., Ross E.D. The Heart of Russia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London. 1899. P. 324.*

¹⁰ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 438. Л. 4 об.

телями Кокандского ханства. Кауфман уделял этой проблеме особое внимание. Самовольно поселившиеся в крае миссионеры из Бухары, Хивы разыскивались и незамедлительно высылались за пределы генерал-губернаторства без права появления на его территории впредь.

Из преемников Кауфмана, пожалуй, только один Н.О. фон Розенбах (1884—1889) проявил внимание к вопросу о противодействии исламизации кочевников. В июле 1884 г. он образовал специальную комиссию по этому вопросу под председательством знатока «кочевой» проблематики генерал-майора Н.И. Гродекова. Комиссия работала очень ответственно и профессионально, выдвинула много полезных идей и решений, но результаты работы не получили практической реализации.

После Андижанского восстания 1898 г., которое было поддержано частью кочевников Ферганской области, к идее пресечения исламизации кочевников обратился туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской. Во «Всеподданнейшем» (на имя императора) докладе «Ислам в Туркестане» он выдвинул ряд предложений по реализации этой идеи, но они тоже не получили практического воплощения из-за отсутствия необходимых на то средств в казне. Из генерал-губернаторов начала XX в. некоторую активность проявил в этой сфере А.В. Самсонов (1909—1914), но и он не добился ничего существенного.

В «коренных» областях Туркестанского края в послекауфманский период пресечь исламизацию кочевого населения было практически невозможно, так как «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г. не содержало никаких законодательных препятствий для контактов твердого в вере оседлого населения с кочевниками.

Особое положение сложилось в Семиреченской области, которая указом от 26 декабря 1897 г. была возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Введение в действие Степного положения 1891 г. в Семиречье, находившегося с 1882 г. в составе Степного края, столкнулось с множеством трудностей, которые не были полностью преодолены. Так, большие проблемы возникали здесь с внедрением принципа «одна волость — один мулла». Фактически этот принцип был утвержден только формально. На деле, кроме «официального» муллы, в каждой волости действовали и неофициальные, которым население зачастую доверяло больше, чем «правительственным». То же самое было характерно и в части

мечетей и мектебов. Следует отметить, что администрация Семиреченской области, сама привыкшая жить по Положению 1867 г., в первое время после введения нового Положения не пыталась ломать устоявшиеся принципы религиозной жизни кочевников. Уездные начальники довольно терпимо относились к функционированию самозванных мулл. Семиреченская администрация полагала, что со временем кочевое население приучится соблюдать установленные законом принципы религиозной жизни.

В Туркестанском генерал-губернаторстве действовало «Положение об управлении Туркестанского края» от 1886 г., оно практически никак не регулировало религиозную жизнь коренного мусульманского населения. При этом необходимо подчеркнуть, что, несмотря на включение Семиреченской области в состав Туркестанского края, в ней сохранялось действие Степного положения 1891 г. Если учесть, что границы между краями и областями, к ним относящимися, носили условный характер, а кочевники свободно перемещались из одной области в другие, то можно представить всю сложность той религиозно-политической ситуации, в какой оказалось семиреченское руководство после военно-административного передела Центральной Азии в конце XIX в. Действительно, проживавшие рядом с туркестанскими номадами семиреченские кочевники не могли не чувствовать себя обиженными, видя, что те никоим образом не ущемлены в своей религиозной жизни и могут иметь все то, чего в значительной степени их лишало Степное положение 1891 г.

Туркестанские генерал-губернаторы не раз входили в правительство с предложениями решить вопрос о ликвидации несоответствия норм двух Положений. Однако российская власть, пытавшаяся выработать единое общетуркестанское положение об управлении, так и не смогла или не успела этого сделать.

§ 6. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СРЕДИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА

Присоединение Центральной Азии с преимущественно оседлым и глубоко исламизированным населением должно было неизбежно сформировать новый тип религиозной политики российской власти. В этом регионе, как нигде в Российской империи, «капля» христиан растворилась в «океане» мусульманства, казавшегося вна-

чале фанатичным и непримиримым по отношению к пришлой цивилизации.

Первый военный губернатор Туркестанской области генерал-майор М.Г. Черняев выступал за активное сотрудничество с представителями исламской элиты, справедливо расценивая последних как «руководящую силу» мусульманского общества. Черняев считал, что в союзе с мусульманскими лидерами будет легче примирить местное население с новой властью. При взятии Ташкента летом 1865 г. Черняев выпустил «Воззвание к населению», в котором категорически требовал от жителей беспрекословного уважения «улемов» (духовенства) и строгого соблюдения норм шариата.

Религиозно-политический курс Черняева изначально не понравился его непосредственному начальнику — оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому. Последний считал недопустимым заигрывание с мусульманским «духовенством» и в рапортах военному министру Д.А. Милютину, критикуя действия Черняева, предлагал всемерно подрывать влияние «духовенства» на верующих, поскольку, по его мнению, оно было главным генератором антирусских настроений среди местного населения. Интриги Крыжановского имели следствием отстранение Черняева от должности в марте 1866 г. и назначение на его место генерал-майора Д.И. Романовского — протеже оренбургского генерал-губернатора. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в своей религиозной политике новый губернатор строго придерживался рекомендаций Крыжановского и быстро испортил отношения с мусульманской элитой.

По совету Крыжановского и с согласия бывшего «кавказца» Милютин Романовский пытался внедрить в Туркестанской области выборные административно-судебные органы — мехкеме, ранее учреждавшиеся среди мусульманского населения Кавказа. Эта новация должна была серьезно подорвать авторитет и влияние исламского «духовенства», поскольку из трех «туземных» членов мехкеме только один мог быть духовным лицом.

После образования в июле 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство включало в себя две области — Семиреченскую и Сырдарьинскую. В том же году был составлен проект временного «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях», который, не будучи утвержденным, был принят за основу для организации управления в новом крае. Проект Временного положения 1867 г. характеризовался отсутствием норм, регулирующих

религиозную жизнь мусульманского населения, поскольку его составители не хотели придавать исламу в Туркестане какой-либо законодательный статус из-за опасений тем самым укрепить позиции мусульманской элиты. Российская власть отдала формирование принципов религиозной политики на откуп местной администрации и прежде всего — туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана.

Кауфман учел как позитивный, так и негативный опыт религиозных мероприятий Черняева и Романовского, но сформулировал собственные принципы. Кауфман изложил их в своей речи перед представителями мусульманства 22 января 1868 г. в Ташкенте. Он обещал населению не вмешиваться в его религиозную жизнь, но при этом требовал взамен от исламской элиты безусловной лояльности русской власти и ее порядкам, угрожая наказанием за их нарушение. Провозглашенные Кауфманом принципы легли в основу «политики невмешательства и игнорирования ислама», которая должна была своим «невмешательством» привлечь к русской власти симпатии рядового мусульманского населения, а «игнорированием» полностью отстранить «духовенство» от участия в государственной жизни и управлении. Кауфман считал «улемов» неисправимой консервативной силой, враждебной всему русскому и передовому. Он надеялся, что политика «игнорирования» отодвинет мусульманскую элиту на задворки общественной жизни, сведет на нет ее влияние на массы верующих, которые, освободившись из-под духовного гнета «улемы», станут быстро и охотно приобщаться к идеалам российской государственности.

Было бы, однако, ошибочным полагать, что политика «невмешательства и игнорирования» означала предание забвению как ислама, так и мусульманских деятелей. Напротив, Туркестанская администрация весьма внимательно следила за деятельностью «духовенства», решительно пресекая любые «вредные» поползновения в его среде. Вместе с тем она действительно не вмешивалась во внутренние дела исламских общин, в выборы имамов и мулл. Местное мусульманское население удовлетворяли принципы «невмешательства и игнорирования», позволявшие им жить свободной религиозной жизнью. Они оценивали то, что власти не мешают им открывать мечети, мектебы, медресе и т.п. Действительно, для строительства мечети мусульмане Туркестана должны были предоставлять администрации лишь «общественные приговоры» о наличии у них должных средств на сооружение и содержание мечети, а так-

же причта при ней — имама и муэдзина (азанчи), тогда как мусульмане других регионов империи должны были представлять на утверждение проекты строительства мечетей, официально назначать лиц, ответственных за их функционирование и состояние. Порядок открытия мечетей в Туркестанском крае распространялся и на открытие мектебов, медресе, мазаров.

Еще при жизни Кауфмана религиозная политика «невмешательства и игнорирования» вызывала у многих сомнения в эффективности. Наиболее решительно критиковал программу преемник «первоустроителя» М.Г. Черняев. Он объявлял ее бесперспективной и даже преступной. Вместо «невмешательства и игнорирования» Черняев предлагал концепцию, основанную на активном диалоге российской власти с мусульманским «духовенством». С целью государственного надзора и контроля Черняев предлагал учредить в Туркестанском крае муфтиат по типу существовавших тогда Уфимского, Таврического и двух закавказских муфтиатов. Легендарный «архистратиг славянской рати» осуждал Кауфмана за то, что он еще в 1868 г. разорвал все официальные связи с Уфимским муфтиатом, а в 1880 г. добился от министра внутренних дел Л.С. Макова запрета Уфимскому муфтию «входить в будущем в какие-либо официальные сношения с магометанскими духовными учреждениями Туркестанского края»¹¹. Черняев указывал, что неприязнь Кауфмана к муфтиатам объяснялась тем, что они подчинялись МВД, с которым военное министерство постоянно соперничало за право владеть Туркестанским краем. По мнению Черняева, межведомственные трения не должны были противоречить государственным интересам России в регионе.

В 1882 г. новый император Александр III назначил Черняева туркестанским генерал-губернатором вместо умершего Кауфмана. Это продвижение вызвало положительную реакцию и большие надежды у мусульманской элиты Туркестана. Однако, столкнувшись с реальной туркестанской жизнью, Черняев отступил от многих своих громких заявлений, стал более осторожно и взвешенно относиться и к идее учреждения муфтиата в Туркестане. Он восстановил былые добрые отношения с мусульманскими лидерами, часто советовался с ним, но к реализации идеи учреждения муфтиата в крае приступил только через полтора года после вступления в должность. Лишь в январе 1884 г. Черняев образовал специальную

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 6. Л. 109—109 об.

комиссию для разработки принципов учреждения Туркестанского муфтиата, состоявшую не из чиновников администрации, а исключительно из виднейших мусульманских богословов и правоведов края. Черняев считал, что только «профессионалы» могут лучше других знать, как следует управлять ими на благо государства. Комиссия сделала немало ценных предложений, но ее труды оказались напрасными: Черняев вскоре был отстранен от должности.

Против учреждения муфтиата в Туркестане выступало правительство, считавшее, что он может стать центром местного мусульманского «духовенства», что не входило в планы российской власти. Не получила эта идея поддержки и среди членов Государственного совета, рассматривавших проект нового «Положения об управлении Туркестанским краем», которое было утверждено императором в июле 1886 г.

Туркестанское положение 1886 г., подобно проекту Временного Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях 1867 г., законодательно не регулировало религиозную жизнь коренного населения. Однако, в отличие от предыдущего варианта, оно на практике ослабило контрольные функции царской власти в Туркестанском крае, соответственно расширив права «туземного» самоуправления и суда. Положение 1886 г. вводило независимые от туркестанской администрации областные суды и прокурорский надзор при них. Проводить в таких условиях эффективные мероприятия стало тем более сложно, что ранее она держалась на огромной личной власти и административных способностях Кауфмана, которыми в последующем ни один из его преемников не обладал. Таким образом, сочетание ослабленной административной власти в крае с недостаточной широтой управленческого кругозора и опыта его руководителей вносило в религиозную политику российской власти в Туркестане элемент стихийности и не всегда удачной импровизации.

Характерно, что при всем этом никто ни в правительстве, ни в высших эшелонах власти в Туркестане не хотел серьезным образом отойти от принципов кауфманской концепции «невмешательства и игнорирования», хотя сама жизнь, особенно после введения в действие Положения 1886 г., все более настойчиво требовала принятия новых решений. Вместо того чтобы выработать цельный, всеобъемлющий, взвешенный и реалистичный религиозно-политический курс в Центральной Азии, учитывающий новые тенденции и веяния в мусульманской среде, в частности рост панисламизма,

российская власть продолжала проводить в жизнь «проверенный» курс Кауфмана. Это не могло не порождать в исламской политике неуверенных, непродуманных и паллиативных решений.

§ 7. Андижанское восстание 1898 г. и доклад Духовского

Дефицит позитивной религиозно-политической программы российской власти в Центральной Азии обнаружился уже при генерал-губернаторе А.Б. Вревском (1889—1898). Последний, по рекомендации Главного инспектора училищ Туркестанского края Ф.М. Керенского, потребовал от мусульманского «духовенства» повсеместного произнесения «молитвы за царя», которую сочинил лично Главный инспектор. Таким образом, ничего, кроме ухудшения отношений с мусульманской элитой, Вревский не добился. Столь же бесплодно закончилась попытка Керенского навязать изучение русского языка в мектебах и медресе.

Зигзаги в исламском курсе российской власти в Туркестане не замедлили сказаться на осложнении внутривластной обстановки в регионе. Летом 1892 г., вследствие религиозно-политических ошибок администрации во время холерной эпидемии, в Ташкенте вспыхнуло восстание мусульман. Оно было подавлено, «активисты» осуждены, однако надлежащих уроков из него русское руководство не извлекло. В последующем в разных местах края также имели место волнения среди мусульманского населения, но они расценивались как частные проявления народного недовольства, без глубокого анализа их причин. Хотя начальники уездов все чаще присылали тревожные рапорты, имперская власть считала положение стабильным.

Гром грянул в мае 1898 г., когда восстали мусульмане г. Андижана и его окрестностей. Повстанцы в количестве около двух тысяч человек атаковали казармы царских войск. В андижанском гарнизоне было убито 22 солдата. Выступление быстро подавили, руководитель — Мадали-хальфа по прозвищу Дукчи-ишан — и его соратники были схвачены и вскоре повешены, сотни рядовых участников высланы за пределы Туркестана. Безусловно, этот мятеж имел экономические и социальные причины, но то, что оно несло при этом религиозные лозунги, было абсолютно очевидным. Лица, расследующие восстание, цитировали слова Дукчи-ишана: «После

завоевания края русскими в народе началась сильная порча нравов, отступление от требований шариата, пьянство, разврат и были порваны семейные начала. Русская власть, хотя обращалась с народом мягко и гуманно, но в то же время запрещала паломничество в Мекку... и лишила доходов вакуфные учреждения, не заботясь о поддержании нравственности и чистоты семейных нравов»¹².

Восстание, несмотря на свой локальный характер, имело огромный резонанс. Оно заставило российскую власть глубоко задуматься над религиозно-политической ситуацией, сложившейся в Туркестане. Новому туркестанскому генерал-губернатору С.М. Духовскому было поручено разработать программу преобразований в части управления духовными делами мусульман края.

В 1899 г. Духовской представил царю доклад «Ислам в Туркестане», в котором излагалась новая программа. Кроме того, правительству были подготовлены подробные документы по отдельным пунктам этой программы. В частности, Духовской и созданная им для выработки этих документов Комиссия предлагали учредить в Туркестанском крае муфтиат, на который возлагалась бы обязанность по управлению религиозными делами мусульман. Предлагалось усилить контроль за мусульманскими деятелями и учреждениями, ужесточить требования к представителям «туземного» самоуправления, резко ограничить возможности зарубежного миссионерского влияния на мусульман Туркестана. По сути дела были сформулированы принципы новой исламской политики в Центральной Азии. Однако высшая российская власть проигнорировала большинство предложений и Духовского, и его Комиссии, посчитав их слишком радикальными. Религиозная политика среди оседлого населения Туркестана, сформулированная Кауфманом, несмотря на все к ней претензии, сохранилась и впредь — вплоть до 1917 г.

§ 8. НЕИСЛАМСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мусульмане-сунниты составляли абсолютное большинство населения Центральной Азии. Однако в регионе существовали и

¹² Рапорт командующего войсками Туркестанского военного округа. Ташкент, 5 августа 1898. С. 2.

другие, часто маргинальные, исламские течения, к которым российская власть относилась внимательно и терпимо. Так, администрация проявила интерес по отношению к «бабидам» (бехаистам), бежавшим в Туркестан от преследования шиитских правителей Персии. Им выделяли участки под строительство мечетей, школ и др. Начальник Закаспийской области А.Н. Куропаткин выделил в Асхабаде «бабидам» под строительство мечети лучший участок в городе, чем вызвал недовольство православного духовенства. Царская администрация терпимо относилась к памирским исмаилитам, гонимым в других странах ислама.

В процессе российской колонизации в Центральной Азии появились представители многих неисламских конфессий. Еще в XVIII в. в Казахской степи селились представители «господствующей веры» — православия — как солдаты, так и вольные переселенцы. Необъятность Степи пугала последних, поэтому они предпочитали устраиваться при военных укреплениях, которые таким образом быстро обрастали гражданским населением и превращались в города (Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Петропавловск и др.). В последних строились православные храмы и создавались соответствующие церковно-организационные структуры — приходы. В церковно-административном отношении приходы западной части Степи подчинялись Оренбургской епархии, а восточной — Томской (позже — Омской). Среди православного духовенства стало преобладать епархиальное, игравшее заметную роль в общественно-культурной жизни «степных» городов. Роль военного духовенства была незначительной и ограничивалась в основном пределами гарнизонов.

Со временем православные все больше стали углубляться в степь, где образовывали хутора. Церковным «призрением» в таких случаях они пользовались лишь эпизодически, в основном при крещении новорожденных, свадьбах и похоронах. В условиях «кочевого» окружения молодое поколение, выросшее на новом месте, довольно быстро сближалось с «туземцами», чаще поддерживая контакты с номадами, чем со своими единоверцами. В XIX в. «Оренбургские епархиальные ведомости» писали, что многие хуторяне окончательно «окиргизились» — говорят только на чужом языке, забыли православные обряды, а из праздников помнят только Пасху. Российская власть относилась к таким явлениям равнодушно, считая их делом самой церкви.

Кроме православных, в Степи расселились старообрядцы. Укоренившись в Уральской области, они составляли большинство Уральского казачьего войска. Отдельной группой были старообрядцы — переселенцы из Сибири, имевшие разные с уральцами староверческие «толки», что препятствовало их тесному общению. Относясь терпимо к старообрядцам-казакам, царская власть не жаловала старообрядцев-переселенцев, держала их под строгим контролем, решительно пресекая даже малейшее «публичное доказательство раскола». Вместе с тем старообрядцы отличались большой активностью в деловой жизни, богатели на рыболовстве, торговле с кочевниками. В эту сферу деятельности раскольников царская власть вмешивалась мало. После восстания 1874 г. против нового Воинского устава в Уральском казачьем войске отношение к казакам-старообрядцам изменилось, несколько тысяч человек были высланы в отдаленные районы Туркестана.

Вслед за православными в Степи расселились и немцы-лютеране. Поскольку в высших эшелонах российской власти было немало лютеран, то им оказывалось покровительство при расселении. Большинство лютеран селились в городах, служа чиновниками, учителями, врачами, фармацевтами и т.п. Они создавали свои религиозные приходы, открывали кирхи, приглашая пасторов, как правило, со стороны (из «генеральной» консистории). В силу своего положения и рода занятий городские лютеране относились к людям с достатком. Занимались лютеране в Степи и сельским хозяйством — земледелием, животноводством, пчеловодством и т.д. Хозяйства их считались зажиточными, поскольку немцы-лютеране отличались большим трудолюбием и дисциплинированностью. Лютеране поддерживали контакты с кочевниками, но случаев перехода в ислам среди них не было. Они твердо держались своей веры и языка, часто приглашали для богослужений пасторов из городов, либо проводили регулярные богослужения силами проповедников-добровольцев.

Кроме лютеран, со временем в Степи стали расселяться немцы-адвентисты. Они создали крупные общины в «степных» городах, а также в Омске, Томске и др. В городах они преимущественно занимались ремеслом, торговлей, отхожими промыслами. В сельской местности их хозяйства отличались достатком. Российская власть относилась к адвентистам в Степи с недоверием, держала их общины под полицейским контролем, поскольку, в отличие от лютеран, адвентисты активно проповедовали свою веру, рекрутируя новых

членов общин не только из православных (несмотря на законы, запрещавшие такую деятельность), но даже из кочевников. К адвентистам часто наезжали проповедники из-за рубежа, привозили деньги, литературу, религиозную атрибутику. Так, в 1909 г. охранка Степного края неусыпно наблюдала за деятельностью знаменитого зарубежного адвентистского проповедника О. Дика, который привез местным общинам значительные средства и литературу, через некоторое время он перебрался с теми же целями в Туркестанский край¹³.

Действовали в Степи и римско-католические общины, состоявшие из военнотружущих, чиновников, учителей, торговцев, людей «свободных» профессий и т.п. Большинство «степных» католиков были поляками, среди них значительную часть составляли сосланные или их потомки. Над ссыльными католиками осуществлялся постоянный полицейский надзор. Российская власть особенно не благоволила к католикам, но и не препятствовала им организовывать свои богослужебные учреждения, совершать молебствия.

В XIX в. «степные» области стали активно заселяться евреями из внутренних губерний России, имевшими разрешение на переселение из так называемой «черты оседлости». Иудейские общины функционировали во всех крупных населенных пунктах. Российская власть не препятствовала евреям вести религиозную жизнь по канонам их вероучения, открывать богослужебные заведения (синагоги) и религиозные школы при них. Несмотря на все ограничения, установленные в империи по отношению к евреям, они развили бурную деловую деятельность, особенно среди кочевников, многие местные жители вскоре оказались у них в долгах. В 1910 г. степной генерал-губернатор Е.О. Шмидт вынужден был представить царю «всеподданнейший» доклад, в котором требовал усилить законодательные ограничения «хищнической» деятельности евреев среди кочевников, но это не имело серьезных последствий.

В Туркестане российская власть также столкнулась с неистламскими конфессиями. С давних времен здесь обосновались приверженцы иудаизма и индуизма. В центральноазиатских ханствах они находились как «неверные» в униженном положении и были ограничены в своих правах. Главная опасность положения евреев и индусов заключалась в том, что в любой момент по произволу ха-

¹³ Литвинов П.П. Неистламские религии Средней Азии (вторая половина XIX — начало XX в.). Елец, 1996. С. 84.

нов или их наместников они могли лишиться не только всего имущества, но и самой жизни. Поэтому эти религиозные группы приветствовали приход России в Туркестан как избавление от многовекового угнетения и деспотизма.

Учитывая данное обстоятельство, новая власть отнеслась к ним весьма гуманно. Центральноазиатские евреи, будучи «туземцами» края, получили все права гражданства, наравне с мусульманами, в том числе и по приобретению недвижимости. Им были предоставлены широкие возможности в сфере религиозной жизни. Что касается индусов, то часть из них, считавшаяся подданными Британской Индии, ограничивалась в правах приобретения недвижимости как иностранцы. Индусы — бывшие подданные ханств — имели равные с другими подданными империи права. Всем индусам было разрешено свободно следовать своим обычаям. Так, если в ханское время обязательная у индусов кремация покойников строго запрещалась мусульманскими властями, то царская власть разрешала ее, но с соблюдением установленной процедуры — в присутствии специальной комиссии и в специально установленных местах.

Совершенно иным было положение в Туркестане так называемых «европейских» евреев, т.е. прибывших из российских губерний. Их правовое положение определялось не местным, а весьма жестким общеимперским законодательством. Тем не менее положение «европейских» евреев в Туркестане было свободнее, так как тут не действовала «черта оседлости». К тому же военная администрация края рассматривала европейских евреев как «цивилизационных» союзников христиан в возможных коллизиях с мусульманством региона.

Распространенное мнение о том, что «господствующая вера» в Российской империи — православие — имела абсолютное господство и в Туркестане, относится к явно ошибочным. Отношения военно-гражданской власти и православной церкви в регионе изначально были прохладными. Кауфман, сам православный, уже при назначении на должность генерал-губернатора заявил публично, что в его владениях «не будет ни жандарма, ни архиерея». Однако, несмотря на все старания Кауфмана, православный архиерей в крае все же появился — с 1 января 1872 г. начала функционировать самостоятельная Туркестанская епархия. Генерал-губернатор не вышел даже встречать прибывшего первого епископа Софония. Кауфман добился того, чтобы центром епархии стал не краевой центр — Ташкент, а областной центр Семиречья — г. Верный (ны-

нешний Алматы). Военная администрация Туркестанского края полагала, что излишняя активность православия в регионе может породить нежелательные коллизии с многомиллионным мусульманством. Поэтому она сдерживала некоторые инициативы православной церкви.

Российская власть более 20 лет ежегодно выделяла Туркестанской епархии только половину тех сумм, которые направлялись в российские епархии. Жалованье священников было нищенским, и прихожанам приходилось во многом содержать их за свой счет. Православному населению Центральной Азии остро не хватало богослужебных учреждений. Ко времени падения царской власти из 78 тыс. православных культовых учреждений России в Туркестане их было около 180, включая 5 монастырей и обителей. Если одно мусульманское культовое заведение в Центральной Азии приходилось в среднем на 150—200 человек, то одно православное (всех типов) — на 1500 человек, а храм с полным причтом — на 3,5—4 тыс. прихожан. Таким образом, позиции государственной религии и церкви в Центральной Азии были значительно слабее позиций «негосударственного» ислама.

По-разному относилась государственная власть к «инославным» (неправославным христианским) конфессиям. Как и в Степи, более всего она благоволила к лютеранам-немцам, которых было немало в войсках Туркестанского военного округа, в том числе и среди генералов, но особенно учитывалось то, что лютеран-немцев было много в высших эшелонах власти империи. Община лютеран края состояла также из чиновников, врачей, учителей, предпринимателей, проживавших в городах, а также сельских жителей. Лютеранская община в Туркестанском крае была официально зарегистрирована в 1877 г., но не спешила с постройкой храма — кирхи, предпочитая пользоваться услугами разъездных пасторов, прибывавших, как правило, из Кавказского военного округа. Кирха и постоянный лютеранский приход появились в Ташкенте только в 1896 г. В 1907 г. были открыты кирха и приход в Асхабаде. Отношения российской власти с лютеранами в известной мере ухудшились в годы Первой мировой войны, когда среди местных лютеран стали обнаруживаться германофильские настроения, но это не повлекло за собой каких-либо политических или конфессиональных репрессий со стороны государства.

Отношение российской власти к католической общине в Туркестане было весьма прохладным. Кауфман категорически препят-

ствовал учреждению в Туркестане католического прихода и храма со священником. Поэтому католиков обслуживали в основном разъездные ксендзы, как правило, прибывавшие из Кавказского военного округа. Постоянный католический приход впервые был открыт в Ташкенте в 1902 г., его возглавил ксендз Юстинас Пронайтис. Несмотря на сложные отношения между ним и краевой администрацией, последняя формально ничем не притесняла религиозную жизнь католиков, среди которых было много офицеров, чиновников, предпринимателей, представителей интеллигенции.

Непростыми были отношения власти с армяно-григорианской общиной, насчитывавшей к 1917 г. свыше 17 тыс. человек. Среди части армян были популярны «сепаратистские» настроения, приносимые единоверцами с Кавказа. Поэтому власти всеми мерами пресекали возможные «опасные» связи. С этой целью армяно-григориане Центральной Азии подчинялись не Кавказской епархии, а Астраханской. В основном армяно-григорианские общины открывали богослужебные заведения с рангом молитвенных домов. Но в 1905 г., с личного разрешения императора Николая II, в г. Красноводске Закаспийской области был открыт первый в Центральной Азии армянский храм со статусом собора.

В Туркестане российская власть весьма терпимо относилась к немецким сектантам — меннонитам и адвентистам, не мешала им по-своему устраивать религиозную жизнь, поскольку они были «крепкими» хозяевами, т.е. выгодным колонизационным элементом. Так, меннонитам было разрешено создавать свои обособленные селения — к 1919 г. их насчитывалось пять. Что касается адвентистов, то они жили и обособленно, и в селениях вместе с лютеранами и православными, причем с последними у них были отношения лучше, чем с первыми.

К русским раскольникам царская власть относилась много жестче. Ссылные уральские старообрядцы были поселены в Амударьинском отделе и находились под постоянным административно-полицейским контролем. Царская власть не мешала им заниматься рыболовством и торговлей, на этом многие разбогатели. Достаточно терпимо царская власть относилась к молоканам, расселившимся (по инициативе Куропаткина) преимущественно в Закаспийской области и содержавшим здесь в очень хорошем состоянии почтовые тракты.

Численность сектантов-баптистов в Центральной Азии с конца XIX в. постоянно возрастала. Отношение к ним царской власти

было неоднозначным. С одной стороны, она ценила их как выгодный (непьющий, некурящий и т.п.) колониционный элемент, но с другой — под нажимом сверху подвергала их гонениям, закрывала их молитвенные заведения, высылала духовных наставников и т.д. Таким же гонениям подвергались немногочисленные общины «хлыстов», «шелапутов», «иоаннитов». Секта русских иеговистов в Ташкенте была разгромлена туркестанской охранкой за распространение «антиправительственной» литературы — на деле она содержала только мистические пророчества, а не призывы к свержению власти.

Таким образом, религиозная политика российской власти в Центральной Азии мало чем отличалась от общеимперской политики в отношении неисламских конфессий в масштабах всего Российского государства. Даже ослабленность позиций православия здесь не кажется необычным феноменом, поскольку во многих регионах России церковь испытывала серьезные проблемы.

Глава 12

НАЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Первые опыты классификации населения Центральной Азии — Киргиз-казаки и кара-киргизы — Узбеки и таджики — «Проблема сартов» — Перепись 1897 г. и состав населения Центральной Азии — Центральноазиатская интеллигенция и национальное самосознание — Этнографическая классификация и колониальное управление.

Как писал В.В. Бартольд в начале прошлого столетия «оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к определенному народу не имеет для него никакого значения», но при этом, добавлял российский востоковед, у населения Средней (Центральной) Азии «в новейшее время под влиянием европейской культуры (через посредство России) возникло стремление к национальному единству»¹.

Наблюдения и выводы Бартольда были вскоре преданы забвению, и в российской науке XX в. возобладали иные подходы, согласно которым «этноты» или «народы» существуют с древности, развиваются, проходят стадии становления от небольших племен к народностям и далее кристаллизуются в нации. Согласно таким взглядам, основные «титовые» (т.е. образующие основу современных государств) этноты или нации Центральной Азии — казахи, кыргызы, узбеки, таджики, туркмены, каракалпаки — сложились в более или менее устойчивые этнические общности в X—XV вв. и превратились в полноценные нации уже на рубеже

¹ Бартольд В.В. Сарт // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1964. Т. 2, ч. 2. С. 528—529.

XIX—XX вв. Большинство учебников и монографий по истории региона пишутся сегодня как истории отдельных «этносов», период пребывания которых в составе Российской империи является лишь одним из этапов их собственного развития.

В этой связи ключевым является вопрос, почему известные в Российской империи наименования центральноазиатских народов не соответствуют тем национальным названиям, которые существуют в регионе сегодня. Вряд ли это можно объяснить сознательной фальсификацией со стороны десятков, если не сотен, российских ученых и политиков, которые изучали Центральную Азию и управляли ею. По-видимому, процесс формирования современных центральноазиатских наций в том виде и с теми именами, как они теперь известны, был довольно сложным.

§ 1. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ КЛАССИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вопрос о том, существовали ли современные центральноазиатские этнические общности еще до прихода в регион России, является весьма проблематичным. Все суждения на этот счет имеют, как правило, априорный характер, когда современные представления об этносах экстраполируются в прошлое. Оригинальные источники того времени не дают материала для однозначных оценок и могут быть интерпретированы по-разному.

Из имеющихся данных следует, что до прихода русских в 1860—1870-е гг. (в Бухарском эмирате эта ситуация сохранялась до 1920-х гг., т.е. еще 50 лет) этническое самосознание не было развито у населения Центральной Азии и находилось, в лучшем случае, в зачаточном состоянии. Главные, повседневно необходимые идентичности основывались на сословных («белая» и «черная кость»), религиозных (сунниты, шииты и исмаилиты, принадлежность к различным суфийским братствам), хозяйственно-культурных (оседлое, кочевое и полукочевое, горное), региональных (бухарцы, самаркандцы, ташкентцы, кокандцы и другие), родственных и родовых делениях (мангыты, кипчаки, найманы, кунграты, юзы, текинцы, йомуты и другие). Все эти идентичности были подвижными, легко менялись при необходимости, а культурные сообщества не имели жестких границ. В каждом государственном образовании и просто в каждом регионе Центральной

Азии была своя собственная номенклатура и иерархия идентичностей. Значительная часть населения оазисов была двуязычна, говорила одновременно и на тюркских, и на иранских диалектах.

В России представления о составе населения Центральной Азии, его языках и обычаях еще в конце XVII в., несмотря на уже имеющиеся связи и контакты, были весьма приблизительными. В 1691 г. иркутский воевода, принимая послов от джунгарских правителей, спрашивал их, к какой вере принадлежат жители Казачьей орды (т.е. казахи)². Имеющиеся сведения не систематизировались, традиция анализировать и сопоставлять эти данные отсутствовала.

Положение изменилось в XVIII в., когда, с одной стороны, в российском обществе начался процесс становления науки, а с другой — интерес к Центральной Азии приобрел более целенаправленный характер. Упорядочивание информации о населении сначала было необходимо для понимания того, с кем Россия имеет дело в торговых и дипломатических отношениях, а впоследствии — когда регион постепенно становился частью Империи — для подсчета и учета жителей, а также для административного устройства и формирования местного управления.

В середине XVIII в. уже имелось несколько попыток классифицировать центральноазиатские «народы», описать их языки, обычаи и территорию расселения. Одну из таких классификаций представил, например, член Оренбургской комиссии П.И. Рычков, у которого она выглядела следующим образом: 1) «трухменцы», 2) «хивинцы», 3) «аральцы» («аральские узбеки»), 4) «каракалпаки», 5) «киргиз-кайсаки» (или просто «киргизы»), 6) «туркестанцы», 7) «ташкентцы», 8) «зюнгары» (или «калмыцкий народ»)³. Очевидно, что в этом списке те «народы», которые находились в непосредственном соседстве с Россией, были описаны как «племена» (т.е. по современной терминологии — как этнические группы), а все остальные — как страны или владения. Такой способ описания отражал не только довольно скудный характер знаний о центральноазиатском населении, но и отсутствие ясного понимания, что должно являться «единицей» описания.

Уже тогда российские ученые знали, конечно, и о «бухарцах», у которых в 1718—1725 гг. находилось российское посольство, и о

² См.: Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв.: Документы и материалы. М., 1989. Кн. 1. С. 212. Док. 73.

³ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 16—29.

жителях будущего Кокандского ханства, называемых одно время «абылкарымцами» (по имени правителя Абдулкарима)⁴. Были знакомы русским термины «узбеки» и «таджики», но сколько-нибудь ясного определения, кто это и чем они отличаются все друг от друга, не существовало.

По мере накопления новых данных и совершенствования научных теорий представления о составе населения Центральной Азии уточнялись и развивались дальше. При этом очень скоро основным при классификации населения стал этнический (или, как принято было говорить, «племенной») признак.

§ 2. КИРГИЗ-КАЗАКИ И КАРА-КИРГИЗЫ

В XVIII в. наиболее подробные сведения российские чиновники имели о «киргизах». В упомянутой работе П.И. Рычкова говорилось подробно о делении их на три основные группы — Старшую, Среднюю и Младшую «орды», которые, в свою очередь, подразделялись на более мелкие роды (аймаки). Российский ученый-чиновник подробно описывал язык «киргизов», их историю, веру, образ жизни и места кочевания. Рычков отметил, что сами «киргизы» называют себя «казаками».

Первым классическим и наиболее полным трудом по казахам была работа А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832). Он обратил особое внимание на тот факт, что «им дают в Европе чужое имя, которым они сами себя, ни их соседи, исключая Россию, не называют»⁵. Настоящие киргизы (современные кыргызы) — это народ, враждующий с киргиз-кайсаками, и в источниках они известны как «кара-киргизы» («черные киргизы»), «закаменные» (т.е. горные) киргизы и «буруты». Само слово «киргиз-казак» или в испорченном варианте «киргиз-кайсак» состоит из двух частей, вторая из которых является подлинным именем, первая — дана русскими, чтобы отличить их от южнороссийских казаков. К слову, Левшин не имел ничего против, чтобы такое название за народом сохранялось и впредь.

⁴ См.: Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв.: Документы и материалы. М., 1989. Кн. 2. С. 3. Док. 131.

⁵ Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2. С. 1—2.

Ученый не только отверг прежде распространенную гипотезу о том, что киргиз-казаки произошли от татар Золотой Орды, но и стремился доказать, что их предки проживали в Степях гораздо раньше. Со временем «они наконец слились в один народ... Язык, религия, образ жизни, нравы служат тому доказательством»⁶. В книге автор попытался нарисовать типичный портрет и характерные черты киргиз-кайсацкого народа: «...наружность киргизов ясно показывает смесь происхождения Монголо-турецкого... Лица их не так плоски и широки, как у калмыков, но узкие глаза, малый рот, выдавшиеся скулы, редкая клочком на конце подбородка растущая борода отличают их от племен Турецких и приближают к Монгольским», они привыкли «почти всегда быть на лошадях... они вообще ходят медленно и иногда даже с трудом», киргизы «беспечны», «сластолбовивы» и «болтливы», «до чрезмерности любопытны», «угрюмы» и не «предаются шумным веселостям», «легкомысленны» и «доверчивы», склонны к обману, «признательность за благодеяния и почтение к старикам» суть лучшие черты их характера, «язык их есть испорченное турецкое наречие»; «все законодательство киргизское заключается ныне только в произвольной и никаким правилам не подчиненной баранте» (т.е. воровству скота и дракам из-за этого между различными семьями и родами).

А.И. Левшин описывал образ жизни кочевников Степи как «живую картину патриархальщины», киргизский народ считается мусульманским, но «ислаимзм совсем мог бы в нем угаснуть», если бы не муллы из Бухары, Хивы и Коканда, а также татары-муллы из России.

Описание киргизов Левшиным, созданное в момент знакомства с населением Центральной Азии, оставалось одним из самых обстоятельных и авторитетных вплоть до падения самодержавия в России. Оно являлось одновременно и источником, и образцом для всех последующих этнографических исследований. Тем не менее со временем накапливались новые данные, появлялись гипотезы и новые классификации. В оазисах Междуречья, завоеванных в 1860—1870-е гг., российские ученые обнаружили совсем других киргизов, которые вели полуоседлую и даже оседлую жизнь, а также близких к ним по культуре, внешнему облику и быту родственные «племена» (кипчаки, кураминцы). Это вызывало новые дискуссии о том, кто такие «киргизы» и какова их история.

⁶ Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2. С. 5.

Несмотря на предупреждения Рычкова и Левшина, самой запутанной оставалась проблема наименования киргиз-казаков и их связей с кара-киргизами. Вопрос был не просто терминологический. Многие российские ученые продолжали считать, что различия между этими двумя группами центральноазиатского населения незначительны и можно говорить о существовании единого киргизского народа или двух разных частей одного народа (горных «киргизов» иногда называли четвертой ордой или путали со Старшей ордой). Те же, кто не соглашался с такой точкой зрения, вынуждены были все равно сравнивать эти два народа и искать между ними сходства и различия. Так, В.В. Радлов в своей работе «Тюркские степные кочевники», которая увидела свет в начале 1880-х гг., первую главу посвятил «казак-киргизам», вторую — «кара-киргизам». В последней он писал: «По языку, обычаям, одежде, устройству жилища, так же как по занятиям и образу жизни, кара-киргизы очень мало отличаются от киргизов», но «тип» их, безусловно, иной⁷. Весь остальной текст Радлова был построен на этом противопоставлении.

§ 3. УЗБЕКИ И ТАДЖИКИ

Еще больше споров в литературе вызывал вопрос о том, каков этнический состав оседлого населения Центральной Азии. После ряда путешествий, предпринятых в 20—30-е гг. XIX в. в Бухару, сложилось мнение, что население междуречья Амударьи и Сырдарьи включает в себя две основные группы — узбеков и таджиков. Первые — это родственные кочевым киргиз-кайсакам и кара-киргизам тюркоязычные племена, перешедшие полностью или частично к оседлому быту, но сохранившие многие элементы своей прежней кочевой жизни. Некоторые ученые предлагали рассматривать узбеков как одну из частей большого киргизского народа. Таджиков классифицировали как древнее земледельческое население Центральной Азии, которое подчинилось узбекским завоевателям и сумело передать им многие элементы своей более высокой культуры.

Такая классификация была представлена, в частности, в книге известного востоковеда Н.В. Ханькова «Описание Бухарского хан-

⁷ Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 348.

ства», изданной в Санкт-Петербурге в 1843 г. после возвращения автора из поездки в Бухару в составе специальной дипломатической миссии. В главе о населении Ханыков перечислял племена Центральной Азии в такой последовательности: 1) таджики, 2) «аравитяне» (арабы), 3) узбеки, 4) персияне, 5) евреи и 6) цыгане. Значительную часть работы ученый посвятил созданию списка тех признаков, которые отличают и, следовательно, образуют «узбеков» и «таджиков». Российский востоковед ставит на первое место подробное описание наружности и характера перечисленных «племен», помещая его строго под каждой соответствующей категорией. Таджики у него занимаются торговлей, миролюбивы и даже трусоваты, скупы, лживы, «нестойки в слове», склонны к кражам и мелким мошенничествам, но убийства и побои у них встречаются редко; «черты лица их правильны и красивы, рост большею частью довольно высокий, цвет кожи белый, а волосы и глаза почти черные», они учтивы иногда до приторности, любят хвалить себя⁸. Ханыков включил в это описание элементы сопоставления с узбеками: у таджиков больше «изысканности», их домашняя жизнь более «утонченная». Узбеки же «наружностью своею много напоминают племена Монгольские; но вообще глаза их больше и черты лица их немного красивее, роста бывают они большею частью среднего, цвет волос бороды их меняется между рыжим и темнорусым, черноволосых же весьма мало». Ханыков утверждает, что о «нравственности» узбеков «можно сказать столько же мало хорошего, сколько о нравственности таджиков», они проще в обращении, но более падки на убийства и грабеж, менее религиозны, чем таджики⁹.

В этом повествовании нет вариантов и переходных состояний, они однозначны и необъемны. Ханыков использовал простые оппозиции: таджики «красивы» — узбеки «некрасивы», таджики «высокие» — узбеки «среднего роста», таджики склонны к воровству — узбеки способны на убийство, таджики «черноволосые» — узбеки «рыжие» и «темнорусые». Каждая из названных оппозиций выполняла в большей степени организующую, нежели информативную роль. «Высокий» и «средний», «черный» и «светлый», «простой» и «утонченный» — это образы, необходимые для описания и сопоставления заранее согласованных категорий, способ их обоснования. У Ханыкова сравнение как способ организации классического

⁸ Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 55—56.

⁹ Там же. С. 69—70.

научного текста еще не несет в себе столкновения и конфликта, но и то и другое уже предполагаются. У других более поздних авторов эта тенденция получит более четкое дискурсивное выражение: тюркский язык «вытесняет» персидский, «дикий» воин «угнетает» миролюбивого торговца, монголоидный внешний вид «побеждает» европеоидный и т.д. В самих таких оппозициях уже присутствовал конфликт, который мог служить удобной объяснительной моделью исторических и политических событий. Позднее эта мысль повторялась неоднократно в других трудах: так, И.Т. Пославский, который был в Бухаре в 1886 г., писал, что «глухой антагонизм между воинственными пришельцами — узбеками (монгольского племени) и культурными аборигенами — иранцами (арийского) не прекращается до сих пор»¹⁰.

Однако и эта картина при ближайшем рассмотрении оказалась не такой уж точной. Многие тюркоязычные группы категорически отрицали свою принадлежность к узбекам и предпочитали именовать себя племенными названиями. В свою очередь, некоторые группы, говорящие на фарси, отказывались от имени «таджик» и даже иногда причисляли себя к «тюркам». Как писал в 1870-е гг. русский исследователь А.П. Хорошкин, отличия между узбеками и таджиками очень относительны и трудноразличимы: «чтобы правильно сортировать здешние народности, нужен крайне опытный глаз, а филологу, кроме того, еще и тонкое ухо, потому что и узбек хорошо говорит по-таджикски, и таджик горожанин или с ближайших горных склонов, в огромном большинстве, отлично знает узбекскую речь»¹¹.

§ 4. «ПРОБЛЕМА САРТОВ»

После того как в состав Российской империи вошло Кокандское ханство, которое включало в себя г. Ташкент и Ферганскую долину, внимание российских исследователей привлекла «проблема сартов». Последние были поначалу приравнены к таджикам. Однако очень скоро выяснилось, что само местное население

¹⁰ *Пославский И.Т.* Бухара. Описание города и ханства // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1891. Вып. XLVII. С. 66.

¹¹ *Хорошкин А.* Народы Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1874. Вып. 3. С. 314, 320.

различало между собой сартов и таджиков. Будучи схожи с таджиками по внешнему облику, образу жизни и культуре, ферганские и ташкентские сарты говорили на тюркском языке, который считался языком кочевников-узбеков. Из этой запутанной ситуации был предложен выход — считать сартов самостоятельным народом.

Точку зрения о том, что сарты — особая народность, наиболее последовательно отстаивал Н.П. Остроумов. Закончив Казанскую духовную академию, с 1877 г. он жил в Туркестане, был инспектором народных училищ, директором учительской семинарии, директором мужской классической гимназии, с 1883 г. был редактором «Туркестанской туземной газеты». Уже в 1884 г. Остроумов опубликовал серию статей в «Туркестанских ведомостях» о значении слова «сарт». Отметив противоречивость различных мнений, Остроумов полагал: «...Между тем вопрос этот настолько специален и сложен, что обстоятельное разрешение его требовало бы совместного труда этнолога, филолога и историка...» Остроумов считал твердо установленными следующие утверждения: 1) сарты — это древнее название; 2) в «этимологическом отношении» этот термин означает «оседлого жителя Туркестана, в отличие от кочевников»; 3) в этнографическом отношении «сарты представляют смешанный, но определенный тип», чертой которого является тюркский язык; 4) сартов нельзя путать с таджиками («коренными иранцами», которые говорят на персидском языке); 5) «как тип смешанный, сарты и в характере своем имеют резкие и противоречивые черты, на что должны обратить внимание будущие этнографы края»; 6) ничего ругательного в слове «сарт» нет (хотя кочевники его используют с пренебрежительным оттенком). Закончил свои рассуждения Остроумов так: «...Несомненно, что сарты отличаются как от персов, так и от тюрко-монголов... Задача современного этнографа Средней Азии по отношению к сартам в том и должна состоять, по нашему мнению, чтобы точно определить их физические особенности и объяснить противоречивые черты их характера»¹².

В системе аргументов, предложенных Остроумовым, обращает на себя внимание настойчивое стремление подчеркнуть тот факт, что сарты — народ смешанного происхождения, т.е. не иранцы и не турки. У этого на первый взгляд сугубо этнографического утверждения существовал более широкий — политический — контекст.

¹² Остроумов Н. Значение названия «сарт» // Туркестанские ведомости. 1884. № 28. 17 июля; 1884. № 29. 24 июля; 1884. № 30. 31 июля; 1884. № 31. 7 августа.

Еще в середине XIX в. профессор Казанской духовной академии Н.И. Ильминский сформулировал точку зрения, согласно которой формирование широкой исламско-татарской общности представляет серьезное препятствие на пути интеграции или даже ассимиляции нерусского населения Поволжья. К этому добавились страхи перед созданием в Российской империи «внутреннего врага», поддерживающего одного из основных внешних соперников России — Османскую империю. В числе способов противодействия формированию исламско-татарской общности была поддержка разного рода локальных идентичностей, акцентирование их нетюркских и неисламских элементов. Возможно, Остроумов, будучи учеником и единомышленником Ильминского, придерживался примерно той же позиции в Туркестане.

В 1890 г. Остроумов опубликовал книгу «Сарты», которая развивала и детализировала идеи, высказанные в статье 1884 г. Эта книга выдержала еще два издания — в 1896 и 1908 гг., что подтверждает не только интерес к ней со стороны читающей публики, но и большое влияние, которое имела позиция исследователя в Туркестане.

Несмотря на популярность, точка зрения о существовании особой народности «сартов» имела и своих оппонентов. Наиболее известным столкновением двух точек зрения на «проблему сартов» является спор между киргизом (казахом) Шерали Лапиным, служившим в качестве российского чиновника в Самарканде, и В.В. Бартольдом.

Лапин писал: «...слово сарт никогда не употреблялось и не употребляется туземцами в смысле названия особой народности»¹³. По его мнению, «узбекско-таджикская помесь не присвоила себе особого имени» и называет себя сартами, отличая себя от таджиков и узбеков. Лапин подчеркивал, что в народном языке «сартами» называют все оседлое население Туркестана (включая таджиков и «узбекско-таджикскую помесь»), а в Бухаре и Самарканде таджики не употребляют слова «сарт» для самоназвания, но считают сартами себя (а узбекско-таджикскую помесь зовут узбеками). Лапин считал, что слово «сарт» неудачно и его надо вычеркнуть из этнографического словаря: «...не было и нет у нас особой народности сартов, как равно нет особого сартского языка».

¹³ Лапин С.-А. О значении и происхождении слова «сарт» (По поводу заметки г. В. Бартольда) // Туркестанские ведомости. 1894. № 36. 22 мая (3 июня); 1894. № 38. 29 мая (10 июня); 1894. № 39. 2 (14) июня.

В этой статье Лапина четко и ясно сформулирована совершенно новая концепция: язык сартов автор предложил называть «новоузбекским». Впервые прозвучала идея объединить сартов с узбеками, а не таджиками. И хотя предложение было принято очень отрицательно, оно, благодаря Лапину, оказалось предметом осмысления и обсуждения, а впоследствии стало приобретать популярность. С этого момента споры в отношении сартов приобрели иное направление.

Комментируя рассуждения Лапина, В.В. Бартольд писал: «...Какое бы ни было происхождение слова “сарт”, нельзя не согласиться с мнением Н.П. Остроумова, что исключить его из нашего этнографического словаря нет никаких оснований. Этимология слова “немец” известна каждому, и все-таки мы употребляем его как этнографический термин. Подобно этому и слово “сарт”, хотя бы оно первоначально не имело этнографического значения, теперь употребляется для обозначения народа, представляющего как по типу, так и по языку особую этнографическую единицу»¹⁴.

«Проблема сартов» так и не была решена русскими учеными и чиновниками. Оспариваемый многими термин вплоть до гибели Российской империи в 1917 г. продолжал широко использоваться как в научной литературе, так и в разного рода официальных записках, отчетах, публикациях. Согласно данным статистики, сарты составляли около 2/3 всего оседлого населения Туркестанского края.

§ 5. Перепись 1897 г. и состав населения Центральной Азии

Проблемы этнической классификации населения коснулись и статистических исследований конца XIX — начала XX в. В 1897 г. под руководством Министерства внутренних дел была проведена первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Ее результаты считались наиболее точными статистическими сведениями о населении Российской империи на конец XIX в., поскольку перепись была тщательно разработанным и методологически последовательным мероприятием.

Однако данные, полученные о «национальном» (или «племенном») составе, почти сразу вызвали большие сомнения. Будучи

¹⁴ Бартольд В.В. О преподавании туземных наречий в Самарканде // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1964. Т. 2, ч. 2. С. 305.

призванной поставить точку в спорах по поводу этнической принадлежности жителей империи, Всеобщая перепись еще более запутала ситуацию. Причина этого заключалась в том, что в бланке задавался вопрос не о «национальности» или «народности» / племени человека, а о его «родном языке». Это было обусловлено, во-первых, опасениями власти в отношении излишнего акцентирования «национального вопроса» и, во-вторых, вытекало из господствовавших тогда научных представлений о том, что «национальность» или «народность» следует определять по языку. К тому же категории, которыми население пользовалось для самоопределения, были противоречивыми. Статистикам приходилось порой самим решать вопрос о национальности, исходя из теоретических или политических соображений. Отметим, что местные, т.е. туркестанские, чиновники не участвовали ни в разработке формуляра для переписи, ни в обработке полученных данных.

Вот как характеризовал данные переписи 1897 г. этнограф С.К. Патканов, который анализировал результаты, полученные при ответе на вопрос о «родном языке»: «...родной язык, к тому же не всеми опрашиваемыми одинаково понимаемый, далеко не всегда дает правильное понятие о национальности той или другой группы населения...»¹⁵. Говоря об основных национальностях Туркестана — сартах, узбеках и таджиках (тоже знающих тюркский язык), Патканов писал, что «провести между этими тремя народностями грань представляется делом весьма затруднительным, если вообще возможным»¹⁶. Характерно, например, что в Самаркандской области преобладающей оказалась группа узбеков, тогда как в Ферганской области, где население имело те же культурные черты, — сарты.

Отразилась в переписи путаница между киргизами, киргиз-кайсаками и кара-киргизами. Две западные области Степного края — Уральская и Тургайская — оказались населены киргизами, восточные области — Семипалатинская и Акмолинская — киргиз-кайсаками. В Туркестанском крае картина была такая: в Закаспийской области жили киргизы, в Самаркандской — киргиз-кайсаки, в Ферганской — кара-киргизы, в Сырдарьинской — киргиз-кайсаки и кара-киргизы (их посчитали вместе), в Семиреченской области —

¹⁵ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 2. С. I.

¹⁶ Там же. С. XIV.

только «киргиз-кайсаки». Особенно невероятно выглядели данные по Семиречью, где этнографы обычно выделяли большую по численности группу кара-киргизов. Перепись их не зафиксировала.

Наконец, одной из самых больших загадок мероприятия 1897 г. стало появление группы тюрко-татар в Ферганской области и аналогичной ей группы тюрков в Самаркандской и Сырдарьинской областях, которые до этого этнографами не наблюдались. По численности обе они стояли на втором месте после сартов. Вот как объяснил эту загадку Патканов: «...более существенные препятствия для правильного распределения жителей по национальностям встретились в значительной части Туркестана, где в целых уездах язык местных тюркских племен (сартов, узбеков, кара-киргизов, таранчей и т.д.), вследствие малограмотности и небрежности местных счетчиков, был заменен то более общим, но мало определенным выражением “тюркский”, то просто знаками “тур., тюр., тат., та” или буквами “т., к., с.,”. А такие обозначения, особенно при неразборчивости письма, могли дать повод к самым разнообразным толкованиям: например, “тюр. и тур.” могут обозначать: язык “тюркский” и “туркменский”, “тат, та и т.” — “татарский”, “таджикский” и “таранчинский”, а буква “к.” может относиться к целому ряду наречий края: “киргизский, киргиз-кайсацкий, кураминский, кипчакский, кашгарский, кара-калпакский” и т.д. (“с.” означает “сартский” язык)...». В результате «из подобных частей туземного населения Средней Азии, принадлежащих по большей части к тюркскому племени (отчасти и к таджикам), пришлось, при составлении сводных таблиц, образовать одну сборную группу “тюркского языка без распределения по наречиям”»¹⁷.

Перепись способствовала возникновению своего рода «двойной бухгалтерии» центральноазиатских народов. Одни авторы, которые писали об этнографическом составе народонаселения Центральной Азии после 1897 г., предпочитали опираться на материалы текущей статистики и те способы классификации, отработанные местными чиновниками и учеными. Другие авторы использовали результаты переписи 1897 г., опираясь, видимо, на более высокий административный статус и легитимность принятого способа классификации. Появился своеобразный жанр коррекции данных переписи 1897 г., когда ученые и чиновники на свое усмотрение предлагали

¹⁷ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 2. С. I—II.

варианты «настоящих» результатов переписи. Таким образом, в итоге проведения первой (и единственной) всеобщей переписи в Российской империи общая точка зрения на этнографическую карту Центральной Азии так и не сложилась.

§ 6. ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

На протяжении всего XIX и в начале XX в. под влиянием, с одной стороны, русской культуры, российских мыслителей и политиков, с другой стороны, под влиянием политических процессов в мусульманском мире (в Османской империи, в Британской Индии, у тюркоязычного населения российского Поволжья и Крыма) идея «нации» постепенно проникала в сознание центральноазиатского населения, прежде всего местной элиты.

Быстрее этот процесс шел в Степи, которая стала частью Российской империи уже в XVIII в. Благодаря активной политике русской власти по интеграции казахской элиты в новые институты управления и включению ее в русскую систему образования, в середине XIX в. появилась целая плеяда ученых, писателей, общественных деятелей, выходцев из казахских жузов, знавших русский язык, знакомых с западноевропейскими исследованиями по истории, этнографии, праву. Они могли приподняться над родовыми и сословными барьерами, разделявшими кочевое общество, взглянуть на казахов как единый «народ» со своей особой культурой, историей, традицией, сформулировать задачи, стоящие перед «народом», как они их понимали.

Первые программы развития, которые были сформулированы в середине XIX в., носили смешанный просветительно-национальный характер с ударением скорее на первое, чем на второе. Чокан Валиханов, выходец из знатного рода потомков Чингисхана и одновременно российский дворянин, служивший на русской службе, рассматривал себя и как представителя «киргизского народа» и как русского чиновника. Как писали современники, он был «киргизский патриот, в то же время он был и патриот русский». По мнению Ч. Валиханова, «киргизы» были народом «диким» и «невежественным», подобны детям, которые нуждаются во внимании и воспитании. Единственный путь для них — усвоение «европейского, общечеловеческого просвещения», возможно, даже принятие христианства. Однако необходимые реформы должны учитывать

«условия племенного организма, среды, климата и почвы», основываться на «неизбежных законах прогресса», а не насилию¹⁸.

Новая волна просвещения в начале XX в. имела гораздо более отчетливый национально-ориентированный характер. Получив, как и их предшественники, светское образование в русских учебных заведениях, новые казахские лидеры сформулировали «национальную идею» как идею сохранения своей самости. Они были за изменение архаичных обычаев, за распространение науки и техники, за участие в институтах государственного управления России. Однако центральным в этой программе был пункт «национального» протеста против политики переселения русских в Степной край и кочевые области Туркестана. А. Букейханов, А. Байтурсунов, М. Дулатов в газете «Казах» писали о том, что переселение отнимает у казахов их землю и угрожает народу уничтожением их образа жизни и культуры. На этой основе созревала постепенно идея общеказахской автономии «Алаш» (алаш — боевой клич, который объединял всех казахов).

В отличие от просветителей-предшественников, новая казахская интеллигенция делала акцент на самостоятельном национальном творчестве, а не заимствовании русских или европейских произведений. А. Байтурсунов писал, что «сама проблема существования киргизского народа принимает обостренный характер», и формулировал главную задачу — «чтобы сохранить нашу автономию, мы должны в первую очередь развивать национальную литературу»¹⁹. Новые лидеры обращались с проектами реформ не только и не столько к российской власти, но и к казахскому обществу.

Говоря о более быстром развитии национальной идеи у казахской элиты, можно добавить, что, несмотря на противоречия между жузами, различными родовыми группами, конфликты между ханами и султанами, сама кочевническая генеалогическая традиция оказалась лучше приспособлена к формированию национальной классификации. Генеалогическое родство, которое было всегда аморфным и открытым для проникновения чужаков, было легко переосмыслено как национальное единство, а генеалогическая история легко превратилась в национальную. Правда, некоторая двусмысленность сохранялась: имея собственное имя «казахи», ин-

¹⁸ Валиханов Ч. Записка о судебной реформе // Валиханов Ч. Избранные сочинения. М., 1987. С. 318—320, С.338.

¹⁹ Цитата по: Кудабаяева Р. Газета «Казах» как исторический источник // Казахстан в начале XX века: Методология, историография, источниковедение. Алматы, 1993. Вып. 1. С. 156.

теллигенция активно использовала и российские термины «киргизы» и «киргизский народ», не видя в этом какого-то противоречия и проблемы.

Данный факт сильно отличал ситуацию в Степи от ситуации в Туркестане. Первые попытки осмыслить проблемы туркестанского оседлого населения в терминах «нации» были предприняты джадидами, представителями наиболее модернизированной части центральноазиатского общества, лишь в 1910-е гг. Это обсуждение было спровоцировано младотурецкой революцией в Османской империи в 1908 г., которая проходила под знаменем возрождения «турецкой нации». Программа джадидов содержала в себе как элементы просвещения и усвоения европейских достижений, так и отстаивания самости населения Центральной Азии, его права на определение своей судьбы. Местная элита особо была озабочена поиском единого национального самоназвания, а также тех границ, в рамках которых будут складываться новые национальные формы.

Большое внимание джадидские интеллектуалы уделили термину «сарты». Так, дискуссия о сартах развернулась в одной из уважаемых в татароязычном мире оренбургской газете «Шура» (Совет) в 1911—1912 гг. Ее начал Бехрам-бек Давлатшаев — переводчик, состоящий на бухарской службе. «Мы сарты или тюрки? — задавал он вопрос в газете. — Туркестан — это «земля тюрков», тогда почему мы называемся сартами? Раньше здесь жили тюрки, которые покинули страну, оставив ей свое имя? А где тогда жил народ сарты, откуда пришел и когда?» На эту реплику откликнулся самаркандец Махмуд-ходжа Бехбуди, один из самых влиятельных людей в джадидском движении Туркестана. В своей статье «Слово “сарт” неизвестно» он пояснял, что происхождение слова непонятно, что сами себя сартами местные жители не называют, что так прозвали их северные соседи — казахи и татары, и у последних это имя заимствовали русские²⁰.

В 1914 г. в самаркандской газете «Ойна» («Зеркало») была вновь развернута кампания против названия «сарт». Газета опубликовала открытое письмо с семью подписями, в котором выражалось несогласие с тем, что сами «туземцы» используют термин «сарт», тогда как «каждый знает, что население Туркестана состоит из узбеков, т.е. тюрков, таджиков, т.е. персов, и арабов (ходжа)». Махмуд-ходжа Бехбуди, редактор газеты, повторно опубликовал свою

²⁰ Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 204—205.

старую статью, при этом сославшись на мнение известного татарского джадиди Исмаил-бея Гаспринского, писавшего, что жители Туркестана скорее готовы называть себя «узбеками или турками», нежели «сартами»²¹.

В защиту названия «сарты» выступила официальная «Туркестанская туземная газета», редактором которой был Остроумов. Газета печаталась на местных языках и была своего рода рупором власти. В ней было опубликовано письмо жителя г. Оша, он критиковал тех, кто протестует против использования слова «сарт». Автор утверждал, что «сарт» — это не уничижительное прозвище, а скорее — уважительное «философ», и предположил, что такое название могло бы сделать население Туркестана «более развитым». Другой автор в той же газете писал, что споры о названии не так важны и только разделяют мусульман. Он делал ссылку на название немцев, имя которых означает «немой», но тем не менее нация не выражает желания изменить его. Третий автор, подписавшийся «Сарт, сын Сарта», заявлял: «...Мы, сарты, не отвергаем это имя»²².

Вопрос о том, употреблялся ли термин «сарт» в качестве самоназвания на рубеже XIX—XX вв., большого значения не имеет. Различные источники (в том числе и цитированные выше) говорят об этом по-разному. Важно другое: споры о слове «сарт» из русской литературы и академических рассуждений перетекли в «туземный» дискурс, стали частью — негативной или позитивной — самосознания местного населения, что указывает на процесс становления национальной (или этнической) самоидентификации, который, несомненно, уже имел место в центральноазиатском обществе в то время. Однако это было только понимание потребности в национальном самосознании и не привело еще к ее кристаллизации в какую-либо точную формулу «этничности».

§ 7. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И КОЛОНИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Наконец, следует остановиться еще на одном вопросе: являлась ли этнографическая классификация инструментом административного управления в Российской империи? Согласно временному

²¹ Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia Berkeley: University of California Press, 1998. P. 206.

²² Ibid. P. 206—207.

«Положению об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» 1867 г., население Туркестана подразделялось на две части — сартов и киргизов, одни из которых, как считалось, ведут оседлый образ жизни, другие — кочевой. Для каждой из этих групп власти предусмотрели особую систему самоуправления (сельские общества у сартов, аулы и волости у киргизов), суд (суд казиев для сартов, суд биев для киргизов), у каждой была установлена своя система владения и пользования землей, своя система налогообложения. Однако вскоре выяснилось, что сам по себе «этнографический признак», включающий в себя язык и антропологический вид, не всегда соответствует хозяйственному: в частности, киргизы могли заниматься земледелием, тогда как закон обязывал облагать их «кибиточной податью». В 1886 г. слова «сарты» и «киргизы» были исключены из вновь принятого «Положения об управлении Туркестанского края», а вместо них даны более общие определения — «оседлое туземное население» и «кочевое население».

«Туземные» жители Центральной Азии, будучи «иностранцами», имели ограничения в своих правах и своем статусе в Российской империи. Однако их принадлежность к той или иной «национальности», которая к тому же была предметом дебатов, не была связана с административным и правовым устройством государства. Быть сартом, таджиком или киргизом автоматически не означало отсутствие тех или иных прав. В Степном крае и Туркестане не было «национальных» уездов или областей. Тем не менее историю с национальными классификациями надо рассматривать в исторической перспективе. То, что в XIX в. было лишь научным любопытством, позднее — в 1920-е гг. — стало мощным механизмом государствообразования, административного устройства, индивидуальных и коллективных стратегий поведения. Российская империя вырабатывала видение мира, которое пришедшая ей на смену Советская власть признала как реальность.

Глава 13

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ 1905 Г

*Политические течения в Центральной Азии —
Всероссийские съезды мусульман — Джадиды,
панисламизм и пантюркизм — Государственная Дума
и центральноазиатские проблемы — Первая мировая
война и восстание 1916 г. — Восстание 1916 г.
и Государственная Дума.*

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Под влиянием революционных процессов начала XX в. как составная часть общероссийского революционно-демократического процесса возникло национальное движение и в Центральной Азии. Демонстрации, митинги, забастовки прошли в Ташкенте, Верном, Туркестане, Уральске, Перовске. Волнения усилились после обнародования царского манифеста 17 октября 1905 г. Бастующие добивались не только экономических уступок, но и права на проведение собраний, требовали 8-часового рабочего дня, повышения зарплат.

Национальное движение на восточных окраинах России не было однородным. В первые месяцы революции оформились социал-демократические группы в Степном крае и Туркестане. Во многих городах возникли либерально-демократические организации (кадеты, октябристы и др.).

В борьбу за лидерство в национальном движении вступила и либерально-буржуазная интеллигенция народов Востока. К началу века в ее рядах были выпускники высших учебных заведений и училищ Петербурга, Москвы, Варшавы, Казани, Воронежа, Омска, Оренбурга. Это были выходцы из семей потомственной аристократии, нарождающейся средней и крупной национальной буржуазии. Вокруг них сгруппировалась значительная прослойка разночинцев,

обучавшихся в российских двухклассных и реальных училищах, «туземных» начальных школах, гимназиях, специализированных школах в русских деревнях, казачьих станицах и городах края. Их объединяло критическое отношение к колониализму, самодержавию, средневековым традициям.

Процесс формирования и консолидации национальной либерально-демократической интеллигенции имел ряд особенностей. Она стояла на стыке двух культур — восточной и западной. Воспитанная на идеях национальных просветителей и демократических идеях русской культуры, интеллигенция народов Востока выступала за освобождение своих народов от произвола колониальной администрации, за право на свободу вероисповедания, равноправие языков. Она ратовала за оседлость и просвещение, модернизацию местной системы управления, особенно судебной.

В Степном крае лидерами либерально-демократической оппозиции были А. Букейханов, Б. Каратаев, Ж. Акпаев, А. Байтурунов — представители казахской интеллигенции. В декабре 1905 г. в Уральске они провели съезд, пытаясь создать филиал конституционно-демократической партии, выдвинув требования о прекращении массовых переселений крестьян из центра на окраины; о признании земельного фонда собственностью коренного населения; о государственной поддержке национальных школ, развитии национальных культур и языков; об официальном равноправии конфессий.

В ходе выработки программы действий лидеры оппозиции придерживались прокадетской ориентации. На деле это выразилось в создании местных филиалов партии конституционных демократов и групп всемусульманского союза. «...В ближайшем будущем в степи, вероятно, соорганизуются две политические партии соответственно двум политическим направлениям, складывающимся в киргизской (казахской. — *Авт.*) среде, — писал А. Букейханов в 1908 г., — одно из них может быть названо национально-религиозным, и идеалом его является религиозное единение казахов с прочими мусульманами. Другое — западное направление... Первое, вероятно, возьмет за образец мусульманские татарские партии, второе — оппозиционнo русские, в частности партию народной свободы»¹.

¹ Бекмаханова Н.Е., Козыбаев М.К. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1991. С. 27; История Казахстана с древнейших времен до нынешних дней: В 5 т. Алматы, 2000. Т. 3. С. 620—621.

И действительно, в период первой российской революции разночинная интеллигенция народов Востока втянулась в водоворот революционных событий, начала активнее участвовать в формировании общественного сознания местного общества, претендуя на идейно-политическое руководство национальным движением.

§ 2. ВСЕРОССИЙСКИЕ СЪЕЗДЫ МУСУЛЬМАН

В августе 1905 г. в Нижнем Новгороде по инициативе ряда известных общественных деятелей состоялся I Всероссийский съезд мусульман. На нем присутствовали 120 представителей духовенства Центральной Азии и Кавказа. На съезде был образован Всероссийский мусульманский союз. На II съезде в Петербурге в январе 1906 г. этот союз выражал протест против отказа мусульманам в праве на проведение собраний и съездов. В это время в 16 губерниях и областях России, населенных тюркоязычными народами (в том числе в Оренбурге, Астрахани, Уральске, Омске, Семипалатинске, Верном, Петропавловске и др.), были учреждены отделения Мусульманского союза.

В августе 1906 г. на III съезде Всероссийский мусульманский союз принял программу, близкую по содержанию к идеям кадетской партии. В ней отмечалась нераздельность судеб народов Востока с Россией, содержались требования о школьной реформе, реорганизации духовного дела, равноправии всех российских граждан без различия пола, вероисповедания, рас и национальностей. Отстаивая концепцию конституционной парламентской монархии делегаты съездов тюркоязычных народов России считали необходимым уравнивать мусульманское население с православным в политических, религиозных и имущественных правах. Они предлагали ввести институт выборных судей и суд с присяжными заседателями, обязательное, всеобщее и бесплатное обучение в начальных школах на родных языках; поддерживали свободу рабочих союзов, собраний. Делегаты обсуждали вопрос о нормировании рабочего дня, осуждали межнациональную рознь и конфликты. Несмотря на преданность основной массы делегатов этих съездов идеалам ислама, монархии, патриархальным традициям, они в то же время осуждали колониализм, религиозно-схоластическую систему обучения и воспитания молодежи, деспотизм и архаичность законов адата и шариата.

§ 3. Джадиды, ПАНИСЛАМИЗМ И ПАНТЮРКИЗМ

В начале XX в. под влиянием татарских просветителей (в частности И. Гаспринского) в Туркестане сформировалось движение джадидов, ставившее первоначально цели по реформированию старой системы мусульманского религиозного образования, созданию новометодных школ (новый метод по-арабски *усул-и-джадид*). В новометодных школах предлагалось наряду с религиозными предметами вводить светские — арифметику, географию, историю. Сформировавшееся позднее буржуазно-либеральное движение Туркестана, Хивы, Бухары получило название «джадидизм». Это политическое движение поддерживали местная интеллигенция, часть мусульманского духовенства и торгово-промышленная буржуазия. Джадиды выступали за реформы в административном управлении Туркестаном, трансформацию принятых законодательных актов 60—80-х гг. XIX в., за прекращение переселений из Европейской России в Туркестан и ограничение податей с населения.

Джадиды также выступали за реформы в самом исламе, требовали реорганизации духовных школ, открытия новометодных школ, ограничения обязательных и многочисленных мусульманских религиозных обрядов (например, пятикратной молитвы), снятия запретов на ношение европейской одежды и употребление пищи, приготовленной христианами. Радикальные элементы среди джадидов разделяли идеи пантюркизма, выступали за отделение Туркестана от России и образование государства под эгидой Турции. Будучи сторонниками национализма, панисламизма, пантюркизма, джадиды стремились использовать недовольство народных масс в своих узконационалистических интересах.

Центральноазиатский джадидизм прошел несколько этапов в своем развитии. На начальном этапе сторонники этого движения выступали в основном за культурные изменения. Одним из первых джадидов был Махмуд-ходжа Бехбуди (1874—1919). Его отец был казием в селении Бахши-Тепе в окрестностях Самарканда. Сам Бехбуди получил религиозное образование в медресе, был писарем, а потом стал казием в суде. В 1899 г. он совершил поездку в Стамбул, Каир и Мекку, где интересовался, в частности, реформами народного образования, а также побывал в Петербурге, Москве, Казани и Оренбурге. По возвращении на родину Бехбуди стал активно выступать за изменения в центральноазиатском обществе,

написал несколько учебников для новометодных школ, редактировал газету «Самарканд» и журнал «Ойна» (Зеркало), публиковал публицистические статьи. В 1913 г. он открыл в Самарканде книжную лавку, в которой можно было найти новую литературу со всего мусульманского мира. С Махмуд-ходжой Бехбуди активно сотрудничали другие самаркандские реформаторы — Абдулкадыр Шаури, Сайид Ахмад Сиддики, Хаджи-Муин.

В Ташкенте одним из наиболее известных джадидов был Мунаввар-кари Абдурашидханов (1878—1931). Он, как и Бехбуди, принадлежал к аристократическому семейству — его отец и старшие братья были мудarrisами. Сам Мунаввар-кари учился в ташкентских и бухарских медресе. Благодаря знакомству с татарскими джадидами он познакомился с новыми формами обучения и в 1901 г. открыл новометодную школу в столице Туркестанского края. Эта школа стала одной из наиболее известных и организованных в регионе. Как и Бехбуди, Мунаввар-кари писал учебники для своих учеников, издавал газеты «Хуршид» (Солнце) и «Садаи Туркестан» (Голос Туркестана), способствовал развитию театра. Мунаввар-кари выступал обличителем пьянства, проституции, гомосексуализма, неоправданных расходов на ритуалы. Объектом его критики были не только официальные власти, но и представители традиционной элиты, которые, как он считал, ничего не делали для борьбы с невежеством и общественными пороками.

Постепенно от пропаганды культурных изменений джадида переходили к политическим требованиям. Это был следующий этап развития джадидского движения в Центральной Азии. С ним связано имя Убайдуллы Ходжаева (Убайдуллы Ассадулаходжаев, 1886—1942). Он родился в Ташкенте и закончил русско-туземную школу. Убайдулла Ходжаев несколько лет жил в Саратове, где получил высшее юридическое образование. В 1913 г. он вернулся в Ташкент и стал работать адвокатом, был издателем, вместе с Мунавваром-кари и другими джадидами, газеты «Садаи Туркестан». В 1914 г. он был избран членом Ташкентской городской думы, где получил трибуну для публичного осуждения ограничения прав коренного населения, обличения действий полиции и т.д. Тогда же у него сложились доверительные отношения с известным общественным деятелем Туркестана, социалистом-революционером В.А. Чайкиным. Критикуя общественные порядки в Туркестане, Убайдулла Ходжаев вместе с тем неоднократно подчеркивал свою лояльность России, писал о процветании региона под русским управлением. В

1914 г. он выступил в поддержку Российской империи в начавшейся мировой войне.

Большое влияние на взгляды джадидов оказывали идеи панисламизма и пантюркизма. Панисламизм — религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о том, что ислам способствует формированию наднациональной и надклассовой общности под главенством халифа. Панисламизм возник в последней четверти XIX в. Его последователи создавали мусульманские политические центры и объединения с целью противостояния колонизаторам.

Пантюркизм возник в Османской империи в начале XX в. и ставил своей целью подчинение власти Турции всех народов, говорящих на тюркских языках. Часть османской элиты, после младотурецкой революции 1908 г., выдвинула идею о «национальном единстве» всех тюрков и об их «расовом превосходстве» над всеми другими народами, что оправдывало политику угнетения национальных меньшинств в Османской империи и агрессивную внешнюю политику ее правителей. Панисламистское движение в отличие от пантюркистского предполагало объединение не только тюрков-мусульман, но и мусульман нетюркского происхождения (персов, арабов и др.).

Говоря о джадидском движении в Центральной Азии, следует еще раз подчеркнуть, что оно не имело какой-то единой политической платформы и объединяло представителей самых разных пристрастий и политических направлений. Во взглядах джадидов можно найти элементы мусульманского реформаторства и национализма, социалистические, либеральные и весьма консервативные, даже пуританские идеи. Среди них были как сторонники радикальных преобразований, в том числе независимости Центральной Азии, так и сторонники сохранения внутrigосударственных отношений с Россией.

§ 4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

17 октября 1905 г. Николай II подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», согласно которому в Российской империи учреждался орган представительной власти — Государственная Дума. Учреждение этого института дало возмож-

ность различным оппозиционным политическим силам Центральной Азии открыто поставить вопрос о решении острых социально-экономических, правовых, культурных проблем.

Особым совещанием были выработаны Правила о применении к областям Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской положения о выборах в Государственную Думу². Количество депутатских мандатов от Туркестанского края было ограничено 13, из них 6 делегатов избиралось коренным населением (5 от областей и 1 от Ташкента), составлявшим более 9/10 жителей края, 6 — русским населением, 1 депутат выбирался Семиреченским казачьим войском. Лица, не владевшие русским языком, не могли быть избранными в Государственную Думу. Однако избирательная кампания в Туркестанском крае не успела завершиться даже к моменту роспуска I Думы.

Из 10 депутатских мест для Степного края по 4 получало коренное и русское население, 2 места — Уральское и Сибирское казачьи войска. Казахи Внутренней орды могли делегировать лишь одного своего депутата. Избранные депутаты Степного края прибыли в Петербург, когда заседания Думы уже шли полным ходом. Их представители приняли участие в работе трудовой группы, социал-демократической фракции, в создании мусульманской фракции, группы сибирских депутатов и др. Краткий срок функционирования Думы не дал возможности депутатам Степного края полностью изложить свои требования по вопросам административных реформ и реорганизации суда, пожелания о защите интересов и прав коренного казахского населения. Практически все время работы I Думы заняло обсуждение аграрного вопроса — степные депутаты, выступая с запросами правительству, требовали приостановки переселения вплоть до полного землеустройства местных жителей.

Особую активность в I Государственной Думе проявляли А. Беремжанов, А. Букейханов, Т. Седельников, Н. Бородин. Они выступали с замечаниями и предложениями по аграрному вопросу, налогообложению, правительственным займам, призыву на военную службу. С трибуны Б. Каратаев, в частности, говорил о принудительном отчуждении частновладельческих земель, А. Беремжанов — о неправомерных изъятиях общинных земель у кочевого населения.

² Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее — ЦГА РУз). Ф. И-18. Оп. 1. Д. 1796. Л. 128—130 об.

Во II Государственной Думе, работавшей с 20 февраля по 2 июня 1907 г., от Степного края было представлено 14 человек, от Туркестана — 13 человек. В ходе работы Думы депутаты из Туркестана и Степного края принимали активное участие в работе ряда фракций и комиссий³. Депутаты из числа европейского населения примыкали к фракциям социал-демократов, социалистов-революционеров и трудовиков. Депутаты от коренного центральноазиатского населения (кроме М. Тынышпаева) вошли в состав мусульманской фракции, в которой работали представители разных регионов России. Эта группа в составе 30 человек особенно активно выступала за ограничение переселения крестьян из центра на восточные окраины⁴, осуждала аграрную политику правительства и проекты Б.А. Васильчикова и П.А. Столыпина, не учитывавших интересы кочевников Степного края. Мусульманская фракция была близка по своей политической ориентации к кадетам.

После роспуска II Государственной Думы 3 июня 1907 г. был обнародован новый избирательный закон. Согласно документу, было полностью лишено избирательных прав население Туркестана. В III Государственной Думе, которая проработала с 1907 по 1912 г., интересы центральноазиатской окраины были представлены очень слабо.

В III Думе продолжила свою работу мусульманская фракция. Депутаты-мусульмане голосовали, в частности, против утверждения смет Переселенческого управления на 1908 и 1909 гг., которые, по их мнению, не учитывали интересов коренных жителей Степного края и Туркестана. Фракция отстаивала право обучения на родных языках в местах компактного проживания национальных групп и равенство религиозных образовательных программ в школах. III Дума приняла поправки о продлении обучения на родном языке с двух до четырех лет при обязательном изучении русского языка. Однако Государственный совет эти поправки не утвердил. Создание и функционирование мусульманского крыла стало одной из форм политической организации движения джадидизма. Между тем, несмотря на все усилия, фракция не смогла стать стабильной

³ Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв второй. СПб., 1907. С. 537.

⁴ Подробнее см., например: Мусульманские депутаты Государственной Думы. 1906—1917 гг.: Сборник документов и материалов. Уфа, 1998; *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в Государственных Думах России. М., 1999. С. 148—150, 161—162, 181—183.

организационной структурой и объединиться в консолидированную политическую силу.

Проблема переселения была практически единственным вопросом, когда вспоминали Туркестан и Степной край. В 1908 г. депутат от Степного края А. Букейханов и земельная комиссия при фракции мусульман подготовили законопроект о землеустройстве Степного края. Он базировался на материалах экспедиции экономиста-статистика Ф.А. Щербины. Последним была разработана земельная норма для кочевых и оседлых хозяйств в казахских степях. Выделенные участки предполагалось считать частной собственностью. Законопроект «Об учреждении землеустроительных комиссий в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской, Уральской, Семиреченской, Сырдарьинской и Закаспийской областях» был внесен на голосование 60 депутатами — в основном кадетами и прогрессистами, а также членами фракции мусульман. Законопроект был поддержан Министерством земледелия. Однако его принятие не решило сложные проблемы землеустройства кочевого населения и переселенцев в центральноазиатском регионе.

В 1910 г. Государственная Дума приступила к обсуждению законопроекта «О дополнении ст.270 Туркестанского Положения», в котором правительство П.А. Столыпина поднимало принципиальный вопрос об изъятии «излишков» земли у коренного населения края в пользу русских переселенцев. Противники этого решения указывали на незаконность таких изъятий, поскольку земли в Туркестане, согласно Положению 1886 г., не являлись государственными. Тем не менее, несмотря на резкую критику оппозиции, законопроект был принят и 19 декабря 1910 г. обрел силу закона.

В том же 1910 г. Главное управление земледелия и землеустройства внесло в Думу законопроект об особом сборе с закавказского и центральноазиатского хлопка. Полученные казенные доходы правительство намеревалось использовать для строительства ирригационных и гидротехнических сооружений в Туркестане. Однако отечественным промышленникам удалось настоять на отклонении законопроекта.

IV Государственная Дума (ноябрь 1912 — февраль 1917 г.) продолжила прежнюю политику относительно национальных и переселенческих вопросов. Летом 1913 г. депутаты рассмотрели законопроект об отводе русским переселенцам казенных участков орошенной Голодной степи. В том же 1913 г. Государственная Дума по инициативе А.В. Кривошеина приняла принципиальное решение

о создании 150-миллионного фонда, распределенного на 5 лет, для финансирования работ мелиоративного характера в Европейской и Азиатской России.

В начале 1914 г. Переселенческое ведомство представило план оросительных мероприятий, одобренный Советом министров. По пятилетнему плану, на создание «Нового Туркестана» отводилось 39 млн. руб. казенных ассигнований, в том числе 9,7 млн. на разработку проектов орошения, совместно с частными предпринимателями, огромной площади, до 4 млн. дес., в бассейнах рек Сырдарьи, Зеравшана, Или и Чу. Кроме того, 10 млн. руб. предусматривалось на финансирование начала работ по устройству водохранилищ в верховьях Сырдарьи и Зеравшана, 11,3 млн. руб. на орошение в низовьях Амударьи и в бассейне Чу, 8 млн. руб. на расширение орошенной площади Голодной степи.

IV Дума распространила на Туркестан общеимперские принципы организации суда и прокуратуры, институты фабрично-заводского надзора и т.д. Готовился законопроект «Положения о пользовании водами», который уничтожал традиционное участие в этом деле местного населения, заменяя его созданием специальных административных органов для управления ирригационными сооружениями.

Интересы населения Туркестана и Степного края пыталась отстаивать мусульманская фракция. Состоявшийся летом 1914 г. в Петербурге мусульманский съезд (в нем приняли участие шесть депутатов Государственной Думы и 14 представителей с мест, в т.ч. четыре — из Степного края и Туркестана) принял решение об учреждении духовных управлений для мусульман Северного Кавказа и Туркестана, рекомендовал добиваться реформы народных судов в Туркестане, снятия ограничений в работе мусульманских учебных заведений, введения должности мулл в воинских частях, имевших в своем составе большое число мусульман, восстановления избирательных прав и представительства от центральноазиатских мусульман в Думе.

Основой политической тактики мусульман в Думе при решении важных вопросов было объединение с близкими по политической ориентации фракциями. Так, 11 февраля 1914 года 38 членов Думы — прогрессистов — во главе с И.Н. Ефремовым подготовили законодательное предложение о восстановлении в парламенте представительства от населения Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркан-

дской, Сырдарьинской и Ферганской областей. Кроме того, предлагалось изменить Положение о выборах в Государственную Думу и отменить имевшиеся ограничения для мусульман на вступление в сословие присяжных поверенных.

Наиболее часто мусульманская фракция входила в блок с каде-тами, трудовиками, сибирскими областниками, эсерами. Важной проблемой в составе IV Думы стали отношения с прогрессивным блоком, созданным в августе 1915 г. В 1916 г. фракция провела специальное совещание, посвященное призыву инородцев в армию и организации из них частей по типу казачьих, а также приостановлению переселения крестьян Центральной России в Степной край до проведения землеустройства коренных жителей. Этот вопрос в Думе не был решен.

§ 5. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ВОССТАНИЕ 1916 г.

Вступление России в 1914 г. в мировую империалистическую войну тяжело отразилось на положении населения как центра, так и окраин. В Степном крае и Туркестане в годы войны в 1,5 раза увеличились налоги, повсеместно проводились сборы на нужды фронта, подписка на государственный заем, был введен военный налог. Царские власти продолжали реквизицию скота, продовольствия, фуража, тулупов; мобилизовывали гужевой транспорт для перевозки военных грузов (хлеба) к железнодорожным станциям. В регионе уменьшилось количество скота, сократились посевные площади под зерновые культуры, но увеличились посевы хлопка для военных заказов. Обязательной повинностью стала помощь семьям мобилизованных на фронт.

Острота продовольственного кризиса в стране на национальных окраинах способствовала нарастанию общей, в том числе межнациональной напряженности. В запросе депутатов Думы — трудовиков — от 29 ноября 1916 г. военному министру и министру земледелия обращалось внимание на трудности продовольственного обеспечения Туркестана. Ежегодная потребность края в хлебе составляла более 22 млн. пудов, однако вместо ежемесячной поставки в 2,5 млн. пудов в ноябре планировалось отправить лишь 1 миллион. Надвигающийся голод подхлестнул рост цен. Пшеница стоила 7 руб. за пуд, рис — до 14 руб., что было на 500—600% выше обычной цены.

Депутаты IV Думы указывали, что сложившаяся ситуация заставляет сократить площади посевов хлопчатника за счет расширения площадей под зерновые культуры, что создаст хлопковый кризис, недопустимый в условиях войны. Но поднятые трудовиками и мусульманской фракцией проблемы не были решены. В результате разногласий мусульманская фракция отказалась от совместной работы с прогрессивным блоком.

Депутат К.Б. Тевкелев от имени национальных групп (латышской, эстонской, литовской, армянской, мусульманской и еврейской) подготовил запрос об отмене национальных ограничений. В запросе Тевкелева говорилось о многовековых связях народов России, укрепившихся в военную пору. Гражданское и национальное равноправие депутаты Думы — представители инородцев — рассматривали как одно из главных условий успеха в борьбе с внешним противником⁵. Благодаря правым и октябристам (191 голос против 162 голосов) запрос был отклонен.

Парламентские методы защиты национальных интересов в рамках общегосударственных институтов оказались малоэффективными. В годы Первой мировой войны усилилась социальная нестабильность и росла межнациональная напряженность.

В 1916 г. в Степном крае и Туркестане началось восстание. Поводом к нему послужил указ Николая II от 25 июня 1916 г. о призыве 480 тыс. инородцев Степного края и Туркестана для работ по устройству оборонительных и военных сооружений в районе действующей армии. Набору подлежало все мужское трудоспособное население в возрасте от 19 лет до 31 года. Указ о мобилизации совпал по времени с полевыми работами и временем мусульманского поста. Недовольство населения стимулировало увеличение налогов, реквизиции скота и имущества для нужд фронта, ограничения в сфере землевладения, землепользования, административного, правового и конфессионального управления.

На стороне царского указа оказались байство, мусульманское духовенство, круги национальной интеллигенции. Часть либерально-демократической интеллигенции, возглавляемая А. Букейхановым, А. Байтурсуновым и М. Дулатовым, призывала народы Востока, как подданных Российской империи, к защите Отечества, участию в тыловых работах. Лидеры опасались того, что в случае

⁵ Сибирские вопросы. СПб., 1908. № 16. С. 14—18; Государственная Дума: Стенографический отчет. III созыв. Сессия IV. СПб., 1910. С. 343—345.

саботажа безоружный народ станет жертвой репрессивных мер правительства. Делегация от Степного края во главе с А. Букейхановым, М. Дулатовым выехала на Западный фронт, где находилась вплоть до Февральской буржуазно-демократической революции, оказывая посильную помощь тыловым рабочим, слабо или вовсе не знавшим русский язык.

Баи и мусульманское духовенство, поддерживая политику царизма, помогали местной администрации проводить мобилизацию на тыловые работы. Зачастую их сыновья освобождались от мобилизации. Этим открыто возмущались бедняки.

22 августа 1916 г. при Главном штабе прошло межведомственное совещание. На нем было поддержано предложение депутатов из числа мусульман о назначении уполномоченных из коренного населения, знающих русский язык, и их отправке в районы тыловых работ как переводчиков и посредников между тыловиками и руководителями работ⁶. Кроме того, впервые желающим из Туркестана и Степного края разрешалось зачисление добровольцами в регулярные части российской армии.

23 августа 1916 г. секретным приказом генерал-губернатора Куропаткина были освобождены от набора: 1) должностные лица (волостных, сельских и аульных) управлений; 2) нижние полицейские чины из «туземцев»; 3) имамы, муллы и мударисы; 4) счетоводы и бухгалтера в учреждениях мелкого кредита; 5) обучающиеся в правительственных и частных высших и средних учебных заведениях; 6) «туземцы», занимающие классные должности в правительственных учреждениях; 7) «туземцы», пользующиеся правами дворян и потомственных почетных граждан, а также лично пользующиеся правами почетных граждан.

Основной движущей силой восстания были широкие слои национального крестьянства, а также местные рабочие, батраки, ремесленники. Повстанцы отбирали и уничтожали списки молодежи призывного возраста, нападали на байские аулы, уничтожали долговые и налоговые расписки, документы на продажу земли, громили волостные правления. Происходили столкновения повстанцев с царскими отрядами.

Восстание 1916 г. охватило весь Степной край, Туркестан, часть Сибири и Кавказа. В нем принимали участие кочевое и оседлое сельское население, рабочие угольных копей, нефтяных промыс-

⁶ РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 48. Л. 24—249.

лов, Иртышского пароходства, Омской, Оренбургско-Ташкентской, Среднеазиатской, Транссибирской железных дорог. Однако преобладание масс сельского населения придало восстанию характер стихийного крестьянского движения. Представители байства и часть либеральной буржуазной интеллигенции быстро отошли от движения. В событиях 1916 г. участвовали казахи, кыргызы, узбеки, уйгуры, дунгане и представители других народов. Активными деятелями были представители демократической интеллигенции: Т. Бокин — в Семиречье, А. Майкутов, С. Мендешев и Н. Залиев — в Букеевской орде, К. Асадов, Б. Алманов и А. Джангильдин — в Тургайской области.

Особо агрессивно выступило население в Семиреченской области. Восставшие уничтожали телеграфные линии, нападали на железнодорожные и почтовые станции, вступали в схватки с царскими войсками. Возглавляли мятеж Б. Ажикеев и Т. Бокин. Крупное столкновение повстанцев Семиречья с карательными отрядами произошло у г. Токмак, в Лепсинском уезде и песках Муюн-Кум.

Русские и украинские крестьяне-переселенцы поддерживали борьбу национального крестьянства против царских властей. Однако в отдельных районах, в частности в южной части Джаркентского и Пржевальского уездов, баям и националистам удалось спровоцировать межнациональные столкновения. Но такие случаи были единичными. Это подтверждают многочисленные полицейские донесения по Степному краю и Туркестану. Приведем текст одного из них: «Киргизы (казахи. — *Авт.*) считают своими врагами полицию и чиновников, между тем они нисколько не обижают русское население».

В октябре 1916 г. восстание в Семиречье было подавлено, один из его руководителей, Б. Ажикеев, был публично повешен на сопке Бурундай. Многие участники были арестованы, сосланы на каторгу или заключены в тюрьму. Более 300 тысяч казахов и кыргызов, опасаясь репрессий, откочевали из Семиречья.

Одним из крупных центров мятежа 1916 г. была Тургайская область. Борьба здесь стала особенно упорной и длительной. Возглавили бунт Амангельды Иманов и Алибий Джангильдин. Они создали 20-тысячный отряд, организовали производство оружия и обучение повстанцев военному делу. Ряды восставших пополнялись рабочими из Иргиза, Кустаная, Актюбинска, Байконурского рудника, Чокпаркульских каменноугольных копей, Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Иманов объединил ряды восставших

Тургайской, Сырдарьинской, Акмолинской и Семипалатинской областей. В Иргизско-Тургайском районе предпринимали попытки реставрации ханского управления, но они не были поддержаны восставшими.

В конце октября 15 тысяч повстанцев осадили город Тургай. Для разгрома бунтовщиков царское правительство направило карательный экспедиционный корпус генерала Лаврентьева. Он насчитывал более 4 тыс. штыков, около 3 тыс. сабель. Амангельды Иманов разработал свою тактику ведения боя: создавал особые отряды снайперов, расставлял их в песчаных барханах, бросал стремительную конницу против карательных отрядов. Только после тяжелых боев царским войскам удалось взять г. Тургай.

Упорное сопротивление отрядам карателей оказали восставшие в боях под Кожеколем, Татыром, Тункойма, Шошкалы-копа, Куюк-копа, Джизаком, Догал-Урпеком. Но, несмотря на мужество повстанцев, восстание 1916 г. было подавлено⁷.

§ 6. Восстание 1916 г. и Государственная Дума

Обеспокоенные ситуацией в Центральной Азии, члены Государственной Думы 21 июля 1916 г. составили адрес на имя Военного министра и Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, в котором потребовали отложить набор в армию рабочих и выработать подробные условия их призыва⁸. Военное руководство не отреагировало на это обращение.

По инициативе эсера В.А. Чайкина, джадида Убайдуллы Ходжаева и андижанского миллионера Мир-Камил-бая в августе 1916 г. была организована поездка членов мусульманской фракции Государственной Думы в Туркестан (К. Тевкелев, К. Бактыгиреев, У. Ходжаев, Ш. Мухамедьяров, М. Чокаев). Они побывали в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Джизаке, Коканде, где приняли большое число просителей, выступали перед населением, знакомились с ситуацией на местах, собирали материалы о злоупотреблениях администрации в отношении мусульман и евреев. По их просьбе в Туркестан приехал представитель фракции трудовиков в Государственной Думе А.Ф. Керенский. Во время официальной поездки

⁷ Подробнее см.: Бекмаханова Н.Е., Козыбаев М.К. История Казахской ССР. С. 37—47.

⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 51.

депутаты уделили основное внимание важнейшим промышленным центрам и хлопковым районам края.

10 сентября 1916 года Керенский выступил с отчетом об итогах поездки на частном совещании членов Думы под председательством М.В. Родзянко. В нем участвовало около 300 депутатов от разных фракций. В докладе главная вина за беспорядки возлагалась на краевую и туземную администрацию. Керенский отметил, что местная власть при объявлении и проведении указа о мобилизации на тыловые работы допустила в отношении кочевого населения ряд грубых ошибок и бестактностей. Это привело к бегству бедноты в пустынные и горные районы, в Китай и ужесточению наказаний по отношению к ним, вплоть до смертной казни. Керенский огласил официальные документы, подтверждающие этот вывод.

В конце 1916 г. главе правительства, военному министру, министрам внутренних дел и юстиции были поданы три запроса депутатов Думы — социал-демократов, трудовиков, кадетов, прогрессистов. В них говорилось о жестокости карательных операций против коренного населения, сожжении населенных пунктов, конфискации имущества и недвижимости, нарушении законодательства в ходе подавления восстания. Эти факты подтверждались и думской комиссией по военным и морским делам⁹. Члены Государственной Думы прямо обвиняли правительство в нарушении основных законов империи и, в частности, 86-й статьи, гласившей, что никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и утверждения Государя Императора¹⁰. События в Туркестане стали, наконец, предметом особого рассмотрения на 5-й сессии IV Думы.

В Степном крае и Туркестане созрели предпосылки для гражданской войны.

⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 209.

¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И—1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 8.

Глава 14

СИСТЕМА РОССИЙСКИХ ПРОТЕКТОРАТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. БУХАРА И ХИВА.

*Бухара и Хива — протектораты Российской империи —
Территория и население Бухары и Хивы — Хозяйство
Бухары и Хивы — Государственный строй Бухары
и Хивы — Просвещение у бухарцев и хивинцев — Бухара
и Хива в конце XIX — начале XX в. — Бухара и Хива
в 1917—1920 гг.*

свое положение в Центральной Азии второй половины XIX — начала XX в. занимали два небольших государства —

Бухарский эмират и Хивинское ханство. В XVI в. города Бухара и Хива, издревле игравшие важную роль в жизни региона, стали центрами названных по их имени государственных образований. К концу XVIII в. в Бухаре к власти пришли эмиры из династии Мангыт, в Хиве — ханы Кунградской династии. Границы государств неоднократно менялись, то расширяясь, то сжимаясь, но основное ядро их территорий оставалось относительно постоянным. Главные районы бухарских владений к XX в. были расположены в долинах Зеравшана, Кашкадарьи и Амударьи, на юге эмират граничил с Афганистаном. Хивинское государство находилось в низовьях Амударьи на территории историко-культурной области Хорезм, к концу XIX в. ханство было со всех сторон окружено российскими владениями.

К середине XIX в. экономика Бухарского эмирата и Хивинского ханства носила типично стагнационный характер, промышленность отсутствовала, техника сельского хозяйства была крайне рутинной. Государственное устройство эмирата и ханства представляло из себя сложное сочетание «правил шариата, местного средневекового деспотизма и остатков родового строя кочевников»¹.

¹ Бартольд В.В. О ханствах Бухарском и Хивинском (1917 г.) // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 12.

§ 1. БУХАРА И ХИВА — ПРОТЕКТОРАТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В ходе присоединения Центральной Азии к России Бухарский эмират и Хивинское ханство были вынуждены принять протекторат монархии Романовых, их правители стали вассалами русских царей. Отношения Бухары с Российской империей определялись договорами 1868 и 1873 гг., русско-хивинские отношения строились на основании мирного договора 1873 г. В последнем документе было сказано, что хивинский хан «признает себя покорным слугой императора Всероссийского. Он отказывается от непосредственных дружеских отношений с соседними владетелями и ханами... и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии (т.е. туркестанского генерал-губернатора. — *Авт.*) не предпринимает никаких военных действий против них»². Бухарский эмир формально таких ограничений не имел, но фактически находился в таком же положении.

По соглашению 1868 г. Бухара передала в Русский Туркестан среднюю часть долины Зеравшана с Самаркандом и тем самым оказалась в полной зависимости от царской власти: именно Самаркандская область контролировала снабжение центра эмирата водой. Взамен Мангыты получили от Романовых ряд других, ранее не принадлежавших Бухаре территорий — Дарваз, Каратегин и западные районы Памира. Россия также помогла бухарским властям подавить сопротивление в Шахрисябзе и включить этот город с его округой в состав эмирата.

Интересы монархии Романовых в эмирате с середины 80-х гг. XIX в. представлял политический агент в Бухаре. Будучи формально подчиненным царскому МИДу, он обязан был согласовывать все свои действия с администрацией Туркестанского генерал-губернаторства. Российский политический агент контролировал положение на бухарско-афганской границе, регулировал взаимоплатежи российских и бухарских торговцев, участвовал в работе арбитражной комиссии, решавшей по взаимному соглашению сторон уголовные и гражданские дела, возникавшие между российскими и бухарскими подданными и др. Эту должность, как правило, занимали знающие и одаренные дипломаты. Наиболее известными сре-

² Цит. по: История Средней Азии / Сост. А.И. Булдаков, С.А. Шумов, А.Р. Андреев. М., 2003. С. 232.

ди них были первый политагент в Бухаре Николай Валерианович Чарыков, впоследствии в 1910—1912 гг. русский посол в Турции, и его преемник, представитель монархии Романовых в Бухаре в 1890—1895 гг. Павел Михайлович Лессар, позднее в 1901—1905 гг. глава русской дипломатической миссии в Китае.

Хивинское ханство в 1873 г. передало в непосредственное русское владение земли по правому берегу Амударьи, из которых был образован Амударьинский отдел Сырдарьинской области. Его начальник обычно представлял интересы Петербурга и Ташкента в Хиве и осуществлял «общий надзор» за положением дел в ханстве. Высший контроль за Бухарой и Хивой по поручению царя лежал на генерал-губернаторе Туркестана. Последний обязан был представлять интересы Бухары и Хивы перед ближайшими азиатскими соседями.

Таким образом, Бухара и Хива лишились статуса субъекта международного права, но сохранили ограниченный суверенитет и внутреннюю самостоятельность. По мнению, высказанному в начале XX в. и поддержанному в литературе в последние годы, здесь царскими властями реализовывался вариант протектората, близкий к французской колониальной модели (Тунис), при котором сохранялись старые административная и налоговая система, законодательство и суд и др.³

По требованию России в эмирате и ханстве были отменены рабство и работорговля. Российские подданные получили право владеть движимым и недвижимым имуществом на территории Бухары и Хивы, заниматься здесь предпринимательской деятельностью, их собственность и личности были неприкосновенны для местных властей. В 1894 г. территория Бухары была включена по особому соглашению, подписанному по инициативе Петербурга, в таможенные границы Российской империи, на бухарско-афганских рубежах были установлены русские пограничные посты, имевшие экстерриториальный статус.

В Бухаре сохранилась чеканка своих денег, в Хиве выпуск своей монеты был прекращен, здесь имели хождение российские денежные знаки. Следует отметить, что вопрос о денежной реформе в эмирате и ханстве рассматривался имперскими верхами как важная составная часть процесса ускорения интеграции Бухары и Хивы

³ Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления / Ред. Ю.И. Семенов. М., 1998. С. 376.

в общеимперское хозяйственное пространство. Вместе с тем и в Петербурге, и в Ташкенте опасались возможного недовольства местного «темного народа» слишком радикальными изменениями в финансовой сфере его жизни. Поэтому было решено действовать здесь постепенно, не трогать пока Бухару, а начать с более слабой Хивы, где по решению царского Комитета финансов, одобренному императором Николаем II, с начала XX в. стала оперировать только русская денежная система.

§ 2. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ БУХАРЫ И ХИВЫ

Эмират несомненно превосходил ханство по размерам территории и значению в жизни центральноазиатского региона. Вопрос о численности населения Бухары достаточно спорен. По некоторым данным, там накануне 1917 г. проживало примерно 3 млн. человек. Этнический состав жителей был достаточно пестрым — в эмирате жили узбеки, таджики, туркмены, евреи, персы, арабы, казахи, после 1868 г. стали появляться выходцы из России. По плотности населения эмират мог сравниться с самыми обитаемыми районами Русского Туркестана, причем, как и в российских владениях, наибольшее число жителей было сосредоточено в районах долин рек.

Самыми значительными городами являлись столица — Старая Бухара, а также Керки, Кермине (современный Навои), Гиссар и т.д. После строительства железной дороги Красноводск—Ташкент (завершена в 1899 г.) образовались города и поселения, расположенные на узловых станциях и перевалочных пунктах, такие как Новая Бухара (ст. Каган), Чарджоу, Термез и др. В них обитали в основном подданные России и стояли гарнизоны царских войск (всего на рубеже XIX—XX вв. в Бухаре проживало около 60 тыс. русских, в том числе в Кагане — 12 тыс., в Чарджоу — 14 тыс., в Керки — 8 тыс. и т.д.).

Общее количество жителей Хивы, по приблизительным оценкам, составляло 500—600 тыс. человек. Основная масса их проживала в сельской местности, среди городов наиболее значимыми были Хива и Новый Ургенч. По этническому составу среди хивинцев были узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи, после 1873 г. на хивинской территории стали оседать подданные монархии Романо-

вых (русские и другие европейцы). Таким образом, по численности и плотности своего населения Хива заметно уступала Бухаре.

Основную массу населения Бухарского эмирата и Хивинского ханства составляли крестьяне — хлопкоробы, хлеборобы и садоводы, кочевники-скотоводы и горожане. Последние состояли из ремесленников, купцов и представителей служилого сословия. Особую группу представляли мусульманские духовные лица (*улема*), учащиеся богословских школ (*медресе*) и представители суфийских братств во главе с *пирами*, *шейхами* и *ишанами*. Каждая из социальных прослоек имела свои особенности не только в деятельности, статусе и образе жизни, но и в традиционной одежде, ее покрое и цвете. Ремесленники, составлявшие значительную часть горожан, издревле обитали, как правило, в определенных частях (кварталах) и имели свои цеховые организации — гончаров, медников, ткачей, ювелиров, мясников, хлебопек и др. У каждого цеха были свои письменные уставы (*рисоля*), регламентировавшие производство, внутренний распорядок, права мастера, подмастерьев и учеников, правила приема и исключения из цеха за нарушение порядков и традиций.

Служилое сословие делилось на светское и военное. К его верхам принадлежали управители областей (*хаким*, *бек*), представители офицерского состава бухарского и хивинского войск (*аталык*, *бахадур* и др.). Все они должны были получать жалованье от своих правителей, однако вплоть до последних лет истории Бухары и Хивы это происходило крайне нерегулярно. Последнее обстоятельство несомненно стимулировало большое число злоупотреблений, взяточничество, казнокрадство и лихоимство.

Влиятельнейшей группой в среде обитателей Бухары и Хивы являлась корпорация служителей «магометанского закона». Подавляющее число бухарцев и хивинцев исповедовало суннитский толк ислама, лишь выходцы из Ирана и их потомки являлись шиитами, в Восточной Бухаре (на Западном Памире) проживали последователи исмаилизма. В руках мусульманских духовных кругов находились суд, просвещение и полный контроль над всей сферой духовной жизни бухарцев и хивинцев. В состав корпорации служителей «магометанского закона» входили судьи (*казий*), руководители общей молитвой в мечетях (*имам*), блюстители нравственности (*раис*), преподаватели медресе (*мударрис*), их учащиеся (*муллабача*) и др. Влияние крайне ортодоксальных мусульманских духовных кругов Бухары и Хивы распространялось и на политические сферы мест-

ной жизни, причем конфликтов с ними старались избегать даже сами эмиры и ханы. Так на протяжении целого ряда лет вплоть до своей кончины в 1910 г. бухарский эмир Абдул-Ахад, вступив в 1897 г. в противостояние с бухарскими *улама*, покинул Старую Бухару, более не появлялся в своей столице и проживал все эти годы за ее пределами в Кермине.

§ 3. Хозяйство Бухары и Хивы

Основой экономики Бухарского эмирата и Хивинского ханства являлось сельское хозяйство. Земледелие здесь базировалось на искусственном орошении. Но в бухарских владениях, особенно в их восточной части, было развито также и богарное земледелие (т.е. земледелие, основанное на запасах воды в почве, накопленных в результате весеннего таяния снегов). Главными полевыми культурами для бухарских и хивинских земледельцев были хлопок, пшеница, ячмень, рис. Особое значение имели огородничество (выращивание лука, редьки, моркови, огурцов) и садоводство (в частности разведение тута для выращивания шелкопряда). Техника обработки земли была достаточно архаичной, но поражала европейцев тщательностью и скрупулезностью. Немаловажное значение в жизни коренного населения Бухары и Хивы имело скотоводство. Бытовые потребности сельского и городского населения удовлетворяло производство ремесленников и кустарей. Традиционно высокое значение в жизни оседлого населения имело занятие торговлей, базар был главным центром вращения жизни любого бухарского и хивинского поселения.

Важнейшей особенностью существования Бухары и Хивы вообще, и в рассматриваемый период времени в частности, была постоянная нехватка воды для орошения. В Бухаре водоснабжение оставалось на уровне средневековья и технически не совершенствовалось, оросительные системы были в крайне запущенном состоянии. Эмирату явно не хватало его доли от воды Зеравшана, две трети которой по договорам 1868 и 1873 гг. поглощали хлопковые посадки в Самаркандской области Русского Туркестана. В еще более архаичном положении находились системы водопользования в Хивинском ханстве. Здесь к тому же ситуация осложнялась острым, часто кровавым противоборством за доступ к воде между оседлы-

ми узбеками и находящимися в стадии перехода к земледелию туркменами.

В Бухаре и Хиве существовали четыре основных вида землепользования — *харадж*, *мулк*, *вакуф* и *амляк*. Наибольшее количество орошаемых площадей в эмирате составляли хараджные земли. Они находились в пользовании земледельцев, которые платили за них подать — харадж в размере от 1/8 до 1/5 (иногда даже до 1/3) части урожая. Земли мулк принадлежали частным владельцам, они освобождались от всяческих податей. Вакуфными землями, владели мусульманские духовные учреждения Бухары (мечети, медресе, мазары и т.д.), они были свободны от податей и как «собственность Аллаха» не могли отчуждаться светскими властями.

В Хивинском ханстве, как и в Бухаре, существовали категории мулков и вакуфных земель. Значительное место здесь имели аталычные земли, выделявшиеся ханской властью для вознаграждения туркмен за воинскую службу. Реально данными землями распоряжалась племенная верхушка хивинских туркмен.

Крупнейшими земельными собственниками являлись эмир Бухары и хан Хивы, которые имели возможность использовать в своих целях весь государственный земельный фонд. Под их контролем находилось основное условие жизни в Центральной Азии — вода, они обладали монополией на ее распределение. Важнейшим источником доходов верхов бухарского и хивинского обществ являлось владение десятками тысяч голов скота (лошадьми, верблюдами, особенно баранами и овцами). Каракулевые шкурки, полученные в Бухаре, шли на российский и европейский рынки. Торговля ими позволяла пополнять эмирскую казну миллионами царских рублей. Вместе с тем и в Бухаре, и особенно в Хиве шел процесс перехода кочевников к оседлости, причем в устье Амударьи он происходил весьма болезненно. Здесь, как отмечалось выше, он приводил к межэтническим столкновениям между земледельцами — хивинскими узбеками и также желавшими доступа к пашне и воде местными туркменами,

Ведущее место в системе земельных отношений в Бухаре и Хиве играли различные виды аренды земледельцами государственных (ханских и эмирских), мулковых и вакуфных земель. Аренда, бывшая чаще всего издольной, имела весьма разнообразный характер. Могло быть, что владелец предоставлял издольщику не только землю и воду, но и семена, рабочий скот и инвентарь. Тогда аренда-

тор получал лишь пятую, а то и меньшую долю урожая за свои «рабочие руки».

Повсеместно и в Бухаре, и в Хиве по-прежнему были широко распространены различные виды отработочных повинностей. Земледельцы и простые горожане должны были безвозмездно строить и ремонтировать различные сооружения (оросительные каналы и водоемы, ханские и эмирские дворцы, здания мусульманских культовых сооружений и др.).

Достаточно неоднозначным было состояние ремесел и промыслов и положение занятых в них бухарцев и хивинцев. Кустарные изделия местных мастеров находили широкое применение в быту коренного населения всей Центральной Азии и даже за ее пределами. По мере проникновения продукции русской промышленности в местные кустарные промыслы стали постепенно отходить на задний план. Российские производители за весьма короткий срок сумели приспособиться к нуждам и вкусам бухарцев и хивинцев, их товары по своему качеству и дешевизне стали нередко одерживать верх над местными изделиями. Русская мануфактура (особенно ивановские ситцы), металлические изделия (прежде всего знаменитые тульские самовары), фарфоровая посуда, дешевые конфеты в разноцветной упаковке заполнили бухарские и хивинские лавки.

Торговый оборот Бухары и Хивы с Москвой, Нижним Новгородом, Оренбургом, другими городами и районами России становился все более заметным, причем в этих коммерческих операциях участвовали представители почти всех слоев городского населения. Из Бухары и Хивы в Россию вывозились хлопок, шерсть, каракулевые шкурки, шелк и шелковые изделия, сушеные фрукты и т.п., причем роль хлопка становилась все более заметной. В 1900 г. под хлопчатником в Бухаре и Хиве было занято 125,2 тыс. дес., в 1915 г. — 146 тыс. дес.

Представители российских деловых кругов, особенно владельцы текстильных предприятий, неоднократно ставили в Петербурге и Ташкенте вопрос о расширении торговли русскими товарами на рынках Бухары и Хивы, минуя местных посредников, об учреждении здесь отделений Государственного банка, о вытеснении иностранных, в первую очередь шедших через Афганистан англо-индийских товаров. Уже вскоре после установления режима протекторатов заметно активизировалась деятельность русских фирм по скупке местного сырья и сбыту русских изделий. В 1873 г. мос-

ковское купечество организовало Торгово-промышленное товарищество, целью которого было приобретение земли для развития хлопководства и других технических культур. Данное товарищество открыло свои филиалы в Бухаре и Хиве и через них проводило здесь широкую коммерческую деятельность. Российские торговые фирмы активно использовали территорию Бухары для транзитной торговли с Индией, Афганистаном и восточными провинциями Персии⁴.

По согласованию царских властей с эмиром с 1868 г. подданные России, основывая на территории Бухары русские поселения, строили в них склады, промышленные заведения, лавки, дома. Ввоз капитала из России способствовал возникновению и в эмирате, и в ханстве российских предприятий. Главное место здесь занимали хлопкоочистительные и маслобойные заводы, большинство из которых принадлежало торгово-промышленным фирмам Центрально-промышленного района России (Москва). Были открыты железнодорожные депо и мастерские (Новая Бухара, Чарджоу), на берегу Амударьи были построены казенные судоремонтные мастерские. Основной костяк квалифицированных кадров на этих предприятиях составляли европейцы, преимущественно русские рабочие, представители местного населения были заняты на работах, требующих в основном физического труда.

В начале XX в. российские дельцы, биржевые спекулянты и разного рода авантюристы проявляли особый интерес к заключению различного рода концессий на земли Бухары и Хивы: лишь за 1912—1915 гг. в Бухаре было взято в концессию около 300 тысяч дес. земли. Так, в 1912 г. известный петербургский авантюрист, тогда близкий к Распутину, князь М.М. Андроников, при поддержке военного министра В.А. Сухомлинова заключил с эмиром Бухары договор на 99 лет, по которому предполагалось освоить под посадки хлопка 25 тыс. дес. земли в Каршинской степи. Ряд аналогичных сделок был заключен и в Хиве. Здесь особый интерес предпринимателей вызывали возможные доходы от строительства железной дороги Чарджоу—Хива—Александров—Гай—Саратов. Данная магистраль могла стать более коротким путем, чем ветка Оренбург—Ташкент и напрямую связать Центральную Россию с Хивой и Бухарой. Эта линия так и не была построена, как, впрочем, на бумаге

⁴ Более подробно см.: *Губаревич-Радобыльский А.* Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб., 1905.

остались планы всех дореволюционных концессий, которые сгинули в небытие после 1917 г.

§ 4. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ БУХАРЫ И ХИВЫ

Политическим итогом событий 1868—1873 гг. стало превращение правителей Бухары и Хивы в своего рода администраторов монархии Романовых. Это хорошо осознавалось и в Ташкенте, и в Бухаре, и в Хиве. Так, первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман называл эмира Бухары «исправнейшим из своих уездных начальников»⁵. В начале 90-х гг. XIX в. в одной из бесед с начальником Амударьинского отдела хивинский хан Мухамед Рахим сказал: «...Оба мы слуги Белого царя⁶. Вам он поручил управление народом правого берега [Амударьи], я же по его воле управляю народом левого берега»⁷.

Вместе с тем во внутренних делах правители Бухары и Хивы сохранили все же заметную степень автономии, имели свой государственный аппарат и военную силу и в целом оставались деспотическими властелинами (ограниченными, впрочем, обычаями и шариатом) над жизнью и имуществом своих подданных. В Бухаре, как и в Хиве, продолжала действовать важнейшая особенность средневековья — неразделенность казны государя и государства. Великолепное по своему колориту описание архаичного облика хранилища казны бухарских эмиров было дано замечательным русским востоковедом А.А. Семеновым. По его словам, «длинные ряды туго завязанных матовых мешков, по преимуществу с серебряной монетой (теньгой), с прикрепленными к ним ярлыками с обозначением суммы были расположены по годам. Здесь же для текущих расходов были сложены в пачках русские государственные кредитные билеты. Отсутствие для них специальных железных шкафов—касс было в 1913 г. причиной порчи мышами таких билетов на сумму 500 тысяч рублей. Попытки бухарцев обменять в Государ-

⁵ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. С. 421.

⁶ В тюркском мире «белый» цвет издревле был связан с обозначением социальных верхов. Русские правители с XV в. стали употреблять оборот «Белый царь» при обращении к своим мусульманским подданным, подчеркивая свое право властвовать над ними.

⁷ Тухтаметов Т.Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969. С. 30.

ственном банке испорченные деньги на новые оказались безуспешными: настолько они были изъедены грызунами»⁸.

Важнейшей фигурой в бухарской государственной иерархии после государя-эмира считался *кушбеги* — своего рода премьер-министр, обладавший огромными полномочиями и в то же время справедливо называемый «узником арка». Последнее обстоятельство было связано с давней бухарской традицией, по которой в случае отсутствия эмира в столице, *кушбеги* не имел права покинуть пределы бухарской цитадели (*арк*). Так, например, было на протяжении тринадцатилетнего добровольного изгнания эмира Абдул-Ахада в Кермине. Среди других бухарских сановников важную роль в системе управления играли глава финансового ведомства (*диванбеги*) и верховный судья (*кази-калон*). Эмират сохранил право на содержание войска, которое возглавлял командующий-*лашкербаши*. Бухарская армия, состоящая из 10 тыс. солдат-*сарбазов*, не являлась реальной боевой силой. Военное министерство в Петербурге и штаб Туркестанского военного округа в Ташкенте не рассчитывали на ее возможное использование в качестве вспомогательного контингента в случае возможных боевых действий с англичанами или афганцами. Бухарские сарбазы поэтому сохранялись лишь как охранно-полицейская сила режима нужной пока царизму бухарской монархии⁹.

Бухарский эмират состоял на 25 областей-бекств, делившихся, в свою очередь, на округа-амлякдарства. Управители областей — беки и хакиды — следили за порядком и спокойствием на подведомственных им территориях, отвечали за поступления налогов и податей в эмирскую казну, выполняли все требования царских властей и русских офицеров и чиновников, посещавших бухарские владения и т.д.

Образ управления Хивой во многом походил на бухарский. Главными фигурами в системе управления являлись *кушбеги* и *диванбеги*. Важную роль в жизни ханства также играла деятельность чиновников, причем языком официальных документов в Хиве к этому времени стал тюркский (чагатайский), в то время как

⁸ Семенов А.А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад, 1954. Т. XXV. С. 57—58.

⁹ Грулев М.В. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909. С. 226.

в Бухаре ведущую роль в делопроизводстве сохранял персидский язык. Двадцатью бекствами Хивы управляли лица, назначенные ханом из числа его доверенных лиц. В основе административного устройства хивинских туркмен лежал родоплеменный принцип. Во главе каждого племени стоял *мюрхердар* — «носитель ханской печати», назначенный ханом из числа наиболее влиятельных и сильных родоначальников — сардаров. Родовые подгруппы туркмен управлялись старейшинами.

§ 5. ПРОСВЕЩЕНИЕ У БУХАРЦЕВ И ХИВИНЦЕВ

Духовная жизнь и организация просвещения населения Бухары и Хивы определялись «непреложными велениями единого божественного закона, называемого шариатом»¹⁰. Сугубо мусульманская система учебных заведений делилась на две ступени. Начальные школы (*мектеб*) обычно находились при мечетях, существовали на частные или общественные пожертвования, учителями в них, как правило, были местные *имамы* или *муэдзины*. В этих школах осваивались навыки чтения, счета и письма на арабской графике по-персидски или по-тюркски, а также заучивались наизусть тексты наиболее важных молитв и сур Корана. Обучение в мектебах длилось от двух до пяти лет.

Ко второй, более высокой степени учебных заведений Бухары и Хивы относились высшие конфессиональные школы (*медресе*). Несомненно, первое место здесь занимали многочисленные медресе Старой Бухары. Мусульманские учебные заведения Бухары особо славились своей ортодоксальностью, а бухарские муллы считались первоклассными специалистами в области богословия. Поэтому не только в Центральной Азии, но и у мусульман России — татар и башкир — Бухара пользовалась большой известностью и авторитетом. Хивинские медресе такой популярностью не пользовались, и многие молодые люди для продолжения образования отправлялись из Хивы в Бухару.

Многотысячная корпорация учащихся бухарских медресе была важнейшей опорой бухарской *улема*. Умело используя массовые выступления учащихся, мусульманские духовные круги могли даже

¹⁰ Семенов А.А. К прошлому Бухары // Айни С. Воспоминания. М.; Л., 1960. С. 987.

потребовать смещения эмиром неугодного им высшего сановника, обвиняя его в отходе от устоев ислама, или настаивать на устранении того или иного нежелательного, с шариатской точки зрения, явления в общественной жизни Бухары (организация выступлений против либеральных реформ весной 1917 г.).

Система преподавания в мусульманских учебных заведениях носила в основном схоластический характер и покоилась прежде всего на заучивании наизусть учебных пособий. Далеко не все выдерживали длительный (от 8 до 15 лет) курс обучения: одни устраивались где-нибудь работать сельскими имамами, другие старались попасть на должность писаря при каком-нибудь бухарском правительственном чиновнике. Вместе с тем среди людей, окончивших курс медресе, было немало хороших знатоков арабского языка, схоластической теологии (*калам*), права (*фикх*) и других предметов. Многие из бухарцев — выпускников местных медресе — любили книги, литературу и поэзию, в беседах с ними можно было почерпнуть немало интересного и поучительного.

Серьезным авторитетом в среде коренного населения пользовались члены суфийских братств. В Бухаре особо почитались учение и последователи суфийского братства Накшбандия, основанного в XIV в. Важнейшей мусульманской святыней была и остается могила основателя этого братства шейха Баха-ад-дина Накшбанда, которая находится в 12 км от современной Бухары. В Хиве популярным было учение братства Кубравия, основанного уроженцем Хорезма шейхом Наджм-ад-дином Кубра (XII—XIII вв.). Наряду с мусульманскими духовными лицами в Бухаре и Хиве почитанием пользовались *саййиды* — потомки пророка Мухаммеда от его дочери Фатимы и ее мужа Али. Представители бухарской и хивинской элиты всячески стремились породниться с родом основателя ислама. Последние правители Бухары и Хивы также прибавляли звание «саййид» к своему титулу, ставя его впереди всех прочих наименований. Бухарский эмир Абдул-Ахад говорил по этому поводу: «...Эмиром я могу сегодня быть, а завтра могу опуститься в ничтожество или быть свергнутым, перестану быть эмиром, государем, а звание сейид у меня никто не может отнять, ибо оно наследственно-родовое»¹¹.

¹¹ Семенов А.А. К прошлому Бухары // Айни С. Воспоминания. М.; Л., 1960. С. 993.

§ 6. БУХАРА И ХИВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Правившие в русских протекторатах бухарские эмиры Музаффар-ад-дин (1860—1885), Абдул-Ахад (1885—1910), Алим-хан (1910—1920), хивинские ханы Мухаммед Рахим (1865—1910), Асфендияр (1910—1918) в целом вписались в систему российской имперской государственности. Они получили генеральские чины русской армии и высшие награды монархии Романовых. Особо выделялось положение эмира Бухары, владевшего дачей на Южном берегу Крыма, располагавшего значительными вкладами в российских и заграничных банках. Бухарский монарх получил от русского императора титул «Ваше Высочество», приравнивающий его к великим князьям — членам царствующего дома Романовых.

Поездки эмиров в Россию обязательно согласовывались с туркестанским генерал-губернатором. По отношению к ним соблюдались все должные этикетно-протокольные нормы. Колоритное описание одного пребывания эмира Абдул-Ахада в 1906 г. в Санкт-Петербурге оставил в своих мемуарах военный министр генерал А.Ф. Редигер. По его словам, эмир тогда подарил царю Николаю II, царице Александре Федоровне и их детям массу вещей с бриллиантами и алмазами, ковров, тканей и каракуля на сумму 600—800 тыс. руб.¹² Бухарский владыка и его сановники также широко использовали систему одаривания посещающих эмират чиновников, путешественников и публицистов. В числе последних был и популярный литератор, автор известного криминального романа «Петербургские трущобы» В.В. Крестовский, написавший «про-эмирский» обзор бухарской жизни и нравов¹³.

Действуя крайне осторожно, дабы не возбудить недовольство царского правительства, мангыты старались участвовать в жизни российской мусульманской общины и выступили в начале XX в. в качестве основных спонсоров строительства Соборной мечети в Санкт-Петербурге. Степень богатства и удельный вес хивинских правителей были значительно более скромными, к тому же ханы Хивы лишь при поддержке царской администрации и русских войск с трудом могли сдерживать своих беспокойных туркменских подданных.

¹² Редигер А.Ф. История моей жизни: Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. II. С. 113—114.

¹³ См.: Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. СПб., 1887.

Для общественно-духовной жизни Бухары и Хивы конца XIX — начала XX в. была характерна тенденция к консервации исторически сложившихся старых порядков и обычаев. Новое, неизбежно приходившее в жизнь эмирата и ханства, встречалось с крайним подозрением. Так, например, современная система медицинской помощи действовала лишь в русских поселениях, только незадолго до конца эмирата в Старой Бухаре открылась аптека с фельдшерским пунктом. Те, даже весьма влиятельные бухарские и хивинские сановники, которые обращались к европейским врачам за помощью, старались делать это негласно. Проведение же каких-либо профилактических мер и организация прививок в бухарских и хивинских владениях были практически невозможны.

К концу XIX в. наиболее образованная и думающая часть бухарцев и хивинцев (торговцев, предпринимателей, мусульманской интеллигенции) была затронута идеями джадидизма. Среди первых участников движения за обновление бухарской действительности следует отметить выдающегося просветителя Ахмеда Дониша, который был сторонником укрепления культурных связей с Россией и писал о том, что «хотя русские противоположны нам (т.е. бухарцам. — *Авт.*) религии, но в дружбе, искренности и человечности они превыше всего»¹⁴. По представлению джадидов, новометодное реформаторство, носившее в значительной степени просветительский характер, могло и должно было начать обновлять средневековый образ жизни Бухары и Хивы.

Местные джади́ды в целом мало интересовались событиями русской революции 1905—1907 гг., несмотря на то что они затронули и русские поселения на бухарской и хивинской территории. Гораздо большее внимание в Бухаре и Хиве вызвали революция 1907—1911 гг. в Иране и особенно Младотурецкая революция 1908 г. Бухарские и хивинские джади́ды — по вероисповеданию практически все сунниты — были заметно увлечены звучащими из Стамбула лозунгами «политического панисламизма», призывавшего к объединению мусульман всего мира вокруг турецкого султана-халифа. На тюркоязычное население эмирата и ханства был рассчитан и призыв пантюркистов к единению всех тюрков Евразии под руководством Турции. Материалы царской полиции, контрразведки штаба Туркестанского военного округа свидетельствуют об ак-

¹⁴ Цит. по: Тухтаметов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX в. Душанбе, 1977. С. 76.

тивной деятельности накануне Первой мировой войны в Бухаре и Хиве турецкой агентуры¹⁵. В то же время необходимо учитывать, что подавляющее большинство представителей местных мусульманских духовных кругов с подозрением относилось и к светским по своей природе деятелям младотурецкого движения в Османской империи, и к своим джадидам. Все они, с точки зрения исламского традиционализма, слишком поддавались влиянию «неверных» (*кяфиров*), совершали «нечестивые» поступки, нарушали вековые традиции и т.д. В этой ситуации, не имея широкой поддержки внутри бухарского и хивинского общества, местные джаиды в конечном счете вынуждены были искать помощи в России, особенно среди джаидов Русского Туркестана и мусульманских либералов европейских районов империи.

Необходимо подчеркнуть, что возможность какого-либо совместного выступления жителей Бухары и Хивы под едиными панисламистскими и пантюркистскими лозунгами вообще представлялась достаточно сомнительной. Так, Хивинское ханство существовало в условиях перманентного узбеко-туркменского противостояния, кроме того, не прекращалась вражда между туркменскими племенами и родами. Призыв к интеграции мусульман Центральной Азии стал звучать весьма неубедительно после событий 1910 г. в Бухарском эмирате. В начале этого года в Старой Бухаре произошла суннитско-шиитская резня, в ходе которой местное суннитское большинство стало беспощадно истреблять последователей шиизма — выходцев из Персии. Данное кровопролитие было погашено лишь после вступления в столицу эмирата подразделений русской пехоты и казаков¹⁶.

Осенью 1910 г. после кончины хивинского хана Мухаммеда Рахима и вступления на хивинский престол его наследника Асфендияра был поставлен вопрос о проведении ряда реформ на территории ханства. Их замысел в литературе обычно принято связывать с именем тестя нового хана, главы хивинского правительства Ислама-Ходжи. В конечном счете практически все эти реформы ре-

¹⁵ Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (По архивным документам Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи) / Публ. Д.Ю. Арапова // Сборник Русского Исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 128—132.

¹⁶ Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981. С. 71—75.

ализованы не были, а сам Ислам-Ходжа в августе 1913 г. при до сих пор неясных обстоятельствах был убит¹⁷.

Последнее событие снова стимулировало обсуждение в российских правительственных кругах вопроса о будущей судьбе Бухары и Хивы. Речь шла об отстранении от власти местных правителей, ликвидации системы протекторатов и непосредственном включении их территории в состав русских владений. Эта тема, начиная со времен Кауфмана, неоднократно возникала в канцеляриях Петербурга и Ташкента. Первый генерал-губернатор Туркестана полагал, что не стоит сразу ликвидировать бухарский и хивинский режимы. Анализируя эту проблему, Кауфман подчеркивал, что, например, в Бухаре гораздо выгоднее иметь «вполне преданного правителя», чем «самим управлять этой страной и быть вынужденными содержать там значительное войско для ограждения наших интересов и нашего управления»¹⁸.

Дискуссия по данному вопросу продолжилась в начале 90-х гг. XIX в. Русский исследователь, подполковник И.Т. Пославский настаивал на скорейшем непосредственном включении территорий Бухары и Хивы в состав Русского Туркестана. Царский политический агент в Бухаре П.М. Лессар, соглашаясь с тем, что бухарская и хивинская системы власти являются «совершенным анахронизмом», все же полагал, что по тактическим соображениям пока не стоит ликвидировать вассальные российские владения в Центральной Азии¹⁹.

После событий бухарской резни начала 1910 г. вопрос о будущем русских центральноазиатских протекторатов снова заметно актуализировался. Убежденным сторонником скорейшего радикального разрешения этой проблемы выступал туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов. Обосновывая свою точку зрения, он писал Николаю II о том, что «улучшение положения дел, как в Хиве, так и в Бухаре может быть достигнуто только присоединением ханств к России, а все остальное является лишь паллиативами, которые не создадут прочного порядка». Председатель Совета

¹⁷ Подробнее см.: *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. С. 413.

¹⁸ Цит. по: *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII — 80 годы XIX в. М., 1984. С. 286.

¹⁹ Более подробно см.: *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской восточноведческой историографии. С. 58—59.

министров империи П.А. Столыпин, однако, не поддержал это предложение прежде всего по финансовым соображениям. Резко отрицательно выступил министр иностранных дел С.Д. Сазонов, который утверждал, что какие-либо изменения, клонящиеся к модернизации «патриархального быта» бухарцев и хивинцев, могут способствовать активизации враждебных царизму настроений, как в Туркестане, так и во всем зарубежном «мусульманстве». В тот период времени считал нецелесообразным менять существующий статус Бухары и Хивы и сам царь Николай II. Любопытно, что именно тогда в имперских верхах было заявлено о необходимости отложить это решение лет на десять, т.е. до 1920 г. Накануне Первой мировой войны дела в Бухаре и Хиве снова стали предметом разбирательства русских гражданских и военных администраторов, но август 1914 г. оборвал его и отложил решение вопроса о судьбе царских протекторатов в Туркестане на неопределенное время²⁰.

Во время Первой мировой войны, используя благоприятную ситуацию, один из туркменских племенных вождей Джунаид-хан в феврале 1916 г. вошел в город Хиву и попытался занять ханский престол. Царские власти, однако, вмешались в конфликт, т.к. их устраивал полностью зависимый от них прежний хан Асфендияр. Избегая столкновения с российскими войсками, Джунаид вынужден был отступить и затем откочевать в Персию.

§ 7. БУХАРА И ХИВА В 1917—1920 гг.

Февральская революция 1917 г. снова «поставила на очередь вопрос о ликвидации последних остатков средневекового деспотизма в азиатских владениях России» — Бухарском эмирате и Хивинском ханстве²¹. Может быть, менее всех в Туркестане были удовлетворены падением самодержавия власти Бухары и Хивы, неприкосновенность режимов которых становилась теперь достаточно проблематичной. В марте—апреле 1917 г. эмир и хан издали манифесты, где было заявлено о предстоящем преобразовании государственного строя на «выборных началах» и обещано проведение ряда либеральных реформ. Данные заявления приветствовались как Временным правительством России, так и опре-

²⁰ Тухтаметов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. С. 50—62.

²¹ Бартольд В.В. О ханствах Бухарском и Хивинском. Л. 1.

деленными кругами местного населения — джадидами — младобухарцами и младохивинцами. Слухи о возможных модернизационных изменениях вызвали, однако, сразу же серьезное недовольство консервативно настроенных слоев бухарской и хивинской элиты. В апреле 1917 г. в Старой Бухаре было устроено настоящее побоище сторонников реформ, их движение тогда же было подавлено и в Хиве. Уцелевшие джадидамы укрылись на территории Русского Туркестана.

После прихода к власти в Центральной России и в Туркестане большевиков в конце 1917 г. в соответствии с «Декларацией прав народов России» старые русско-бухарские и русско-хивинские договоры были аннулированы и признана полная независимость Бухары и Хивы. Однако уже вскоре в марте 1918 г. советские войска при участии группы младобухарцев сделали попытку занять Старую Бухару. Эта затея тогда полностью провалилась, и 25 марта 1918 г. был подписан мир Советского Туркестана с эмирской Бухарой. В первые месяцы 1918 г. в Хиве к власти фактически пришел Джунаид-хан, поставив на престол номинального хана Саййида-Абдуллу. Старые режимы продержались в Бухаре и Хиве вплоть до 1920 г. Младобухарцы и младохивинцы, укрывавшиеся на советской территории, сотрудничали с новой властью России, некоторые из них даже приняли участие в созданных под эгидой ВКП(б) и Коминтерна Бухарской и Хивинской компартиях. Возникновение подобной политической паузы в решении бухарского и хивинского вопроса было связано с тем, что достаточно долго и Москва, и Ташкент были заняты заботами о «физическом выживании» Советской власти.

К концу же 1919 г. ситуация заметно изменилась: разгром войск Колчака и его сторонников в Приуралье позволил установить надежную систему связи Советской России с Туркестаном, усилить ее контроль над происходящими в Центральной Азии процессами. Пришла очередь определить судьбу двух бывших вассалов монархии Романовых. Первым был решен «хивинский вопрос». В январе 1920 г. последовали события, оцененные советской историографией как Хивинская народная революция. Туркменские племенные вожди, враждебные Джунаид-хану, совместно с группой младохивинцев (практически одних узбеков) под руководством советских представителей и поддержке со стороны Красной Армии объявили о начале революции, низложили по-

следнего хана и провозгласили создание Хивинской народной республики²².

В августе 1920 г. части Красной Армии после нескольких дней боев штурмом овладели Старой Бухарой, режим эмирата был ликвидирован и провозглашено образование Бухарской народной республики. Бухарская и Хивинская республики формально считались независимыми, но фактически оставались протекторатами Российского (теперь Советского) государства, их режимы держались лишь на штыках Красной Армии и прекратили свое существование в ходе национально-государственной реформы 1924—1925 гг., когда их территории были поделены между создаваемыми Москвой Узбекской и Туркменской ССР.

²² Подробнее см.: *Коцанов Б.А.* Право на вторжение (Неизвестные страницы истории Каракалпакии и Хорезма в 1919—1920 гг.). Нукус, 1993. С. 39—46.

Глава 15

ОБРАЗ

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Кочевой мир в глазах российского общества в XVIII — начале XIX в. — Мифы о Востоке в первой половине XIX в. — Образ Туркестана в период установления российского господства — Центральноазиатский цикл художника Верещагина — Россия / Центральной Азии (цивилизаторская миссия империи) — Центральная Азия / России (образ региона в период его экономического освоения) — Российская наука и Центральная Азия — Особенности российского ориентализма — Традиционное искусство Центральной Азии и российское общество.

Когда мы слышим о Русском Туркестане XIX столетия, перед глазами, как правило, встают бескрайние степные просторы с кочующими по ним резвыми табунами и тучными отарами, цветущие оазисы среди безжизненных песков, прозрачная вода, журчащая в арыках вдоль нешироких улиц, чалмы и пестрые халаты местных жителей, запах плова и фруктов, вечно гомонящие азиатские базары, белоснежные хлопковые поля. Одновременно Русский Туркестан — это безраздельное господство косности и фанатизма, благородные руины Самарканда и бесчисленные мечети Бухары, женские фигуры, скрытые от посторонних глаз непроницаемым панцирем паранджи, убогий быт простых людей, страдающих от постоянных эпидемий, восточная роскошь местных богачей. И безусловно, надо всем этим «белый генерал» — символ незыблемости и могущества русской власти.

Таковы наиболее распространенные стереотипы восприятия центральноазиатской окраины империи, возникшие еще в первые годы ее включения в состав России и не потерявшие своего значения до сего дня. Политические, культурные и этнографические

мифы, сотворенные людской фантазией или политической волей правительства, как правило, не в полной мере соответствуют реальности. Наконец они не всегда остаются постоянными, зачастую трансформируясь в свою почти полную противоположность. Все эти тенденции достаточно четко прослеживаются в том образе Центральной Азии, который существовал в российском обществе.

§ 1. КОЧЕВОЙ МИР В ГЛАЗАХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

Тесные контакты России с казахскими жузами наметились еще при Петре I. В период правления его племянницы Анны Иоанновны империя один за другим дарует подданство казахам Младшего, Старшего и Среднего жузов. Новые подданные воспринимались имперским дворянством как хитрый, жадный, многочисленный, свободолюбивый и вместе с тем легкомысленный люд. Модернизированной и вестернизированной российской элите было невдомек, почему кочевое общество не воспринимает достижения современной цивилизации. В то же время отсутствие имперского опыта, невозможность идентифицировать этническое и цивилизационное своеобразие казахов привели к тому, что в восприятии власти и образованного общества того времени казахи стали отождествляться со «знакомыми» и «понятными» поволжскими татарами, что не могло не породить массу политических ошибок. Отсюда и ведение дипломатической переписки на татарском языке, и патронирование распространению ислама, и отношение к местным ханам и султанам как к европейским государям и аристократам.

В просвещенное правление Екатерины II, по вполне понятным причинам, установился стереотип, в соответствии с которым казахи стали восприниматься как простодушные невежественные пастухи, не ведавшие вкуса хлеба, не занимавшиеся земледелием, ибо они просто не знали, как это делается. Они позволяли гибнуть своим отарам и табунам, так как не имели представления о хлебах. Мерзли зимой в кибитках потому, что незнакомы были с плотницким ремеслом.

Этот стереотип побудил правительство к осуществлению «пасторальной» политики в отношении степных подданных империи. Началась кампания по приучению казахов к употреблению хлеба и сенокошению. Для них за счет казны строились сараи для зимов-

ки скота и жилые дома. Опять же за государственный счет началось широкомасштабное строительство сети своеобразных культово-образовательных центров в составе мечети, школы и караван-сарая. Школьников попытались заманивать туда с помощью денежных компенсаций и подарков. Венцом всех этих мероприятий должно было стать введение в степи общеимперского Учреждения для управления губерний. Для подготовки этого мероприятия решили создать для казахов новую пророссийскую судебную систему (управы), основанную на избрании из местных жителей судей и общеимперском делопроизводстве.

Большинство из назначенных мер было приведено в исполнение, однако к намеченной цели (превращение казахов в полноценных подданных империи) не привело. Как и надо было ожидать, казахи не смогли ни понять, ни оценить такой государственной заботы. Они не хотели жить в новых избах, учиться в новых школах, молиться в новых мечетях, судиться в новых судах. И лишь члены судебных управ исправно посещали Оренбург с целью получения жалованья. Напротив, традиционные усобицы и набеги на соседей прочно сохраняли свои позиции. В итоге правительство вынуждено было отказаться от всяких попыток цивилизовать «полудикарей», как тогда говаривали в обществе, и перейти к менее претенциозной, но в чем-то более эффективной политике прикармливания кочевников и решительной борьбы с угодниками скота. Общество было огорчено непокорностью и хищничеством новых подданных империи.

§ 2. Мифы о Востоке в первой половине XIX в.

В отличие от большинства европейцев, для которых «Восток» означал регионы, отдаленные от их дома тысячами километров, для жителей Российской империи, еще в XVI в. включившей в себя азиатские территории, Восток никогда не был далекой экзотикой. Армян, персов, калмыков, бухарцев можно было встретить в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде. Однако, несмотря на постоянство контактов между Россией и Востоком, в первые десятилетия XIX в. продолжал ощущаться дефицит достоверной информации даже о сопредельных азиатских государствах. Весьма смутные представления о южных и юго-восточных соседях господствовали и в правительственных кругах империи. Проникновение

на Восток все еще оставалось делом крайне сложным. Относительно цивилизованные, с точки зрения путешественников, центральноазиатские государственные образования были отделены от России безбрежными просторами Киргизской (Казахской) степи. Иными словами, увидеть Восток изнутри удавалось немногим и сведения, поступающие из Азии, носили неопределенный и отрывочный, а зачастую и ошибочный характер.

В первой половине XIX в. российская пресса начинает уделять все больше внимания восточной тематике. Одним из первых специализированных изданий по Центральной Азии стали Астраханские «Восточные Известия». Эта газета посвящала свои полосы статистическим описаниям восточных государств, вопросам азиатской торговли и этнографии, изучению механизмов осуществления власти на Востоке. В 1815 г. в «Восточных известиях» были опубликованы «Краткие сведения о Хиве, ее народонаселении, управлении и промышленности», наиболее на то время полная и объективная информация о южном соседе. В 1816 г. издание «Восточных известий» прекратилось. Однако интерес к региону в обществе не спадал. В том же году в Астрахани началась публикация «Азиатского музыкального журнала», посвященного исключительно музыкальной культуре Востока. Небезынтересно отметить, что появление востоковедческих изданий было инициировано не имперским правительством или другими государственными учреждениями, а частными лицами, преподавателями астраханской гимназии, прекрасно понимавшими необходимость доступа российской общественности к новейшей информации о крае¹.

Крупным специализированным столичным журналом, посвященным восточной проблематике, стал «Сибирский Вестник» (с 1825 г. «Азиатский Вестник»). Однако особое влияние на российскую общественность оказывали газета «Северная пчела» и журнал «Северный архив», также периодически публиковавшие материалы по восточной тематике. В них появлялись рецензии на выходившие отдельными изданиями отчеты об азиатских экспедициях, фрагменты переводов записок и научных исследований иностранных авторов. Столичные издатели, с одной стороны, реагировали на вкусы своих подписчиков, а с другой — сами стимулировали их интерес к Востоку, способствовали формированию основных

¹ Подробнее см.: *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (Первая половина XIX века). М., 2000. С. 18–24.

дискурсов в восприятии Востока российской общественностью в начале XIX столетия.

Одним из наиболее устойчивых общественных стереотипов того времени было представление о несметных богатствах Востока, способных «дать силу и величие любому государству». Центральноазиатский регион воспринимался элитой России как транзитный пункт на путях китайской, персидской и индийской торговли. Миф о несметных богатствах, доступ к которым Россия должна была получить благодаря развитию сухопутной торговли, стимулировал поиски дипломатических и торговых контактов с Центральной Азией.

Ряд неудачных миссий (Я.П. Гавердовского и А.Ф. Негри в Бухару, Н.Н. Муравьева в Хиву и др.) привел к тому, что в российском обществе постепенно стала таять вера в успешное развитие торговли с центральноазиатскими государствами, осуществление которой невозможно было без обеспечения защиты караванных путей от нападения кочевников. Тем не менее иллюзорная надежда на то, что Россия сумеет занять лидирующее положение в европейско-азиатской торговле продолжала оставаться не лишённой привлекательности. В статье «Мысли о возможности и легкости сухопутного сношения России с Индией и Китаем», опубликованной в 1827 г. в «Северном Архиве», автор уверял: «...индейская торговля с некоторого времени прокладывает сама себе путь через все опасности Бухарии, Хивы и через Киргизские степи до Оренбурга и Макарьевской ярмарки...»².

Представления о Востоке, почерпнутые из художественной литературы, редко выдерживали испытание при столкновении с реальностью. Уверенность в существовании «азиатской роскоши» под влиянием непосредственных контактов постепенно перерождалась в представление об «азиатской бедности». И хотя Восток по-прежнему оставался «роскошным», но «роскошь» теперь фигурировала более в эстетическом значении (как изящество персидского языка, изысканность азиатской кухни и богатство культурного наследия), нежели в материальном.

В первые десятилетия XIX в. в российском обществе бытовало представление о том, что на Востоке принято изъясняться, сдвигая речь аллегориями, метафорами, поэтическими образами.

² Г.Ш. Мысли о возможности и легкости сухопутного сношения России с Индией и Китаем // Северный Архив. 1987. Ч. 25. № 4. С. 380.

Среди источников формирования стереотипа «восточного красноречия» следует назвать публиковавшиеся в популярных периодических изданиях переводы оригинальных произведений восточной литературы и достаточно популярные еще с XVIII столетия литературные стилизации под Восток. Вполне очевидно, что, оказавшись в пределах азиатских государств, представители российской интеллигенции пытались изъясняться в соответствии с представлениями о культуре и этикете посещаемых стран. Однако уже к концу 1830-х гг. стала очевидной бесперспективность ставки на «неуместную затейливость» в стремлении добиться взаимопонимания с обитателями региона. Витиеватость слога в обращении подчиненного к вышестоящему лицу не столько имела целью удовлетворить эстетические запросы последнего, сколько фиксировала строго определенные нормы социальных отношений. Естественно, что в таком контексте все благие намерения представителей Запада воспринимались Востоком как неумелая пародия.

Параллельно со стереотипом восточного красноречия у россиян сформировалось представление о восточной мудрости (морализаторском изречении), которое связывалось с образом восточного правителя, как бы освящавшего самое мудрое слово. Однако близкое знакомство и разочарование в деятельности азиатских правителей-«реформаторов» затронуло и данный стереотип. Со временем восточная мудрость стала восприниматься как вычурная тривиальность, скрывающая отсутствие в словах глубокого смысла.

В середине XIX в. восприятие центральноазиатского региона российским обществом стало претерпевать очередную трансформацию. Особую роль в этом сыграла работа П.И. Небольсина «Очерки торговли России с странами Средней Азии: Хивой, Бухарой и Коканом»³, которая не только повлияла на развитие отечественной экономической мысли, но и на массовые представления о Востоке. Теперь на смену мифа о неисчислимых богатствах Индии, путь к которым лежал через Центральную Азию, постепенно приходило понимание политической, экономической и нравственной отсталости Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Развитие восточной торговли России стало теперь связываться с возможностью изменения (модернизации) политического и экономического устройства данных государств. В это время в центре

³ Очерки торговли России с странами Средней Азии: Хивой, Бухарой и Коканом (Со стороны Оренбургской Линии) Павла Небольсина. СПб., 1856.

внимания оказались предложения о присоединении центральноазиатских стран к империи, выдвигавшиеся еще в 20-х гг. XIX в.

§ 3. ОБРАЗ ТУРКЕСТАНА В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСПОДСТВА

В начале 1860-х гг. эпицентр российской внешней политики сместился в Центральную Азию. Этот регион стал своеобразной компенсацией за поражение в Крымской войне. Здесь нашла выход нерастраченная энергия российского генералитета, жажда побед, славы, наград. Вслед за первыми, в основном информативными сообщениями прессы о ходе продвижения империи в регионе, все больше официальных изданий стали посвящать целые страницы оправданию экспансии на Востоке. У просвещенной общественности формировалось мнение о завоевании Туркестана как средстве защиты южных рубежей империи, о противодействии британской экспансии на Востоке и, что наиболее принципиально, представление о том, что российское завоевание «не составляет бедствия для коренного населения, но, напротив, открывает единственный путь спасения этим племенам, неспособным самостоятельно организовать и управляться»⁴. Покорение азиатских стран должно было восприниматься как несомненное цивилизаторское благо, единственно могущее уничтожить такое архаичное зло, как рабство и работорговля.

Под влиянием этих публикаций формировался достаточно устойчивый имперский стереотип о социально-политической неразвитости азиатских обществ, превращающий их завоевание более развитыми европейскими государствами во благо. Составляющими этот стереотип были представления о полудиких ханах, слепых орудиях в руках дервишей; о занимающейся грабежами полуголодной армии; о трудолюбивых простых подданных, воспринимавшихся собственным правительством как стадо баранов, которых можно стричь, живущих в постоянном страхе за свою жизнь и собственность и видящих свое спасение лишь в чужеземном завоевании. Имперский дискурс сравнивал присоединение центральноазиатских территорий к России и британское господство в Индии с

⁴ Лежан Г. Русские в Средней Азии // Записки для чтения. СПб., 1867. № 10/11. С. 198.

завоеванием варварских племен Римской империей, подчеркивая цивилизаторское значение этих государств в отношении покоренных диких народов.

Непосредственные участники завоевания Центральной Азии имели очень смутное представление о регионе, окрашенное романтическими и историческими ассоциациями. Собираясь в 1882 г. посетить Мерв с разведывательной миссией, российский офицер М. Алиханов-Аварский имел следующие заочные представления об оазисе: «...Недавно прочитанные рассказы Вамбери об исторических судьбах Мерва пробудились в моей памяти с необыкновенной живостью. Воображение рисовало картины интересной *terra incognita*, пользовавшейся в древности громкой известностью... Мысленно я уже носился среди грандиозных развалин древних городов, видевших в своих стенах господство всевозможных религиозных культов, не исключая и христианства... Я точно видел перед собой гробницы разных Алп-Арсланов, наводивших ужас на саму Византию и уводивших в плен ее императоров. Мне почему-то казалось, наконец, что военная экспедиция в Мерв стоит на ближайшей очереди наших предприятий в Средней Азии, и это обстоятельство еще более подстрекало мое возбужденное любопытство»⁵. Неудивительно, что подобным романтическим мечтаниям суждено было разбиться о порой пугающую реальность.

Интересно отражение военных событий в Центральной Азии в сознании солдат. В 1872 г. были опубликованы песни туркестанских солдат, которые, вполне понятно, пронизаны бравированием собственной молодецкой удалью и героизмом, готовностью и желанием реализовать свой потенциал в новых походах; а также принижением боевых и нравственных качеств противника, когда речь идет о коварных Коканде и Бухаре, и терпимостью к рядовым жителям края. Не случайно публикация заканчивалась оптимистичной картиной дружбы, завязывающейся между местными жителями и российскими солдатами. Особенно если учесть, что данная подборка нашла свое место в сборнике, предназначенном для широкой публики — для посетителей Всероссийской политехнической выставки:

Мы уж с сартами сдружились
И с киргизами сжились

⁵ Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881—1885 // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 79.

...
 Как придешь к нему ты в дом,
 Угощает кумысом

...
 И зеленым чайком
 Он обносит с кишмишом.

...
 Друг у друга мы учиться
 Стали, чтоб разговориться,

...
 И теперь уж мирный сарт
 Называет тебя «брат»⁶.

§ 4. ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ЦИКЛ ХУДОЖНИКА ВЕРЕЩАГИНА

Среди людей, участвовавших в формировании представлений о далекой окраине, был молодой талантливый художник Василий Васильевич Верещагин. Недавно возвратившись с Кавказа, он в 1867 г. был определен в чине прапорщика в распоряжение туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Верещагин должен был участвовать в этнографических исследованиях. Уже в начале 1869 г. в Петербурге в здании Министерства государственных имуществ состоялась «Туркестанская выставка», в одном из трех залов которой были помещены этюды и рисунки художника. В двух других со вкусом расположились зоологические коллекции Н.А. Северцова и геологические пробы из Центральной Азии горного инженера Татаринова, а также собранные участниками туркестанских походов различные бытовые предметы, украшения, образцы кустарного производства и азиатского оружия. Столь масштабное знакомство столичной публики с Туркестанским краем не осталось незамеченным.

Второе путешествие Верещагина в Туркестан состоялось в 1869—1870 гг. Теперь, кроме этнографических портретных и романтических пейзажных этюдов, появились небольшие картины и этюды, затрагивающие жанровые сюжеты среднеазиатской жизни:

⁶ *Иванов Д.* Песни туркестанских солдат // *Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки.* М., 1872. Вып. 3. Приложения. С. 246.

«Нищие в Самарканде», «Политики в опиумной лавочке Ташкента», «Хор дервишей, просящих милостыню» и др.

Особое впечатление на российских зрителей оказала серия верещагинских полотен «Варвары». Зрители увидели ужас войны, бесчеловечность и варварство азиатских фанатиков. Мрачные стороны центральноазиатской жизни нашли отражение в полотнах «Двери Тимура (Тамерлана)», «Самаркандский зиндан (подземная тюрьма)», «Продажа ребенка-невольника», «У дверей мечети». Праздничные стороны быта местных народов запечатлелись на холстах «Узбек — продавец посуды», «Богатый киргизский охотник с соколом», «Киргизка» и др. Под влиянием полотен Верещагина у публики формировалось двойственное отношение к новым азиатским владениям России. С одной стороны, регион — прекрасная и благодатная страна, населенная красивыми и достойными людьми; а с другой — оплот архаичного варварства, косности и религиозного фанатизма, нуждающийся в цивилизаторском вмешательстве просвещенной империи. Что до отношения к продвижению в Азии как к таковому, то наряду с его героизацией существовало представление о страсти к завоеванию, жажде военной славы и обогащения за счет рядовых туземцев или ханской казны.

Позднее в своих дневниках Верещагин добавил к изобразительному ряду завоевания Туркестана новые краски: «...Как теперь вижу генерала Кауфмана на нашем дворе, творящего, после всего происшедшего, суд и расправу над разным людом или захваченным в плен с оружием в руках, или уличенным в других неблагоприятных делах. Добрейший Константин Петрович, окруженный офицерами, сидел на походном стуле и, куря папиросу, совершенно бесстрастно произносил: “Расстрелять, расстрелять, расстрелять, расстрелять!”»⁷.

Официальная власть неоднозначно воспринимала творчество художника. То, что не вписывалось в рамки официальной идеологии, вызывало яростное сопротивление. Достоянием публики не должны были стать полотна «Забывтый» (оставленный на поле боя русский солдат), «Вошли», «Окружили — преследуют», «Бача и его поклонники», раскрывающие оборотные стороны войны и нравы местной элиты. Уничтоженные художником, они не получили доступа к широкой аудитории, были исключены из пропагандистской обоймы и дошли до нас только в фоторепroduкциях.

⁷ Верещагин В.В. На войне в Азии и Европе. М., 1898. С. 58.

§ 5. Россия/ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ МИССИЯ ИМПЕРИИ)

Исследования и наблюдения этнографов, военных и представителей туркестанских властей формировали представление о неоднородности коренного населения, напрямую связывавшееся с социогеографическим фактором. Кочевники (казахи и кыргызы) воспринимались как бродячий народ, не достигший уровня развития своих оседлых соседей. Однако слабое усвоение религиозных представлений в их среде рассматривалось как благоприятное условие для осуществления цивилизованного влияния. В первобытной отсталости кочевников российская общественность находила определенную привлекательность: их женщины не ходят закрытыми, многоженство не распространено.

Весьма интересно воспринимался кочевой менталитет. Кочевники в воображении русских выглядели ленивыми и апатичными, мстительными и обуреваемыми необузданными страстями, лживыми и предрасположенными к воровству, хвастливыми и любопытными, суеверными и неопрятными. В общественном сознании продолжало доминировать представление об обусловленности кочевого менталитета влиянием географо-экологической среды. Считалось, что, будучи более близкими к природе, казахи и кыргызы сохраняли все пороки и добродетели детей. И любой европеец в процессе знакомства с ними должен был проходить путь от неприятия к симпатии и уважению. Кочевники рисовались легкомысленными и изменчивыми, врунами поневоле и людьми, легко попадающими под чужое влияние, веселыми и добрыми, поэтичными и музыкальными. Этнографические исследования, начавшиеся практически одновременно с завоеванием края, убеждали россиян в наличии у кочевников богатой эпической поэзии. Наряду с этим существовало убеждение, что именно кочевники наиболее способны к восприятию достижений более высокой цивилизации. Считалось, что именно среди них «русская гражданственность» может привиться гораздо скорее, чем в среде оседлого населения.

Оседлое население (таджики, узбеки, сарты), как правило, представлялись в несколько более мрачных тонах. Они фанатичны и лицемерны, суетливы, когда речь идет о стремлении выгодно что-либо приобрести, и ленивы, когда мираж барыша исчезает. Деспотизм местных правителей и произвол полицейских властей воспитали в них скрытность, подозрительность, хвастовство, склонность

к обману, корысть и нахальство, лесть и низкопоклонство перед властью предрежащими. Жизнь собрата или иноплеменника для них ничто. Зарубить барана, зарезать человека — для них все равно. Общим местом стало впечатление о том, что оседлые народы, некогда испытывавшие цивилизационный подъем, находились теперь в полнейшем упадке и застое.

Подобное отражение центральноазиатской реальности не могло не убедить общество и власть в том, что лучшее будущее для местных народов может наступить только при участии России. Понимая чрезвычайную сложность насаждения общегосударственных начал в среде коренного населения, имперские власти тем не менее были заинтересованы в распространении представления о коренном населении Центральной Азии как о годном для переделки материале и о местной администрации, успешно претворяющей в жизнь достижения европейской цивилизации. В обществе должно было сформироваться мнение об активной преобразовательной деятельности российской власти, распространяющей начала российской гражданственности и создающей основы для христианизации мусульманского населения, уничтожающей рабство и утверждающей равноправие всех подданных империи. Общественность должна была смириться с мыслью о том, что политика империи на Востоке есть «политика самопожертвования, более тратящая на покоренных, чем приобретающая от них»⁸.

Кстати, небезынтересно обратить внимание и на образ центральноазиатских ханств (Хивы и Бухары), навязывавшийся обывателям империи туркестанской администрацией. После обретения ими статуса протекторатов, включения в состав Российской империи и, исходя из внешнеполитических интересов, хивинское рабство перестало выглядеть ужасающе бесчеловечным, а Бухара вновь превратилась в цветущий оазис, ярмарочный караван-сарай, заваленный российскими мануфактурными изделиями. На смену мрачным картинам азиатского деспотизма пришли яркие базарные лубки. Безусловно, новый образ был призван обуздать жажду части имперской публики к продолжению активного военного освоения региона и успокоить британского соседа. Ханства умиротворены и находятся на пути в светлое цивилизованное будущее, куда их ведет просвещенная Россия.

⁸ Подробнее см.: *Терентьев М.* Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. № 9. С. 65—112; № 10. С. 503—529.

Однако под влияние правительственной пропаганды попадала не вся образованная публика. Часть ее, следуя за публицистами, весьма критично воспринимала административные мероприятия новой власти на центральноазиатской окраине, ведущие, по их мнению, к упадку нравственного влияния империи в Центральной Азии. Среди причин последнего назывались отсутствие единообразия административной организации, противоречия между властными органами, карьеризм, алчность и интриги местных чиновников, забывших свое высокое предназначение выполнять на Востоке цивилизующую миссию. Эта группа интеллектуальной элиты обращала внимание на неправомерно высокую численность войск в Туркестане, что воспринималось как стремление укрощать и по-велевать местным населением, как подчинение, а вовсе не просвещение коренных народов, которые покорялись сами российской власти, ища безопасности и свободы от прежних деспотов. Сторонники этой точки зрения также были убеждены, что, подобно европейским империям, Россия призвана осуществлять цивилизаторскую миссию на Востоке, и «в сравнении с Азией Россия всегда будет, конечно, цивилизованной державой, но она может упрочить свое военное и политическое влияние только тогда, когда ее администрация изберет для себя новые пути»⁹.

Неудачи ряда реформ и неспешность проевропейских преобразований в регионе привели к утверждению в 1880-е гг. представления об особой специфике региона. Ю. Россель определил ее следующим образом: «...Мы застали здесь своеобразную жизнь, понятия, общественное устройство, поземельные отношения, все это, правда, несообразное с европейскими взглядами и понятиями, но тем не менее — *живучее*. Этот строй, среди которого мы явились непрощеными цивилизаторами (по взгляду туземцев, да так оно и есть на самом деле), этот общественный и государственный порядок создавался веками»¹⁰. Это вызывало понимание того, что вековые порядки будут меняться с великим трудом.

Цивилизаторский подход империи к Туркестану в полной мере был продемонстрирован на Всероссийской политехнической выставке 1872 г. в Москве, где перед зрителями впервые широко и

⁹ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под. общ. ред. П.П. Семёнова. СПб., 1885. Т. X. Русская Средняя Азия. С. 86.

¹⁰ Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. 1878. № 7. С. 156.

разносторонне была представлена природа, производительные силы и жизнь народов края. Фасад туркестанского павильона был расписан с использованием мотивов самаркандских мечетей и медресе. Внутри были развешаны рисунки, акварели и панно, изображавшие пейзажи и памятники архитектуры Центральной Азии. Туркестанский отдел состоял из семи отделений: географического (собрание карт), естественно-исторического (минералогическая, ботаническая, зоологическая и антропологическая коллекции), сельскохозяйственного, технического (шерсть, шелк, хлопок, масло, мука, спирт и пр.), военного (обмундирование и быт солдат, перевозочные средства, съестные припасы и фураж). Особый интерес привлекало этнографическое отделение, где была осуществлена попытка представить все многообразие этнического состава центральноазиатского региона. Более того, экспозиция отразила и социальное деление местного общества: во всем разнообразии были выставлены жилища богатого горожанина, человека среднего достатка и бедняка. Аналогично экспонировалось и кочевое население. Часть выставки занимал азиатский базар с его лавками, харчевнями, продавцами и покупателями.

Примечательно, что в конце 1880-х гг. появилось первое учебное пособие по географии, истории и этнографии центральноазиатского региона. Оно представляло из себя подборку статей по истории, этнографии и географии Туркестанского края, подтверждавшую все тот же тезис о цивилизующем российско-европейском влиянии. Кыргызы здесь были вечно простуженными, нищими с большими глазами и гнилыми зубами. Казахи — богатыми, довольными жизнью, но все-таки полудикими. Туркмены, покоренные Россией, — способными, предприимчивыми, гостеприимными, но хитрыми. А их единоплеменники, еще не успевшие стать имперскими подданными, — жестокими грабителями-шакалами. В сознание учащихся внедрялась идея о многоплановости задач России в Центральной Азии. Причем все они (и поиск рынка сбыта для московских фабрикантов, и стремление найти новые земли для крестьянской колонизации, и стремление умиротворить край и обезопасить караванную торговлю, и борьба с рабством), воспринимавшиеся как совершенно естественные, были якобы решены Россией с большим блеском, чем задачи англичан в Индии¹¹.

¹¹ Семенов П. П. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям: Учебное пособие для учащихся. М., 1887. Т. VI. Туркестанский край. С. 225, 227.

Характеристика отношения российского общества к Туркестану была бы неполной без упоминания о знаменитом произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы. Картины нравов», публиковавшемся в 1869—1872 гг. в «Отечественных записках». Каким же представлял российскому обществу далекий край весьма популярный писатель? «...Ташкент, как термин географический, есть страна, лежащая на юго-восток от Оренбургской губернии. Это классическая страна баранов, которые замечательны тем, что к стрижке ласковы и после оголения вновь обрастают с изумительной быстротой... Как термин отвлеченный, Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданственности предание о Макаре, телят не гоняющем. Если вы находитесь в городе, о котором в статистических таблицах сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет, острог один и т.д., — вы можете сказать без ошибки, что находитесь в самом сердце Ташкента...»¹²

В реальности к моменту завершения публикации очерков Ташкент, лишь недавно ставший российским, уже имел два учебных заведения, типографию, несколько фабрик, две газеты, музей, библиотеку, детский приют, благотворительное общество, метеостанции. В 1873 г. была создана школа шелководства. И пусть щедринский «Ташкент» был словом нарицательным, пусть казнокрадство, волокита и чванство действительно имели место в Русском Туркестане (а где их не было?), его характеристика столицы генерал-губернаторства волей-неволей накладывалась на впечатления о крае, поступавшие из других источников, а зачастую и перекрывала их.

§ 6. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ/РОССИИ (ОБРАЗ РЕГИОНА В ПЕРИОД ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ)

Вслед за покорением Центральной Азии на смену мифу о регионе как о некоем Эльдорадо пришло понимание необходимости извлечения из края нового богатства — выгод от развития транзитной торговли и использования региона как рынка сбыта российских товаров. Эта идея нашла свое отражение в тезисе об окупаемо-

¹² Щедрин Н. (М.Е. Салтыков). Собрание сочинений. М., 1951. Т. 5. С. 24.

сти военной администрации в новой провинции, долгое время широко распространенном в околоправительственных кругах.

В 1891 г. в Москве открылась первая за весь имперский период истории Туркестана специальная Среднеазиатская выставка. Она была организована по инициативе именно тех отечественных предпринимателей, заинтересованных в извлечении большей прибыли из сырьевой базы края и в овладении туркестанским рынком сбыта. Кроме уже ставших традиционными для подобных выставок военно-исторического, географического и этнографического отделов, важное место в экспозиции занимал отдел сырья, представлявший успехи хлопководства, промышленной обработки хлопка, шерсти, сухофруктов. На импровизированном Самаркандском базаре продавались изделия туркестанских мастеров. Пять залов выставки отводились для размещения «предметов ввоза из России», среди которых особое место занимала продукция московских текстильных фабрикантов. Таким образом Туркестан был заявлен как перспективная территория уже не столько для культурно-просветительного, сколько для экономического освоения российской буржуазией. Успехи промышленного освоения края были подтверждены на Международной выставке пчеловодства, огородничества, виноградарства, виноделия, хмелеводства и специальных культур в Петербурге в 1894 г.

Колониальный характер российского господства в Центральной Азии наиболее ярко отразился на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Здание Туркестанского павильона (где были представлены еще и ханства, Закаспийская область и Степное генерал-губернаторство) поражало посетителей восточной роскошью. Демонстрируя развитие хлопководства, разработку полезных ископаемых, местное текстильное, кожевенное, винокуренное и другие отрасли производства, выставка подталкивала зрителей к мысли о том, что еще не так давно дикие, требовавшие расходов на завоевание, умиротворение и устройство местности стали исправно нести «свою колониальную службу». Иными словами, выставка 1896 г. фиксировала в сознании публики представление о том, что Туркестанский край превратился теперь в преданного слугу империи, став источником дешевого сырья и мощным рынком для сбыта отечественной продукции, в первую очередь текстильной. С этого момента у российского обывателя улетучиваются последние сомнения в колониальном характере имперского господства в Центральной Азии.

Ближе к концу XIX столетия сначала в научном сообществе, а вслед за тем и среди широкой читающей публики стала утверждаться мысль о том, что центральноазиатские народы вступают в период ломки традиционных социально-экономических отношений. Российское господство в регионе вело к распространению оседлости, прекращению массовых разбоев и рабства. Российское общество постепенно подталкивалось к мысли, что пора игры в цивилизаторство проходит, а на смену ей стремится здоровое имперское желание использовать колонию в своих экономических интересах. В повестку дня ставился «хлопковый вопрос». С этого времени Центральная Азия начинает восприниматься как потенциальный и естественный поставщик сырья для российской легкой промышленности.

В этой связи характерно проявление новой тенденции в отечественной публицистике. Прекрасно понимая, что эксплуатировать угнетенных несколько не по-цивилизаторски, пресса убеждала общественность в том, что «туземцы» с готовностью и радостью воспринимают все нововведения российской власти, изменяющие их быт. С другой стороны, они все еще не смогли стать европейцами. Старый стереотип об экспансивности, лени и низком развитии кочевого населения вообще должен был теперь сослужить новую службу. Он должен был развязать руки для использования кочевий под хлопковые плантации. Не умеющий обрабатывать землю не должен ею владеть. Впрочем, и сарты глазами российского наблюдателя виделись скорее торговцами и ремесленниками, нежели трудолюбивыми земледельцами.

§ 7. Российская наука и Центральная Азия

Большую роль в формировании знаний и представлений о Центральной Азии играла российская наука, которая была самым тесным образом связана с властью. Эта связь была взаимной. Ученые, хорошо знавшие восточные языки, привлекались в качестве чиновников на государственную службу. Военные же и администраторы, в свою очередь, сами становились учеными, увлекались научными исследованиями и активно участвовали в формировании знаний о регионе. Значительная роль в научном изучении Центральной Азии принадлежала, в частности, дипломатам и военным, которые во время дипломатических миссий или военных походов занимались

сбором самых разнообразных сведений о центральноазиатском населении, культуре, хозяйстве и т.д.

Примером такого соединения научной экспедиции и государственных обязанностей в XVIII в. была деятельность Оренбургской экспедиции, или комиссии (1734—1744 гг.), которая имела одновременно как административно-дипломатические, так и научные функции. Результаты изысканий комиссии были отражены в работах ее участников — И.К. Кирилова, В.Н. Татищева, П.И. Рычкова. Последний издал труд «Топография Оренбургской губернии», в котором излагались подробные данные о казахах, каракалпаках и других народах Центральной Азии¹³. Сведения о казахах, Бухаре и Хиве содержались в донесениях посольства Ф. Беневени (1721—1725 гг.), посланного в Центральную Азию Петром I.

В первой половине XIX в. появились научные труды, посвященные казахам, например труд А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей». Главным источником информации о южных государствах Центральной Азии являлись дипломатические миссии. Е.К. Мейендорф, участвовавший в 1820—1821 гг. в посольстве А.Ф. Негри в Бухару, по результатам поездки опубликовал на французском языке (и частично на русском) труд «Путешествие из Оренбурга в Бухару», в котором были приведены сведения о казахах, хивинском и бухарском населении, устройстве политической системы центральноазиатских ханств, экономике, культуре и быте¹⁴. На немецком языке результаты экспедиции опубликовал другой участник посольства — Э. Эверсманн. На русском языке о результатах деятельности посольства написал в статье «Новейшее описание Великой Бухарии» Г.И. Спасский. Другой исключительно информативный труд о Бухарском ханстве написал Н.В. Ханыков, участник российского посольства К.Ф. Бутенева в Бухару в 1841—1842 гг.¹⁵

Начало активных военных действий против центральноазиатских государств в середине XIX в. выдвинуло в ряды исследователей региона военных. Все военные походы в Кокандское ханство, Бухарский эмират и Хивинское ханство сопровождались подробными разведывательными изысканиями, многие из них появились

¹³ См. переиздание: *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.

¹⁴ См. переиздание: *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.

¹⁵ *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

в виде научных статей в самых различных журналах и в виде отдельных трудов и воспоминаний. Среди них можно назвать, например работы Л.Ф. Костенко «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» (СПб., 1871) и «Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа» (Т. 1—2. СПб., 1880). Много интересных данных было опубликовано в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии», который издавался в конце XIX — начале XX в.

После образования Туркестанского генерал-губернаторства научная работа в крае была организована в рамках двух специальных институтов, выполнявших официальные функции и входивших в штат Военного министерства. Первый — государственный — Статистический комитет при туркестанской администрации, образованный в 1868 г. Он имел центральный орган в Ташкенте и отделения во всех регионах Туркестанского края. Статкомитет издавал регулярно ежегодник «Статистические материалы для изучения Туркестанского края», в регионах выходили аналогичные областные издания — «Обзор Ферганской области», «Обзор Закаспийской области», «Обзор Сырдарьинской области», «Справочная книжка Самаркандской области». Значительная часть чиновников являлась членами этих статистических институтов и, занимаясь своими непосредственными обязанностями, регулярно печаталась в перечисленных изданиях. Другой орган — негосударственный — Туркестанский кружок любителей археологии был образован в 1895 г. В него входили те же самые чиновники, интересующиеся академическими проблемами. Они издавали ежегодные «Протоколы сообщений и заседаний». В этих журналах и сборниках публиковались работы туркестанских исследователей М.С. Андреева, В.Л. Вяткина, М.Ф. Гаврилова, Н.И. Гродекова, А.Д. Гребенкина, Н.С. Лыкошина, Н.А. Маева, Н.Г. Малицкого, Н.П. Остроумова, А.А. Семёнова и др.

Развивалась научная инфраструктура — возникла Публичная библиотека и Музей этнографии, истории и археологии в Ташкенте, библиотеки и музеи появились в Фергане и Самарканде, основных центрах русской культуры в Туркестане.

Большую роль в изучении Центральной Азии играли Академия наук России и императорское Русское географическое общество. В 1868 г. был учрежден Оренбургский отдел Императорского Русского географического общества, в 1877 г. — Западно-Сибирский от-

дел в г. Омске и его подотдел в г. Семипалатинске. В 1897 г. возник Туркестанский отдел РГО, который занимался изучением окраин империи. Примерно в это же время было создано Восточное отделение Русского археологического общества.

На рубеже XIX—XX вв. о Центральной Азии писали П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Л.С. Берг, И.В. Мушкетов, А.К. Гейнс, Л. Мейер, М. Красовский, правоведы П.Е. Маковецкий, А.И. Добромыслов, этнографы Н.А. Аристов, А.Н. Харузин, Г.Н. Потанин. С экспедициями в Туркестан приезжали Н.А. Северцов, А.М. Миддендорф, В.В. Радлов, В.И. Веселовский, А.П. Федченко и др. Ведущим специалистом по региону считался В.В. Бартольд, главный труд которого — «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» — до сих пор остается классическим произведением об истории Центральной Азии.

§ 8. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА

Особенностью российского ориентализма было участие в колониальном освоении Центральной Азии представителей разных — условно говоря «восточных» — национальностей. Так, большую роль играли башкиры и татары (И. Ибрагимов, А. Диваев, З. Валидов и др.). В изучении Центральной Азии принимали участие также ученые местного происхождения — казахи, узбеки, таджики. Одним из самых известных исследователей середины XIX в. был, например, Ч. Валиханов.

Чокан (мусульманское имя Мухаммед Ханафия) Валиханов родился в 1835 г. в семье казахских султанов из семьи Аблая (потомка Чингис-хана). Его отец служил в системе управления Области сибирских киргизов (казахов), дослужился до чина полковника и получил российское дворянство. В 1847—1853 гг. Валиханов учился в Сибирском кадетском корпусе в Омске, где изучал светские науки, овладел французским и английским языками, знал русский и арабский. Был назначен адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта, активно изучал жизнь казахов, разрабатывал проекты управления. В 1855 г. в составе экспедиции посещал районы расселения северных кыргызов. Он опубликовал целый ряд научных работ и в 1857 г. был избран действительным членом императорского Русского географического общества.

В 1857—1858 гг. в Омске Валиханов общался с Ф.М. Достоевским. В 1858—1859 гг. Валиханов под видом купца отправился в экспедицию в Кашгар, выполняя разведывательные и научные функции. Здесь он собрал уникальный материал о жизни этого региона, а также о соседних центральноазиатских государствах. После он был направлен служить в Главный штаб в Петербурге. В это время появились его основные труды — «Очерки Джунгарии» и «О состоянии Алтышаара». В 1861 г. Валиханов возвратился в Омск и сделал попытку избраться султаном в Атабасарском округе. Активно принимал участие в разработке проекта судебной реформы среди казахов, в которой резко выступал против исламизации казахов. В 1864 г. он участвовал в военных походах М.Г. Черняева против кокандцев. В 1865 г. в возрасте 30 лет Мухаммед Ханафия умер.

Чокан Валиханов был убежденным сторонником просвещения. Он полагал, что только западная культура, наука и система управления позволят центральноазиатским народам, в первую очередь казахам, преодолеть отсталость и неразвитость. Валиханов был против политики насаждения ислама у степных кочевников, которая проводилась при Екатерине II. Как и многие его современники, он был против татарских мулл, считая их основными проводниками ислама в казахских степях. Чокан Валиханов даже не скрывал своих симпатий к христианству, считая его мирное, ненасильственное распространение среди казахов благом.

Российский ориентализм парадоксальным образом сочетал в себе не только науку и государственную службу, что в общем-то является характерной чертой всех империй, но и оба этих института с левым оппозиционным движением в России. Царский генерал и одновременно блестящий ученый с народническими и социалистическими убеждениями был далеко не редкой фигурой в Туркестане.

Пожалуй, самой яркой личностью с подобными характеристиками был Владимир Петрович Наливкин. Он родился в 1852 г. в семье дворян-военных. Окончив Первую Петербургскую военную гимназию и престижное Павловское военное училище, Наливкин отказался служить в гвардейском Измайловском полку и решил продолжить военную карьеру в Центральной Азии. В 1873 г. он участвовал в хивинском походе, а зимой следующего года — в туркменской экспедиции. В 1875 г. В.П. Наливкин принял участие в кокандском походе. Как он признавался позже, война оказалась несовместимой с его гуманистическими убеждениями. Уже тогда

военный верил в то, что просвещение и наука, которые несли русские в Центральную Азию, смогут изменить образ жизни местных народов, избавить их от господства восточной тирании, приблизить к европейской цивилизации.

В 1876 г. Наливкин перешел на военно-гражданскую должность помощника начальника Наманганского уезда, которым в то время был подполковник П.В. Аверьянов, человек явно народнических убеждений, но уже в 1878 г. Владимир Петрович оставил службу и вышел в отставку в чине штабс-капитана. Вместе с женой они поселились в кишлаке Нанай, с чего началась его ученая карьера. Не имея специального востоковедного образования, Наливкин выучил местные языки, познакомился с бытом населения, стал, пожалуй, лучшим знатоком местного общества. С 1880 г. в печати стали появляться первые работы, а в 1886 г. в Казани вышли сразу две книги — «Краткая история Кокандского ханства» и «Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (в соавторстве с женой М.В. Наливкиной). Обе книги имели уникальный характер, были замечены и отмечены дипломированными востоковедами, а вторая удостоилась Большой золотой медали Императорского Русского географического общества.

Глубокие знания местных реалий сразу обратили на себя внимание государственных лиц. В 1884 г. по требованию генерал-губернатора Н.О. фон Розенбаха Наливкин был зачислен на службу в ведомство Министерства народного просвещения и стал заведующим первой русско-туземной школы, что вполне соответствовало его убеждению в необходимости мирной цивилизаторской функции России в регионе. В 1890 г. Наливкин стал инспектором народных училищ Туркестанского края. В 1899 г. Наливкин вернулся на службу в военно-народное управление старшим чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе С.М. Духовском. В эти годы он принимал самое активное участие в формировании политики Туркестанского края по «мусульманскому вопросу». В 1901—1904 гг. В.П. Наливкин был помощником (т.е. фактически первым заместителем) военного губернатора Ферганской области. В 1906 г. Наливкин в возрасте 56 лет вышел в отставку с чином действительного статского советника.

С этого момента начался новый этап в жизни В.П. Наливкина. В 1907 г. он был избран депутатом от Туркестана во II Государственную Думу, где примкнул к трудовикам. Вернувшись в том же году, после разгона Думы, в Ташкент, Наливкин, имеющий весьма левые

взгляды, порвал с прежними знакомыми. В 1913 г. вышла в свет его последняя книга — «Туземцы раньше и теперь», в которой Наливкин выступил с позиций не просто гуманистического цивилизаторства, но и социалистических воззрений. Это означало уже высокие требования к самому российскому обществу стать на тот уровень развития, который бы стал привлекательным для соседних отсталых народов.

Дальнейшая судьба Наливкина сложилась трагически. В апреле 1917 г., уже после крушения империи, он возглавил Туркестанский комитет Временного правительства, т.е. фактически стал первым лицом в крае. Но будучи не готовым к участию в начинающейся гражданской войне, в сентябре был отстранен от этой должности, а в начале 1918 г. покончил жизнь самоубийством.

§ 9. Традиционное искусство Центральной Азии и РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Российское общество получало информацию о восточных окраинах империи не только из отчетов научных экспедиций, сохранивших сведения об антропологии, быте и менталитете коренного населения. Определенным успехом среди читающей публики пользовались публикации местного фольклора.

Многие русские поэты и писатели, путешественники-ученые неизменно обращали внимание на богатство устной поэзии, песенного творчества народов Центральной Азии. В исследованиях А.А. Ивановского, Г.Н. Потанина, Н.И. Веселовского и В.В. Радлова, Н.И. Ильминского и А.А. Диваева, С.Г. Рыбакова и многих других авторов широкому всестороннему анализу было подвергнуто устное поэтическое творчество казахского и кыргызского народов. В произведениях русских писателей отражались обширные интересные сведения о казахской поэзии, песнях и музыке, излагались сюжеты известных в степи поэтических сказаний о народных героях, об извечной борьбе человека за счастье, о единоростве добра и зла.

Так, в досоветский период в российской печати было опубликовано более тридцати вариантов казахской поэтической легенды «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» (сравнивавшейся с «Ромео и Джульеттой»), несколько вариантов кыргызской поэмы «Манас» (своеобразной восточной «Илиады»), произведения Абая Кунанбаева,

многочисленные образцы устного творчества узбеков, казахов, кыргызов, туркмен. В исследовательских работах проводились аналогии с русским былинным творчеством, другими фольклорными жанрами (пословицы, загадки). Весьма интересна в этой связи работа Г.Н. Потанина, в которой он пришел к заключению о единстве эпосов Запада и Востока¹⁶. По его мнению, восточный кочевой эпос и средневековый западный развились из одного общего источника и, разойдясь со временем, не переставали влиять друг на друга. Причем восточный эпос сохранил свою первозданность, а посему представлял для исследователя особый интерес.

Местная музыкальная традиция не только обогащалась благодаря связям с русской музыкой, но и сама оказывала воздействие на творчество некоторых композиторов. В репертуаре русских музыкантов были как русские песни, так и казахские кюйи. Основатель кружка любителей хорового пения, чех по происхождению, В.В. Лейсек одним из первых капельмейстеров записал много народных мелодий, обработал их и издал в виде пьес для концертного исполнения (например «Попурри из сартовских, киргизских и татарских мотивов», исполненное в Ташкенте в 1890 г.). На страницах местных туркестанских и центральных периодических изданий наряду с освещением музыкальных событий европейской культуры затрагивались вопросы музыки центральноазиатских народов.

Первым плодотворность связей между русской и казахской музыкой оценил С.Г. Рыбаков, отметивший, что гениальный А.П. Бородин в опере «Князь Игорь» тонко изобразил особенности музыки восточных народов¹⁷. Фольклором центральноазиатских народов интересовался и А.А. Алябьев, сделавший обработки для голоса туркменских и казахских песен. Часть из них вошла в его сборник «Азиатские песни». В набросках М.П. Мусоргского к опере «Пугачевщина» (по мотивам пушкинской «Капитанской дочки») сохранились наброски казахской мелодии в записи известного путешественника П.И. Пашино¹⁸.

Российские писатели и поэты создавали произведения по мотивам жизни центральноазиатских народов. Особенно большое число подобных литературных произведений написал известный ученый-диалектолог и этнограф В.И. Даль. Несколько рассказов

¹⁶ Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

¹⁷ Этнографическое обозрение. 1909. № 1. Хроника.

¹⁸ Ермакович Б.Т. В созвездии музыкальных культур. Алма-Ата, 1978. С. 26.

принадлежит перу Д.Н. Мамина-Сибиряка. Отдельные зарисовки из быта коренного населения региона имеются у Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, В.Г. Короленко и других писателей. Ряд весьма интересных романтических повестей, отражающих быт, нравы и традиции местного населения оставил Н.Н. Каразин¹⁹. Каразин известен и как художник-иллюстратор, сделавший массу этнографических зарисовок и видов природы Центральной Азии. Многие популярные издания дооктябрьского периода снабжены именно его иллюстрациями.

Значительную долю визуальной информации несли с собой художественные литографии, посвященные региону и издававшиеся солидными по тем временам тиражами в столицах и Ташкенте. Особо следует отметить литографические альбомы О.А. Федченко «Виды Русского Туркестана» и «В Кокандском ханстве», а также «Хивинский альбом» Н.Н. Каразина, впервые познакомившие зрителя с неведомым дотоле краем. Большое количество этнографических рисунков и идиллических зарисовок природы оставил М.П. Кошаров. Серия замечательных пейзажей была написана Т.Г. Шевченко. И пусть эти работы представляют разную художественную ценность, все они сослужили добрую службу в деле приближения российского зрителя и читателя к особенностям загадочной окраины империи. Даже при непосредственном столкновении с азиатской действительностью у многих перед глазами вставали картины, известные по столичным вернисажам и журнальным литографиям²⁰.

Не остались без внимания российских исследователей и произведения местного прикладного искусства, особенно ковроткачества. Не только коллекционирование, но и изучение изделий местных мастериц стали довольно заметным явлением для своего времени. Издавались альбомы орнаментов, каталоги коллекций, возникали дискуссии о природе и связях прикладного искусства Центральной Азии. Но все исследователи в один голос признавали самобытность и уникальность творчества местных художников²¹.

¹⁹ Каразин Н.Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1905. Т. VI.

²⁰ См., напр.: Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901. Т. 1. С. 265.

²¹ См. напр.: Симаков Н.Е. Искусство Средней Азии: Сборник среднеазиатского орнамента, исполненный с натуры Н.Е. Симаковым. СПб., 1883; Семенов А. Ковры Русского Туркестана // Этнографическое обозрение. 1911. № 1/2. С. 137—179.

Приложение 1

С.В. Тимченко (Алматы)

ПРОБЛЕМЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема присоединения Казахстана к России получила довольно широкое освещение во времена советского периода истории Российской империи. Эти вопросы широко обсуждались как на общесоюзном уровне, так и в кругах казахстанских ученых¹. В трудах исследователей Средней Азии и Казахстана, в ходе научных дискуссий, прошедших в 1950-е гг. детально изучались исторические предпосылки и последствия присоединения Средней Азии и Казахстана к России.

В концептуальном плане до 50-х гг. XX в. относительно присоединения нерусских народов к Российской империи господствовала точка зрения «наименьшего зла». В 1951 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья академика М.В. Нечкиной «К вопросу о формуле “наименьшее зло”»². Эта публикация положи-

¹ См., напр.: *Анолова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата, 1948; *Она же.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960; *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957; *Она же.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии; *Басин В.Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971; *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алма-Ата, 1981.

² *Нечкина М.В.* К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4.

ла начало новой дискуссии по проблемам присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Большая часть участников дискуссии согласилась с мнением академика, что формула «наименьшее зло» не может применяться механически и что каждый эпизод присоединения необходимо рассматривать с конкретно-исторических позиций³.

Именно под таким углом зрения стали выходить в республиках Средней Азии и Казахстане монографии и многотомные издания, посвященные присоединению этих территорий к России. В 60-е гг. XX в. в союзных республиках начинают появляться публикации, в которых проводится мысль о добровольном вхождении Средней Азии и Казахстана в состав России⁴. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на утверждение большинства авторов о добровольном характере присоединения, ни в одной из публикаций не отрицалась колониальная сущность политики самодержавной России.

Казалось, что подобная точка зрения, основанная на комплексном анализе источников и тщательно выверенных фактах является объективной и не нуждается в кардинальном пересмотре. Летом 1981 г. Казахская ССР отметила юбилей в ознаменование 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России. По всей республике прошли торжественные празднества. А 28—30 сентября 1981 г. в Алма-Ате состоялась юбилейная научная конференция с участием известных ученых со всего Союза. По итогам конференции был издан красочно оформленный сборник материалов под характерным названием: «Навеки вместе»⁵. Лейтмотивом всех публикаций было утверждение о добровольности вхождения народов Казахстана и Средней Азии в состав России.

Но уже в конце 1980-х гг. в центральной периодической печати стали появляться массовые публикации, направленные на ликвидацию «белых пятен». По мере того как этот процесс набирал темпы, открытые «белые пятна» все более начинали «чернеть».

³ См. дискуссию на эту тему в журнале «Вопросы истории» (1951).

⁴ См., напр.: *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960; *Басин В.Я.* Россия и Казахские ханства в XVI—XVIII в. Алма-Ата, 1969; *Аминов А., Бабаходжаев А.* Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; *Джамгерчинов Б.Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.

⁵ Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982.

26 июля 1990 г. в газете «Казахстанская правда» была опубликована статья академика АН Казахской ССР, директора института истории, археологии и этнографии АН М.К. Козыбаева под названием «Истина и мифы»⁶. Материал был разделен на семь рубрик: Экспансия; Без роду и племени; Разбойник с большой дороги; Убийца в ранге святого; Государевы люди; Легенды, легенды; Истоки фальсификации. Публикация была посвящена Ермаку. В 1991 г. при издании сборника трудов М.К. Козыбаева, в том поместили переработанную статью, под названием «Правда и мифы о Ермаке».

В газетной версии исследователь писал: «...Одна из исторических проблем нашего Отечества — правда о завоевании Сибири. Она жгуче трудна, неудобна, потому что из далекого прошлого бросает тень на сегодняшние отношения народов, что требует объяснений». Развивая далее высказанную мысль, автор подчеркивает: «...При исследовании связанного с этим сложнейшего комплекса проблем необходимо исходить из требований истинности, отражая объективно и добровольное вхождение ряда народов в состав Российской империи и насильственное присоединение части территорий»⁷.

Предметом своего исследования ученый обозначил изучение «важнейших исторических сюжетов, связанных с завоеванием Сибири»⁸. И несмотря на это, оставался вопрос: почему именно Сибирское ханство Кучума, которое находилось далеко не в дружественных отношениях с Казахским ханством привлекло внимание академика? М.К. Козыбаев разъясняет и эту свою позицию. Он пишет: «...Ханство, владевшее сибирской территорией, имело непосредственное отношение и к казахам»⁹. Далее отмечается, что в создании Сибирского ханства принимали участие такие казахские племена, как аргыны, найманы, канглы, а также кипчакские племена, «с давних времен населявшие сибирскую землю»¹⁰. Основываясь на высказанных аргументах, автор заключает: «...Именно поэтому казахов Акмолинской, Семипалатинской областей царское

⁶ Козыбаев М.К. Истина и мифы // Казахстанская правда. 1990. 26 июля; 27 июля; 28 июля.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Козыбаев М.К. Правда и мифы о Ермаке // История и современность. Алма-ата, 1991. С. 137.

¹⁰ Там же. С. 139.

самодержавие подчинило в XIX в. Западно-Сибирскому генерал-губернаторству»¹¹. К тому же М.К. Козыбаев придерживается версии, что Кучум по этническому происхождению был казахом¹².

Из всего этого напрашивается сам собой вывод, что очевидно, царское правительство знало, кто стоял у истоков Сибирского ханства и кем по этнической принадлежности был Кучум, поэтому-то оно и причислило казахское население Акмолинской и Семипалатинской областей к Западно-Сибирскому генерал-губернаторству, поскольку это были земли исторически принадлежавшие тем племенам, которые принимали участие в создании Сибирского ханства. А если это так, то, следовательно, российская экспансия, как назван первый раздел газетной статьи академика, направленная против Сибирского ханства Кучума, является экспансией против казахского народа. Отсюда, видимо, и соответствующие эпитеты в адрес организатора этой экспансии Ермака — «Без роду и племени», «Разбойник с большой дороги», «Убийца в ранге святого» и т.д.

Казахстанский исследователь приходит к выводу, что поход Ермака был лишь «одним из эпизодов в длинной череде агрессивных внешнеполитических акций русского самодержавия»¹³. Эти акции, с точки зрения М.И. Козыбаева, предпринимались с одной целью — уничтожить сопредельные государства и расширить в результате этого подвластные русскому государству территории¹⁴.

Как часто бывает в подобных случаях, выводы М.К. Козыбаева были восприняты многими казахстанскими исследователями как установка и руководство к действию. Появился целый ряд работ, касавшихся русско-казахских отношений и политики России в Казахстане, в которых все мероприятия царской России рассматривались как экспансионистские и агрессивные. А поскольку, по мнению М.К. Козыбаева, «история Сибирского ханства и его завоевания есть составная часть истории предков казахского народа»¹⁵, то по логике вещей сдвигались и хронологические рамки процесса присоединения Казахстана к России с XVIII к XVI в., хотя прямо об этом автор и не говорил.

¹¹ Козыбаев М.К. Правда и мифы о Ермаке // История и современность. Алма-ата, 1991. С. 139.

¹² См.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 280.

¹³ Козыбаев М.К. Правда и мифы о Ермаке.

¹⁴ Там же. С. 151—152.

¹⁵ Козыбаев М.К. Правда и мифы о Ермаке. С. 139.

Вопрос, поднятый М.К. Козыбаевым об изменении хронологических рамок начального этапа присоединения Казахстана к России, получил отклик не только на страницах казахстанской периодической печати, но и нашел поддержку среди некоторых представителей научной общественности. Подобная точка зрения была высказана доктором исторических наук М.Ж. Абдировым в его монографии «Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость». Признавая факт присоединения Казахстана к Российской империи, который официально утвердился в исторической науке, Абдиров, вместе с тем утверждает, что национально-освободительная борьба казахского народа против России началась «именно с хана Кучума»¹⁶.

Развивая высказанную мысль автор пишет: «...Если представить Казахстан в виде осажденной крепости, то Северный Казахстан — его высокая и крепкая Сторожевая башня. Кучум первым встал на пути русского продвижения в Казахстан и остановил его почти на целый век. Поэтому нужно объективно оценить роль хана Кучума в нашей истории и отдать должное его заслугам»¹⁷.

Вопросы, поднятые творческой общественностью республики, требовали пересмотра сложившихся концепций на историческое прошлое Казахстана. И ответом на это явился выход в 1993 г. монографии, подготовленной коллективом института истории и этнологии и Института археологии АН Республики Казахстан, под редакцией М.К. Козыбаева. Книга называлась «История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк»¹⁸. По сей день она используется в качестве учебного пособия студентами вузов, поскольку вузовский учебник по истории Казахстана пока так и не издан.

Третий раздел монографии посвящен проблемам присоединения Казахстана к России. Первая глава названа «Присоединение Казахстана к России: вхождение, завоевание, колонизация»¹⁹. Таким образом, судя по названию главы, несмотря на бурную полемику в научной и периодической печати, где большинство авторов

¹⁶ Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (Из истории военно-казахской колонизации края с конца XVI — начала XX века). Астана, 2000. С. 80.

¹⁷ Там же.

¹⁸ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк / Под ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1993.

¹⁹ Там же. С. 175.

отрицали процесс ненасильственного присоединения Казахстана к России, даже авторы издания сделали попытку объективно оценить этот процесс. Ученые рассмотрели ранние связи Казахстана с Русским государством и отметили, что последнее проявляло заинтересованность в расширении своих государственных границ на востоке. Определяющим фактором, приведшим к более тесным контактам России с Казахстаном, названы завоевание Иваном IV Казанского, Астраханского ханств и Западной Сибири и установление торговых и дипломатических отношений со среднеазиатскими ханствами.

В публикации нет даже намека на пересмотр хронологических рамок присоединения Казахстана к России. Авторы издания характеризуют внешнеполитическое положение Казахстана в конце XVII — начале XVIII в. и приходят к выводу, что созданные по личному распоряжению Петра I такие военно-оборонительные укрепления, как Ямышевская, Омская, Железинская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Коряковская крепости на Верхнеиртышской линии, сыграли определенную роль в защите казахов от опустошительных набегов джунгарских войск. Исследователи приходят к выводу, что наличие в русских крепостях хорошо обученных и вооруженных войск явилось сдерживающим фактором для ойратских феодалов²⁰.

Выясняя причины, заставившие казахских правителей пойти на принятие русского подданства, авторы «Очерков» указывают на обострение социальных противоречий в казахском обществе, усилившейся борьбой феодальной верхушки за пастбища, что, естественно, негативно сказывалось на положении казахской бедноты, вынужденной искать новые кочевья, а они располагались у российских границ. Однако определяющим фактором, ускорившим принятие Младшим жузом российского подданства, названа опасность со стороны Джунгарского ханства. Подобный взгляд практически повторял с некоторыми нюансами точку зрения, утвердившуюся по этому вопросу в советской историографии²¹.

Окончательный вывод по проблеме присоединения Казахстана к России в настоящем издании звучит следующим образом: «Присоединение Казахстана, начавшееся в 30-е гг. XVIII в., завер-

²⁰ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк / Под ред. М.К. Казыбаева. Алматы, 1993. С. 178.

²¹ См. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 68—69.

шилось лишь в конце середины XIX в. и являлось сложным противоречивым процессом. Присоединение казахских жузов происходило в различных внешнеполитических и внутренних условиях. Значительная часть Младшего, некоторые районы Среднего жузов приняли российское подданство добровольно (подчеркнуто мной. — С.Т.). Большая же часть Среднего и часть районов Южного Казахстана были присоединены с помощью военной силы царизма, стремившегося ускорить присоединение края, не считаясь с интересами подавляющей части населения Казахстана, ставя во главу угла стратегические, далекоидущие цели империи в Центральной Азии. Присоединение Южного Казахстана, а затем Средней Азии к России позволило царизму одержать верх в соперничестве с Британской империей»²².

Таким образом, авторы «Истории Казахстана с древнейших времен» попытались дистанцироваться от всякого рода идеологических и конъюнктурных соображений и стремились дать объективную оценку процессу присоединения Казахстана к России.

Однако такая позиция не стала определяющей для всей республиканской историографии. В газете «Столичное обозрение» за 8 мая 1998 г. была опубликована статья академика М.К. Козыбаева «История России есть история страны, которая колонизируется»²³. В материале были выделены следующие разделы: «К вопросу вхождения Казахстана в состав России», «Была ли Россия колониальной империей?», «Каковы этапы завоевания и вынужденного вхождения Казахстана в состав России?», «I этап колонизации края», «Было ли вхождение Казахстана в состав России добровольным?». Позднее в сборнике научных трудов М.К. Козыбаева был опубликован академический вариант этой статьи²⁴.

Автор отмечает, что вопрос оценки включения Казахстана в состав России имеет длительную историю. Он берет начало с момента постановки перед русскими властями Абулхайр-ханом, который, с точки зрения исследователя, понимал события несколько иначе, чем правящая элита Российской империи²⁵. Полемизируя с российским историком д.и.н. В. Виноградовым и заместителем

²² История Казахстана. С. 185.

²³ Козыбаев М.К. История России есть история страны, которая колонизируется // Столичное обозрение. 1998. 8 мая.

²⁴ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиск: В 2 кн. Алматы, 2000. Кн. 1.

²⁵ Там же. С. 98.

начальника историко-дипломатического управления МИД России И.В. Филатовым, М.К. Козыбаев доказывает, что Российская империя была колониальной державой. Своих же диспутантов, отрицающих это, казахстанский ученый относит к «явным и скрытым последователям имперского мышления»²⁶. Вместе с тем следует отметить, что в академических советских изданиях, как общесоюзных, так и республиканских, никогда не отрицался колониальный характер политики царской России в окраинах²⁷.

В статье М.К. Козыбаев ставит под сомнение утвердившийся в советской историографии термин «наименьшее зло», применяемый в отдельных случаях к вопросам присоединения нерусских народов к России. Он пишет: «...В свое время ведущие советские историки страны, рассматривая присоединение Казахстана к России, считали его “наименьшим злом”. Проводя четкую грань между нацией А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского и царизмом, в то же время скажем, что колониализм не имеет человеческого лица, колониализм и гуманизм — антиподы, зло малое и большое, оно олицетворяет национальный гнет, грабеж природных богатств, геноцид. Колониализм, неоколониализм как зло подлежат осуждению»²⁸. С этим выводом вполне можно согласиться. Однако следует добавить, что подобная оценка колониализму давалась и советскими исследователями. Такие термины, как «колониальная администрация», «антиколониальные движения», «колонизаторы», можно найти на страницах третьего тома «Истории Казахской ССР»²⁹.

Говоря об этапах колонизации, М.К. Козыбаев отмечает, что первый начался с завоевания Сибири, когда «на чужой земле лихорадочно строились русские города и крепости»; второй этап, который автор называет стратегическим, «связан с именем и деяниями Петра I»³⁰. Казахстанский исследователь утверждает, что стратегия и тактика установки, данной Петром I об установлении «протекции» над казахской степью, разрабатывалась с 1722 г. государствен-

²⁶ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиск: В 2 кн. Алматы, 2000. Кн. 1. С. 99.

²⁷ См., напр.: История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: В 12 т. М., 1967. Т. IV. С. 439—451; Т. V. Гл. VI, IX; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 225—250.

²⁸ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков. С. 100.

²⁹ См. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 176, 194, 231, 244.

³⁰ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков. С. 102.

ным аппаратом Российской империи и продолжалась после смерти Петра³¹.

Между тем высказанная мысль не подтверждается источниками. И на наличие такой программы в царской администрации не указывает ни один из исследователей, занимавшийся Петровским временем³².

Строительство же русских крепостей в Западной Сибири автор рассматривает как «захват» и «оккупацию» казахских земель, до этого завоеванных джунгарами. М.К. Козыбаев выражает свое несогласие с утверждением, что строительство русских военных укреплений велось с целью обороны кочевников. Он заявляет далее, что царской администрацией была организована «рейдовая война» на пограничные казахские земли со стороны башкир, волжских калмыков, яицких казаков и сибирского войска, что вело к дезорганизации освободительной войны казахского народа против джунгар. В подтверждение высказанной посылки М.К. Козыбаев указывает, что башкиры и волжские калмыки, являясь российскими подданными, преднамеренно шли на обострение отношений с казахами³³.

Данный вывод также не подтверждается никакими ссылками на источники. В специальных исследованиях, посвященных взаимоотношениям России, Джунгарского ханства и казахских жузов, обозначенная автором проблема излагается в несколько иной интерпретации³⁴.

Следуя намеченной установке негативно описать роль России, в 1990-е гг. было написано несколько научных трудов и диссертаций, в которых ставился акцент на насильственной стороне присоединения Казахстана к Российской империи: *А.Ж. Байхожаев* «Сырдарьинская военно-политическая линия в системе колониальной политики царизма в Северном Приаралье и Южном Казахстане (40—60-х годов XIX в.)» (Алматы, 1999); *Х.А. Аубакирова* «Участие

³¹ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков. С. 109.

³² См., напр.: *Павленко Н.И.* Петр Первый. М., 1976; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989; *Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М., 1989; *Мавродин В.В.* Рождение новой России. Л., 1988; *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990.

³³ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков. С. 109.

³⁴ См.: *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1983; *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи XVII—XVIII вв. Алма-Ата, 1991; *Он же.* Джунгарское ханство и Россия. Барнаул, 1998; *Касымбаев Ж.К.* Под надежную защиту России. Алма-Ата, 1986.

Сибирского казачества в подавлении национально-освободительного движения казахского народа под предводительством султанов Саржана и Кенесары Касымовых (1824—1847 гг.)» (Астана, 2000); *Ж.С. Мажитова* «Военное присутствие России в северо-западном Казахстане в XVII—XIX вв.» (Караганда, 1997); *Р.Х. Сариева* «Колониальная политика царизма в Казахстане на примере Тургайской области (1868—1914 гг.)» (Алматы, 2002).

В отдельных диссертациях предпринимается попытка выяснить движущие мотивы продвижения России в ее восточном направлении. Так, например, А.Ж. Байхожаев считает, что активизация российской восточной политики в 40—60-е гг. XIX в. определяется внутривосточными, внешнеполитическими и экономическими причинами³⁵. В основе внешнеполитических факторов автор усматривает англо-русские противоречия в Центральной Азии и усиление агрессивности среднеазиатских ханств, особенно Хивы. К мотивам российского продвижения на Восток диссертант относит стремление правящих кругов России к установлению «естественных географических границ». Байхожаев пишет: «...Наконец, военно-колониальное движение должно было удовлетворить потребность разрастающейся империи в определенности своих южных границ, доведением их до естественных географических рубежей...»³⁶.

Видимо, в качестве внутривосточного фактора российского продвижения на Восток, по мнению автора, было стремление российских властей перенести роль «европейского жандарма» на колониальные окраины. Подобное утверждение носит не более чем умозрительный характер, поскольку именно в это время, как и в 50-е гг. XIX в., Петербургский кабинет требовал от представителей российской администрации на местах проводить крайне осторожную политику по отношению к казахскому населению. Например, в послании от 14 мая 1847 г., направленном командиром Оренбургского корпуса начальнику вновь учреждаемого Аральского укрепления, предписывалось: «...Вообще же стараться: чтобы киргизы видели в нас более справедливых судей, защитников своих и водворителей общего порядка, но не мстителей и опустошителей аулов, предпринимающих поиски для корысти и добычи»³⁷. При-

³⁵ *Байхожаев А.Ж.* Сырдарьинская военно-политическая линия в системе колониальной политики царизма в Северном Приаралье и Южном Казахстане (40—60-х годов XIX в.). Алматы, 1999. С. 45—46.

³⁶ Там же. С. 46.

³⁷ *Серебряников А.Г.* Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1847 г. Ташкент, 1914. С. 99.

мерно такие же указания давались военным губернаторам Семипалатинской области Ф.А. Пановым, отправлявшемуся на правый берег реки Чу для рекогносцировки местности летом 1859 г. М.И. Венюкову. Панов писал: «...Действия Ваши должны непременно сохранять характер миролюбивый до последней крайности»³⁸.

Такой же позиции придерживался и начальник Амударьинской флотилии А.И. Бутаков, который крайне негативно относился к самой идее продвижения России в Средней Азии. Но после образования Сырдарьинской линии он заявлял, что теперь обязанностью России является защищать новых жителей империи. А.И. Бутаков подчеркивал, что поскольку «Сырдарьинская линия существует, мы не можем без урона чести России оставить ее, мы обязаны защитить новых кочевых подданных России, приобретенных весьма дорогою ценою, и нам было бы постыдно покинуть их снова на произвол и мщение коканцев»³⁹.

Приведенные свидетельства не очень-то подтверждают утверждение А.Ж. Байхожаева о «жандармских» устремлениях России в колониальные окраины.

Однако большинство казахстанских историков придерживаются именно этих позиций. В качестве примера можно привести еще одну диссертацию, автором которой является К.К. Кенжебеков⁴⁰. Не вдаваясь в анализ содержания, перечислим вопросы, ставящиеся исследователем. Глава I называется «Военная политика царизма в крае после начала присоединения Казахстана к России»; вторая глава — «Отдельный Оренбургский корпус — ударная военная сила царского самодержавия в оккупации территории Казахстана». Заглавие третьей главы звучит так: «Отдельный Сибирский корпус и его роль в военной колонизации края». Можно подумать, что речь идет о фашистской Германии и ее политике на временно оккупированных советских территориях.

В 1999 г., в казахстанских издательствах были опубликованы две монографии, в которых авторы несколько с иных позиций, в отличие от основной массы казахстанских историков, излагают процесс присоединения Казахстана к России. Одна из книг принадлежит к.и.н. И.В. Ерофеевой, другая — д.и.н., профессору Ж.К. Касым-

³⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 363. К. 7. Ед. хр. 26. Л. 1.

³⁹ РГВИА. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об. — 5.

⁴⁰ Кенжебеков К.К. присоединения Казахстана к России (1731—1864 гг.). Алматы, 2000.

баеву. Обе публикации носят биографический характер. Монография И.В. Ерофеевой посвящена казахскому хану Абулхайру⁴¹, а работа Ж.К. Касымбаева освещает жизнь и деятельность шести казахских правителей, находившихся у власти в различные хронологические периоды XVIII в. Это Абулхайр-хан, Барак-султан, Аблай-хан, хан Нуралы, Ерали-хан и Есим-хан⁴².

Книга И.В. Ерофеевой посвящена исторической личности, вокруг которой продолжают ожесточенные споры среди казахстанских историков и публицистов. Политическая биография казахского хана написана исследовательницей на основе обширной базы источников (автором привлечены документы из 11 архивохранилищ). Ученый анализирует материал на фоне социально-экономических и политических процессов, происходящих в казахских жузах, определяя место своего персонажа в сфере международных отношений в целом. Довольно обширной является проблематика исследования. И.В. Ерофеева очень обстоятельно приводит структуру казахского общества на рубеже XVII—XVIII вв., уделяя пристальное внимание его социальной стратификации, давая характеристику обнаруженным ею многочисленным социальным группам, рассматривая генезис каждой из них⁴³.

Вызывает интерес попытка автора уйти от традиционного подхода в реконструкции политического портрета исследуемой личности. И.В. Ерофеева не просто описывает основные вехи жизнедеятельности казахского хана, а стремится выяснить социально-психологические механизмы, повлиявшие на формирование Абулхайра как политического деятеля. Процессу становления казахского хана как политика исследовательница посвящает целый раздел⁴⁴.

Ученый высказывает оригинальную, хотя и, наверное, не совсем бесспорную точку зрения на изначальные мотивы, побудившие Абулхайр-хана решиться на принятие российского подданства. И.В. Ерофеева считает, что определяющим фактором в принятии казахским ханом судьбоносного решения для казахского народа была жесткая позиция представителей башкирской элиты и прежде всего тархана Алдара. Она пишет: «...Причем, сама идея российс-

⁴¹ *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр: Полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.

⁴² *Касымбаев Ж.К.* Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы, 1999.

⁴³ См. подробно: *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр. С. 26—50.

⁴⁴ Там же. Хан Абулхайр. С. 90—104.

кого протектората для казахских жузов была поставлена тарханом Алдаром перед Абулхайром в качестве неперемennого условия будущего мирного соглашения между казахами и приуральскими башкирами и последующего возвращения из башкирского плена казахских джигитов, захваченных в предшествующие годы его людьми в ходе многократных набегов в приграничные казахские аулы»⁴⁵.

Таким образом, И.В. Ерофеева выражает несогласие с большинством исследователей истории присоединения Казахстана к России, утверждавших, что определяющим фактором, повлиявшим на позицию Абулхайр-хана, была джунгарская угроза. Она считает, что ведущими мотивами, заставившими казахского хана пойти на принятие российского подданства были обострение отношений с башкирами и ногайцами и резкое ухудшение земельного вопроса в результате ойратского нашествия⁴⁶.

Исследовательница обстоятельно характеризует и позицию России по вопросу присоединения казахов Младшего жуза к России, подтверждая свои доводы ссылками на источники. Согласно представленному материалу, в элитных кругах самодержавной России не было особой эйфории относительно присоединяемой к ней территории. Подтверждением этого является отказ Петербургского кабинета в 1726 г. на просьбу казахов о принятии их в российское подданство. Данный факт как-то не вписывается в «кровожадность» и патологическую «агрессивность» России, которая только и «мечтала» о том, как бы кого-то завоевать, о чем пишут сегодня некоторые современные казахстанские авторы.

Причины изменения в подходе к этому вопросу российских властей исследовательница объясняет следующим образом: царское правительство предполагало, что в результате утверждения России в казахских жузах «прекратятся набеги казахов на российских подданных и укрепится безопасность юго-восточных границ страны, казахские султаны и старшины будут сопровождать торговые караваны по степи и предотвращать их разграбление своими соплеменниками, возвратят захваченных ими раньше русских пленных, повысится международный престиж России как великой державы и т.п.»⁴⁷.

Но главным мотивом, определившим решение царской администрации удовлетворить просьбу Абулхайр-хана, по мнению

⁴⁵ См. подробно: *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр. С. 186.

⁴⁶ *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр. С. 184.

⁴⁷ Там же. С. 192.

И.В. Ерофеевой, были опасения российских властей возможного сближения казахов и башкир и их совместных действий против России.

Наряду с концепцией И.В. Ерофеевой относительно присоединения Казахстана к России, которая отличается от позиции большинства казахстанских историков, в некоторой степени своеобразен и подход Ж.К. Касымбаева. Он считает точкой отсчета присоединения Казахстана к России начало XVIII в. Говоря о мотивах продвижения России в Казахстан, автор называет такие факторы, как стремление российских властей и русского купечества укрепить восточную линию государственных рубежей по Иртышу и пополнение государственной казны за счет открытия богатых месторождений драгоценных металлов. Об их неисчерпаемости в Центральной Азии поступали сведения к русским властям с самых различных источников⁴⁸.

Ж.К. Касымбаев подробно описывает процесс возведения российских крепостных сооружений в районе Прииртышья. Он указывает на их военно-оборонительный характер и подчеркивает, что, оценивая их роль, «не следует придерживаться однозначной трактовки»⁴⁹. Исследователь отмечает, что изменение их функций происходило в течение всего XVIII в. «Если же определенно выразить позицию относительно роли Верхнеиртышских и Алтайских крепостей, — заключает автор, — то должно зафиксировать объективный факт оберегания ими казахского населения, испытывавшего невероятное давление иноземных опустошительных нашествий». Правда, далее автор добавляет, что российские укрепления носили также и военно-наступательный характер⁵⁰.

Несколько отличается и трактовка исследователем места и роли Абулхайр-хана в истории казахского народа. Отвечая некоторым радикально настроенным национал-патриотам, Ж.К. Касымбаев пишет: «Сторонники гипернезависимости, зараженные патристическим угаром, не вникая в суть крайне неблагоприятной ситуации, сложившейся в первой трети XVIII в. в казахских степях, обвиняют славного сына казахского народа чуть ли не в предательстве национальных интересов казахов, не держа в руках ни одного архивного документа. Отдельные ретивые писатели несколько узко

⁴⁸ Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). С. 5—6.

⁴⁹ Там же. С. 8—13.

⁵⁰ Там же. С. 13.

представляют историческую миссию хана, даже отвергают те истинные мотивы обращения хана к Российской императрице, которые отражены в печатных источниках ныне вполне доступных для широкого круга читателей»⁵¹.

Ж.К. Касымбаевым опубликован целый ряд работ, посвященных казахским ханам, в которых он затрагивает вопросы взаимоотношения Казахстана с Россией и в какой-то степени касается проблем присоединения Казахстана к Российской империи⁵². В монографии об истории города Семипалатинска автор обращается и к вопросам присоединения края. Он высказывает мысль, что на завершающем этапе присоединения Казахстана к России определяющими были два фактора. К первому Ж.К. Касымбаев относит развитие российского капитализма «вширь», что создавало возможности, с точки зрения автора, для российского капитала «обогащения методами первоначального накопления» и укрепляло «заинтересованность царизма в завершении присоединения Казахстана к Российской империи»⁵³. Вторым движущим мотивом было англо-русское соперничество за влияние в Средней Азии и Казахстане. «После Венского Конгресса, — пишет автор, — это соперничество еще более усилилось, в связи с чем царское правительство решительно активизировало свою политику колониальных захватов и, в частности, завершение присоединения Казахстана, который, помимо всего прочего, служил для российского империализма плацдармом для проникновения в Среднюю Азию»⁵⁴. Ж.К. Касымбаев считает, что на заключительном этапе присоединения Казахстана к России со стороны последней были применены силовые методы.

1 июля 2001 г. в г. Алматы состоялась международная научно-практическая конференция под названием «10 лет суверенного Казахстана: история и перспективы». Материалы конференции были опубликованы в журнале «Отечественная история»⁵⁵. Со вступительным словом выступил академик М.К. Козыбаев. Он затро-

⁵¹ Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). С. 62.

⁵² См.: Касымбаев Ж.К. Хан Кене. Алматы, 1993; *Он же*. Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. Алматы, 1995; *Он же*. Хан Жанторе (1759—1809). Алматы, 2001. Т. 3; *Он же*. Жангир-хан (1801—1845). Алматы, 2001. Т. 4.

⁵³ Касымбаев Ж.К. История города Семипалатинска (1718—1917). Алматы, 1998. С. 175.

⁵⁴ Там же. С. 175—176.

⁵⁵ См.: Отечественная история. 2001. № 3.

нул проблемы присоединения Казахстана к России: «Хочу особо подчеркнуть фактор героической традиции. Из истории известно, что Российская империя отдала завоеванию Кавказа 47 лет, Сибирского ханства — 16 лет, Астраханского ханства — 4 года, Средней Азии — 3 года, Казани — 40 дней. Покорение Степного края началось с похода Ермака в 1582 г. и закончилось завоеванием юга Казахстана в 1864 г. То есть весь период колонизации занял 282 года. Почти три века»⁵⁶.

В 2000 г. Национальной академией наук Республики Казахстан был опубликован третий том нового издания «История Казахстана с древнейших времен до наших дней». В историографическом разделе этого тома выражается несогласие с авторами «Истории Казахстана» 1993 г., в котором говорится, что «значительная часть Младшего, некоторые районы Среднего жузов приняли российское подданство добровольно»⁵⁷. Авторы третьего тома считают, что такая постановка вопроса «не отражает историческую истину»⁵⁸. Далее повторяется оценка, данная этой проблеме академиком М.К. Козыбаевым.

В заключение раздела о присоединении Казахстана к России, авторы, несмотря на явное неприятие марксизма, ссылаются на известную цитату К. Маркса о прогрессивной роли России по отношению к Востоку. Они упрекают российских историков, что последние при цитировании Маркса опускали слова «несмотря на всю подлость и славянскую грязь». А это, с их точки зрения, придает цитате совершенно иной смысл. «Что же изменилось сегодня в оценке роли России для народов Востока?» — задаются вопросом казахстанские историки и отвечают на него следующим образом: «После завоевания суверенитета и независимости слова К. Маркса “несмотря на всю подлость и славянскую грязь” наполнились конкретным содержанием. “Вся подлость и славянская грязь” России для народов Центральной Азии однозначно состояла в колонизаторстве, политике геноцида и этноцида, русификации, изъятии плодородных земель у казахов, в подавлении национально-освободительного движения и т.д.»⁵⁹.

⁵⁶ Козыбаев М.К. Независимость — столбовая дорога к прогрессу // Там же. С. 15.

⁵⁷ История Казахстана. С. 185.

⁵⁸ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алматы, 2000. Т. 3. С. 18.

⁵⁹ Там же. С. 22.

Правда, после этой «впечатляющей» сентенции о геноциде, авторы «истории» скромно отмечают, что «исследователи Казахстана, за редким исключением, по-прежнему всемерно отмечают цивилизаторскую роль России по отношению к Востоку»⁶⁰. Это утверждение не совсем соответствует истине. Скорее всего, редким исключением бывает, когда об этом упоминается. А чаще всего употребляются такие дефиниции, как «завоевание», «экспансия», «геноцид», «этноцид», «агрессия». Даже распространение школьного образования на присоединенных территориях Казахстана, что в недавнем прошлом рассматривалось как явление прогрессивное, приобщающее казахский народ к мировой культуре⁶¹, сегодня расценивается как этноцид. На это обращает внимание к.и.н. З.Т. Садвакасова. Она, в частности, пишет: «...После установления военного и политического господства (в Казахстане. — С.Т.) царское правительство приступило к следующему этапу — проведению политики обрусения... Распространению русского языка среди инородцев обращалось особое внимание. Главными и безропотными объектами при выполнении этой важной государственной задачи стали дети. Через них благодаря наличию русско-киргизских, казахских, церковно-приходских школ начался этноцид казахского народ»⁶².

Следует отметить, что даже в публикациях казахстанских авторов, выходящих в российских изданиях, акцент делается в большей степени на силовой характер присоединения Казахстана к России⁶³, который действительно имел место. Однако наряду с этим было и другое, в том числе и позитивные результаты присоединения Казахстана к России, о чем нередко некоторые казахстанские авторы умалчивают.

⁶⁰ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алматы, 2000. Т. 3. С. 23.

⁶¹ См.: *Кереева-Канафиева К.Ш.* Русско-казахские литературные отношения (Вторая половина XIV — первое десятилетие XX века). Алма-Ата, 1980; *Бурабаев М.С., Сегизбаев О.А.* Идеиные связи общественно-философской мысли Казахстана и России (Вторая половина XVIII — начало XX века). Алма-Ата, 1987.

⁶² *Садвакасова З.Т.* Использование междисциплинарных связей в курсе отечественной истории // Международная научно-практическая конференция «Казахстан на рубеже XXI века: Межгосударственные и межнациональные отношения». Алматы, 2001. С. 165—166.

⁶³ См., напр.: *Сутеева К.А.* Русские военные историки XIX века о причинах и мотивах движения России на Восток (В Среднюю Азию и Южный Казахстан) // Центральная Азия и Сибирь. Барнаул, 2003. С. 100—116.

К сожалению, не всегда наличие объективного анализа присутствует в работах других исследователей. По заданию министерства образования Казахстана в республике стали создаваться собственные учебники, в том числе и по истории. Преподавать по российским учебникам учителям не разрешается. И вот в 2001 г. был издан учебник по истории Древнего мира для пятого класса, автором которого является Т.А. Тулебаев⁶⁴. Как известно, история Древнего мира является составной частью всеобщей истории и обычно вопросы отечественной истории в ней не освещаются, поскольку они излагаются в изданиях по истории Отечества. Однако автор указанного учебника решил нарушить традицию. В последнем, тридцатом параграфе, в разделе «пережитки родоплеменного строя у казахов», автор почему-то решил обратиться к проблемам, хронологически относящимся к истории нового и новейшего времени. Т.А. Тулебаев пишет: «Как и у многих кочевых народов, признаки родоплеменных отношений долго сохранялись и у казахского народа. И главная причина их сохранения до последнего времени (подчеркнуто мной. — С.Т.) заключалась в захватнической колониальной политике, которую проводила Россия в Казахстане. Россия почти 260 лет властвовала на казахской земле, присваивая себе ее богатства. Сначала были отняты у казахов самые плодородные земли, самые богатые пастбища, самые красивые достопримечательные места, которые казахи защищали в течение веков кровью и потом. Казахи, испокон веков, являющиеся истинными хозяевами этих земель, были оттеснены к гористым, пустынным, неплодородным местам»⁶⁵.

Следуя логике рассуждений автора, сам собой напрашивается вывод, что российские власти создали на территории Казахстана нечто подобное резервациям для индейцев, которые образовывала Англия в Северной Америке. Но если учесть временной промежуток российской колонизации в Казахстане на протяжении 260 лет, что пытается доказать автор учебника, то можно решить, что подобные резервации существовали в Казахстане в недавнем советском прошлом. Только непонятно, что подразумевает под резервациями Т.А. Тулебаев? Может быть, Казахстанскую академию наук, где он недавно защитил докторскую диссертацию, или, может быть, сот-

⁶⁴ Тулебаев Т.А. История Древнего мира: Учебник для 5 класса общеобразовательной школы. Алматы, 2001.

⁶⁵ Там же. С. 171.

ни заводов на территории Казахстана, имевшие союзное значение? Ответа на эти вопросы в учебнике нет.

Но еще более «впечатляющим» звучит вывод автора. Он пишет: «...Колонизаторы придерживались тактики “разделяй и властвуй”. При этом они просто разделили казахский народ на три части по признаку “жуза”...»⁶⁶. Таким образом, согласно утверждению Т.А. Тулебаева, три государственных образования в лице Старшего, Младшего и Среднего жузов возникли не в результате внутренних факторов, а были созданы «коварными» колонизаторами, которые использовали это деление в своих «своекорыстных интересах» до последнего времени. Можно представить, какие исторические представления будут сформированы у школьников после изучения такого учебника.

Однако следует отметить, что наряду с подобными публикациями, стали появляться работы, авторы которых, отбросив идеологические клише пытаются действительно осмыслить крайне непростой и противоречивый процесс присоединения Казахстана к России. Подобная попытка была предпринята коллективом весьма объемного и красочно оформленного издания «История Казахстана: народы и культуры», которое обозначено как учебное пособие⁶⁷.

Раздел по присоединению Казахстана к России в этой публикации написан И.В. Ерофеевой. В целом она придерживается концепции, высказанной ею в предыдущих работах. В данном же издании исследователь предлагает свою периодизацию присоединения Казахстана. Она считает, что этот процесс можно условно разделить на четыре периода. Первый период охватывает 30—40-е гг. XVIII в. И.В. Ерофеева называет его эпохой распространения формально-правового сюзеренитета Российской империи на казахское население Младшего и частично Среднего жузов. Второй период, по мнению автора, хронологически падает на 50-е гг. XVIII — начало XIX в. Он оценивается исследователем как эпоха постепенного утверждения государственно-политического протектората Российского самодержавия над казахскими жузами. Третий период присоединения автор относит к 20-м — середине 50-х гг. XIX в., он характеризуется глубоким реформированием всех институтов власти в Казахстане, вовлечением казахского общества в процесс го-

⁶⁶ Тулебаев Т.А. История Древнего мира: Учебник для 5 класса общеобразовательной школы. Алматы, 2001. С. 171.

⁶⁷ Алексеев А.Н., Абылхожин Ж.Б., Баратова Г.С. и др. История Казахстана: Народы и культуры: Учебн. пособие. Алматы, 2000.

сударственного строительства и развитием системы территориально-административного управления. И наконец, четвертый период исследователь обозначает концом 50-х — 60-ми годами XIX в. И.В. Ерофеева подчеркивает, что это был период утверждения российского суверенитета на всем географическом пространстве региона. Этот хронологический промежуток, отмечает автор, характеризуется вовлечением всех казахских социально-территориальных групп в административно-политическую систему Российского государства⁶⁸.

Автор подробно освещает все изменения, происходившие в казахском обществе на протяжении каждого выделенного им периода и показывает последствия этих процессов. И.В. Ерофеева отмечает, что присоединение Казахстана к России было продолжительным во времени и очень сложным по содержанию явлением.

С подобных позиций характеризуют процесс присоединения Казахстана к России и некоторые другие ученые. В этой связи следует назвать две статьи Х. Табылдиева и В. Панова. В первой из них дается обзор русско-казахских связей, выясняется их генезис и характеризуется внешнеполитическое положение Казахстана и России в первой четверти XVIII в. Исследователи обращают внимание на заинтересованность обоих субъектов друг в друге и отмечают закономерность их сближения. С точки зрения авторов, на активизацию внешней политики России как на Западе, так и на Востоке повлияли такие факторы как увеличение ремесленного производства в стране, рост товарного обращения между отдельными областями Российской империи и формирование единого всероссийского рынка⁶⁹. Названные причины, по мнению исследователей, заставляли Петербургский двор принять меры для стабилизации своих границ на Западе, активизировать торгово-хозяйственное освоение Сибири и искать пути для расширения торговых связей с Центрально-Азиатским регионом и Средней Азией.

Основным фактором, заставившим Абулхайр-хана пойти на принятие российского подданства, считают авторы, явилась джунгарская угроза. Исследователи отмечают, что хан Абулхайр «уже тогда понимал, что только с помощью России можно устранить

⁶⁸ Алексеев А.Н., Абылхожин Ж.Б., Баратова Г.С. и др. История Казахстана: Народы и культуры: Учебн. пособие. Алматы, 2000. С. 170—175, 184.

⁶⁹ Табылдиев Х., Панов В. Внешняя политика России в Центральной Азии в первой четверти XVIII века // Поиск. (Серия гуманитарных наук.) 2002. № 3. С. 45—46.

опасность угрожавшую не только самостоятельности, но и самому существованию казахского народа»⁷⁰.

Вторая статья Табылдиева и Панова концептуально повторяет предыдущую. Однако авторы обращают в ней внимание на экономический аспект присоединения. Они утверждают, что не только казахская элита, но и простой народ был заинтересован в сближении с Российским государством. Такая заинтересованность, считают авторы, обусловлена потребностью казахских трудовых масс в дешевой продукции, а российские товары были значительно дешевле среднеазиатских. Поэтому, по мнению авторов, этот фактор повлиял и на позицию простого народа⁷¹.

Представляет интерес и историографическая статья Ж. Кундакбаевой, посвященная отражению политики России в Казахстане в республиканской историографии. Эта публикация носит проблемный характер. Исследовательница совершенно справедливо обращает внимание на то, что многие казахстанские историки увлеклись доказательством того, каким по характеру было присоединение Казахстана к России, забыв, что существуют не менее важные проблемы истории Казахстана, которые требуют своего решения. Ж. Кундакбаева пишет: «В новейшей историографии русско-казахских отношений всячески подчеркивается приоритет национальных интересов над классовыми. Сосредоточение всех усилий историков на анализе характера и последствий “присоединения” — “вхождения” или “завоевания” Россией Казахстана, к сожалению оставляет в тени более глубокие процессы»⁷².

Ученый в своей сравнительно краткой статье поднимает очень важную проблему, на которую, к сожалению, не обращают внимание многие казахстанские историки. Ж. Кундакбаева отмечает, что политика России относительно разных регионов имела существенные отличия⁷³. На это обращали в свое время внимание такие известные исследователи политики России в Средней Азии, как

⁷⁰ Табылдиев Х., Панов В. Внешняя политика России в Центральной Азии в первой четверти XVIII века // Поиск. (Серия гуманитарных наук.). 2002. № 3. С. 47.

⁷¹ Табылдиев Х., Панов В. Внешняя политика Российского самодержавия в Центральной Азии в первой четверти XVIII века // Поиск (Серия гуманитарных наук.) 2002. № 4. С. 27.

⁷² Кундакбаева Ж. Проблема «Политика России в Казахстане в XVIII—XIX веках» в отечественной историографии // Вестник Казахского государственного университета (Серия историческая). 2003. № 1. С. 83.

⁷³ Там же. С. 84.

Н.А. Халфин и Н.С. Киняпина⁷⁴. Ж. Кундакбаева подчеркивает, что «исследования должны вестись с учетом неодинаковой геополитической ориентации различных групп государства, с учетом серьезных различий в их культурно-исторических традициях и системе ценностей, конфессионально-ментальной реальности и национально-психологических отличиях»⁷⁵. Автор совершенно справедливо отмечает, что понять и оценить всю глубину политики России возможно только благодаря всестороннему анализу и исследованию не только политики русского государства относительно каждого колонизируемого народа, но и через исследование системы взаимоотношений между ними. По ее мнению, только такой подход позволит подняться до уровня обобщения и представит международные отношения в регионе во всей совокупности составляющих ее элементов⁷⁶.

Таким образом, подводя итог историографическому обзору работ казахстанских авторов по проблеме присоединения Казахстана к России, можно условно выделить два направления. Первое — «радикальное», — которого придерживается большинство казахстанских исследователей во главе с М.К. Козыбаевым, усматривающих в процессе присоединения Казахстана к России только негативные моменты. И второе направление — «умеренное». К нему можно отнести публикации И.В. Ерофеевой, Ж.К. Касымбаева, Х. Табылдиева и В. Панова, Ж. Кундакбаевой, которые пытаются рассмотреть процесс присоединения с различных сторон и дать ему объективную оценку.

⁷⁴ См., напр.: Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960; Он же. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX века). М., 1965; Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

⁷⁵ Кундакбаева Ж. Проблема «Политика России в Казахстане в XVIII—XIX веках». С. 84.

⁷⁶ Там же. С. 86.

Приложение 2

В.В. Германова (Ташкент)

ВТОРЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

*(Заметки историографа
на полях учебников по истории Узбекистана)*

После распада СССР и образования независимого Узбекистана в новом государстве поменялась историографическая ситуация. Прежняя марксистская методология с ее принципом классовой партийности была отвергнута, а научная методология, разработанная мировой историографией, не освоена. Поэтому рождение новой историографии было неотделимо от историографической эйфории и появления многих мифологем.

Одной из выступивших на первый план тем, подвергшихся кардинальному пересмотру и мифологизации, явилась история взаимоотношений России и Узбекистана в колониальный период, который современная узбекская историография начинает с 1865 г. и продлевает вплоть до 1991 г. В новых учебниках истории, монографиях и статьях, докторских и кандидатских диссертациях период с начала завоевания Туркестана Российской империей в 60—90-е гг. XIX в. до развала СССР в 1991 г. преподносится как долгие годы унижения, страха под деспотичным гнетом России, упорной национально-освободительной борьбы с имперскими колонизаторами, оккупантами, сталинской тоталитарной системой. Вся политика России в это время имела будто бы своей целью лишение узбекского народа его национальной государственности, самобытности, служила его закабалению, выкачиванию сырьевых ресурсов региона, превращала народ в раба на бескрайних хлопковых полях. Отрицание всего положительного, что было сделано в Узбекистане в колониальный и более чем 70-летний период эпохи СССР, стараниями ряда историков стало одной из идеологических установок новейшей узбекистанской историографии.

Автор статьи поставила перед собой цель дать обзор новейших учебников и учебных пособий по истории Узбекистана, изданных массовыми тиражами на русском языке и предназначенных для обучения учащихся школ, колледжей и вузов республики.

Едва ли не первым учебником, переосмысливающим в свете новейших исторических реалий прошлое Узбекистана, раскрывающим малоизученные, тенденциозно освещенные страницы истории, был учебник профессора тогда еще Ташкентского государственного университета (ныне — Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека) Г.А. Хидоятова «Моя родная история». Он был издан на узбекском и русском языках в 1990 г., за год до провозглашения независимости Узбекистана, и уже стал библиографической редкостью.

Учебник «Моя родная история» охватывает период от первобытно-общинного строя до народно-освободительного и революционного движения в Туркестане в конце XIX и начале XX в. Последняя глава учебника называлась «Присоединение Средней Азии к России. Конец независимости. Прогрессивные последствия», в ней с позиций «объективизма» раскрывался процесс завоевания Российской империей Средней Азии, трагические его страницы — установление колониального режима, ликвидация суверенитета независимых узбекских ханств. В то же время в этом учебнике еще не отрицались такие очевидные прогрессивные последствия, как вывод региона из состояния экономической и общественной стагнации, создание основ инфраструктуры индустриального общества, интеграция российской и среднеазиатской экономики¹. В этой главе рельефно выделяется тема о джадидах. Впервые в историографии Узбекистана было отмечено то, что «их нельзя вычеркнуть из истории, недопустимо навешивать на них ярлык “реакционеров” и представлять сплошной реакционной массой», рассказывалось о трагических судьбах некоторых из них².

Учебник Г.А. Хидоятова отличался взвешенными подходами и оценками в освещении исторического прошлого Средней Азии, учил любви к Узбекистану, его народу. В этом было его главное достоинство перед другими учебными пособиями — он не заставлял молодежь одновременно с изучением истории народа проходить школу ненависти.

¹ Хидоятов Г.А. Моя родная история. Ташкент, 1990. С. 272, 283—290.

² Там же. С. 290—295.

В 1992—1993 гг. появился учебник для вузов «История народов Узбекистана» в 2 томах под редакцией действительного члена Академии наук Узбекистана А.А. Аскарлова³. Структура 2-го тома, в котором речь шла о XIX и XX вв., во многом воспроизводила структуру изданного еще в 1947 г. второго тома «Истории народов Узбекистана»⁴, представляла собой как бы сжатый его конспект. Историки реанимировали трактовку проблемы присоединения нерусских народов к России как «абсолютное зло», распространенную в историографии 30-х годов. В названии глав и в самом тексте нового учебника вновь возникли, казалось, забытые термины «завоевание», «колонизаторская политика царизма», «колониальный Узбекистан», «колониальный период».

Отличием «Истории народов Узбекистана» образца 1992—1993 гг. стало появление параграфа «Джадиды и их реформаторская деятельность», написанного, впрочем, чрезвычайно сумбурно. На многие вопросы так и не было дано ответов. Например: что собой представлял джадидизм как политическое течение среди мусульманских народов Российской империи, в чем отличие туркестанских джадидов от бухарских и хивинских, как происходила эволюция их взглядов в периоды революции 1905—1907 гг., Первой мировой войны, восстания 1916 г., Февральской революции 1917 г.?

Выход 2-томного учебника «История народов Узбекистана» под редакцией академика А.А. Аскарлова был заметным явлением. Он стал по существу первым массовым учебником для вузов, которым пользовались также учителя техникумов и школ.

В 1992 г. в независимом Узбекистане вышел учебник В. Костецкого и М. Исхаковой «История народов Узбекистана» для 8—9-х классов, охватывающий хронологический период от первобытно-общинного строя до второй половины XIX в. Его отличает в це-

³ История народов Узбекистана. Ташкент, 1992—1993. Т. 1—2.

⁴ История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. — Выход в свет второго тома «Истории народов Узбекистана» (первый том вышел несколько лет спустя) вызвал в свое время появление ряда критических отзывов, где указывалось на наличие «идеализации отдельных исторических деталей, иногда излишних подробностей борьбы феодальных группировок, данные о которой заслоняли подлинную историю народных масс, неверных оценок отдельных общественных движений». В 1952 г. Президиум АН УзССР был вынужден принять решение о переиздании «Истории народов Узбекистана». Новое издание «Истории Узбекской ССР» появилось в свет в 1955 и 1956 гг.

лом непредвзятый подход к оценке исторических процессов, происходивших в регионе. В главе «Завоевание Средней Азии царской Россией (XIX в.). Зарождение капиталистических отношений» рассматривались военные походы русской армии, экономические и политические последствия завоевания. В заключении к главе делались выводы о том, что «с вхождением Средней Азии в состав русского государства, вступившего к этому времени на путь капиталистического развития, в истории среднеазиатских народов открылись новые страницы, произошли серьезные изменения в их социально-экономической и культурной жизни, в быту. Прекратились междоусобные войны, создались благоприятные условия для формирования наций», был упразднен отсталый и реакционный институт рабовладения, началось изучение природных богатств Средней Азии русскими учеными, усилилось влияние передовой, прогрессивной культуры на развитие народов Средней Азии⁵.

В то же время авторы справедливо отмечали, что Средняя Азия стала колонией России с жестким социальным и национальным гнетом со стороны царских колонизаторов, российской буржуазии и местных чиновников. Коренное население пыталось оказать им сопротивление, но, брошенное на произвол судьбы своими руководителями, оказалось бессильным сражаться за свою независимость.

Через три года после появления учебника В. Костецкого и М. Исхаковой появился учебник «История Узбекистана (1917—1993 гг.)» для 9-го класса. Как подчеркивали авторы издания, это была первая попытка переосмыслить на новой концептуальной основе события сложного и неоднозначного периода в истории народов Узбекистана — с февраля 1917 по 1993 гг., отрезка времени, связанного с неудавшимся экспериментом по строительству в бывших колониальных окраинах России социалистического общества, минуя капитализм, а также начального этапа обретения независимости Республикой Узбекистан. Авторы предупреждали читателя, что освещение многих вопросов может показаться не бесспорным⁶.

Во Введении учебника утверждается, что «установленная российским царизмом система колониального господства, подрывая

⁵ Костецкий В., Исхакова М. История народов Узбекистана для 8—9 класса. Ташкент, 1992. С. 180.

⁶ История Узбекистана (1917—1993 гг.): 9 класс / Под общей ред. акад. А.А. Аскарова. Ташкент, 1995. С. 2, 3.

самобытный хозяйственный и психологический уклад жизни народов края, вместе с тем лишала их возможности самостоятельной трансформации в современный мир на национальной основе. Это вызвало повышенную конфликтность в общественной жизни, политическую нестабильность, конфронтацию сил»⁷.

Как считает автор Введения, профессор Р.Я. Раджапова, в этой крайне напряженной и нестабильной общественной жизни Туркестана, антиколониализм и поиск пути развития на собственной национальной основе являлись ведущими тенденциями общественной борьбы. «...Коренные народы Туркестана оказались втянутыми в революционные события 1917 г., охватившие Российскую империю...», «...Февральская революция и особенно октябрьский переворот в метрополии резко изменили естественно-исторический процесс развития народов края, сорвали начинавшиеся в нем процессы модернизации общества на собственной почве...»⁸. Р.Я. Раджапова забывает, что ни Февраля 1917 года, ни октябрьского переворота не было бы, не будь Первой мировой войны, и что весь ход естественно-исторического мирового процесса оказался нарушенным в результате войны и вообще «Февраль», «Октябрь» и Первая мировая война — неотъемлемые элементы естественно-исторического процесса, ибо история развивается, не зная сослагательного наклонения.

В учебнике впервые в историографии Узбекистана появляются новые обозначения, такие как «Туркистон мухторияти» («Туркестанская автономия» — вместо «Кокандской автономии»), «Истиклолчилар ҳаракати» («Движение борцов за независимость»), «национально-территориальное размежевание» вместо «национально-государственного размежевания».

Несмотря на отдельные спорные утверждения, в учебнике «История Узбекистана (1917—1993 гг.)» соблюдались принципы историзма и объективизма. По непонятным причинам тем не менее учебник был подвергнут молчаливому ostracismu и изъят впоследствии из преподавания истории Узбекистана и школьных библиотек.

В 1997 г. было издано дидактическое пособие для учителей «Использование архивных материалов при изучении истории Узбекистана», автором которого является Ж. Рахимов. Раскрыв ее

⁷ История Узбекистана (1917—1993 гг.): 9 класс / Под общей ред. акад. А.А. Аскарова. Ташкент, 1995. С. 3.

⁸ Там же. С. 5.

читатель надеялся увидеть подборку из «уникальных документов и исторических источников второй половины XIX — начала XX века». Так было многообещающе заявлено в аннотации. Но естественные в этих случаях материалы архивного делопроизводства с соответствующими сносками на выходные данные: архив, фонд, опись, лист использования или же подборки материалов из редких книг, представляющих библиографическую ценность, почему-то напрочь отсутствовали.

Вместо этого Ж. Рахимов представил выдержки из различных глав учебника В. Костецкого и М. Исхаковой, а также авторские тексты, представляющие собой набор сведений, вырванных из контекста различных книг, не отличающиеся объективностью и не выдерживающие никакой конструктивной критики.

Издание предваряет вступление «Вместо предисловия», подписанное профессором К. Фазылходжаевым, известным в свое время историком КПСС, специалистом по дружбе народов СССР. К. Фазылходжаев сравнивает завоевание Российской империей Средней Азии, в результате которого «на протяжении многих лет Туркестан находился в состоянии упадка», с монгольским игом, подчеркивает, что от «народов Средней Азии скрывались исторические факты о том, какими путями Российская империя, кропотливо изучая Туркестан, засылая в этот край свою разведку, завоевывала его, используя самые жестокие средства, превратив в свою колонию»⁹.

В первой главе повествуется о многочисленных миссиях, экспедициях, которые посылались в Туркестан правительством России в начале XIX в. с целью научного изучения края. Передергивая и подтасовывая факты, Ж. Рахимов считает, что все эти миссии и экспедиции организовывались Российским государством исключительно с разведывательными целями и собранные ими материалы должны были служить лишь завоеванию Средней Азии. «Для осуществления своих целей, — пишет он, — они использовали любые средства, вплоть до дипломатических миссий, признанных на мировой арене в качестве мира и дружбы»¹⁰.

Ж. Рахимов намеренно фальсифицирует взаимоотношения Российской империи со среднеазиатскими ханствами в 20—50-е годы XIX в., замалчивает их взаимовыгодный экономический характер. Изображая Россию государством-агрессором, он забывает об

⁹ Рахимов Ж. Использование архивных материалов при изучении истории Узбекистана. Ташкент, 1997. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 6.

агрессивной политике по отношению к соседям Хивинского и Кокандского ханства. Общеизвестно, что вплоть до неудачного похода В.А. Перовского на Хиву (1839 г.) Хивинское ханство претендовало на влияние среди казахов, принявших российское подданство, пытаясь ввести среди них свою администрацию, собирать подати, облагать пошлинами проходившие караваны. Кокандские ханы после присоединения к своим землям Ташкентского владения в первом десятилетии XIX в. также стремились подчинить себе казахов.

В степях Казахстана развернулась острая борьба за господство над местным населением. Чтобы укрепить свои позиции, хивинские и кокандские агенты натравливали одни казахские племена и роды на другие, искусно используя обычаи кровной мести. Кокандское ханство на границах с владениями казахов построило ряд сильных крепостей — Акмечеть (ныне Кызыл-Орда), Аулие-Ата (ныне Тараз). В 20—30-х гг. XIX в. кокандцы подчинили себе всех кыргызов и распространили свою власть до озера Балхаш и реки Или. На захваченных территориях возводились крепости и устраивались поселения. В 1825 г. было построено укрепление Пишпек, в 1832 г. — Куртка. Было возведено всего 18 укреплений, которые должны были служить для ассимиляции кыргызов и аннексии их территорий¹¹.

Хивинские власти (особенно в 1806—1825 гг., в период правления Мухаммед Рахим-хана) приложили все силы к тому, чтобы истребить племя каракалпаков, изгнанное им на острова Аральского моря — у впадения реки Амударьи. И только через 50 лет каракалпаки смогли «возродиться» и занять достойное место среди кочевых племен Центральной Азии¹².

Стремление России расширить торговые связи с ханствами Средней Азии встречало противодействие со стороны Хивы. Петербург обвинял Хиву в попытках установить свой суверенитет над русско-подданными казахскими племенами и родами, в нападениях на караваны с товарами, следовавшие из Оренбурга в Бухару и Коканд и обратно, а также в содержании в рабстве русских пленных, захваченных при набегах на Оренбургскую линию¹³.

Все эти факты умалчиваются Ж. Рахимовым, как и то, что многие посольства и миссии направлялись в Среднюю Азию по

¹¹ Хидоятов Г. Моя родная история. Ташкент, 1999. С. 257.

¹² Ханьков Н. Записки по этнографии Персии. М., 1977. С. 32.

¹³ Ханьков Н. Экспедиция в Хорасан. М., 1973. С. 6—7.

инициативе и приглашению правительств среднеазиатских ханств, в частности Бухарского эмирата. Так, еще в 1815 г. посетивший столицу Российской империи представитель эмира Хайдар-хана Азимджан Муминджанов ходатайствовал о посылке в ханство посланника России для заключения договора о торговле. И только после вторичного приглашения, последовавшего через четыре года, в июле 1820 г., было собрано российское посольство в Бухару, которое возглавил действительный статский советник А.Ф. Негри. В качестве основной цели посольства Негри предусматривались переговоры о расширении торговли между двумя государствами¹⁴, а не сбор шпионской информации, необходимой для завоевания Россией Средней Азии¹⁵. В состав посольства был включен натуралист Э.А. Эверсман, а также группа офицеров: Е.К. Мейендорф, В.Д. Вольховский (переименованный Ж. Рахимовым в Волконского) и другие.

«В 1841 году в Бухару, — пишет Ж. Рахимов, — была направлена миссия во главе с Н. Ханыковым. В состав миссии была введена спецгруппа (? — В.Г.), руководимая Н. Залесовым. Ученый Лемон также участвовал в работе этой группы. Он изучил флору и фауну Средней Азии. Эти сведения были необходимы (подчеркнуто мной. — В.Г.) для русской армии при ведении наступления»¹⁶.

На самом деле весной 1841 г. в Бухарское ханство отправилось чрезвычайно важное посольство горного инженера подполковника К.Б. Бутенева, в состав которого был включен Н.В. Ханыков — титулярный советник, обладавший незаурядными лингвистическими способностями (ему было 22 года и, естественно, никакую «миссию» он возглавлять не мог), впоследствии — известный ориенталист с мировым именем, натуралист Лемон и геолог Богословский. Переговоры длились восемь месяцев. Дипломаты не добились принятия ни одного из своих предложений: улучшить условия русской торговли с Бухарой, обеспечить личную и имущественную безопасность российских купцов в ханстве, освободить захваченных пленных и т.д.

Шпиономания, передергивание фактов, русофобская позиция прослеживается и в других главах брошюры Ж. Рахимова «Использование архивных материалов при изучении истории Узбекистана». Идеализируя политику правителя Кокандского ханства Худояр-

¹⁴ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 5.

¹⁵ Рахимов Ж. Использование архивных материалов. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 7.

хана, изображая этого типичного восточного деспота меценатом, воспитателем и покровителем детей-сирот, он намеренно дает искаженную картину действий руководства Российской армии в Туркестане, ее видных представителей — генерал-адъютанта К.П. Кауфмана, генералов М.Г. Черняева, М.Д. Скобелева и др. Чтобы преувеличить жестокость и кровожадность русских генералов, Ж. Рахимов идет на подтасовку фактов при освещении Кокандского восстания 1874—1876 гг.¹⁷ Ж. Рахимов выдает его целиком за народно-освободительное движение против «царских войск», подчеркивая, что для его подавления в Ферганскую долину была отправлена «вооруженная до зубов армия генерала Скобелева», которая «не останавливалась ни перед чем, сметала все живое на своем пути. Почти вся долина была в трауре»¹⁸.

Ж. Рахимову прекрасно известно, что поводом для Кокандского восстания послужила потеря огромного количества земель в результате военных действий России, особенно Ташкента (27 июня 1865 г.) и Ходжента (24 мая 1866 г.), что заставило Худояр-хана повысить налоги, беспощадно выколачивать их с населения, что, разумеется, привело к недовольству народа и ряда феодалов. Началось восстание еще в 1873 г. как антифеодальное движение кочевников-кыргызов, наиболее страдавших от ханского произвола. Из их среды выдвинулся и предводитель восстания Исхак-мулла Хасан-оглы, по происхождению кыргыз из Маргиланского уезда, принявший на себя самозванно имя и титул Пулат-бека, провозглашенный ханом и облеченный неограниченной властью. В 1875 г. к движению примкнули некоторые феодалы, недовольные политикой Худояр-хана, в том числе его старший сын Насреддин, правитель Андижана, и его брат Мурад-бек, правитель Маргилана, а также Абдурахман-афтобачи, сын казненного Худояр-ханом кипчака Мусульманкула — главнокомандующего и первого министра Кокандского ханства. Вследствие этого восстание из прогрессивного превратилось в вооруженную борьбу за ханский престол и передел власти.

Худояр-хан обратился за помощью к туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману «с дружеской просьбой направить на город Коканд русское войско с артиллерией в возможно скором времени, дабы замыслы восставших не осуществились». Летом 1875 г. Худояр-хан вместе с семьей бежал из своей столицы в Таш-

¹⁷ Рахимов Ж. Использование архивных материалов. С. 26, 27, 28.

¹⁸ Там же. С. 26.

кент под прикрытием русского посольства, выезжавшего из пределов Коканда. Население Кокандского ханства, возмущенное действиями «отступника-хана», его приближенных, грабивших народ и призывавших русские войска для защиты своей власти, перенесло свою ненависть на русских. Был провозглашен газават¹⁹.

После бегства Худояр-хана в Ташкент кокандским ханом был провозглашен его сын Насреддин-бек, который заключил с генералом К.П. Кауфманом договор о признании себя вассалом Российской империи. Это соглашение привело к новому подъему Кокандского восстания не только против хана, но и против имперской политики России. Насреддин, подобно Худояр-хану, бежал под защиту России. Для подавления беспорядков были введены российские воинские подразделения под командованием генерала М.Д. Скобелева. Все феодалы, участвовавшие в восстании, сдались на милость победителя. Предводитель восстания Пулат-хана (Исхак-мулла) вместе со своими сподвижниками был казнен.

Об этих фактах Ж. Рахимов намеренно не упоминает, так как они не укладываются в его «концепцию» национально-освободительной борьбы против русских колонизаторов, якобы охватившей все Кокандское ханство и большую часть Туркестанского генерал-губернаторства. Говорить о народно-освободительном движении в 1874—1876 гг. в Кокандском ханстве против «царских войск» было бы большой натяжкой. Первоначально это было стихийное выступление кочевников-кызызов против кокандских феодалов, т.е. оно носило антифеодальный характер, затем мятеж феодалов против своего хана, мятеж вассалов против своего сюзерена. Восстание Пулат-хана приняло форму газавата.

Ж. Рахимов усиливает антирусский эффект своей брошюры изобразительным материалом. Для иллюстрации глав, посвященных Кокандскому восстанию, он приводит фотографию с известной картины В.В. Верещагина «После удачи (победители)». Картина изображает залитую солнцем песчаную долину, замкнутую в глубине грядой гор. Здесь, видимо, совсем еще недавно разыгралось кровопролитное сражение, и тела павших русских солдат в белых рубашках то тут, то там распластаны на горячем песке. Около одного из трупов на переднем плане стоят два бухарских воина. Молодой бухарец в белой чалме только что отсек от трупа голову и, подняв ее за волосы, разглядывает с большим любопытством. Его

¹⁹ История народов Узбекистана: В 2 т. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 243.

«боевой сподвижник», таскающий с собой пестрый мешок для страшных трофеев, также поглощен созерцанием мертвой головы. Валяющиеся на заднем плане обезглавленные тела, ставшие добычей воронья, свидетельствуют о том, что «победители» уже давно обходят поле сражения и специально охотятся за головами павших русских солдат²⁰.

Надпись под иллюстрацией, сделанная Ж. Рахимовым, гласит: «Мсть. У тюрков издавна было принято отрубать голову врагу, вступившему на территорию его родины. На рисунке изображен момент обезглавливания взятого в плен (подчеркнуто мною. — В.Г.) русского офицера».

В действительности все было гораздо прозаичней. Существовал варварский обычай (ныне, впрочем, воскрешенный в некоторых горячих точках) за каждую доставленную голову убитого неприятеля выдавать награду. Мародеры после боя обходили поля сражений и обезглавливали трупы неприятелей, а также отыскивали захоронения русских солдат и совершали надругательства над телами павших — отрезали у них головы, чтобы присоединить к своим трофеям. В Бухарском эмирате мародер, привезший голову русского солдата, щедро одаривался самим эмиром: получал звание батыра, яркий халат из полушелковой ткани и золотую монету тилля²¹.

Другой рисунок, воспроизведенный в дидактическом пособии Ж. Рахимова без ссылки на источник, подписан «Последний совет накануне восстания под предводительством Дукчи-ишана». Эта фотография есть в книге М. Ильина «Сегодня и завтра», но подписана она иначе: «Дехкане перед судом своих старшин и биев в дореволюционном Туркестане»²². В пользу того, что это сюжет именно о дехканах перед судом, свидетельствует тот факт, что одна группа людей на фотографии богато одетая, с чалмами на головах, сидит на войлочной подстилке, другая — бедно одетая группа людей — сидит на земле, на корточках, на своих халатах и покорно ждет приговора. Если же это последний совет накануне восстания, то спрашивается, а где же сам Дукчи-ишан — его руководитель? На фотографии его нет. Да и мог ли быть собственный фотограф у бывшего кишлачного диваны (юродивого)?

²⁰ Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин: Жизнь и творчество. М., 1972. С. 72.

²¹ Каразин Н.Н. Зирабулакские высоты // Дело: Литературно-политический журнал. 1872. Июнь. С. 243—244.

²² Ильин М. Сегодня и завтра. М., 1937. С. 27.

Подпись под рисунком, на котором изображены знатные лица Хивинского ханства, участники сопротивления русским, гласит: «Абдуллабай, Матмурад девонбеги и Рахматулла, требовавшие от Ферузшаха (хивинского хана. — В.Г.) начать освободительную войну. По указу Кауфмана они были сосланы в Сибирь». Вот что по этому поводу писал М.А. Терентьев: «Хану пришлось проститься со своими главными советчиками, заклятыми врагами России; диванбеги Матмурат и есаулбаши Рахметулла, бегавший с ханом к иомам, были арестованы и сосланы в Калугу... Атаджантюря отпросился в Мекку, но дорогою одумался и в Тифлисе просился на службу в Тверской драгунский полк»²³. Между Сибирью и Калугой — дистанция огромного размера. Налицо проблемы не только с историей, но и с географией.

Любящий много разглагольствовать о зверствах русских, Ж. Рахимов почему-то ничего не пишет об обращении с русскими пленными. А зря. На этот счет есть очень много интересных свидетельств. Например, 21 ноября 1875 г. в Маргилане был устроен кровавый обряд обращения русских в мусульманство. Русских пленников вывели на площадь: муллы приступили к увещаниям через переводчика; палачи стояли тут же. «Пленные наши остались глухи, — писал М.А. Терентьев, — но в особенности резко возражал унтер-офицер 2-го стрелкового батальона Фома Данилов. Товарищей его просто зарезали (кажется, в их числе был и Святополк-Мирский, и сотник Кузьмин), а Данилова подвергли предварительной мучительной пытке: отрубали по суставу каждого пальца, вырезали из спины ремни, поджаривали на угольях и т.п. Мученик все-таки остался непреклонным... Это не первый уже случай мученичества за веру среди наших простых и верных долгу и присяге людей»²⁴.

Вызывает удивление, почему Ж. Рахимов, рассказывая в своей брошюре о Кокандском восстании 1874—1876 гг., которое он характеризует как национально-освободительное движение против Российской империи, не называет даже имен патриотов, возглавивших его? Ответ очевиден. Их просто не было. Абдурахман-автобачи? Пулат-хана? Сыновья и брат Худояр-хана? Все они выступили против легитимного правителя Кокандского ханства — Худояр-хана и привели к разорению и разрушению его государства, а также к вводу русских войск в его пределы и последующей ликвидации ханства.

²³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: В 3 т. СПб., 1906. Т. 2. С. 263.

²⁴ Там же. С. 389.

Абдурахман-автобачи поднял знамя газавата²⁵, его сторонники, а не генерал К.П. Кауфман, как об этом пишет Ж. Рахимов²⁶, ограбили казну Худояр-хана. Участник военных походов в Среднюю Азию генерал-лейтенант М.А. Терентьев в своей книге «История завоевания Средней Азии» сообщает: «22 июля (1875 г. — В.Г.) забунтовали жители Кокана. Хан нагрузил до 80 арб своею казною и выступил под прикрытием 8000 войск при 68 орудиях по дороге в Ходжент. К нему присоединилось наше двойное посольство... За ними увязались бунтари. В шести верстах от города хан хотел дать отпор и проучить своих подданных, но все это войско с пушками перешло к бунтарям... До 40 арб с ханскими деньгами достались в руки инсургентов»²⁷. И далее: «11 августа Худояр-хан со своими женами и деньгами отправился в Оренбург. Интересна дальнейшая судьба этого приобретателя: отправившись на богомолье в Мекку, он был дочиста обокраден своим слугою уже в Аравии»²⁸.

Ж. Рахимов в своей брошюре «поведал» о том, что Насреддин-бек, сын Худояр-хана, был отправлен в ссылку в Россию²⁹. В действительности наследник Кокандского престола Насреддин-хан умер в Ташкенте, оставив четырех сыновей. Все они получали от русского правительства пенсию. В 1898 г. потомство Насреддин-хана было возведено в дворянское достоинство³⁰. Другой сын Худояр-хана в 20-е гг. XX в. преподавал узбекский язык в школе с русским языком обучения, а после Великой Отечественной войны работал на кафедре истории КПСС в Ташкентской консерватории³¹.

²⁵ В 1874 г. он ездил в Мекку и за большую сумму приобрел часть старого шелкового покрывала с гроба пророка и там же объявил всем, что этот лоскут он употребит на знамя священной войны против неверных русских (см.: *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 366*).

²⁶ *Рахимов Ж. Использование архивных материалов. С. 17.*

²⁷ *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 336, 337.* — М.А. Терентьева трудно обвинить в необъективности — он находился в оппозиции к К.П. Кауфману и даже был вынужден надолго покинуть Туркестан. Его книга в трех томах «История завоевания Средней Азии» была опубликована лишь тридцать лет спустя после ее написания. Автор нелицеприятно и объективно освещал действия российской колониальной администрации и военные действия в Средней Азии.

²⁸ Там же. С. 347.

²⁹ *Рахимов Ж. Использование архивных материалов. С. 18.*

³⁰ *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 426.*

³¹ *Пославская О. Мой Ташкент. Двадцатые годы // Звезда Востока. 1989. № 11. С. 159.*

Дидактическое пособие «Использование архивных материалов при изучении истории Узбекистана» послужило Ж. Рахимову для написания учебника для девятого класса «История Узбекистана» сначала для школ с узбекским языком обучения, затем — с русским языком. Появление этого учебника стало апогеем русофобии в исторической науке республики. Через все его содержание красной нитью проходит тезис о том, что «История сама наделила русский народ способностями колонизатора».

Причисляя себя к узбекским историкам, отбросившим марксистскую методологию, софистику и риторику, вставшим на путь «создания» новой национальной истории независимого Узбекистана, Ж. Рахимов, не подозревая того, на самом деле является достойным последователем и учеником исторической школы М.Н. Покровского, существовавшей в России в 20-е гг. XX в. В концепциях М.Н. Покровского преобладало упрощенчество, игнорировалось всестороннее объективное изучение проблемы, отрицались объективность познания и объективность исторической науки. В ряде его работ имело место пренебрежение к историческим фактам, когда они противоречили абстрактным историческим схемам, склонность к субъективизму в оценке исторических событий и личностей. В результате в историческом исследовании появилось поверхностное освещение важных исторических проблем, вульгаризация истории как науки, превращение ее в «политику, опрокинутую в прошлое», в инструмент конъюнктурного назначения. То же самое можно сказать и о работах Ж. Рахимова.

Ж. Рахимов посвятил свой учебник Средней Азии в составе Российской империи. Рассмотрение колониального периода он начал со второй главы учебника, где освещается процесс завоевания Средней Азии. Вместо объективного показа событий с позиций историзма автор начинает навешивать ярлыки, применять набор штампов, оскорбительный для истории русского народа, таких как «захватчики», «колонизаторы», «ценой зверского уничтожения людей», «невиданные грабежи», «жестокость была беспримерной», «гибель невинных людей, плач младенцев, детей, оставшихся под ногами врага», «солдаты и офицеры, больше всех уничтожавшие население, были удостоены орденов и наград России», «генералы в совершенстве владели мастерством ведения захватнических войн» и т.д. Такой обильный урожай лжи и ненависти собран только с двух страниц учебника Ж. Рахимова, на которых речь шла о завоевании русскими войсками кокандских крепостей на землях Южно-

го Казахстана, таких как Акмечеть, Хазрет (Туркестан) и Чимкент, в свою очередь, захваченных кокандскими правителями в начале XIX в.³²

Непонятно, о какой «своей» стране, «своей» земле, «своей» вере и чести ведет речь Ж. Рахимов, рассказывая об обороне кокандцами Акмечети, боях за Туркестан и Чимкент, если это была исконная территория кочевых родов, которые приняли подданство Российской империи еще в XVIII веке. Город Туркестан являлся постоянным местопребыванием казахских ханов Младшего жуза, его столицей с XVI по XIX вв. Говоря о «беспримерной жестокости русских», «невиданных грабежах», Ж. Рахимов «забывает» о непомерных поборах, хищнических набегах и различного рода насилиях кокандцев на завоеванных территориях, в частности в Южном Казахстане. Между тем поборы кокандцев превосходили все разумные пределы. Так, каждая кибитка выплачивала завоевателям в год: 6 баранов, 24 мешка угля, 4 воловьих вьюка саксаула и 1000 снопов камыша; с земледельцев взималась треть урожая. Кроме этого, казахи несли еще следующие повинности: поправка крепостных стен и возделывание пашен и огородов кокандцев (каждая кибитка высылала ежемесячно одного человека на неделю на своем иждивении), 6 раз в год казахи выгонялись на очистку хлева и конюшен в крепостях кокандцев, в случае военных действий каждый казах должен был служить конным на своем иждивении, сколько бы времени ни продолжались военные действия³³.

Помимо произвола, который творили кокандцы над казахами подвластных им территорий, они умудрились вторгаться на территорию казахов, принявших подданство Российской империи, разорять их, убивать, уводить в плен их жен и детей. Так, например, зимой 1849 г. было разграблено в Казале до 1000 кибиток чумекеевского, дюрткаринского, кирейского и чичкене-чиклинского родов. Весной 1850 г. комендант крепости Акмечеть Якуб-бек разграбил чумекеевцев в Каракумах, а дюрткаринцев — на Айгирике. Весной 1852 г. Якуб-бек на Айгирике напал на чумекеевцев и угнал у них до 150 тысяч баранов.

Пограничным начальством Оренбургского края были приняты меры противодействия — разрушена кокандская крепость Кошкур-ган, укрепления Кумыш и Чимкур-ган, но когда и после этого ко-

³² Рахимов Ж. История Узбекистана (Вторая половина XIX в. — начало XX в.): 9 класс. Ташкент, 2001. С. 80, 83.

³³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С. 212—213.

кандцы продолжали свою политику притеснения казахов, а также подбивали некоторых казахских султанов изменить России и откочевать в кокандские пределы, была занята летом 1853 г. крепость Акмечеть³⁴.

На страницах учебника Ж. Рахимова содержатся бесконечные упоминания о бесчисленных массовых убийствах женщин, стариков и малолетних детей русскими войсками и царской администрацией, что в малой степени соответствует действительности³⁵. После взятия русскими войсками Акмечети раненные кокандцы были приведены на перевязочный пункт, а здоровые — в полевой лагерь русских войск, а затем отпущены³⁶.

Ж. Рахимов сфальсифицировал исторические факты о взятии городов Туркестана, Чимкента и Ташкента царскими войсками. Например, он утверждает, что полковником Н.А. Верёвкиным был якобы выставлен ультиматум регенту Кокандского ханства мулле Алимкулу, оборонявшему город, что если город Туркестан не будет сдан, то он разрушит местную святыню — усыпальницу Ахмеда Яссави. Дело же было совершенно иначе. Осада Туркестана продолжалась с 10 по 12 июня 1864 г. Городской гарнизон состоял приблизительно из 1500 человек, не считая вооруженных жителей, принимавших участие в обороне, а также султана Садыка, сына Кенисары Касымова. Бек города Мурза-Давлет с 330 преданными ему людьми ушел из города по ташкентской дороге. Жители города Туркестана, узнав об этом, выслали 12 июня утром делегацию горожан к полковнику Н.А. Верёвкину с предложением о сдаче города, которое им было принято. Муллы Алимкула в помине не было тогда в городе Туркестане. Он появился там только в декабре 1864 г.³⁷

Что касается усыпальницы Ахмеда Яссави, то М.А. Терентьев в своей книге «история завоевания Средней Азии» писал об этом так: «В продолжении дня 11 числа навесным огнем произведено в городе опять несколько пожаров. Подбитые в первый день кокандские орудия снова открыли огонь, но опять ненадолго. Начальник

³⁴ Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 195, 196.

³⁵ История: Проблемы объективности и нравственности (материалы научной конференции). Ташкент, 2003. С. 5.

³⁶ Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890. С. 203.

³⁷ Добросмыслов А.И. Города Сырдарьинской области. Ташкент, 1912. С. 117—118.

отряда (полковник Н.А. Верёвкин. — *В.Г.*) приказал шадить мечеть султана Азрета (подчеркнуто мной. — *В.Г.*), но, узнав от перебежчика, что жители приписывают это чуду святого и приободрились, велел дать по ней 12 выстрелов. Одиннадцать пробоин... и жители стали колебаться»³⁸.

Изображая русских солдат и офицеров безжалостными захватчиками, уничтожающими все живое и святое вокруг, в том числе и такую культурную ценность, как мечеть Ахмеда Яссави, Ж. Рахимов объявляет военный гарнизон города, состоящий из кокандцев, благочестивыми мусульманами, которые были вынуждены сдать город, чтобы не допустить разрушения гробницы святого. При этом он «забывает» одну небольшую деталь, что когда шла осада Туркестана, мечеть была превращена в склад военных боеприпасов, т.е. по существу являлась военным объектом³⁹. Таким образом, надругались над мечетью совсем не русские колонизаторы, а те, кто превратил святыню в склад. И не кто иной, как «карьерист, любитель наград и званий, ярый шовинист генерал Черняев»⁴⁰, будучи губернатором Туркестанской области, первым оказал финансовую поддержку в реставрации мечети Ахмеда Яссави на огромную по тем временам сумму — 15 тыс. руб.⁴¹, а в 1872 г. впервые за четыре века существования мечети по приказу царской администрации была расчищена территория мавзолея от накопившихся веками мусора и кирпичей⁴². За время существования в регионе имперской, а затем советской власти мавзолей Ахмеда Яссави постоянно подвергался ремонту и реставрации как выдающийся памятник культуры конца XIV— начала XV в.

Оскорбляет Ж. Рахимов память и другого боевого офицера — генерала Н.А. Верёвкина, обвиняя его в краже уникальных исторических реликвий из мавзолея Ахмеда Яссави, в частности большого бронзового котла для хранения святой воды⁴³. Удивляет не то, что автор даже не потрудился изучить историю вопроса, а то, что не нашлось специалиста, который взял бы на себя задачу опровергнуть

³⁸ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. С. 280.

³⁹ Добросмыслов А.И. Города Сырдарьинской области. С. 139.

⁴⁰ Рахимов Ж. История Узбекистана. С. 84.

⁴¹ Добросмыслов А.И. Города Сырдарьинской области. С. 139.

⁴² Нурмухамедов Н. Архитектурный комплекс Ахмеда Ясави. Алматы, 1988. С. 86.

⁴³ Рахимов Ж. Использование архивных материалов. С. 14; Он же. История Узбекистана. С. 81.

это утверждение. Никак не высказал своего мнения по этому поводу рецензент учебника, профессор А. Сагдуллаев, археолог и ученик школы М.Е. Массона⁴⁴.

В статье А.А. Семенова «Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане. Результаты осмотра в ноябре 1922 г.» отмечается, что «Туркестанская мечеть есть единственная в крае, которая до наших дней хранила драгоценные вещественные памятники эпохи Тимура, сделанные по его приказу в память Ходжи Ахмеда в вакф его мечети — усыпальницы: это — колоссальный бронзовый котел на высокой подставке, судя по надписям, предназначавшийся для питьевой воды, пять огромных и тяжелых бронзовых подсвечников с богатою серебряной инкрустацией (два меньшей высоты и три большей) и две пары дверей с чудесной резьбой, из них одна, ведущая в усыпальницу святого, сверх того украшена богатой инкрустацией из кости и цветного дерева»⁴⁵. Иными словами, генерал Н.А. Верёвкин ничего не крал из мечети и тем более не вывозил в Россию двухтонный бронзовый котел эмира Тимура. В конце 1922 г. комиссия Туркомстариса в составе председателя Д.И. Нечкина, членов совета профессоров А.А. Семенова, А.Э. Шмидта, инженера С.К. Орлова зафиксировала его наличие в мечети Ахмеда Яссави⁴⁶. Позднее правительство Казахстана, на территории которого находился город Туркестан, передало в Государственный Эрмитаж на хранение бронзовый котел и часть подсвечников.

Автор учебника «История Узбекистана» с методичной последовательностью внушает тезис о военно-техническом и численном превосходстве русских войск над вооруженными силами кокандского и хивинского ханов, бухарского эмира. Все это направлено на сотворение мифа о героической, самоотверженной борьбе, когда чуть ли не голыми руками осуществлялась борьба против вторжения России в Среднюю Азию.

⁴⁴ У М.Е. Массона есть специальная работа, посвященная мавзолею Ходжи Ахмеда Яссави.

⁴⁵ Известия Среднеазиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы «СредазКомстарис». Ташкент, 1926. Вып. 1. С. 121—130. — После кражи из окна усыпальницы одного из высоких подсвечников, а также других попыток воспользоваться древними предметами, члены Российской Императорской археологической комиссии обратились к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой переслать в Императорский Эрмитаж в Петербурге все туркестанские подсвечники, компенсируя мечеть денежной суммой. Просьба эта, однако, не была выполнена ввиду решительного отказа генерал-губернатора А.В. Самсонова.

⁴⁶ Там же. С. 126.

Так ли это было? Попробуем разобрать данное утверждение на примере битвы за Чимкент. В одном из своих донесений М.Г. Черняев, готовясь к сражению, указывал на опасность недооценки сил Кокандского ханства: «У них руководители не хуже наших, артиллерия гораздо лучше, доказательством чему служат нарезные орудия, пехота, вооружена штыками, а средств гораздо больше чем у нас. Если мы их теперь же не доконаем, то через несколько лет будет второй Кавказ»⁴⁷.

Вступив в борьбу с Кокандским ханством, русские войска встретили сильного противника: ханством правил тогда регент — предприимчивый кыргыз-кипчак Алимкул, воспетый за свои «подвиги» Ж. Рахимовым на страницах учебника «История Узбекистана», а также кыргызскими историками Т. Койчуевым, Ж. Алымбаевым и Т. Кененсариевым⁴⁸. 7 июля 1864 г. генерал М.Г. Черняев выступил к Чимкенту с отрядом в 1298 человек при 10 орудиях и 2 ракетных станках. В Чимкенте были сосредоточены главные силы кокандцев под предводительством Алимкула — гарнизон города достигал 10 тыс. человек⁴⁹, 15—18 тыс. человек составляла конница кокандцев⁵⁰, в гарнизоне находилось 4 медных орудия, 8 мортир, 19 чугунных орудий⁵¹. Не видя в казахах особого рвения сражаться и подозревая их в измене, Алимкул вызвал в Чимкент казахов старшин и велел привязать к заряженной пушке самого старого — 80-летнего старшину Байзака и выстрелить⁵².

Результат зверства Алимкула оказался обратным: у него остались только арестованные бии и султаны, а все остальные казахи бежали к генералу М.Г. Черняеву. Сбежавших от Алимкула казахов Ж. Рахимов именует не иначе как «предателями», на которых «очень много средств пришлось затратить генералу Черняеву». По логике Ж. Рахимова, казахи должны были послужить пушечным мясом для Алимкула.

Получив сведения о том, что главные силы кокандцев отошли от Чимкента, в котором был оставлен только 10-тысячный гарнизон, генерал М.Г. Черняев решил овладеть этим городом. У

⁴⁷ *Серебрянников А.Г.* Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания. Ташкент, 1914. Ч. II. С. 116.

⁴⁸ *Койчуев Т.* Алымкул аталык // Кут билим. 1994. 16 июня; *Алымбаев Ж.* Алымкул аталык // Ош жанырыгы. 1997. 28 июня; *Кененсариев Т.* Алымкул аталык. Бишкек — Ош, 1997.

⁴⁹ *Добросмыслов А.И.* Города Сыр-Дарьинской области. С. 184.

⁵⁰ Там же. С. 186.

⁵¹ Там же. С. 188.

⁵² *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 285.

Черняева были следующие силы: 1) из Аулиеата генерал вышел с двумя ротами и четырьмя орудиями; 2) в Туркестане к нему присоединились еще четыре с половиной роты пехоты, полторы сотни казаков, четыре орудия, две мортиры и два ракетных станка; 3) из Аулиеата под командованием подполковника Лерхе выступило дополнительно 4 роты пехоты, одна сотня конных стрелков, одна сотня казаков и 1000 человек казахов-милиционеров при пяти орудиях, четырех мортирах и двух ракетных станках⁵³. Итого у генерала М.Г. Черняева при завоевании Чимкента вместе с силами подполковника Лерхе имелось где-то свыше 2000 солдат, 1000 милиционеров-казахов и 23 орудия, которым противостояли 10 тыс. кокандцев при 31 орудии!

Под жестоким огнем всех батарей защитников Чимкента генерал М.Г. Черняев 22 сентября 1864 г. подошел к цитадели. В течение часа город с цитаделью, построенный на неприступной возвышенности, был взят русскими войсками. Большая часть кокандского гарнизона во время штурма бежала из города⁵⁴. Воображение Ж. Рахимова «выдало» следующую картину военных действий: «Чимкент был превращен в развалины... Несмотря на понесенные потери, оборонцы города во главе с Алимкулом героически отбивали наступление⁵⁵. 22 сентября ценой зверского уничтожения людей враги вошли в Чимкент. Город полностью был превращен в руины... Жестокость была беспрецедентной»⁵⁶. Откуда взяты эти измышления — неизвестно. Ссылок на исторические источники нет.

Можно ли говорить о численном превосходстве русских войск в битве за Чимкент? Могло ли быть численное превосходство у российских войск, когда армия была отрезана от России дальними расстояниями и не имела возможности пополнять войска людьми и боеприпасами? Например, для взятия Чимкента генерал М.Г. Черняев и подполковник Лерхе забрали все войска и орудия из г. Туркестана и г. Аулиеата, оставив там только по две роты пехоты и по полусотне казаков⁵⁷. В декабре 1864 г. этим попытался воспользоваться неприятель. Алимкул, стремясь взять реванш, собрал 10-тысячное войско и появился в окрестностях г. Туркестана. В течение трех дней (с 4 по 6 декабря) небольшой отряд уральских казаков под командованием есаула Серова, состоящий

⁵³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 292.

⁵⁴ Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области. С. 188.

⁵⁵ Алимкула в сентябре 1864 г. не было в Чимкенте.

⁵⁶ Рахимов Ж. История Узбекистана. С. 82—83.

⁵⁷ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 292.

из 114 человек, оказавшись в полном окружении многотысячных кокандских войск, удерживал подступы к Туркестану, и сумел еще без всякой поддержки вырваться из окружения. Ж. Рахимов не поведал школьникам, что соотношение сил в этом сражении было 100-кратным в пользу кокандцев!

Явно преувеличивает Ж. Рахимов силу российских войск, когда в главе «Завоевание царской Россией Хивинского ханства и превращение его в вассала» сообщает, что «для захвата Хивинского ханства было подготовлено более 12 000 офицеров, 56 пушек»⁵⁸.

Исторические источники говорят другое. В конце 1872 г. был разработан план одновременного удара на Хиву с востока, с севера и с запада. Весной следующего года из Ташкента выступил Туркестанский отряд (свыше 5 тыс. человек), из Оренбурга — Оренбургский отряд (3,4 тыс. человек), с полуострова Мангышлак и из района Красноводска — еще два отряда численностью чуть выше 4 тыс. человек. Всего в походе должно было участвовать около 12 тыс. человек, 56 орудий. Из-за отсутствия воды Красноводский отряд, пройдя 400 км, вернулся к месту своей дислокации. Таким образом, в военных действиях принимало участие 10,4 тыс. человек — офицеров и нижних чинов.

На страницах учебника Ж. Рахимова неоднократно говорится о шовинизме русского народа, о презрительном и отрицательном отношении к покоренным народам, местному населению. Это голословное утверждение делается на основе того, что русские называли местное население туземцами. Богатое воображение Ж. Рахимова создает образ полуголого аборигена с костяными или стеклянными бусами на шее, с перьями в качестве головного убора, которого безжалостно стегает по обнаженным бедрам толстопузый «царский» генерал. Ж. Рахимов не удосужился даже полистать «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля. Слово «туземец» в нем трактуется как «здешний, тамошний уроженец, природный житель страны». Слова же «туземность», «туземство», по В. Далю, — «принадлежность к какой-либо стране, земле, природство, землячество». Даровать кому-либо туземство — признать гражданином своей страны, дать гражданство, отуземить кого, принять его в свои сограждане⁵⁹. Никакого презрения, пренебрежения, а тем более шовинизма это слово не несет.

⁵⁸ Рахимов Ж. История Узбекистана. С. 109.

⁵⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1882. Т. IV. С. 440—441.

В настоящей статье нет возможности проанализировать весь учебник Ж. Рахимова «История Узбекистана». Для этого необходимо целое исследование. Ясно одно — в современной узбекской историографии набирает силу антироссийская тенденция, стремление переписать историю так, чтобы вызвать у гражданина современного Узбекистана отрицательные эмоции по отношению к России. Достигается эта цель чаще всего негодными средствами — подлогом, передергиванием фактов, недостойными оскорблениями.

После протестов школьных учителей и неоднократных обращений Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан к министру народного образования Республики Узбекистан, проведения в марте 2003 г. Посольством Российской Федерации, Русским культурным центром Узбекистана научной конференции «История: проблемы объективности и нравственности», учебник Ж. Рахимова был изъят из преподавания в девятом классе общеобразовательной школы. Его заменили учебником Г.А. Хидоятова и В.А. Костецкого «История Узбекистана (вторая половина XIX — начало XX в.)»⁶⁰, в котором отсутствовали все русофобские инсинуации, характерные для учебника Ж. Рахимова. Тем не менее если взять в целом, то присутствие России в среднеазиатском регионе и в этом новом учебнике Г.А. Хидоятова и В.А. Костецкого оценивается односторонне: «Колонизация края царской Россией привела в начале XX века к глубокому политическому и экономическому кризису в Туркестане»⁶¹.

Что тут можно сказать?..

⁶⁰ Хидоятов Г.А., Костецкий В.А. История Узбекистана (Вторая половина XIX — начало XX в.): 9 класс. Ташкент, 2002.

⁶¹ Там же. С. 140.

Приложение 3

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО И ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ В 1870—1880-е гг., 1897 г. И 1916 г. (человек)

Области	1870—1880-е гг.*	1897**	1916***
Акмолинская	260 000	682 608 в т.ч. город 74 752	1 565 900 в т.ч. город 213 000
Семипалатинская	350 000	684 590 в т.ч. город 54 488	992 100 в т.ч. город 80 200
Тургайская	350 000	453 416 в т.ч. город 19 530	837 300 в т.ч. город 49 900
Уральская	490 000	645 121 в т.ч. город 55 482	898 100 в т.ч. город 90 500
Закаспийская	400 000	382 487 в т.ч. город 41 877	559 000 в т.ч. город 91 400
Самаркандская	634 000	860 021 в т.ч. город 135 313	1 211 200 в т.ч. город 218 000
Семиреченская	810 000	987 863 в т.ч. город 62 974	1 362 200 в т.ч. город 129 200
Сырдарьинская	971 000 (+130 000****)	1 478 398 в т.ч. город 205 596	2 132 400 в т.ч. город 373 800
Ферганская	660 000	1 572 214***** в т.ч. город 284 358	2 199 300 ***** в т.ч. город 435 800
Всего	5 055 000	7 746 718	11 757 500

* Составлено по: *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. С. 88; *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край: Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. СПб., 1880. Т. 1. С. 326; *Яворский И.Л.* Опыт медицинской географии и стати-

стики Туркестана. СПб., 1889. Ч. 1. С. 316. — По разным оценкам, эти цифры занижали реальную численность населения на 10—20%.

** Составлено по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. LXXXIV. Семипалатинская область. С. 1; СПб., 1904. Т. LXXXI. Акмолинская область. С. 1; Т. LXXXVIII. Уральская область. С. 1; Т. LXXXVII. Тургайская область. С. 1; Т. LXXXII. Закаспийская область. С. 1; Т. LXXXIX. Ферганская область. С. 1; СПб., 1905. Т. LXXXIII. Самаркандская область. С. 1; Т. LXXXV. Семиреченская область. С. 1; Т. LXXXVI. Сырдарьинская область. С. 1.

*** Составлено по: Статистический ежегодник России. 1916 (Год тринадцатый). Вып. 1. М.: Издание Центрального статистического комитета КВД, 1918. С. 45—47 (на 1 января 1916 г.).

**** Данные об Амударьинском отделе.

***** В том числе Памир — 2252 человек.

***** В том числе Восточный Памир — 3300 человек

Приложение 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ ПО РОДНОМУ ЯЗЫКУ (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 г.), (человек)*

Язык	Семипалатинская область	Акмолинская область	Уральская область	Тургайская область
великорусский	65 062	174 292	160 894	30 438
малорусский	3257	51103	2959	4588
белорусский	114	246	57	2
польский	195	1142	250	101
чешский	—	30	5	—
литовский	1	58	3	4
жмудский	—	10	—	—
латышский	8	544	1	3
французский	—	12	4	1
молдаванский	—	75	16	—
немецкий	100	4791	161	60
шведский	1	5	—	—
датский	—	6	—	—
английский	2	4	10	—
армянский	—	5	9	1
греческий	3	—	1	—
персидский	3	14	11	10
таджикский	—	5	—	—
индусский	3	—	—	—
цыганский	26	64	32	21

Продолжение таблицы

Язык	Семипалатинская область	Акмолинская область	Уральская область	Тургайская область
осетинский	—	2	—	—
еврейский	287	1613	115	58
грузинский	—	14	—	—
лезгинский и другие кавказские наречия**	7	43	—	—
черкесский	—	—	6	4
финский	—	18	1	—
эстонский	15	375	14	—
венгерский	—	1	—	—
пермяцкий	—	203	—	—
вотяцкий	—	50	1	83
зырянский	5	37	3	9
мордовский***	392	8546	797	2132
черемисский	—	—	3	—
татарский	9940	10 819	17 805	3197
тептярский	—	6	—	11
башкирский	26	127	713	1598
чувашский	7	165	22	43
сибирско—татарский (бухарский)	—	—	2	—
сойтский	—	—	2	—
турецкий	2	3	2	—
киргиз—кайсацкий****	604 564	427 389	460 173	410 904
кара—киргизский	—	92	—	—
туркменский	—	4	45	15
сартский	495	368	5	130
узбекский	—	313	3	—
калмыцкий	6	1	968	1
бурятский	—	—	8	—
монгольский	15	—	—	1

Продолжение таблицы

Язык	Семипалатинская область	Акмолинская область	Уральская область	Тургайская область
китайский	2	1	—	—
корейский	—	1	—	—
гилякский	—	—	3	—
чуванский	—	—	5	—
алеутский	—	—	1	—
арабский	—	—	2	—
не указавшие языка	52	11	9	1

* Составлено по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. LXXXI. Акмолинская область. С. 50—51; Т. LXXXVIII. Уральская область. С. 48—49; Т. LXXXVII. Тургайская область. С. 38—39; СПб., 1905. Т. LXXXIV. Семипалатинская область. С. 54—55.

** в Семипалатинской области — лезгинский.

*** в Тургайской области — мордовский и черемисский.

**** в Уральской и Тургайской областях — киргизский.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ ПО РОДНОМУ ЯЗЫКУ (по данным переписи 1897 г.) (человек*)

Язык	Самарканд- ская область	Закаспий- ская область	Семиречен- ская область	Сырдарьин- ская область	Ферган- ская область
великорусский	12 485	27 942	76 839	31 900	8140
малорусский	1391	5151	18 611	12 853	1698
белорусский	130	180	16	81	4

Продолжение таблицы

Язык	Самарканд- ская область	Закаспий- ская область	Семиречен- ская область	Сырдарьин- ская область	Ферган- ская область
польский	1531	3812	185	2825	1535
чешский**	47	28	3	14	21
словенский	—	—	9	—	—
болгарский	—	32	—	—	—
литовский	17	935	2	22	—
жмудский	—	1	—	—	—
латышский	10	28	9	12	12
французский	13	19	4	15	3
молдаванский (румынский)***	20	47	2	14	7
итальянский	26	6	—	3	9
немецкий	440	1026	40	1887	369
шведский	—	10	—	4	6
норвежский	—	—	—	—	13
английский	2	4	—	6	—
армянский	370	4256	1	43	177
греческий	21	67	4	5	6
персидский	1723	8015	18	1661	1565
таджикский****	230 384	35	264	5557	14 081
курдский	—	112	—	—	—
осетинский	8	45	—	4	—
индусский	41	1	1	61	148
цыганский	70	7	15	28	508
афганский	281	317	—	16	—
еврейский	1312	860	274	1975	1378
грузинский	26	164	1	22	11
имеретинский	—	1	—	—	—
мингрельский	—	8	—	—	—
черкесский	—	195	—	—	45
абхазский	—	1	—	—	—
чеченский	—	1	—	—	—

Продолжение таблицы

Язык	Самарканд- ская область	Закаспий- ская область	Семиречен- ская область	Сырдарьин- ская область	Ферган- ская область
лезгинский и другие кавказские народы *****	106	62	15	71	—
финский	—	5	8	—	—
эстонский	—	27	—	9	—
венгерский	2	2	—	2	1
пермязкий	—	—	—	4	590
мордовский	79	776	—	275	83
черемисский	—	1	1033	—	21
зырянский	—	—	73	—	—
татарский	460	3510	8353	5257	852
башкирский	5	—	147	22	9
мещерякский	—	—	8	—	—
чувакский	8	55	8	3	—
ногайский	—	—	—	30	—
турецкий	173	77	3	—	8
кумыкский	—	6	—	—	—
каджарский	—	14	—	—	—
киргиз—кайсацкий*****	63 091	74 225	794 815	952 061	—
кара—киргизский	—	—	—	—	201 579
кара—калпакский	—	—	—	93 215	11 056
туркменский	—	248 651	52	—	—
сартский	18 073	778	14 895	144 275	788 989
узбекский	507 587	470	26	64 235	153 780
таранчинский	28	425	55 999	9	—
кашгарский	—	23	—	—	14 915
кипчакский	—	—	—	—	7584
кураминский	—	2	12	—	—
тюркский*****	19 993	—	—	158 675	261 234
калмыцкий	8	12	1734	4	—
бурятский	—	2	—	—	23
монгольский	7	8	3	7	11

Продолжение таблицы

Язык	Самарканд- ская область	Закаспий- ская область	Семиречен- ская область	Сырдарьин- ская область	Ферган- ская область
китайский	10	8	14 130	509	1640
корейский	—	—	2	1	3
японский	3	—	—	1	46
арабский	10	6	2	634	14
сиро-халдейский	—	—	—	3	—
не указавшие языка	30	36	248	88	41

* Составлено по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. LXXXII. Закаспийская область. С. 54—55; Т. LXXXIX. Ферганская область. С. 60—61; СПб., 1905. Т. LXXXIII. Самаркандская область. С. 48—49; Т. LXXXV. Семиреченская область. С. 52—53; Т. LXXXVI. Сырдарьинская область. С. 56—57.

** в Закаспийской области — чешский и словацкий.

*** в Закаспийской области — румынский (молдаванский); в Ферганской области — молдаванский.

**** в Сырдарьинской области — таджикский и туркменский.

***** в Закаспийской области — лезгинский; в Самаркандской области — лезгинский и другие кавказские наречия.

***** в Закаспийской области — киргизский; в Сырдарьинской области — киргиз-кайсацкий и кара-киргизский.

***** в Ферганской области — тюрко-татарский; в Сырдарьинской и Самаркандской областях — тюркский без распределения.

Приложение 5

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ МОЛИТВЫ ЗА ЦАРЯ, ВЫРАБОТАННЫЙ СЪЕЗДОМ НАРОДНЫХ СУДЕЙ ГОРОДА ТАШКЕНТА В 1892 г.*

Боже мой! Помоги, окажи милость Его Величеству Государю нашему Александру Александровичу с его супругой Великой Государыней Марией Федоровной и Наследнику Государю — Цесаревичу Николаю Александровичу и остальным августейшим Детям Его. Аминь.

Боже мой! Сделай царя всем Его подданным милостивым и дай царствовать Ему над нами постоянно. Аминь.

Боже мой! Сохрани царя и супругу Его с Августейшей семьей от бед небесных и земных, от зависти и покушений людских. Аминь.

Боже мой! Продли жизнь царя и дай Ему и роду Его вечно царствовать над нами. Аминь.

Боже мой! Да будут для нас дни их Рождений и вступления на престол священными. Аминь.

Боже мой! Сохрани также Его знатных министров, сподвижников преданных, верноподданных хранителей государства, и дай Ему постоянную победу над врагами.

Боже мой! Да действуют выборные Его правители Его повелением. Аминь.

Боже мой! Да просвещаются под Его разумным правлением все: большие и малые, мужчины и женщины. Аминь.

* Приводится по: *Остроумов Н.П.* История «молитвы за царя», предназначенной для чтения в ташкентских мечетях и в русско-туземных школах // Erkinov A. Praying For and Against the Tsar. Prayers and Sermons in Russian-Dominated Khiva and Tsarist Turkestan (ANOR; 16). Halle; Berlin, 2004. P. 86—87.

Приложение 6

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ 1886 г.¹

ВВЕДЕНИЕ.

1. Туркестанский край образуют три области: Сыр-Дарьинская, Ферганская и Самаркандская. 1886 Июн. 12, собр.узак., 817, пол., ст. 1.

Примечание. Положение об управлении Туркестанского края (ст. 1-331), правила о введении в нем поземельно-податного устройства (ст. 255, прим., прил.) и штаты 12 Июня 1886 года подлежат приведению в действие с 1 Января 1887 года. Там же, мн. Гос. Сов., I.

2. Сыр-Дарьинская область состоит из Аму-Дарьинского отдела и пяти уездов: Казалинского, Перовского, Чимкентского, Аулиеатинского и Ташкентского. Там же, пол., ст. 2.

3. Ферганская область делится на пять уездов: Кокандский, Маргеланский, Андижанский, Намаганский и Ошский. Там же, ст. 3.

4. Самаркандская область состоит из четырех уездов: Самаркандского, Катта-Курганского, Ходжентского и Джизакского. Там же, ст. 4.

5. Определение и изменение границ уездов, по ближайшем соображении местных условий, принадлежит Генерал-Губернатору, который о распоряжениях своих по этому предмету доводит, через Военного Министра, до Высочайшего сведения. Там же, ст. 5.

6. Управление Туркестанского края составляют: 1) главное управление; 2) управления отдельными частями разных ведомств; 3) местные административные установления: а) областные, б) уезд-

¹ В настоящем приложении публикуется только Введение и Первый раздел, в котором говорится об административном устройстве Туркестанского генерал-губернаторства.

ные, в) городские, г) сельские; 4) установления судебные. Там же, ст. 6.

Примечание. Все должности по управлению Туркестанского края замещаются военными или гражданскими чинами, за исключением должностей Военных Губернаторов и Начальника Аму-Дарьинского отдела, которые должны быть заняты исключительно военными. Там же, шт., прим. 4.

7. Местопребыванием управлений назначаются: главного — город Ташкент, областных: Сыр-Дарьинского — город Ташкент, Ферганского — город Новый Маргелан, Самаркандского — город Самарканд, Аму-Дарьинского отдела — укрепление Петро-Александровское, и уездных — одноименные с уездами города, кроме Джизакского уездного управления, находящегося в укреплении Ключевом. Там же, пол., ст. 7.

8. Управление Туркестанского края, за исключением установлений и лиц, принадлежащих к судебному, финансовому, контрольному, учебному и почтово-телеграфному ведомствам, находится в ведении Военного Министерства. Там же, ст. 8, прим. 2.

Примечание. Лицам, служащим в таких учреждениях по управлению Туркестанского края, содержание которых исчисляется по сметам Военного Министерства, разрешается участвовать в эмеритальной пенсионной кассе военно-сухопутного ведомства на основаниях, определенных Высочайше утвержденным 19 Февраля 1880 года (60543) Положением о сей кассе. За переходящими же в названный край из ведомств, имеющих эмеритуру, сохраняется, в случае собственного их на то желанья, право участвовать в эмеритальной кассе прежнего места служения, буде в Уставе ее не содержится противоположного сему постановления. Там же, мн. Гос. Сов., VIII.

9. Туземцы Туркестанского края (кочевые и оседлые), живущие в селениях, пользуются правами сельских обывателей, а проживающие в городах — правами городских обывателей. Преимущества, присвоенные другим состояниям Российской Империи, приобретаются туземцами на основании общих законов. Там же, пол., ст. 9.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

10. Главное управление Туркестанского края вверяется Генерал-Губернатору, определяемому и увольняемому по непосред-

ственному усмотрению Его Императорского Величества Высочайшими указами Правительствующему Сенату и приказами в общеустановленном порядке. 1886 Июн. 12, собр.указ., 817, пол., ст. 10.

11. В случае увольнения, смерти, тяжкой болезни или отсутствия из края Генерал-Губернатора, если при этом исполнение его обязанностей не будет поручено Государем Императором другому лицу, в исправление должности Генерал-Губернатора вступает старший по службе из местных Военных Губернаторов. Там же, ст. 11.

12. Права, обязанности и образ действий Генерал-Губернатора, а также отношения его к Верховной власти, государственным и местным установлениям, определяются правилами, содержащимися в статьях 415—462 Общего Губернского Учреждения (изд. 1876 г.), и постановлениями сего Положения. Там же, ст. 12.

Примечание. Права и обязанности Генерал-Губернатора по делам учебного ведомства определяются Высочайше утвержденным 17 Мая 1875 года мнением Государственного Совета (54713) о управлении учебной частью в Туркестанском крае и другими изданными по сему предмету узаконениями. Там же, прим.

13. В тех городах, в которых не введено Городовое Положение 1870 года, высшее заведывание делами городского хозяйства, впредь до особых распоряжений, предоставляется Генерал-Губернатору, на тех же основаниях, на которых оно принадлежит в других местностях Министру Внутренних Дел, с тем, однако, что о сложении недоимок в размере от одной до десяти тысяч рублей Генерал-Губернатор входит в соглашение с упомянутым Министром, а утвержденные городские сметы сообщает ему, для сведения. Там же, ст. 13.

14. Генерал-Губернатор: 1) утверждает торги на всякую сумму по тем казенным строительным работам, на производство которых кредиты назначены установленным порядком; 2) утверждает проекты и сметы по сим работам, равно как подряды, поставки и другие договоры частных лиц с казной, те и другие на сумму до тридцати тысяч рублей, если уже последовало назначение кредитов, потребных на сии операции, и 3) избирает определенные законом способы производства работ по казенным сооружениям, с тем, однако, чтобы распоряжения по всем упомянутым предметам не выходили за пределы назначенных сумм. Там же, ст. 14.

15. Генерал-Губернатору предоставляется высылать вредных, по политической неблагонадежности, туземцев в назначенные, по соглашению с Министром Внутренних Дел, местности Империи, на

срок не свыше пяти лет. О каждом таком распоряжении Генерал-Губернатор доводит до сведения Министров Военного и Внутренних Дел, с подробным объяснением причин, побудивших его принять эту меру. Там же, ст. 15.

16. В исключительных случаях, когда совершающиеся в крае тяжкие преступления (убийства, разбои, грабежи, сопротивление власти и т.п.) будут угрожать нарушением общественного порядка и спокойствия среди населения. Генерал-Губернатору предоставляется испрашивать Высочайшее разрешение на предание виновных в сих преступлениях военному суду, для суждения по законам военного времени. Там же, ст. 16.

17. При Генерал-Губернаторе состоят: Совет, Чиновники особых поручений, Переводчик и Канцелярия. Там же, ст. 17.

Примечание 1. Чиновнику особых поручений по горной части при Генерал-Губернаторе, в отношении частных горнопромышленников, присваиваются права и обязанности, определенные Уставом Горным для Окружных Инженеров. Там же, шт., прим. 10.

Примечание 2. На должности штатных переводчиков могут быть определяемы также лица, не имеющие права на поступление в государственную службу, но в таком случае они не пользуются пенсией и в чины не производятся. Там же, шт., прим. 6.

18. Совет Генерал-Губернатора состоит, под председательством Генерал-Губернатора, из следующих членов: Военного Губернатора Сыр-Дарьинской области и Военных Губернаторов Ферганской и Самаркандской областей (во время пребывания их в городе Ташкента), Управляющих Казенной и Контрольной Палатами, Непременного Члена от Министерства Финансов, Начальника Штаба Туркестанского военного округа и Управляющего Канцелярией Генерал-Губернатора. Сверх того, по делам общего управления и по тем из дел о земских повинностях, которые относятся до мировых судебных установлений и устройства помещений для подвергаемых аресту по приговорам Мировых Судей, в Совете участвуют, с правом голоса, местные: Председатель Областного Суда и Областной Прокурор, а по делам, касающимся учебной части, — Главный Инспектор Училищ. Независимо от сего, по распоряжению Генерал-Губернатора, могут быть приглашаемы, для совещания, и другие лица, познания коих признаются полезными для разьяснения обсуждаемого дела. Там же, пол., ст. 18.

19. Когда Генерал-Губернатор не будет иметь возможности лично председательствовать в Совете, в нем председательствует Военный Губернатор Сыр-Дарьинской области. Там же, ст. 19.

20. Ведению Совета подлежат: I. По общему управлению краем: 1) все законодательные вопросы и 2) другие дела, которые Генерал-Губернатор признает нужным передать на обсуждение Совета. II. По земским повинностям: 1) рассмотрение смет денежных земских повинностей, 2) определение размера натуральных земских повинностей, соображение вопросов о обращении их в денежные и включение в смету необходимых для сего расходов, 3) надзор за правильным исполнением сметы земских повинностей, 4) разрешение сверхсметных расходов, не выходящих из пределов назначенной для сего по смете запасной суммы, которая определяется не свыше десяти процентов общей расходной сметы и 5) перечисление остатков из одной статьи сметы в другую, в пределах, устанавливаемых при утверждении сметы земских повинностей. III. По поземельному и податному устройству: 1) общее руководство ходом сих дел, 2) соображение предположений о податном обложении и 3) рассмотрение приносимых Генерал-Губернатору жалоб по сему предмету. Там же, ст. 20.

21. По делам, относящимся до общего управления краем, заключения Совета имеют значение лишь совещательное. По делам же о земских повинностях, а также податным и поземельным, все вопросы решаются по большинству голосов присутствовавших в заседании членов Совета, с тем, однако, что Генерал-Губернатору, в случае несогласия с мнением большинства, предоставляется право, не приводя состоявшееся постановление в исполнение, передать возбудивший разномыслие вопрос на разрешение подлежащего Министерства, а в случаях, не терпящих отлагательства, — распорядиться, под личной ответственностью, приведением в исполнение мнения меньшинства или своего собственного, доводя, вместе с тем, до сведения подлежащего Министра об основаниях, побудивших его принять эту меру. Там же, ст. 21.

22. Делопроизводство Совета по делам о земских повинностях возлагается на Непременного Члена от Министерства Финансов, а по остальным делам — сосредотачивается в Канцелярии Генерал-Губернатора, под руководством Управляющего оной. При Совете состоит особый Секретарь. Там же, ст. 22.

23. В ведении Управляющего Канцелярией Генерал-Губернатора находятся: 1) редакция Туркестанских Ведомостей, издаваемых на основаниях, определенных для губернских ведомостей, с теми изменениями, которые могут быть допущены по соглашению Министра Внутренних Дел с Генерал-Губернатором, и 2) Туркестанские музей и публичная библиотека. Там же, ст. 23.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МЕСТНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЛАСТНЫЕ.

43. Областное управление образуют: Военный Губернатор и Областное Управление. 1886 Июн. 12, собр. узак., 817, пол., ст. 43.

44. Права и обязанности Военных Губернаторов определяются правилами, изложенными в статьях 489-657 Общего Губернского Учреждения (изд. 1876 г.) и постановлениями сего Положения. Там же, ст. 44.

45. Военные Губернаторы определяются и увольняются по представлению Военного Министра, основанному на предварительном соглашении с Министром Внутренних Дел и Туркестанским Генерал-Губернатором, Именными Высочайшими указами Правительствующему Сенату и приказами в общеустановленном порядке. Там же, ст. 45.

46. Помощники Губернаторов определяются, по представлению Генерал-Губернатора, Высочайшими приказами по военному ведомству о чинах гражданских. Там же, ст. 46.

47. Советники и Члены общего Присутствия Областного Правления определяются и увольняются Генерал-Губернатором. Там же, ст. 47.

48. Военный Губернатор по управлению областью действует на общем основании через Областное Правление, которое несет обязанности и пользуется правами Губернского Правления. Там же, ст. 48.

49. В случаях, предусмотренных статьями 728, 732 и 733 Общего Губернского Учреждения (изд. 1876 г.), донесения Губернаторов, их Помощников и Членов Областных Правлений поступают к Генерал-Губернатору. Там же, ст. 49.

50. При Военном Губернаторе состоят Чиновники для поручений и Переводчик. Там же, ст. 50.

51. Областное Правление, сверх своих прямых обязанностей, ведает все дела, для которых в области не существует особых учреждений. Там же, ст. 51.

Примечание. Областные Правления, с утверждения Военных Губернаторов, распределяют суммы, определенные штатом на наем рассыльных, писцов и на канцелярские расходы в Аму-Дарьинском отделе, в уездных и участковых управлениях, между означенными отделом и управлениями, в мере действительной надобности. Там же, шт., прим. 12.

52. При Ферганском и Самаркандском Областных Правлениях состоят чины по заведыванию ирригацией. В Сыр-Дарьинской области обязанности сии исполняются Младшим Техником. Права и обязанности сих чинов определяются особой инструкцией, утверждаемой Генерал-Губернатором. Там же, пол., ст. 52; шт., прим. 9.

53. Переписка, производящаяся на основании Общего Губернского Учреждения, в губернаторской Канцелярии, возлагается на Канцелярию Областного Правления. Там же, пол., ст. 53.

54. При Ферганском Областном Правлении состоит Типография на общем для губернских типографий основании. Там же, ст. 54.

55. Применительно к Положению о Губернских Статистических Комитетах, могут быть учреждаемы, с разрешения Генерал-Губернатора, Областные Статистические Комитеты, на счет общего по области земского сбора. Там же, ст. 55.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

УСТАНОВЛЕНИЯ УЕЗДНЫЕ И ГОРОДСКИЕ.

I. АМУ-ДАРЬИНСКИЙ ОТДЕЛ.

56. Управление Аму-Дарьинским отделом вверяется Начальнику, который определяется и увольняется, по представлению Генерал-Губернатора, Высочайшим приказом. 1886 Июн. 12, собр. узак., 817, пол., ст. 56.

57. При Начальнике Аму-Дарьинского отдела состоят Помощник и другие чины, по штату. На Помощника Начальника, определяемого Военным Губернатором Сыр-Дарьинской области, возлагается заведывание Шураханским участком. Там же, ст. 57.

58. Начальнику Аму-Дарьинского отдела присваиваются, по гражданскому управлению, права и обязанности, предоставленные Уездным Начальникам. Сверх того, ему предоставляется утверждение и увольнение всех выборных должностных лиц туземной администрации и суда. Для ведения пограничных дел он снабжается особой инструкцией от Генерал-Губернатора. Там же, ст. 58.

II. УЕЗДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

59. Административно-полицейское заведывание уездом сосредотачивается в лице Уездного Начальника, которому присваиваются все права и обязанности, принадлежащие, по общему закону, Уездному Исправнику и Уездному Полицейскому Управлению. Там же, ст. 59.

60. При Уездном Начальнике состоят Помощник и Канцелярия. Там же, ст. 60.

61. В уездах, для заведывания определенным районом, учреждаются Участковые Приставы, которые имеют права и обязанности Становых Приставов в губерниях, по Общему Учреждению управляемых. Распределение Приставов по уездам, сообразно пространству, населению и другим местным обстоятельствам, производится по постановлению Областного Правления, утвержденному Генерал-Губернатором. Там же, ст. 61.

Примечание. В уездах: Перовском, Аулиэатинском, Чимкентском, Ташкентском, Наманганском, Андижанском, Кокандском, Маргеланском, Джизакском и Самаркандском, заведывание пригородным участком возлагается на Помощника Уездного Начальника. Там же, прим.

62. Уездные Начальники определяются и увольняются Генерал-Губернатором, по представлениям Губернаторов. Помощники Уездных Начальников, Участковые Приставы, Полицеймейстеры и Полицейские Приставы определяются и увольняются Военным Губернатором. Там же, ст. 62.

63. В случае отсутствия или болезни Уездного Начальника, в исправление его должности вступает Помощник Уездного Начальника, а за отсутствием или болезнью сего последнего — один из Участковых Приставов, по распоряжению Военного Губернатора. Там же, ст. 63.

64. Уездные Начальники и Участковые Приставы имеют право подвергать туземцев за маловажные проступки и ослушание законным распоряжениям властей: первые — аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей, а вторые — аресту не свыше трех дней или взысканию не свыше пяти рублей. Наказания сии налагаются по постановлениям названных должностных лиц, причем копии с постановлений об аресте препровождаются в места заключения, одновременно с подвергаемыми аресту. Денежные взыскания поступают в особый капитал на усиление средств для устройства мест заключения в крае. Там же, ст. 64.

Примечание. Маловажными проступками признаются: 1) проступки против благочиния в церквях и мечетях: появление в них во время богослужения в неприличном виде, произведение шума и, вообще, причинение словом или действием соблазна; 2) проступки против правительственного и общественного порядка: шум и брань на улице, драка в каком бы то ни было месте, непочтение, грубость и дерзость против лиц, облеченных правительственной

или общественной властью, непослушание и оскорбление родителей; 3) проступки, заключающие в себе соблазн и дурное поведение: пьянство и, вообще, проступки, противные благопристойности и нравственности. Там же, прим.

65. Постановления Уездных Начальников и Участковых Приставов по означенным в статье 64 предметам могут быть обжалованы в течение семи дней, считая со дня, в который состоялось постановление. Жалобы приносятся: на постановления Уездных Начальников — Областному Правлению, а на постановления Участковых Приставов — Уездному Начальнику. Там же, ст. 65.

III. УПРАВЛЕНИЕ В ГОРОДАХ.

66. Городами в Туркестанском крае признаются: местопребывания областных и уездных управлений и, сверх того: Старый Маргелан, Туркестан, Чуст, Уратюбе и Пенджикент. Там же, ст. 66.

67. В тех городах, где это будет признано полезным, Военным Губернаторам предоставляется, с разрешения Генерал-Губернатора, вводить упрощенное общественное управление, на основании статьи 2109 Общего Губернского Учреждения (изд. 1876 г.). Там же, ст. 67.

68. До введения общественного управления, заведывание хозяйством и благоустройством городов возлагается на Уездных Начальников, а где их нет — на Участковых Приставов, под наблюдением Областных Правлений и Военных Губернаторов, а также при участии депутатов от городских обществ. Там же, ст. 68.

Примечание. Уездным Начальникам и Участковым Приставам в тех городах, в которых возложено на них заведывание городским хозяйством, производятся добавочные столовые деньги из городских доходов. Там же, шт., прим. 14.

69. Управление городом Ташкентом вверяется Начальнику города, которому присваиваются права и обязанности Уездного Начальника. Там же, пол., ст. 69.

70. Полицейские управления в городах: Ташкенте (русской его части), Новом Маргелане и Самарканде действуют на основании общих узаконений, с тем лишь изъятием, что Полицеймейстер русской части Ташкента подчиняется Начальнику города. В прочих городах Туркестанского края заведывание полицией возлагается на Уездных Начальников, причем в городе Казалинске и укреплении Петро-Александровском назначаются особые Полицейские Приставы, подчиняющиеся, на общем основании, Начальникам Казалинского уезда и Аму-Дарьинского отдела. Там же, ст. 70.

71. Города, населенные туземцами, делятся на части, число которых определяется, по постановлению Областного Правления, Военным Губернатором. Заведывание сими частями возлагается на старшин (аксакалов), по выбору домовладельцев. Высший полицейский надзор в городе вверяется старшему аксакалу, назначаемому Военным Губернатором из туземцев, в ведении которого находятся низшие полицейские служители из туземцев. Все содержание полицейской части в туземных городах относится на счет городских доходов. Там же, ст. 71; шт., прим. 1.

72. Для исполнения низших полицейских обязанностей в русских частях городов образуются команды полицейской стражи из вольнонаемных людей, на общем основании, с отнесением расхода на содержание сей стражи на средства подлежащих городов, по принадлежности. Там же, пол., ст. 72.

Примечание 1. Впредь до увеличения общественных доходов в тех городах, где вольнонаемные полицейские команды еще не существуют, для полицейской службы назначается, с разрешения Генерал-Губернатора, необходимое число нижних чинов из местных войск в распоряжение Уездных Начальников, Полицеймейстера и Приставов. Там же, прим. 1.

Примечание 2. В городе Новом Маргелане, впредь до умножения городских средств, содержание существующей там полицейской команды относится на государственное казначейство. Там же, прим. 2.

Примечание 3. Расход на содержание вольнонаемной полицейской стражи в городе Ташкенте относится полностью на счет земского сбора в течение первых трех лет с 1 Января 1887 года. За сим, в четвертом году из земского сбора удовлетворяются три четверти означенного расхода, а одна четверть оного обращается на городские средства; в пятом году на земский сбор относится половина сего расхода, а другая половина падает на доходы города; по истечении же пяти лет расход на полицейскую команду г. Ташкента производится полностью из городских средств. Там же, шт., прим. 8.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ. УСТАНОВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИЕ.

I. УПРАВЛЕНИЕ ОСЕДЛОГО ТУЗЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ.

73. Оседлое туземное население в каждом уезде разделяется на волости, а волости — на сельские общества (аксакальства). 1886 Июн. 12, собр. узак., 817, пол., ст. 73.

74. Сельское общество (аксакальство) составляется из одного или нескольких мелких, ближайших друг к другу, селений или выселков, хуторов, чеков и курганчей, имеющих общие хозяйственные выгоды по пользованию землей и оросительными каналами (арыками). Там же, ст. 74.

75. Волости образуются из нескольких смежных сельских обществ. При соединении в волости, сельские общества не раздробляются. Там же, ст. 75.

76. В волости полагается от одной до двух тысяч дворов. Там же, ст. 76.

77. Большие населенные пункты, не пользующиеся правами городов, получают общее сельское и волостное устройство, т.е. разделяются на аксакальства и образуют волости. Там же, ст. 77.

78. Перечисление целых волостей из одного уезда в другой разрешается Генерал-Губернатором. Там же, ст. 78.

79. Перечисление обществ из одной волости в другую, и, вообще, изменения в составе волостей разрешаются Областным Правлением, с утверждения Военного Губернатора. Перечисление мелких селений или выселков из одного аксакальства в другое разрешается Уездным Начальником, с согласия сельских обществ, выраженного в приговоре сельского схода; причем увольняющееся общество обязано уплачивать за перечисляемых все подати, сборы и повинности до новой податной раскладки. Тот же порядок соблюдается при перечислении отдельных лиц и семейств из одного общества в другое. О всех перечислениях из одного общества в другое Уездный Начальник доводит до сведения Областного Правления. Там же, ст. 79.

80. Волости заведываются волостными управителями, а сельские общества — сельскими старшинами (аксакалами). Там же, ст. 80.

81. В сельском обществе, состоящем из многолюдного селения, для содействия старшине избираются помощники в таком числе, какое окажется нужным по действительной в том надобности. Там же, ст. 81.

82. Волостные управители, сельские старшины и их помощники назначаются по выбору населения, на три года. Там же, ст. 82.

Примечание. Генерал-Губернатору предоставляется, в исключительных случаях, назначать волостных управителей собственной властью. Там же, прим.

83. В названные должности может быть избран каждый туземный житель, который не подвергался, по суду, взысканиям, пре-

вышающим семидневный арест или денежное взыскание в тридцать рублей, не находится под следствием и судом и имеет от роду не менее двадцати пяти лет. Там же, ст. 83.

84. Избрание волостного управителя производится волостным съездом выборных, которые избираются сельскими сходами, по одному от каждых пятидесяти домохозяев. Там же, ст. 84.

Примечание. В обществах, где за указанным распределением останется более двадцати пяти домов, прибавляется по одному выборному. Там же, прим.

85. Выборы представителей на волостной съезд производятся на сельских сходах, состоящих из всех домохозяев, в присутствии сельского старшины, простым большинством голосов, при условии, чтобы на сельских сходах участвовало не менее половины всех домохозяев общества. Там же, ст. 85.

86. Время и место для съезда волостных избирателей определяются Уездным Начальником. Там же, ст. 86.

87. Волостной съезд выборных считается состоявшимся, если на нем присутствует не менее двух третей всего числа выборных. Там же, ст. 87.

88. Выборы волостного управителя производятся в присутствии Уездного Начальника или лица, его заменяющего, которые наблюдают только за порядком, не вмешиваясь в самое направление выборов. Там же, ст. 88.

89. Волостной съезд избирает двух кандидатов: одного — на должность волостного управителя, а другого — в кандидаты к нему. Лица сии представляются Уездным Начальником, с его заключением, на утверждение Военного Губернатора. Там же, ст. 89.

90. Военному Губернатору предоставляется утвердить или не утвердить выборы. В последнем случае Губернатор или назначает новые выборы, или замещает должности волостного управителя и кандидата к нему по собственному усмотрению. Там же, ст. 90.

91. Волостной съезд определяет жалованье волостным управителям до избрания оных, соразмерно величине и благосостоянию волости, в размере от трехсот до пятисот рублей, а также сумму на наем писарей и рассыльных, в количестве от трехсот до четырехсот рублей в год. Там же, ст. 91.

92. Приговоры волостных съездов о содержании волостным управителям и о сумме на наем писарей и рассыльных представляются на утверждение Областного Правления. Там же, ст. 92.

93. Сельские старшины, кандидаты к ним и помощники старшины избираются — в присутствии волостного управителя, на-

блюдающего за порядком, но не вмешивающегося в самое направление выборов, — сельским сходом, простым большинством голосов, при условии, чтобы на сельском сходе участвовало не менее половины всех домохозяев общества. Там же, ст. 93.

94. Сельские старшины, кандидаты к ним и помощники старшины утверждаются Уездным Начальником. Там же, ст. 94.

95. Жалованье сельским старшинам и их помощникам определяется сельским сходом, соразмерно величине селения и его благосостоянию, в размере не свыше двухсот рублей в год. Приговоры сельских сходов по сему предмету представляются на утверждение Уездного Начальника. Там же, ст. 95.

96. Определенное волостным съездом и сельским сходом содержание волостному управителю и сельским старшинам и их помощникам собирается по общественной раскладке, вместе с податями, и сдается в Уездное Казначейство в депозит уездного управления, по распоряжению которого упомянутые должностные лица получают назначенное им содержание в сроки и порядком, которые определяются Областным Правлением. Там же, ст. 96.

97. Волостным управителям и сельским старшинам присваиваются особые знаки, для ношения при отправлении ими служебных обязанностей, и выдаются печати по должности для прикладывания, независимо подписи, если они грамотны, к исходящим от них бумагам. Форма знаков и печатей утверждается Генерал-Губернатором. Там же, ст. 97.

Примечание. Знаки и печати заготавливаются первоначально на счет земских сумм. Там же, прим.

98. Права, обязанности и круг действий волостного управителя, сельского старшины, волостного съезда и сельского схода определяются соответствующими постановлениями учреждения общественного управления сельских обывателей в Империи (Общ. Учр. Губ., изд. 1876 г., ст. 2157 и след.), с дополнениями, изложенными в нижеследующих статьях (ст. 99—107). Там же, ст. 98.

Примечание. Волостным и сельским обществам туземцев дозволяется содержание открываемых при мечетях школ (медресе и мектебе) относить на общественные средства, не принуждая, однако ни в каком случае к платежу сбора на сию потребность лиц, не желающих участвовать в оном. Там же, прим.

99. На волостного управителя возлагаются: приведение в исполнение судебных решений и правительственных распоряжений, обязанность иметь список числа домов в сельских обществах, следить за прибылью и убылью населения, наблюдать за своевременным

поступлением всех сборов и исполнением повинностей и надзирать за тем, чтобы в обществах не было неразрешенных сборов и неустановленных повинностей. Там же, ст. 99.

100. Ведению волостного съезда подлежат: избрание народных судей и назначение и раскладка общественных сборов и повинностей, относящихся до нескольких сельских обществ. Там же, ст. 100.

101. На обязанности сельского старшины лежат: созыв частных сходов в селениях, для выбора уполномоченных, которые должны производить раскладку податей в селениях, присутствие на означенных сходах, для наблюдения за порядком, но без вмешательства в самое направление выборов, сбор с населения всех податей и повинностей, выдача в получении денег квитанций и представление собранных сумм в Казначейство. Там же, ст. 101.

102. Жалобы на неправильные действия волостного управителя и сельского старшины по наложению взысканий на подведомственные им лица приносятся Уездному Начальнику. Там же, ст. 102.

103. Волостной управитель, сельский старшина и помощники сельского старшины, в случае неисправного исполнения своих обязанностей или замеченных с их стороны злоупотреблений, удаляются от должности: волостной управитель — Военным Губернатором, а сельский старшина и его помощники — Уездным Начальником. По уважительным причинам, Уездный Начальник имеет право временно отстранить от исполнения обязанностей волостного управителя, с донесением о том немедленно Военному Губернатору. Там же, ст. 103.

104. За важные проступки и преступления по должности волостные управители, сельские старшины и помощники старшины предаются суду Областным Правлением. Там же, ст. 104.

105. За маловажные проступки по должности волостные управители, сельские старшины и помощники старшины подвергаются, по распоряжению Уездного Начальника, замечаниям, выговорам, денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей и аресту не свыше семи дней, а по распоряжению Участкового Пристава — денежному взысканию не свыше пяти рублей и аресту не свыше трех дней. Взысканные на сем основании деньги поступают в особый капитал на усиление средств для устройства мест заключения в крае. Там же, ст. 103.

106. За усердную службу, должностные лица общественного управления туземцев могут быть награждаемы, по усмотрению Генерал-Губернатора почетными халатами или денежными выда-

чами из экстраординарной суммы, ассигнуемой в его распоряжение. Там же, ст. 106.

107. Заведывание главными оросительными каналами (арыками) возлагается на арык-аксакалов, а заведывание побочными арыками — на мирабов. Арык-аксакалы назначаются Военным Губернатором, который определяет им и размер содержания из общественных сумм, не выше содержания волостного управителя, а мирабы — по избранию сельских сходов. Взыскание и выдача содержания арык-аксакалам производится порядком, установленным для должностных лиц местного сельского управления; назначение же и выдача содержания мирабам зависит от усмотрения обществ. Там же, ст. 107.

Примечание. Права и обязанности Уездных Начальников, арык-аксакалов и мирабов по заведыванию ирригацией определяются инструкцией, утверждаемой Генерал-Губернатором. Там же, прим.

II. УПРАВЛЕНИЕ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ.

108. Кочевое население в каждом уезде разделяется на волости, а волости — на аульные общества. Там же, ст. 108.

109. Число кибиток, входящих в состав волостей и аульных обществ, определяется Областным Правлением, с тем, однако, чтобы число это не превышало: для волостей — две тысячи, а для аульных обществ — двести кибиток. Там же, ст. 109.

Примечание. Кибиткой считается каждое отдельное жилище (юрта, сакля, землянка или дом). Там же, ст. 109, прим.

110. Волости образуются, по местным удобствам, из аульных обществ, соседственных по поземельному пользованию зимними стойбищами. Там же, ст. 110.

111. Перечисление кибиток из одного аульного общества в другое и из волости в волость разрешается Уездным Начальником, если на таковой переход последовало согласие обществ, выраженное в приговоре на аульном сходе или волостном съезде, и с тем притом, чтобы увольняющееся общество приняло на себя обязательство уплачивать за перечисляемых все подати и повинности до новой податной переписи. О всех сих перечислениях Уездный Начальник доводит до сведения Областного Правления. Там же, ст. 111.

112. Перечисление целых аульных обществ из волости в волость разрешается Областным Правлением, с утверждения Военного Губернатора. Там же, ст. 112.

113. Перечисление целых волостей из одного уезда в другой разрешается Генерал-Губернатором. Там же, ст. 113.

114. Переходя на летовки или зимовки за пределы своих уездов, а также при прохождении чужих уездов и областей, кочевники подчиняются, в полицейском отношении, местным властям, по принадлежности, а казенные и земские сборы и повинности они отбывают в своих уездах. Должностные лица, при перекочевках, остаются при своих обязанностях и следуют с наибольшей партией своей волости или аульного общества. При откочевании из пределов уезда, волостные управители или аульные старшины получают от Уездного Начальника свидетельство, в коем означает число откочевавших кибиток. Перейдя на летовки или зимовки за пределы своего уезда или области, аульные или волостные должностные лица обязаны являться к местному начальству и предъявлять свидетельство, выданное при их откочевании. Там же, ст. 114.

115. Управление кочевыми волостями и аульными обществами образуется на основаниях, указанных в статьях 80—106, с тем лишь изменением, что аульные старшины представляют собранные ими с населения подати и повинности волостному управителю, который сдает их в Уездное Казначейство по платежным объявлениям, выдаваемым Уездным Начальником. Там же, ст. 115.

III. УПРАВЛЕНИЕ В СЕЛЕНИЯХ, ЗАСЕЛЕННЫХ РУССКИМИ И ЛИЦАМИ, НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩИМИ К ТУЗЕМНОМУ НАСЕЛЕНИЮ.

116. Каждое селение, заселенное русскими и лицами, не принадлежащими к туземному населению, образует отдельное сельское общество; а с развитием колонизации — образуются постепенно волости из селений, имеющих взаимную между собой связь. Права и обязанности сельского старосты, состав, предметы ведения и порядок действий сельского схода определяются правилами, установленными для общественного управления сельских обывателей в Империи. До образования волостей сельская администрация подчиняется Уездному Начальнику. Там же, ст. 116.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К «СТЕПНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ» 1891 г.¹

Необходимость приложения труда к возделыванию земли и потребность в поземельной собственности остаются до сих пор чуждыми сознанию большинства кочевого населения, народное хозяйство которого основано на началах родового быта. Обычная форма землевладения у кочевников-скотоводов состояла всегда в общественном пользовании поземельными угодьями: места зимовок и кочевок, а также и обработанные земли, считались принадлежащими роду, по праву фактического владения и давности, а внутри рода распределялись по соглашению между его членами. С утверждением русской власти в крае, земли киргизской степи фактически перешли в распоряжение правительства, которое, сохранив народу внутренний строй его жизни, признавало обычные права киргизских родов на пользование землями².

Введением действующих ныне в областях Временных Положений основания землевладения кочевников также не были изменены. На место рода заступила волость, а решение поземельных вопросов в волости стало принадлежать общественному управлению. Вводить в настоящее время в поземельное устройство кочевых ино-

¹ В приложение включена 3-я часть Объяснительной записки к «Степному положению» 1891 г. о поземельном устройстве. Текст Объяснительной записки подготовлен действительным тайным советником Ф. Гирсом. Объяснительная записка к «Степному положению» 1891 г. взята из подготовительных материалов к реформе 1891 г., хранящихся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, в фонде Земского отдела Министерства внутренних дел (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1891 г. Д. 6. Л. 1—15). Представленный документ ранее не публиковался.

Сокращения в тексте не раскрываются там, где они не вызывают сомнений — в иных случаях восстановленная часть терминов заключена в квадратные скобки.

² Данное примечание принадлежит Ф. Гирсу: «В статье 849 “Закон о состояниях” сказано: кочевые инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли».

родцев какие-либо другие начала, для которых современный экономический быт их не представляет еще достаточно твердой почвы, было бы преждевременно и неосторожно. Посему следует узаконить право кочевников степных областей на бессрочное пользование государственными землями, в пределах фактического владения по народным обычаям.

На этом основании и согласно началам, принятым в проекте положения для организации волостей и аульных обществ кочевого населения, зимние стойбища и обработанные земли предоставляются в пользование каждой волости и каждого аульного общества отдельно. Общественное пользование зимними пастбищами составляет естественную необходимость кочевого скотоводства при ограниченном пространстве удобных для зимовок мест, а общность владения пахотными землями обеспечивает каждому бедному кибитковладельцу возможность снискивать пропитание посредством земледелия и, кроме того, вызывается недостаточностью средств и сил отдельных лиц для устройства и поддержания оросительных каналов (арыков) в местностях, где хлебопашество возможно только при искусственном орошении.

В статье 191 «Устава о благоустройстве в казенных селениях» (изд. 1857 г.), заимствованной из Сибирского учреждения 1822 г.³, сохранились правила об отводе сибирским киргизам земель для хлебопашества и хозяйственных заведений.

По этим правилам каждому киргизу, желающему обрабатывать землю или устроить хозяйственное заведение, установлено отводить по 15 десятин на душу, с тем, чтобы такие земли переходили в наследство, как недвижимая собственность, но отбирались бы и предоставлялись другим, если в течение пяти лет не будут обработаны. Пока число оседлых русских поселений в степи было незначительно, киргизы, имея в своем распоряжении достаточное количество пашен, которыми владели по обычаям, не пользовались правилами сего закона; но с отводом земель для казачьих и крестьянских поселений в Семиреченской области и с уменьшением вследствие сего зимовочных и летовочных мест, почти все кочевники этой области стали заниматься земледелием, так что во многих волостях почувствовался недостаток в пахотных землях. Местная админи-

³ Статья 191 «Устава о благоустройстве в казенных селениях» (изд. 1857 г.) говорит о наделении 15 десятинами земли казахов при условии занятий хлебопашеством. Это положение заимствовано из «Сибирского учреждения» 1822 г.

страция вначале почитала статью 191 замененною правилами о по-земельном устройстве кочевников, установленными Временным Положением 1868 года⁴; однако, указом Правительствующего Сената (19-го сентября 1883 г. № 18658) было разъяснено Степному генерал-губернатору, что упомянутая статья показана замененною по продолжениям Свода Законов ошибочно, а потому имеет силу действующего закона. Применение сего узаконения на будущее время, по мнению Степного генерал-губернатора, было бы крайне неудобно, в особенности в Семиреченской области, где ощущаемый в некоторых волостях недостаток пахотных угодий вынуждает уже киргизов арендовать земли у крестьян и казаков. В таких волостях отчуждение пахотных земель в исключительную пользу незначительной части населения должно отразиться самым неблагоприятным образом на общем благосостоянии кочевников, из которых быть может именно земледельцы, большею частью люди бедные и не получают земли, а воспользуются ею богатые и влиятельные люди. Кроме того, при малоразвитости киргизов, отведенные им земли легко могут перейти в руки татар, сартов и других эксплуататоров доверчивых кочевников.

По этим соображениям Степной генерал-губернатор, приостановив в 1884 году разрешение, поступающих от киргизов просьб об отводе им земель в частное владение, ходатайствует об отмене закона по этому предмету.

По заключению Комиссии, статья 191 Устава о благоустройстве в казенных селениях (Св. Зак. т. XII, ч. 2, изд. 1857 г.) подлежит отмене в установленном порядке, так как заключающиеся в ней постановления, изданные в 1822 году при первоначальном устройстве киргизских степей Сибирского ведомства, не соответствуют в настоящее время ни местным условиям, ни тем началам, на которых определяется землевладение кочевого населения. Правила об отводе желающим из киргизов по 15 десятин на душу для земледелия не достигли и той цели, с какою были установлены: некоторое развитие земледелия между кочевниками является результатом не этих правил, а других причин — умножения населения, уменьшения земель для пастбищ и сокращения размеров скотоводства. Но так как местные начальства, руководствуясь действовавшим законом, выдавали некоторым киргизам письменные удостоверения и

⁴ «Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г.

охранительные листы, укрепляющие за ними право наследственного владения определенными урочищами, признание же таких документов вообще недействительными, без предварительного рассмотрения и определения их значения может подать инородцам повод к сомнению в законности действий начальства, то, по мнению Комиссии, следует предоставить Степному генерал-губернатору определить срок и порядок, в котором претензии киргизов на частное владение землями должны быть рассмотрены областными правлениями и окончательно разрешены.

Предоставляя кочевникам пользоваться землею в пределах фактического владения, следует оговорить, что постановление это не должно относиться к киргизам Тургайской области, кочующим в Новолинейном районе. В 1835 году, в видах упрочения русского населения в киргизской степи, была проведена вдавшаяся в эту степь Новая Оренбургская линия, и все пространство земли, образовавшееся между Новою и Старою линиями, названное Новолинейным районом, причислено к землям Оренбургского казачьего войска, а кочевавших в районе киргизов предполагалось постепенно выселить за черту Новой линии. Оказалось, однако, что такое выселение стеснило бы и зауральских кочевников⁵ и районных киргизов, почему в 1842 году высочайше разрешено оставить киргизов в Новолинейном районе, впредь до повеления, позволив им устраивать там жилища для зимовок, а летом кочевать впереди Новой Линии. Такая неопределенность в поземельном пользовании, отражаясь вредно на благосостоянии кочевников, требовала принятия решительных мер к их устройству и к соглашению интересов казаков и киргизов, к обоюдной выгоде. Этот вопрос разрешен высочайше утвержденным 23 мая 1878 года мнением Государственного Совета (Собр. узак. 500), в силу которого киргизам, проживающим в Новолинейном районе, надлежит отвести от 800 т. до 1 милл. десятин из земель района, приурочив отвод к границам киргизской степи. Исполнение сего высочайшего повеления, замедлившееся вследствие пререканий между областным и войсковым начальством о размере и границах продолженного отвода, предоставляется тем более настоятельным, что существующее положение дела производит весьма неблагоприятное влияние не только на хозяйственные интересы казаков и киргизов, но и на взаимные отношения сих частей населения.

⁵ Зауральские кочевники — казахи Букеевского ханства, образованного в 1801 г. по указу Павла I.

К числу явлений, указывающих на необходимость согласовать устройство обществ кочевников с условиями их поземельного пользования, следует отнести нередкие случаи о зимовых стойбищах между волостями, аульными обществами и отдельными кибитковладельцами. Возникновение спорных поземельных дел, разрешение которых составляет большое затруднение для администрации областей, хотя и объясняется отчасти топографическим характером степных местностей, лишенных резких естественных признаков. Но главнейшим образом зависит от того, что организация волостей и входящих в их состав аульных обществ не везде и не вполне соответствует обычному порядку землевладения кочевников. Посему есть основание полагать, что предоставляемое распоряжению областного начальства переустройство в необходимых случаях кочевых обществ сообразно основаниям, указанным в статьях 53 и 54 проекта Положения, послужит существенным образом к уменьшению поземельных споров. Для разбора сих споров между волостями предположены съезды в том же составе, какой установлен в статье 273 Положения об управлении Туркестанского края, с изменением лишь порядка избрания трех выборных от каждой волости, так как избрание их на аульных съездах при весьма различном числе аульных обществ в составе волостей представляется неудобноисполнимым.

Что же касается распределения зимовых стойбищ и поземельных споров внутри волости, между аульными обществами и отдельными кибитковладельцами, то разрешение сих дел следует предоставить обществам, по принадлежности, имея в виду, что при обычном порядке пользования землею споры о зимовках и пашнях внутри киргизских родов почти всегда разрешались съездами почетнейших лиц, не доходя до русских властей. В настоящее время распределение зимовых стойбищ и разбор споров между аульными обществами производят волостные выборные (пятидесятники), а между отдельными кибитковладельцами — аульные выборные десятники).

Местные начальства замечают, что в обществах, составленных из кочевников, принадлежащих к различным родовым делениям решения выборных обыкновенно склоняются в пользу их однородцев, а для русских властей, при неимении достаточных сведений о землях в степи, собирание необходимых данных и правильное разрешение споров всегда затруднительно. При рассмотрении вопросов, относящихся к устройству общественного управления кочевого

населения, было уже объяснено насколько десятиники и пятидесятники не соответствуют своему назначению. Неудивительно, что предоставленное их власти право распределять поземельные угодья обратилось, в большинстве случаев в произвол, вызывающий нередко беспорядки и насилия, так как пользование землею составляет самую существенную необходимость в жизни народа; но с устранением недостатков, замеченных в общественном управлении кочевников, поводы к вмешательству администрации в поземельные дела внутри волостей без сомнения должны уменьшиться.

В видах содействия стремлению к оседлости и культуре и ограждения отдельных лиц от притеснений и произвола кочевых обществ, признано необходимым обеспечить каждому кочевнику пользование результатами его труда и право распоряжаться ими настолько свободно, насколько такое право не противоречит началу общественного владения землею. Для сего каждому кочевнику предоставляется на отведенной ему обществом зимовке обрабатывать землю, разводить сады, огороды и рощи и возводить жилые и хозяйственные постройки. Обработанные земли должны переходить в наследственное пользование доколе возделывается земля или существуют насаждения. Возведенные постройки следует признать полною собственностью владельца, но при этом, в видах ограждения обществ кочевников от вторжения в их среду посторонних мусульманских элементов — татар и среднеазиатцев — признается полезным постановить ограничение, что лицам, не принадлежащим к составу общества, постройки могут быть отчуждаемы только на снос.

На основании действующего Положения киргизы как в составе общества, так и отдельные лица, имеют право уступать свои участки в пользование лиц русского происхождения, по добровольному соглашению, которое должно быть засвидетельствовано в уездном управлении (§ 220). Недостаточная определенность этого постановления повела к устройству крестьянами самовольных поселений в местностях благоприятных земледелию, посредством арендования земель у кочевников на неопределенные сроки. Хотя по удостоверению начальства Акмолинской области такие поселки находятся в более выгодных для успеха сельского хозяйства условиях в сравнении с устроенными администрацией на избранных ею местах, однако такой способ колонизации степей порождает ряд недоразумений и споров.

Обыкновенно переселенцы, заарендовав у киргизов земли в известных границах и для определенного числа семейств, впоследствии приселяют к себе других желающих и захватывают такие обширные пространства пригодных для хлебопашества угодий, какие уступить киргизы не могут не разорившись окончательно. В свою очередь и киргизы возвышают иногда арендную плату до такой степени, что переселенцам не остается другого исхода, как или покинуть хозяйство и искать новых мест для временного водворения, или оставаться на занятых землях вопреки добровольному соглашению. Для урегулирования этих отношений и охранения кочевников от неосторожной или неправильной раздачи в аренду общественных земель признается необходимым установить по применению к общему закону (ст. 1693, т. X, ч. 1, Зак[оны] граж[данские], изд. 1857 г.), что состоящие в пользовании волостных и аульных обществ земли могут быть сдаваемы в аренду для земледелия, фабрик, заводов, мельниц и тому подобных заведений не иначе как по приговору волостного общества, утвержденного областным правлением и на сроки не более 30 лет. В приговорах должны быть указаны определенно те общественные надобности, для удовлетворения которых предназначается арендная плата, с целью предоставить администрации возможность иметь надзор за употреблением общественных средств соответственно действительным пользам управления.

Места летнего кочевания, или летовки, в силу § 218 Временного Положения 1868 года считаются предоставленными в общее пользование волостей каждого уезда. В Положении выражено желание, чтобы волости по возможности не выходили за пределы уезда, но за Сыр-Дарьинскими киргизами сохранено право перехода для летнего кочевания в области Оренбургского края. В действительности, перекочевки киргизов как летом, так и зимою следуют по установившимся издавна обычаям путей и не ограничиваются пределами не только уездов, но и областей: пограничные киргизы Семиреченской области кочуют в пределах Китайской империи, киргизы южных частей Уральской области уходят на зимовки в хивинские владения, а на летовках северной части Тургайской области сосредоточивается масса кочевников различных уездов и областей.

По предложениям Степного генерал-губернатора следует узаконить в виде общего правила, что кочевание не должно выходить за границы не только областей, но и уездов, предоставив администрации разрешать такие перекочевки в необходимых лишь случаях

в виде меры для обеспечения продовольствием населения. Хотя нельзя не признать, что передвижения кочевников в административном смысле представляют серьезные затруднения и неудобства, тем более что кочевание в чужих уездах всегда служит поводом к столкновениям населения, кражам и другим беспорядкам, но принятие решительных мер к ограничению перекочевки, по мнению Комиссии, едва ли удобоисполнимо и не соответствует условиям народного хозяйства степных областей. Очевидно, что кочевание не есть только вредная привычка населения, уклоняющегося от труда, но необходимо для поддержания скотоводства в его настоящем состоянии, при данных производительных силах степной территории. По невозможности, за недостатком лугов, заготавливать сено в нужном количестве киргизский скот продовольствуется подножным кормом не только летом, но и зимою, добывая его из-под снега (тебеневка). Лучшие земли в степи повсеместно занимают зимовки или места, пределами которых ограничиваются зимние пастбища, выбираемые самым тщательным образом, но оставаться на этих землях в течение лета нельзя, так как необходимо сберегать траву на зиму, отгоняя стада на летовки, т.е. никем не занятые и менее производительные местности степи. От этих условий зависит кочевание и чем пустыжнее страна, тем большая требуется площадь земли для продовольствия стад. До тех пор пока скот находит достаточный корм в окрестности, киргизы остаются на месте, но когда стада, вытравив подножный корм, уходят далее, кочевники следуют за ними, направляясь по обычным путям, присвоенным каждому поколению. Кочевание ограничивается сравнительно небольшим районом в местностях, производящих более обильный корм, в бедных же растительностью частях степи киргизы перекочевывают почти безостановочно, удаляясь по необходимости на далекие расстояния от своих зимовых стойбищ.

Вникнув в эти экономические и бытовые условия, нельзя не убедиться в том, что кочевание не может быть поставлено в положительную зависимость от деления территории степей на области и уезды или от запрещений и разрешений администрации. По мнению Комиссии, задача правительства в этом отношении ограничивается содействием к возможному соглашению интересов пастушеского скотоводства с интересами возникающей оседлости и земледельческого хозяйства. Повод к столкновению этих взаимно противоположных интересов в среде кочевников состоит в постепенном, хотя и медленном расширении площади обрабатываемых

земель на счет летовочных мест. В благоприятных местностях киргизы, находящие выгоду в земледелии распахивают и засевают поля, препятствуя кочеванию и переходу стад через возделанные земли в другие местности.

Таким образом, установившиеся давним обычаем кочевые пути подвергаются с течением времени неизбежному сокращению, а при общей неопределенности поземельного пользования возникают недоразумения и замешательства. Установить какие-либо правила перекочевов, применяясь к вновь возникающим и изменяющимся условиям и к действительным потребностям народного хозяйства возможно только путем административным, посредством соглашения представителей населения. С этой целью, по распоряжению областного начальства, могут быть созываемы особые съезды почетнейших лиц от заинтересованных волостей, для ближайшего определения кочевых путей, летних пастбищ и водоемов, а равно для указания участков, назначаемых под хлебопашество и сенокосение. Постановления таких съездов приведенные в общую известность между кочевыми инородцами могли бы содействовать установлению в действительности некоторого порядка в кочевании; со стороны же закона достаточно, по мнению Комиссии, указания об ограничении перекочевов пределами уездов по возможности.

<...>

По мере занятия киргизских степей правительство принимало меры к водворению в них русского оседлого населения. Устройство русских поселений имело первоначально целью не столько экономическое развитие страны, сколько установление в крае тишины и порядка. Этим видам послужили преимущественно поселения казачьих войск, с водворением которых в степи постепенно прекратились между кочевниками прежние волнения и смуты. Посему большая часть территории, изъятой из пользования киргизов состоит во владении казачьих войск. Сибирское казачье войско расселялось в течении 150 лет с лишком на территории Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей по мере подчинения ей русской власти. Еще при введении в Сибирской степи Положения 1822 года были учреждены при местопребываниях окружных приказов казачьи станицы. Но особенное развитие устройство казачьих поселений получило в 1847 году, значительное число крестьян пожелало зачислиться в сибирские казаки.

В 1867 году с образованием Семиреченской области из состава Сибирского войска выделилось особое Семиреченское казачье войско.

В настоящее время во владении Сибирского казачьего войска, расположенного в пределах Акмолинской и Семипалатинской областей, в числе 169 поселений состоит больше 5 милл. десятин земли, из которой впрочем около 2 милл. десятин подлежат отрезке при окончательном отводе установленных наделов. Отводы земель поселениям Семиреченского войска по неимению точных сведений и съемок производились примерно, причем из пользования киргизов были изъяты лучшие сенокосы и пашни. В 1884 году во владении 29 поселений Семиреченского войска считалось больше 570000 десятин земли кроме тех выселков, коим съемки еще не были произведены. Права Сибирского и Семиречинского казачьих войск по землевладению определяются высочайше утвержденным 21 апреля 1869 года мнением Государственного Совета (Собр[ание] узак[онений], § 363), Уральское казачье войско, владеющее сплошным пространством около 6 1/2 милл. десятин вошло в состав Уральской области, с сохранением своего поземельного устройства.

Наделение землями городов под усадьбы и выгоны в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской не требует особых законодательных постановлений и может быть выполнено в общеустановленном порядке (примечание к ст. 573 Зак. о сост[ояниях] 1876 года, и 435 Зак. о Меж[евании] по прод. 1876 года). Для некоторых из городов планы выгонов уже составлены и частью представлены на утверждение, а впредь до того города пользуются временными отводами из киргизских земель, предположенных первоначально в наделы казачьих войск. В тех городах, где введено общественное управление по Городовому Положению 1870 года городские выгоны по утверждении и отводе их имеют поступить в полную городскую собственность, на основании общего закона (примечание к ст. 434 Зак. о Меж[еваниях]).

Особенность поземельного устройства городов Темира, Ирги-за, Тургая, Актюбинска и Николаевска, расположенных в районе бывшей Оренбургской степи, обусловливается соображениями руководившими составителями Временного Положения 1868 года, при разрешении вопроса о водворении в этой территории русского населения. С целью привлечь население в центры городской оседлости Оренбургской степи был установлен отвод при местах пребывания уездных управлений участков из окрестных земель с тем, чтобы поселяющиеся с торговою целью, могли пользоваться и наделами для земледелия. При этом имелось в виду, что водворение в степи русского населения этим путем не потребует от правительства осо-

бых жертв, не возбудит неудовольствия киргизов и будет полезнее устройства исключительно земледельческих поселений, которые неминуемо стеснили бы кочевников.

На основании этих начал, происходило первоначально образование русских поселений в степи Оренбургского ведомства, одновременно с устройством мест пребывания уездных управлений.

Для удовлетворения как собственно городских потребностей, так и потребностей земледельцев были назначены поземельные отводы городам Иргизу и Тургаю, городским поселениям Темиру, Актюбинску и Николаевску (Кустанай), а равно некоторым из укрепленных пунктов в степи, устройство которых было вызвано исключительно военными соображениями. В последнее время высочайше утвержденным 30 мая 1886 года Положением Комитета Министров, предоставлено министру внутренних дел разрешать близь некоторых из укреплений Уральской области, надлежащие отводы земельных участков для водворения переселенцев из крестьян правилам высочайше утвержденным 10 июля 1891 года. Имея в виду, что в силу этого мероприятия поземельное устройство степных городов поставлено в тесную связь с вопросом о водворении на отведенные этим поселениям казенные земли переселенцев из крестьян, Комиссия полагает правильным предоставить окончательное определение наделов сих поселений соглашению Министерств внутренних дел и государственных имуществ.

В областях, входящих ныне в состав Степного генерал-губернаторства вопрос о водворении оседлого русского населения получил иное направление. Бывшее Главное Управление Западной Сибири держалось того убеждения, что устройство в степи земледельческих крестьянских поселений в особенности на путях почтовых и коммерческих не только не стеснит киргизов, но доставит им возможность покупать для своего продовольствия хлеб вблизи зимних стойбищ. Вместе с тем местная администрация имела в виду водворением в степи русского населения обеспечить пути сообщения, развить в крае сельскохозяйственную промышленность, повлиять на нравы кочевников и приучить их к оседлости и хлебопашеству, а также довести русское население до такой численности, чтобы возможно было из его среды укомплектовывать расположенные в крае части войск. Исходя из этой точки зрения и приняв во внимание просьбы русских переселенцев о водворении их в степных местностях Главное управление Западной Сибири возбудило в семидесятых годах ряд исследований о производительных силах степей

с целью устройства оседлых поселений. Командированными межевыми партиями было проектировано в Акмолинской области 30 земельных участков для заселения, на почтовых и земских путях сообщения между городами и казачьими станицами и с разрешения Совета Главного Управления началось водворение переселенцев. Душевой надел переселенцев назначен был вначале в 30 десятин, но впоследствии предположен к уменьшению до 20 десятин. Из числа проектированных участков переселенцы заняли 19 в числе до 4000 душ обоего пола; дальнейшего же успеха эта попытка колонизовать край не имела. Остальные 11 участков, несмотря на неоднократные предложения переселенцам, остались незанятыми, а водворившиеся крестьяне в первые годы по водворении подверглись бедствиям от неурожаев и сурового климата и пришли в разорение. По мнению нынешнего начальства Акмолинской области, причиной бедственного положения переселенцев следует считать ошибочный взгляд на возможность водворения в области русского земледельческого населения, в Семипалатинской области собранные данные указали на недостаток пахотных земель даже для местного населения, из которого часть казаков и киргизов арендует угодья в Алтайском горном округе, поэтому являвшиеся в Семипалатинскую область переселенцы из внутренних губерний Империи причислялись исключительно в мещане местных городов.

К устройству крестьянских поселений в Семиреченской области было приступлено вслед за ее учреждением, ввиду недостатка желающих зачислиться в казачье сословие без пособий от казны. В период времени с 1868 по 1883 год благоприятные для земледелия и заработков местные условия привлекли в крестьянские поселения до 20000 душ обоего пола. Душевой надел переселенцам первоначально был предложен по примеру многоземельных губерний в 15 десятин, но ближайшее исследование условий сельского хозяйства привело местное начальство к заключению, что надел до 10 десятин на душу вполне обеспечит земледельца.

Согласно этой норме, принятой в 1882 году, предположено и большею частью уже отведено в надел 37 крестьянских поселений 169880 десятин⁶.

Кроме того, 237768 десятин назначено к отводу в надел для 32 поселений таранчей и дунган в числе 26683 душ мужского пола.

⁶ Примечание сделано Ф. Гирсом: «В 1884 году считалось причисленных к селениям 9260 душ мужского пола: следовательно при наделе в 10 десятин могло быть водворено еще 7728 душ».

Высшею нормою душевого надела принято для них также 10 десятин, но по соображениям местного начальства надел таранчинским и дунганским поселениям может быть уменьшен, так как часть этих инородцев, торговцы и ремесленники, мало занимается земледелием. К поземельному устройству уже существующих земледельческих поселений, как русских, так и инородческих, получивших в пользование наделы из государственных земель могут быть вполне применены правила, установленные для селений бывших государственных крестьян 36 губерний (Полож. о бывш[их] госуд[арствен-ных] крест[ьянах]. Ст. 17, Прилож.) причем обязанности крестьянских учреждений распределятся между областными правлениями и уездными начальниками по принадлежности.

Обращаясь к вопросу о привлечении в степные области сельских обывателей из других местностей империи, Комиссия не могла не обратить внимание на то, что территория киргизских степей представляет вообще весьма мало данных для развития земледелия. В Акмолинской области почва и климат вообще не соответствуют требованиям успешной сельскохозяйственной деятельности. В несколько лучшем положении находится северо-западный склон, орошаемый системою реки Ишима и покрытый пресноводными озерами, где расположены станицы и крестьянские поселения Кокчетавского уезда, но и в этих местах оседлые жители поддерживают свое хозяйство скотоводством. Остальная часть области представляет переход от скудно орошаемых равнин, пригодных лишь для пастбищ, к пустыне, получившей ввиду ее бесплодия название «Голодной степи».

В Семипалатинской области условия те же: крайняя сухость климата и почвы с резкими переходами от зноя к сильнейшим морозам. Только восточная часть области чрезвычайно гористая, орошена достаточно горными реками и представляет местами небольшие возвышенные долины, пригодные для земледелия с искусственным орошением; но местные киргизы занимаются здесь возделыванием земли успешнее русских, так как лучше последних усвоили искусство орошать поля арыками.

В Семиреченской области более четверти территории покрыто озерами и песками, лишенными растительности, остальная же часть состоит главным образом из горных хребтов и возвышенностей, пригодных, по недостатку орошения и каменистой почвы, лишь для скотоводства. Для земледелия удобна узкая полоса земли у предгорий в тех местностях, где имеются источники достаточ-

ные для искусственного орошения, а пространства между культурной полосой и безводными песками могут быть приспособлены для земледелия по течению главных рек, только при помощи дорогостоящих ирригационных сооружений, устройство которых не под силу местному населению. В Зауральской степи, вошедшей в состав Уральской и Тургайской областей, только два уезда, прилегающие к Оренбургской губернии, Актюбинский и Николаевский, представляют местности вполне благоприятные для сельскохозяйственной культуры.

Результаты земледельческой деятельности населения степных волостей соответствуют общим невыгодным условиям. По сведениям, извлеченным из губернаторских отчетов за 1885 год, оседлые земледельцы (казаки, крестьяне, таранчи, дунгане) пользуются в пяти областях землею в количестве 12 млн. десятин, получая хлебных произведений не многим больше 2 млн. четвертей в год, т.е. по 1/6 четверти на десятину. Такой незначительный в экономическом смысле результат достигнут изъятием лучших земель из пользования кочевников, без сомнения в ущерб благосостоянию этих главных плательщиков податей в степных областях. Еще меньшее экономическое значение имеет земледельческий промысел в среде самих киргизов, которые вообще так мало и непостоянно занимаются земледелием, что не представляется возможным собрать сколько-нибудь достоверные сведения о количестве снимаемых ими хлебов.

Причины слабого развития земледелия между кочевыми инородцами сравнительно с пространством, находящейся в их пользовании степи, заключается не исключительно в кочевом образе их жизни; напротив, киргизы охотно обрабатывают землю, где это выгодно и возможно. Но вся совокупность местных условий делает пастушеское скотоводство основным промыслом, наиболее обеспечивающим существование большинства местного населения и определяющим самый характер его быта.

Условия и потребности жизни кочевников весьма просты: незначительный капитал в скоте обеспечивает их существование и большее или меньшее богатство не изменяет существенно их потребностей и образа жизни. Зато киргиз, лишившийся своего скота (джатак) впадает в крайнюю нужду и обыкновенно уходит из своего аула в батраки к русским переселенцам или поступает в работники к богатым однообщинникам и обрабатывает их земельные участки для посева. Таким образом, переход к земледелию среди

киргизов является главным образом следствием безвыходного положения некоторых бедняков, совершаясь под давлением тяжелых обстоятельств.

Общее число скота разного рода, принадлежащего кочевникам, насчитывается в пяти степных областях до 12 941 741 голов⁷.

По местным ценам стоимость скота Акмолинской и Семипалатинской областей определяется 78 000 000 рублей; киргизы Семиреченской области, как видно из губернских отчетов, выручают от продажи своего скота до миллиона рублей. Хотя по неполноте и неточности данных о народном хозяйстве определить размеры скотоводства кочевников возможно только приблизительно, но и приведенные цифры достаточно убеждают в том, что степное скотоводческое хозяйство имеет не только местное, но общегосударственное значение.

Если взять в соображение одно только отношение числа инородцев к пространству оставленной в их пользовании земли, то может оказаться, что у коренных обитателей степи земель гораздо более, чем нужно для пастбы их стад; но внимательное рассмотрение природы края и быта кочевников приводит к другому заключению. Размер среднего хозяйства киргизов (от 16 до 30 голов разного скота на кибитку) отнюдь не указывает на избыток, так как скотоводство составляет почти единственный их промысел, а между тем уже и в настоящее время кочевники испытывают недостаток в хороших пастбищах, вынуждающий их для поддержания своего хозяйства искать землю вне предоставленного им района, уплачивая арендные деньги за право зимовок и кочевов.

Необходимость для поддержания хозяйства нанимать угодья даже вне пределов империи, несмотря на риск и расходы, указывает, что при всей своей обширности территория степных областей не обладает качествами при наличности которых скотоводы-кочевники могли бы достигнуть значительного общего уровня материального благосостояния. Если при том принять во внимание, что кочевое скотоводство обеспечивает средства существования и податную способность большинства местного населения, то едва ли можно будет признать согласными с видами государственной

⁷ Примечание сделано Ф. Гирсом: «По губернским отчетам считается скот, принадлежащий кочевникам: в Акмолинской области — 1 845 421, в Семипалатинской — 3 085 930, в Семиреченской — 4 401 608, в Уральской — 1 665 598, в Тургайской — 1 943 184».

пользы мероприятия, клонящиеся к усиленному развитию в степи оседлости и земледелия в ущерб для интересов кочевников.

По мнению Степного генерал-губернатора, дальнейший отвод земель для земледельческих поселений в крае следует прекратить.

В Акмолинской области кочевники уже стеснены изъятием из их пользования берегов Иртыша, поступивших во владение Сибирского казачьего войска и было бы невозможно лишить их и тех немногих удобных местностей, где растительность не гибнет от засухи, а в Семиреченской области вскоре будут заняты все земли, предположенные к отводу крестьянам и казахам. Кочевое население этой области, потеряв почти половину удобных земель, не было бы в состоянии существовать, если бы не обратилось к земледелию; дальнейшее же изъятие из пользования кочевников пригодной для возделывания земли поставит их в невозможность уплачивать подати и повинности. При таком положении вопроса о заселении степных областей оседлыми земледельцами Комиссия находит целесообразным применить к переселению в местности этого края те правила, какие имеют быть установлены общим законом о переселенцах и допускать дальнейшее устройство земледельческих поселений лишь по мере приведения в известность свободных земель, по соглашению Министерств внутренних дел и государственных имуществ под неперменным условием, чтобы местному населению не было стеснения. В видах эксплуатации впусе лежащих пространств, требующих устройства больших ирригационных сооружений следует признать полезным, по примеру Туркестанского края, установить правила отвода таких земель на льготных основаниях частным лицам или обществам, предоставив Министерству государственных имуществ ближайшее определение условий отвода и внесение соображений по этому предмету на законодательное утверждение.

Отвод, по соглашению министров государственных имуществ и внутренних дел, земельных участков почтовым станциям в раз-
мере необходимом для станционного хозяйства устанавливается в уважение к ходатайству местных властей, удостоверяющих необходимость таких отводов для тех станций, которые лишены возможности приобретать сено покупкою, находясь вдали от оседлых поселений; что касается подножного корма, то почтосодержателям не следует отводить особые для сего выгоны, так как почтовые лошади свободно могут пастись на ближайших летних кочевьях.

По недостатку земель у кочевников Семиреченской области для поддержания скотоводства местное начальство полагает возможным предоставить им право пасты в зимнее время свои стада бесплатно на всех неогороженных и незасаженных угодьях оседлого населения, установив лишь определенные сроки свободной пастбы, чтобы дать земледельцам достаточно времени для уборки хлебов и вывоза с полей по первому зимнему пути соломы, клевера и сена. Находя такое ограничение поземельных прав весьма стеснительным и неудобным, Комиссия признала достаточным установить на землях оседлых поселений и частных собственников отвод скотопрогонных дорог определенной ширины, для бесплатного прогона [скота] кочевниками, при переходе на обычные места кочевания, равно как и скотопромышленниками с тем, чтобы при недостатке корма на отведенных путях, вознаграждение за пастбу скота вне оных уплачивалось ими по соглашению или по особо установленной таксе.

Приобретение в степных областях земель лицами, не принадлежащими к русскому подданству и всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианского вероисповедания предложено запретить.

Действительный тайный советник Ф. Гирс

10 января 1891 г.

г. Санкт-Петербург

Приложение 8

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ СТЕПНОГО И ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

СТЕПНОЙ КРАЙ

	годы нахождения в должности
Г.А. Колпаковский	1882—1889
М.А. Таубе	1890—1900
Н.Н. Сухотин	1900—1906
И.П. Надаров	1906—1908
Е.О. Шмидт	1908—1915
Н.А. Сухомлинов	1915—1917

ТУРКЕСТАНСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

	годы нахождения в должности
К.П. фон Кауфман	1867—1882
М.Г. Черняев	1882—1884
Н.О. фон Розенбах	1884—1889
А.В. Вревский	1889—1898
С.М. Духовской	1898—1901
Н.А. Иванов	1901—1904
Н.Н. Тевяшов	1904—1905
Д.И. Субботич	1905—1906
Н.И. Гродеков	1906—1908
П.И. Мищенко	1908—1909
А.В. Самсонов	1909—1914
Ф.В. фон Мартсон	1914—1916
А.Н. Куропаткин	1916—1917

Список рекомендуемой литературы

Абашин С.Н. Население Ферганской долины (К становлению этнографической номенклатуры в конце XIX — начале XX века) // Ферганская долина: Этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004.

Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.

Абдрахманова Б.М. История Казахстана: Власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998.

Абдурахимова Н.А. Политика царизма в административном управлении Туркестаном // Труды Ташкентского университета. Новая серия. Вып. 582. Ташкент, 1981.

Абдурахимова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX — первой четверти XX вв. Ташкент, 1999.

Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX в.: Очерки социально-экономической и политической истории. Ташкент, 1959.

Азиатская Россия: люди и структуры империи / Ред. Н.Г. Суворова. Омск, 2005.

Алексеев И.Л. Н.П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). Россия и Средняя Азия. М., 2002.

Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (Со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). Ташкент, 1959.

Аминов А.М., Бабаходжаев А.Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966.

Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960.

Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981.

Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М., 2004.

Артыкбаев Ж.О. История Казахстана в XIX веке. Караганда, 1992.

Ауэзов М. Абай Кунанбаев: Статьи и исследования. Алма-Ата, 1967.

Ахмеджанов Г.А. Российская империя в Центральной Азии (История и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент, 1995.

Ахмеджанова З.К. К истории строительства железных дорог в Средней Азии (1880—1917 гг.). Ташкент, 1965.

Бабаханов М. Из истории периодической печати Туркестана. Душанбе, 1987.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1967. Т. 2. Ч. 1.

Бейсембиев К.Б. Прогрессивно-демократическая мысль в Казахстане. Алма-Ата, 1965.

Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.

Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: Последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в. М., 1980.

Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986.

Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1925 годы). М., 1960.

Боровков А.К. Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг. Ташкент, 1940.

Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1953. № 8.

Брусина О.И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX вв. М., 2001.

Бунаков Е.В. Тенденции развития капиталистических отношений в Средней Азии накануне присоединения ее к России // Проблемы востоковедения. 1960. № 6.

Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблемы седентаризации в российской политике XVIII — начала XX века). Барнаул, 2003.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1961. Т. 1—5.

Васильев Д.В. Организация и функционирование главного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве (1865—1884 гг.) // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 8. История. 1999. № 3.

Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии. Конец XIX — начало XX в. Ташкент, 1987.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. М., 1960.

Всепопданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора от инфантерии Духовского «Ислам в Туркестане» // Мусульманская Средняя Азия: Традиционализм и XX век. М., 2004.

Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. М., 1991.

Григорьев С.Е. Россия и Бухарский эмират в конце XIX — начале XX века: Социально-культурное взаимодействие метрополии и протекто-

рата // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху / Отв. ред. С.М. Иванов. СПб., 1996.

Деева Е.А. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. Ташкент, 1969.

Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М., 1926.

Джамгерчинов Б.Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.

Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории формирования рабочего класса дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1963.

Досунов Я.М. Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России // Известия Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1959. № 2.

Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX — начале XX веков. Алматы, 1996.

[Лессар П.М.] Записка П.М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией (1895 г.) / Публ. М.А. Чепелкина // Сборник Русского исторического общества. Россия и Средняя Азия. М., 2002. Т. 5 (153).

Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958.

Ильясов С.И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1963.

Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Душанбе, 1960.

История Казахской ССР (С древнейших времен до наших дней): В 5 т. Алма-Ата, 1979.

История Казахстана: В 5 т. Алматы, 2000.

История Киргизии. Фрунзе, 1956. Т. 1—2.

История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. Т. 2.

История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1. Кн. 2.

История Узбекской ССР. Ташкент, 1956. Т. 1. Кн. 2.

Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867—1917). Ташкент, 1997.

Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана // Центральная Азия. 1997. № 5 (11).

Каганович А. Россия «абсорбирует» своих евреев: Имперская колонизация, еврейская политика и бухарские евреи // Ab Imperio. 2003. № 4.

Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865—1917). М., 1980.

Каррыев А., Росляков А.А. Краткий очерк истории Туркменистана (От присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Ашхабад, 1956.

Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4.

Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М., 1984.

Ковалев П.А. Кризис колониального режима и «реформы» Куропаткина в 1916 году // Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1954. Вып. 57.

Кожжахметов Г.З. Представительство и участие народов Туркестана и Казахстана в Государственной Думе // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. Алма-Ата. 1990. № 2.

Корнеев В.В. Управление Туркестанским краем: Реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX в. — февраль 1917 года) // Вопросы истории. 2001. № 7.

Косбергенов Р. Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. Нукус, 1973.

Кочаров В.Т. Из истории организации и развития народного образования в дореволюционном Узбекистане (1865—1917 гг.). Ташкент, 1966.

Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (Историография проблемы). Ташкент, 1986.

Литвинов П.П. Государство и ислам в русском Туркестане (1865—1917) (По архивным материалам). Елец, 1998.

Лукин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность: Конец XIX — начало XX в. Ташкент, 1962.

Манжара Д.И. Революционное движение в Средней Азии (1905—1920 гг.). Ташкент, 1934.

Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию (Материалы к библиографии). Ташкент, 1955. Ч. 1; 1958. Ч. 2; 1962. Ч. 3; 1971. Ч. 4.

Матвеева Н.В. Представительство России в Бухарском эмирате и его деятельность (1886—1917 гг.). Душанбе, 1977.

Михалева Г.А. Торговые и дипломатические связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург. Ташкент, 1982.

Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь // Мусульманская Средняя Азия: Традиционализм и XX век. М., 2004.

Нарбаев Н.Б. Россия и Евразия: Проблемы государственности. М., 1997.

Нарбаев Н.Б. Государственный Совет России и Казахстан. М., 1993.
Национальная политика в императорской России: Цивилизованные окраины / Ред. Ю.И. Семенов. М., 1997.

Погребинский А.П. Налоговая политика царизма в Средней Азии в 1860—1880 годах // Исторические записки. М., 1960. Т. 66.

Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XX веке. М., 2001.

Пясковский А.В. Революция 1905—1907 годов в Туркестане. М., 1958.

Ремнев А.В. Российская империя и ислам в казахской степи (60—80-е годы XIX века) // Расы и народы. Вып. 32. М., 2006.

Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.; Л., 1949.

Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией: 40—60-е годы XIX века. М., 1963.

Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане. Ташкент, 1963.

Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент, 1972.

Сапаргалиев Г.С. Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966.

Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965.

Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начале XX века. Алма-Ата, 1963.

Тажибаяев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1962.

Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVIII вв. Л., 1932.

Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

Тухтаматов Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент, 1966.

Тухтаматов Т.Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969.

Тухтаматов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX в. Душанбе, 1977.

Тухтаматов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи (Вторая половина XIX века). Уфа, 1999.

Фомченко А.П. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958.

Хакимова К.З., Кравец Л.Н. Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционном Узбекистане (Конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1980.

Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857—1868 гг.). М., 1960.

Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е гг. XIX в.). М., 1965.

Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (Первая половина XIX века). М., 1974.

Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е годы). Ташкент, 1969.

Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии. Ташкент, 1981.

Чабров Г.Н. Туркестан на всероссийских и всемирных выставках (1867—1914 гг.) // Труды Среднеазиатского госуниверситета. Ташкент, 1958. Вып. 142.

Чуланов Г. Промышленность в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1960.

Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (Конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1969.

Юнусходжаева М.Ю. Из истории землевладения в дореволюционном Туркестане. Ташкент, 1970.

Яковлев А.И. Сравнительные заметки о преобразованиях в Туркестане и советской Средней Азии // Кентавр. 1993. № 2.

Abdurakhimova N. The Colonial System of Power in Turkestan // International Journal of Middle East Study. 2002. № 34.

Akiner Sh. The Formation of Kazakh Identity: From Tribe to Nation-State. London: Royal Institute of International Affairs, 1995.

Allworth E.A. The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. Stanford; California: Hoover Institution Press, 1990.

Bacon E.E. Central Asia under Russian Rule. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1966.

Baldauf I. Some Thoughts on the Making of the Uzbek Nation // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. Paris. 1991. № 32(1).

Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924. Cambridge; Mass.: Harvard University Press, 1968.

Becker S. The Muslim East in Nineteenth-Century Russian Popular Historiography // Central Asian Survey. 1986. Vol. 5.

Becker S. Russia's Central Asian Empire // Russian Colonial Expansion to 1917 / Ed. by M. Rywkin. London; N.Y.: Mansell Publishing Limited, 1988.

Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. Paris: Mouton, 1964.

Brower D. Islam and Ethnicity: Russian Colonial Policy in Turkestan // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Ed. by D. Brower and E. Lazzarini. Bloomington: Indiana University Press, 1997.

Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London: Routledge Curzon, 2003.

Bregel Yu. Bibliography of Islamic Central Asia. Bloomington; Indiana; Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies. 1995. Pt. 1.

Carrere d'Encausse H. Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1988.

Central Asia: 130 Years of Russian Dominance / Ed. by E. Allworth. Durham: Duke University Press, 1994.

Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2006.

Demko G. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896—1916. Bloomington: Indiana University Press, 1969.

Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860-1917. McGill-Queen's University Press, 2001.

Empire, Islam and Politics in Central Eurasia / Ed. T. Uyama. Sapporo: Slavic Research Center, 2007.

Geiss P.G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. London; NY: Routledge Curzon, 2003.

Gillard D. The Struggle for Asia 1828—1914: A Study in British and Russian Imperialism. Holmes, 1971.

Holdsworth M. Turkestan in the Nineteenth Century. London, 1959.

Hopkirk P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. New York: Kodansha, 1992.

Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1998.

Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Bloomington: Indiana University Press, 2001.

Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851—1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. Spring. № 1.

Komatsu H. The Evolution of Group Identity among Bukharan Intellectuals in 1911—1928: An Overview // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 1989. № 47.

The Life of Alimkul: A Native Chronicle of Nineteenth Century Central Asia / Ed. by T. Beisembiev. Curzon Press, 2001.

MacKenzie D. Expansion in Central Asia: St.Petersburg vs. the Turkestan Generals // *Canadian Slavic Studies*. 1969. № 3.

MacKenzie D. Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration // *Slavic Review*. 1967. № 26.

MacKenzie D. Turkestan's Significance to Russia (1850—1917) // *Russian Review*. 1974. № 33.

MacKenzie D. The Lion of Tashkent: The Career of General M.G.Cherniaev. Athens; Ga., 1974.

MacKenzie D. The Conquest and Administration of Turkestan, 1860-85 // *Russian Colonial Expansion to 1917* / Ed. by M.Rywkin. London; N.Y.: Mansell Publishing Limited, 1988.

Manz B.F. Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century: Ferghana under the Russians // *Russian Review*. 1987. № 46.

Martin V. Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs and the Middle Horde and Russian Colonialism in the 19th Century. London, 2001.

Morris P. The Russians in Central Asia, 1870—1887 // *Slavonic and East European Review*. 1975. № 53.

Morrison A. Russian Rule in Turkestan and the Example of British India, 1860—1917 // *Slavonic and East European Review*. 2006. Vol. 84. № 4.

Pierce R. Russian Central Asia, 1867—1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley: University of California Press, 1960.

Roy O. The New Central Asia: The Creation of Nations. London: I.B. Tauris, 2000.

Rywkin M. Russia in Central Asia. N.Y.: Collier Books, 1963.

Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865—1923. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2007.

Sokol E.D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1954.

Weinerman E. The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russia's Role in the History of the Region // Slavonic and East European Review. 1993. Vol. 71. № 3.

Williams D. Native Courts in Tsarist Central Asia // Central Asian Review. 1966. № 1.

Williams D. Taxation in Tsarist Central Asia // Central Asian Review. 1968. № 1.

Zenkovsky S.A. Kulturkampf in Pre-Revolutionary Central Asia // American Slavic and East European Review. 1955. № 14.

Глоссарий

Аймак — род, племя

Айтыс — состязание певцов-акынов

Аксакал — буквально «белобородый»; старший, глава сельского общества

Аксакальство — сельское общество

Ак-суек (вар. Ок-суяк) — буквально «белая кость»; обобщенное название потомков Чингисхана и пророка Мухаммеда

Акын — народный сказитель, певец-импровизатор

Алаш — боевой клич у казахов

Амляк (вар. Амлак) — государственные земли в центральноазиатских ханствах

Амлякдар — сборщик поземельных налогов

Амлякдарство — административно-податная единица

Арк — цитадель

Арык — искусственно созданный канал

Арык-аксакал (син. Мираб-баши) — надзиратель за оросительной системой

Аталык — одна из высших должностей в центральноазиатских ханствах; воспитатель престолонаследника

Аул — временное поселение у кочевого и полукочевого населения

Бабизм (син. Бехаизм) — религиозно-политическое учение, основанное Али Мухаммедом Ширази (ум. 1847)

Бадаулет — буквально «счастливец»; официальный титул правителя Йетишаара

Базар-баши — смотритель рынка

Бай — богатый человек

Байгуш — бедняк, обнищавший казах

Баранта (вар. Барымта) — угон скота, способ улаживать конфликты у казахов, форма родовой мести

Батыр (вар. Батур, Бахадур) — буквально «храбрец», «воитель»; воинский чин, титул военных лидеров

Бахши (син. Баксы) — сказитель, народный певец, иногда знахарь, лекарь-заклинатель

Бача (вар. Бачча) — буквально «мальчик, отпрыск»; мальчик-танцор, одевающийся в женское платье

Бек — правитель области или небольшого автономного государственного образования

Бекство — небольшое автономное государственное образование

Бешик-туй — пир по случаю рождения ребенка («бешик» — люлька)

Бий — глава родовых подразделений у кочевников; народный судья в Туркестане и Степном крае

Вакуф (син. Вакф) — земли и недвижимое имущество, находящиеся в неотчуждаемой собственности мусульманских учреждений

Газават — священная война мусульман с неверными

Гап — буквально «беседа», «времяпровождение за беседой»; мужское объединение

Гузар (син. Махалия) — квартал в городе или большом селении

Дастан — эпическая поэма, сказание

Даха — крупная часть города

Джатак — буквально «лежащие»; земледелец, бывший кочевник, перешедший к оседлости

Джура — буквально «друг, приятель»; член мужского объединения

Джура-баши — руководитель мужского объединения

Диванбеги — одна из высших должностей в центральноазиатских ханствах; заведующий финансовыми делами

Домбра — двухструнный музыкальный инструмент у казахов

Егинш — рядовой кочевник

Жуз (вар. Джуз, Юз) — буквально «сотня»; название крупных межплеменных объединений у казахов (в русских источниках — «орда»)

Жырау — певец-сказитель, который выступал перед большой аудиторией и перед членами ханского совета

Зар-заман — буквально «эпоха скорби»

Зикр — поминание бога в суфизме

Зиндан — подземная тюрьма

Зякет (вар. Закат, Зякат, Зекет) — пожертвование в пользу бедных; налог со скота и купеческих товаров в размере 1/40

Зякетчи — сборщик налога «зякет»

Имам (вар. Имом) — предстоятель на молитве, человек, который руководит молитвой; глава мусульманской общины

Исмаилизм — ветвь шиитского ислама

Ичкари — буквально «внутренняя»; женская часть дома

Ишан — буквально «они»; глава суфийской общины

Казий (вар. Кази) — мусульманский судья

Кази-калон — верховный судья; высшая судебная должность в центральноазиатских ханствах

Калам — основанное на разуме толкование догматов ислама

Караман — потомки от брака Чингисидов с «простыми» людьми

Кара-суек (вар. Кара-суяк; син. Фукаро) — буквально «черная кость»; простой народ

Кетмень — вид мотыги с широким лезвием

Кибитка — юрта, дом, домовладение

Кизикчи — шут, клоун

Кишлак — населенный пункт оседлых жителей

Ходжа (вар. Кожа) — сословие потомков мусульманских святых

Консы — бедняк, не имеющий своего скота и работающий у богатого казаха-скотовода

Контайши — титул правителей Джунгарского государства

Коран — священная книга мусульман, посланная, по поверью, Богом пророку Мухаммеду

Кул — раб

Кумыс — напиток из кобыльего молока

Курбан-хайит — один из двух главных мусульманских праздников, посвященный жертве Ибрахима

Курбаши — одна из полицейских должностей, смотритель за соблюдением нравов

Курганча — хутор, большой двор, окруженный стеной

Курпача — одеяло

Кушбег — буквально «верховный ловчий»; первый министр в Бухарском эмирате

Кюй — музыкальная пьеса, мелодия, которую исполняют на домбре

Кюйши — музыкант, исполняющий мелодию на домбре

Кяфир (вар. Кафир) — неверный, немусульманин

Лашкер-баши — военачальник, командир

Мазар — могила святого, святое место

Макам — мелодия, вид музыкального жанра

Манап — богатый человек, родоначальник у кыргызов

Мардикор (вар. Мардикёр) — работник-поденщик

Махалля — см. «Гузар»

Махр — сумма, которую при заключении брака жених передает в качестве обеспечения своей будущей жене

Медресе (вар. Мадраса) — средняя или высшая мусульманская школа

Мектеб (вар. Мактаб) — начальная мусульманская школа

Мехмонхона — комната для гостей и для торжественных мероприятий

Мечеть (вар. Мачит) — молитвенное помещение у мусульман

Минг-баши — буквально «глава тысячи»; первый министр в Кокандском ханстве; волостной управитель в Туркестане

Мираб — буквально «глава воды»; человек, распределяющий воду

Мираб-баши — см. «Арык-аксакал»

Мехкеме (вар. Махкама) — суд, канцелярия

Мударрис — преподаватель медресе

Мулла — грамотный мусульманин, духовное лицо

Муллабача — студент медресе

Мулк (вар. Мульк, Мюльк) — частная собственность в центрально-азиатских ханствах

Муфтий (вар. Муфти) — законовед, знаток и толкователь шариата

Муфтиат (вар. Муфтият) — орган управления мусульманскими делами в Российской империи

Муэдзин (син. Азанчи) — человек, созывающий мусульман на чтение намаза

Мюрид (вар. Мурид) — последователь суфийского наставника, принявший специальное посвящение

Навруз — новый год по древнеперсидскому календарю, 22 марта

Назр — приношение святому месту или ишану

Намаз — мусульманская молитва, читается пять раз в день; одна из пяти главных обязанностей мусульманина

Никох (вар. Никях, Никах) — молитва по случаю заключения брака

Никох-туй — пир по случаю заключения брака

Омач — соха с чугунным наконечником

Отин (вар. Отинча, Бу-отин; син. Биби-хальфа) — образованная мусульманка, женщина-мулла

Паранджа — халат, который женщина накидывает на голову

Пир (син. Шейх) — буквально «старец»; глава суфийского братства

Раис — одна из полицейских должностей; человек, надзирающий за поведением мусульман и карающий за преступления

Рисоля (вар. Рисола) — устав ремесленного объединения

Рубои (вар. Рубаи) — четверостишие

Руза-хайит — один из двух основных мусульманских праздников, посвященный окончанию поста в месяц Рамазан

Саййид (вар. Сейид, Саид) — потомок Али и Фатимы, дочери пророка Мухаммеда

Сандал — сооружение из покрытого одеялом столика над ямой с углями, которое используется зимой для обогрева

Сарбаз — рядовой солдат-пехотинец

Сардар (вар. Сердар) — буквально «предводитель»; сановник, военачальник, глава племени

Серкер (вар. Саркар) — буквально «начальник»; должностное лицо, ведавшее сбором налогов в центральноазиатских ханствах

Султан — буквально «власть»; у казахов этот титул носили Чингисиды; должность окружного и волостного начальника в казахской степи

Султанат — независимое владение

Сунна — рассказы о пророке Мухаммеде, примеры для подражания всем мусульманам

Суннат-туй — пир по случаю обрезания мальчика

Суннизм — течение в исламе, последователи которого, в частности, признают законность первых четырех «праведных» халифов Абу-Бакра, Умара, Усмана и Али

Суфизм — мистическое направление в исламе

- Таксыр — господин; почтительное обращение к «ак-суек»
Тамга — знак, с помощью которого метят скот
Танап — денежный налог с огородно-садовых культур
Тандыр (вар. Танур) — глиняная печь для выпечки хлеба
Тархан — титул человека, получившего у правителя освобождение от налогов или повинностей
Ташкари — буквально «внешняя»; мужская часть дома
Теньга (вар. Таньга) — серебряная монета небольшого достоинства
Тилла (вар. Тилля) — золотая монета
Торе (вар. Тура, Тюр) — буквально «господин»; титул потомков Чингисхана
Туй (син. Той) — пир, праздник
Тюленгут (вар. Теленгут) — зависимое сословие, которое находилось на службе ханов и султанов, их личная гвардия
Тюмень (вар. Туман, Тумен) — буквально «десять тысяч» или «несметное число»; район, уезд
Улема (вар. Улама, Улямо) — мусульманские богословы
Урда — крепость, ставка, местопребывание правителя
Уста (вар. Усто) — мастер
Ушур (вар. Ушр) — десятина, налог с урожая
Фикх — исламская доктрина о правилах поведения мусульманина, мусульманская юриспруденция
Фукаро — см. «Кара-суек»
Хадж — паломничество в Мекку; «большой хадж», приуроченный к празднику Курбан-хайит, является одной из пяти главных обязанностей мусульманина
Хаким (вар. Хоким) — правитель области
Халиф — преемник или заместитель пророка Мухаммеда, глава всех мусульман
Хан — правитель из числа потомков Чингисхана
Ханафизм — один из четырех основных правовых толков в суннитской ветви ислама
Харадж (вар. Херадж) — натуральный налог с зерновых культур в размере от 1/3 до 1/10 урожая
Хауз — искусственный водоем
Хашар — коллективные работы, помочи
Худойи — жертвенное угощение, посвященное богу
Чайрикор (вар. Чайрикёр) — арендатор земли
Чайхона — чайная
Чигирь — водоподъемный механизм
Чимбет (син. Чачван, Чашмбанд) — сетка из конского волоса, закрывающая лицо мусульманки, одевается вместе с паранджой
Цзяньцзюнь — титул китайского наместника в Синьцзяне
Шагирд (вар. Шакирд) — ученик, подмастерье
Шариат — комплекс закрепленных Кораном и сунной предписаний для мусульманина

Шаруа — свободное население у казахов, кочевники

Шахар — город

Шахир (син. Шаир, Шоир) — поэт, исполнитель народных дастанов

Шейх — см. «Пир»

Шиизм — направление в исламе, последователи которого, в частности, считают законными руководителями мусульманской общины потомков четвертого «праведного» халифа Али, зятя и двоюродного брата пророка Мухаммеда

Эллик-баши — буквально «глава пятидесяти»; в Туркестане выборный на волостной съезд от населения

Эмир (вар. Амир) — буквально «повелитель»; правитель, предводитель большого племенного объединения; правитель Бухарского эмирата

Ярлык — указ, ханская грамота, которая обычно выдавалась при назначении на должность

Яр-мулла — буквально «полумулла»; человек, получивший неполное образование или чье образование вызывает сомнение

Ярым-паша — буквально «полуправитель»; прозвище туркестанского генерал-губернатора среди «туземного» населения

Именной указатель

- Абдиров М.Ж.* 342
Абдул-Ахад 298, 303, 305, 306
Абдулкарим 262
Абдуллабай 371
Абдуллахан 22
Абдурахман-афтобачи 368, 371, 372
Абдурашидханов Мунаввар-кари 281
Абиль-Аглы 81
Аблай-хан 38—41, 54, 349
Аблайханов С., султан 44
Абрамов А.К. 94
Абулмамбет, султан 38
Абулхайр-хан 21, 22, 37, 38, 52, 349, 350, 357
Аверьянов П.В. 334
Ажикеев Б. 290
Азимбаев Сейид-Гази 165
Азимджан Муминджанов 367
Айни 178
Айчувак, хан 54
Акпаев Ж. 278
Актам-Берди 39
Актанбай-батыр 39
Алдар 349, 350
Александр I, император 44
Александр II, император 65, 67, 75, 77, 91, 100, 102, 109, 117, 138, 239
Александр III, император 109, 110, 240, 248, 390
Александра Федоровна, императрица 306
Али, халиф 207
Али-Абдуррахман 84
Алимул 73, 80, 375, 378
Алим-хан 25, 306
Алиханов-Аварский М. 320
Аллакули-хан 25
Алманов Б. 290
Алмах 177
Алтынсарин И. 184, 185
Алымбаев Ж. 378
Алябьев А.А. 336
Амурсана 40
Анбар 177
Андреев М.С. 331
Андроников М.М. 301
Анна Иоанновна, императрица 38, 41, 314
Аразгельды 38
Аралбай 38
Аристов Н.А. 332
Асадов К. 290
Асири Тош-ходжа 178, 186
Аскарлов А.А. 362
Асфендияр 306, 308, 310
Атаджантюря 371
Аубакирова Х.А. 346
Ахмед Яссави 375—377
Аштарханиды (Джаниды) 22, 23
Бабаев Ишбай 71
Бабич И.Л. 9
Бабур 22
Бадахшони К. 178

- Байзак, старшина 378
 Байтурсунов А. 273, 278, 288
Байхожаев А.Ж. 346—348
 Бактыгиреев К. 291
 Барак-султан 349
 Баратинский А.И. 117
Бартольд В.В. 175, 259, 268, 269, 332
 Батеньков Г.С. 48
 Беневени Ф. 330
Берг Л.С. 332
 Берг Ф.Ф. 70
 Беремжанов А. 283
 Бехбуди М. 178
 Бехбуди Махмуд-ходжа 274, 280, 281
Бибо И. 8
Бичурин И.Я. 12, 14
 Бларамберг И.Ф. 46, 71
Бобровников В.О. 9
 Богословский, геолог 367
 Бокин Т. 290
 Бородин А.П. 336
 Бородин Н. 283
 Броневский С.Б. 197
 Букей-хан 48
 Букейханов А. 273, 278, 283, 285, 288, 289
 Буляк-батыр 38
 Бунге Н.Х. 146
 Бутаков А.И. 348
 Бутенев К.Б. 367
 Бутенев К.Ф. 71, 330
 Бухголец, подполковник 34

 Валидов З. 332
 Вали-хан 48, 54
 Валиханов Ч. (Мухаммед Ханафия) 13, 272, 332
 Ванновский П.С. 114
 Васильчиков Б.А. 284
 Венюков М.И. 348
 Верёвкин Н.А. 73, 375—377
 Верещагин В.В. 321, 369
Веселовский Н.И. 332, 335
Виноградов В. 344

 Вирский М.М. 166
 Виткевич И.В. 83
 Витте С.Ю. 137, 177
 Влангали А.Е. 79
 Возех 178
 Вольховский В.Д. 367
 Воронцов М.С. 117
 Вревский А.Б. 114, 120, 147, 243, 250, 424
Вяткин В.Л. 331

 Гавердовский Я.П. 317
Гаврилов М.Ф. 331
 Гагарин М.П. 34
 Галдан-Церен 35, 39, 40
 Гаспринский (Гаспрала) Исмаил-бей 169, 275, 280
 Гасфорд Г.Х. 67, 332
Гейнс А.К. 238, 332
Германова В.В. 29, 360
 Герн, офицер Генштаба 56
 Гирей-султан 22
 Гирс Ф.К. 90, 103—105, 138, 423
 Горчаков А.М. 65, 66, 73, 79, 83
 Граменицкий С.М. 167, 173
Гребенкин А.Д. 331
 Григорьев В.В. 166
 Гродеков Н.И. 122, 125, 244, 331, 424
 Гутковский К.К. 44

 Давлатшаев Бехрам-бек 274
 Даль В.И. 336, 380
Дамешек Л.М. 9
 Данилевский Г.И. 71
 Данилов Ф. 371
 Датов Срым 47
 Джангильдин А. 290
 Джанибек-султан 22
 Джанторе 54
 Джунаид-хан 310, 311
 Джучи, хан 20, 21
Диваев А.А. 332, 335
 Дизраэли Б. 84
 Дик О. 254

- Добромыслов А.И.* 332
Долбилов М. Д. 9
Долгов, посол 56
Долгорукий М.В. 35
Дониш Ахмед 178, 185, 307
Дост-Мухаммед 83
Достоевский Ф.М. 333, 337, 345
Дукчи ишан (Мадали-хальфа) 250, 370
Дулатов М. 273, 288, 289
Духовской С.М. 119, 120, 125, 167, 174, 175, 177, 234, 244, 250, 251, 334, 424
Дюгамель А.О. 66, 79
- Екатерина II, императрица 234—236, 314, 333
Елисеев Е. 161—163
Ерали-хан 349
Ермак 341, 353
Ермолов А.П. 68
Ерофеева И.В. 348—351, 356, 357, 359
Есим-хан 349
Ефремов И.Н. 286
- Жолбарыс 38
- Завки 178
Закирджан 181
Залесов Н. 367
Залиев Н. 290
- Ибрагимов И. 332
Иван IV Грозный 211, 343
Иванов Н.А. 121, 122, 125, 424
Ивановский А.А. 335
Игельстром О.А. 48, 237
Игнатьев Н.П. 79, 105
Иззет-Улла 64
Ильин М. 370
Ильминский Н.И. 164, 173, 174, 268, 335
Иманов А. 290, 291
Ионов М.Е. 84
- Ислам-ходжа 308, 309
Исхак-мулла Хасан-оглы 368
Исхакова М. 362, 363, 365
Йора М. 178
- Каанат-шах 72
Каип, хан 52
Каллыбай-батыр Девлин 39
Кангильди-батыр 38
Каразин Н.Н. 337
Каратаев Б. 278, 283
Каратай, султан 54
Касымбаев Ж.К. 348, 349, 351, 352, 359
Катенин А.А. 67
Кауфман К.П. фон 67, 74—76, 81, 91—94, 97, 98, 100—102, 114, 119, 126, 136, 138, 164, 166, 172, 176, 216, 236, 243, 244, 247—250, 254, 256, 302, 309, 321, 322, 368, 369, 371, 372, 424
Кененасариев Т. 378
Кенесары (Касымов) 54—57, 375
Кенжебеков К.К. 348
Керенский А.Ф. 167, 291, 292
Керенский Ф.М. 167, 173, 250
Киндерман С.В. 39, 40, 42
Киняпина Н.С. 359
Кириллов И.К. 38, 42, 330
Киселев П.Д. 58
Кларендон Д. 65
Кoadарби 38
Кобеко Д.Ф. 114
Козыбаев М.К. 340—346, 352, 353, 359
Койчуев Т. 378
Колпаковский Г.А. 45, 79, 81, 102, 216, 220, 424
Колычбаев Худояр 71
Короленко В.Г. 337
Костенко Л.Ф. 331
Костецкий В.А. 362, 363, 365, 381
Кошаров М.П. 337
Красовский М. 332
Крестовский В.В. 306

- Кривошеин А.В. 127, 137, 149, 150, 151, 285
 Крыжановский Н.А. 88, 90, 208, 246
 Кубра Наджм-ад-дин 305
 Кузьмин, сотник 371
 Кукенбай 37
 Кунанбаев Абай 179, 335
Кундакбаева Ж. 358, 359
 Куропаткин А.Н. 115, 119—122, 125, 129—131, 242, 243, 252, 289, 424
 Кучум 341, 342
- Лаврентьев, генерал 291
 Ладыженский М.В. 53
Лапин Ширали 268, 269
Левшин А.И. 262, 263, 264, 330
Лейсек В.В. 336
 Леман, натуралист 367
 Лемон, ученый 367
 Лерхе, подполковник 379
 Лесков Н.С. 337
 Лессар П.М. 295, 309
 Литтон 84
 Лихарев 34, 35
 Ломакин Н.П. 77
Лыкошин Н.С. 331
 Лютов И. 36
 Лютфи 178
- Мадали-хан 25
Маев Н.А. 331
Мажитова Ж.С. 347
 Майкутов А. 290
 Маков Л.С. 248
Маковецкий П.Е. 332
Малицкий Н.Г. 331
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 337
 Мария Федоровна, императрица 390
 Маркозов В.И. 75
 Маркс К. 353
 Мартсон Ф.В. фон 424
Массон М.Е. 377
- Матигоров, подполковник 34
 Мадмурад (Матмурад, Матмурат девонбеги) 371
 Мейендорф Е.К. 330, 367
Мейер Л. 332
 Мендешев С. 290
Миддендорф А.Ф. 208, 332
Миллер А.И. 9
 Миллер Г.Ф. 39
 Милютин Д.А. 74, 79, 91, 143, 246
 Минь-Сюй 79
 Мир-Камил-бай 291
 Михаил Николаевич, великий князь 117
 Михаил Федорович, царь 36
 Мищенко П.И. 123, 126, 424
 Мортсон Ф.В. 128
 Музаффар (Музаффар-ад-дин), эмир 25, 75 306
 Мукими Мухаммед Амин Мирза-ходжа-оглы (Мукими) 178, 186
 Муравьев Н.Н. 66, 68, 69, 317
 Мурад-бек 368
 Мурза-Давлет 375
 Муркрофт В. 64
 Мусоргский М.П. 336
 Мусульманкула 368
 Мухамедьяров Ш. 291
 Мухаммед Шейбанихан 22
 Мухаммед, пророк 190, 305
 Мухаммед Амин-хан 26
 Мухаммед Рахим-хан I 25, 26, 366
 Мухаммед Рахим II 75, 302, 306, 308
Мушкетов И.В. 332
- Навои 178
 Надаров И.П. 424
 Надир, шах 23
 Накшбанд Баха-ад-Дин 305
Наливкин В.П. 165, 167, 203, 209, 333—335
Наливкина М.В. 203, 334
 Наполеон I 63
 Насреддин-бек (Насреддин) 76, 368, 369, 372

- Насрулла-хан 24, 25
Наурызбай, султан 55
Небольсин П.И. 318
Негри А.Ф. 69, 317, 330, 367
Неплюев И.И. 38
Нессельроде К.В. 68
Несторовский К.А. 121, 123
Нечкин Д.И. 377
Нечкина М.В. 338
Никифоров 71
Николай I, император 56, 58, 63, 71, 142
Николай II, император 128, 149, 220, 257, 282, 288, 296, 306, 309, 310, 390
Николай Константинович, великий князь 142
Нисбати 177
Ниязов Ваиз 71
Нуралы, хан 54, 349
- Обручев В.А. 71
Орлов С.К. 377
Остроумов Н.П. 167, 171, 183, 267, 269, 275, 331
Отар Аваз 186
- Павел I, император 63
Пален К.К. 124, 125, 127, 149, 243
Панов В. 357—359
Панов Ф.А. 348
Патканов С.К. 270
Перовский В.А. 55, 64, 67, 70, 71, 366
Петр I 34, 212, 314, 330, 343, 345, 346
Пирмасти Афзалмахдуми 177
Покровский М.Н. 372
Пославский И.Т. 265, 309
Потанин Г.Н. 332, 335, 336
Пронайтис Юстинас 257
Протопопов А.Д. 130
Пугачев Е. 47
Пулат-бек 368, 369, 371
Пушкин А.С. 345
- Раджапова Р.Я.* 364
Радлов В.В. 264, 332, 335
Распутин Г.Е. 301
Рахимов Ж. 364—376, 378—381
Рахматулла 371
Редигер А.Ф. 306
Рейтерн М.Х. 66
Ремезов С. 12
Ремнев А.В. 9
Родзянко М.В. 292
Розенбах Н.О. фон 105, 113, 114, 120, 126, 166, 172, 244, 334, 424
Романовский Д.И. 90, 246, 247
Романовы, династия 294, 295, 296, 297, 306, 311
Россель Ю. 325
Ростовцев Н.Я. 167
Румони Фахри 178
Рыбаков С.Г. 335, 336
Рычков П.И. 261, 262, 264, 330
- Савдо 178
Сагдуллаев А. 377
Садвакасова З.Т. 354
Садык, султан 375
Сазонов С.Д. 310
Саййид-Абдулла 311
Саййид-Мухаммед-хан 26
Салтыков-Щедрин М.Е. 327
Самсонов А.В. 126, 127, 174, 244, 309, 424
Саржан, султан 54
Сариева Р.Х. 347
Сатай-батыр 38
Сатылганов Токтогул 180, 181
Святополк-Мирский 371
Северцов Н.А. 88, 321, 332
Седельников Т. 283
Сейид-Мухаммед-хан 26
Семеке, хан 38
Семенов А.А. 302, 331, 377
Семенов-Тянь-Шанский П.П. 332
Сиддики С.А. 281
Скибин Ф. 12
Скобелев М.Д. 76, 77, 78, 368, 369

- Соми Мирзо Азими 186
 Спасский Г.И. 330
 Сперанский М.М. 48, 194, 236
 Стеткевич А. 137
 Столетов Н.Г. 75, 84
 Столыпин П.А. 221, 284, 285, 310
 Стремоухов Н.П. 73
 Струков, полковник 145
 Ступин, подполковник 34
 Субботич Д.И. 122, 125, 175, 424
 Султан-Сеид 73
 Сухомлинов В.А. 301
 Сухомлинов Н.А. 424
 Сухотин Н.Н. 424
- Табылдиев Х.* 357—359
 Татаринов, инженер 321
Татищев В.Н. 38, 330
 Таубе М.А. 424
 Тауке, хан 23
 Ташмухамедов Мулла-Туйчи 180
 Тевкелев А.И. 37, 38
 Тевкелев К.Б. 288, 291
 Тевяшев Н.Н. 122, 126, 424
 Терентьев М.А. 371, 372
 Тимур (Тамерлан) 21, 22, 322, 377
Тимченко С.В. 29, 338
 Толстой Л.Н. 345
Тулбаев Т.А. 355, 356
 Тынышпаев М. 284
 Тюляби 38
- Узбек-хан 21
 Умар-хан 25
- Фазылходжаев К.* 365
Федченко А.П. 332
 Федченко О.А. 337
 Ферузшах 371
Филатов И.В. 345
 Фируз 177
 Фитрат Абду Рауф 186
 Фитрат Кози Курбон-хан 177
 Фуркат 178, 186
- Хаджи-Муин 281
 Хазини 177
 Хайдар-хан 367
Халфин Н.А. 359
 Хамза Хакимзаде Ниязи 178, 181, 186
Ханыков Н.В. 71, 264, 265, 330, 367
Харузин А.Н. 332
Хидоятов Г.А. 361, 381
 Хирсей 64
 Ходжа Муин 178
 Ходжаев У. (Ассадулаходжаев У.) 281, 291
Хорошхин А.П. 265
 Худояр-хан 25, 72, 74, 76, 181, 367—369, 371, 372
- Цеван-Рабтан 37
 Цзо Цзун-тан 82
 Циммерман А.Э. 45, 64
 Цины 40, 41, 82
- Чагатай 20, 21
 Чайкин В.А. 281, 291
 Чарыков Н.В. 295
 Черняев М.Г. 67, 73, 74, 87, 88, 90, 103, 114, 126, 138, 146, 166, 246, 247, 248, 249, 333, 368, 376, 378, 379, 424
 Чингис-хан 20, 21, 49, 190
 Чингисиды 23, 24, 190
 Чокаев М. 291
- Ша Р. 80
 Шакури А. 281
 Шах-Мурад 24,
 Шахрух 21
 Шевченко Т.Г. 337
 Шейбаниды 22, 23
 Шер-Али 84
 Шибан, хан 22
 Ширгазы 54
Шмидт А.Э. 377
 Шмидт Е.О. 254, 424

Шохин 178

Шпрингер, генерал 42

Шуно-Доба 37

Щепкин Н.Н. 131

Щербина Ф.А. 220, 285

Эверсман Э.А. 330, 367

Эссен П.К. 51

Юферев В.И. 141

Якуб-бек 80—82, 84, 374

Ясави Ахмед 207

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии серии	5
Глава 1. История Центральной Азии до вхождения в состав Российской империи	10
§ 1. Понятие «Центральная Азия»	11
§ 2. Степь и оазисы Междуречья	15
§ 3. Древняя история Центральной Азии	16
§ 4. Средневековая история Центральной Азии	18
§ 5. История Центральной Азии после монгольского завоевания ..	20
§ 6. Центральная Азия накануне присоединения к Российской империи	23
§ 7. Вопросы и проблемы изучения Центральной Азии в составе Российской империи	27
Главы 2—3. Присоединение казахских племен к Российской империи и административные реформы в XVIII — середине XIX в.	31
§ 1. Международные связи в Центральной Азии в XVII — начале XVIII вв.	32
§ 2. Строительство крепостей на границе с казахскими степями ...	34
§ 3. Присоединение казахских жузов к России в первой половине XVIII в.	36
§ 4. Продвижение России в Центральную Азию в середине XVIII в.	39
§ 5. Присоединение казахских жузов и кыргызов к России в первой половине XIX в.	43
§ 6. Итоги присоединения казахских жузов	46

§ 7. Административное устройство у казахов в конце XVIII — начале XIX в.	47
§ 8. Восстание Кенесары Касымова	53
§ 9. Административные реформы в казахской степи 30—60-х гг. XIX в.	57
Глава 4. Завоевания Российской империи в Центральной Азии (вторая половина XIX — начало XX в.)	62
§ 1. Российско-британское соперничество в Центральной Азии	63
§ 2. Споры о необходимости завоевания Центральной Азии	66
§ 3. Дипломатическая активность России в Центральной Азии в 1810—1820-е гг.	68
§ 4. Дипломатическая и военная активность России в Центральной Азии в 1830—1850-е гг.	70
§ 5. Завоевания России в Центральной Азии в 1860—1870-е гг.	73
§ 6. Российские завоевания в Центральной Азии в 1880-е гг.	77
§ 7. Проблема государства Йэттишаар и «Илийский кризис»	78
§ 8. Афганистан в российско-британских отношениях и «Памирское разграничение»	82
Главы 5—6. Центральная Азия во внутренней политике царского правительства	86
§ 1. Туркестанская область	87
§ 2. Образование Туркестанского генерал-губернаторства	90
§ 3. Проекты туркестанских Положений 1871 и 1873 гг.	93
§ 4. Особые административно-территориальные единицы	96
§ 5. Городское управление в Туркестане	97
§ 6. Устройство судопроизводства в Туркестане	99
§ 7. Наследие Кауфмана	100
§ 8. Подготовка нового Положения об управлении Туркестанского края в 1881 г.	102
§ 9. Ревизия сенатора Гирса	103
§ 10. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г.	105
§ 11. Степное генерал-губернаторство	109
§ 12. Туркестанский край в конце XIX в.	113
§ 13. Статус Семиреченской и Закаспийской областей	116
§ 14. Туркестанский край на рубеже столетий	119
§ 15. Ревизия сенатора Палена	123

§ 16. «Новый курс» политики в Туркестане	125
§ 17. Туркестанский край в годы Первой мировой войны	128
Глава 7. Социально-экономическое и демографическое развитие	
Центральной Азии в составе Российской империи	132
§ 1. Экономические связи России с Центральной Азией	
в XVIII — первой половине XIX в.	132
§ 2. Дискуссии о «цене» Империи	136
§ 3. Земельная и налоговая реформы	138
§ 4. Изменения в агрокультуре Центральной Азии	141
§ 5. Железные дороги в Центральной Азии	143
§ 6. Хлопководство	145
§ 7. Записка Кривошеина	149
§ 8. Развитие промышленности	152
§ 9. Социально-экономическая структура общества	153
§ 10. Этапы демографического развития	156
Глава 8. Изменения в культуре центральноазиатского общества	
под властью империи	159
§ 1. Мусульманское образование	159
§ 2. Российское образование у казахов	160
§ 3. Миссия Елисеева	161
§ 4. Российское образование в Туркестане	163
§ 5. Русско-туземные школы	165
§ 6. Реформа традиционного образования	166
§ 7. Новометодные школы	169
§ 8. Русификация	171
§ 9. Литература, музыка, драматургия, архитектура, прикладное искусство	177
§ 10. Пресса	182
§ 11. Просветители	184
Глава 9. Влияние российской власти на быт центральноазиатского	
населения	187
§ 1. Кочевое скотоводство казахов	187
§ 2. Социально-политическая организация традиционного казахского общества	189
§ 3. Влияние кочевничества на духовную культуру и быт казахов	191
§ 4. Развитие земледелия и промыслов у казахов	192

§ 5. Институционализация традиционных структур казахов в рамках империи	194
§ 6. Изменения в быту и духовной культуре казахов	196
§ 7. Оседлое население в сельской местности и городе	199
§ 8. Семья и женщина в земледельческом обществе	201
§ 9. Земледельческая община	203
§ 10. Бытовой ислам у оседлого населения	205
§ 11. Традиционное общество и российское влияние.	207
Глава 10. Миграции в Центральную Азию	210
§ 1. Казачья колонизация в казахских степях	211
§ 2. Состав и организация жизни казачества	213
§ 3. Развитие казачьих войск в XIX — начале XX в.	214
§ 4. Старообрядцы в Центральной Азии	216
§ 5. Переселенческое движение во второй половине XIX в.	218
§ 6. Новая переселенческая политика в начале XX в.	221
§ 7. Положение переселенцев в Центральной Азии	224
§ 8. Пришлое население городов и промышленных районов	228
§ 9. Миграции отдельных этнических групп	231
Глава 11. Религиозная политика российской власти в Центральной Азии	234
§ 1. Исламская политика России в XVIII в.	234
§ 2. Исламская политика России в Степи в конце XVIII — начале XIX в.	235
§ 3. Степные положения 1868 г. и 1891 г.	239
§ 4. Исламская политика в Закаспийской области	242
§ 5. Религиозная политика по отношению к кочевникам Туркестана	243
§ 6. Религиозная политика среди оседлого населения Туркестана	245
§ 7. Андижанское восстание 1898 г. и доклад Духовского	250
§ 8. Неисламские религиозные общины Центральной Азии	251
Глава 12. Национальная классификация населения Центральной Азии ...	259
§ 1. Первые опыты классификации населения Центральной Азии	260
§ 2. Киргиз-казаки и кара-киргизы	262

§ 3. Узбеки и таджики	264
§ 4. «Проблема сартов»	266
§ 5. Перепись 1897 г. и состав населения Центральной Азии	269
§ 6. Центральноазиатская интеллигенция и национальное самосознание	272
§ 7. Этнографическая классификация и колониальное управление	275
Глава 13. Политическая жизнь в Центральной Азии после 1905 г.	277
§ 1. Политические течения в Центральной Азии	277
§ 2. Всероссийские съезды мусульман	279
§ 3. Джадиды, панисламизм и пантюркизм	280
§ 4. Государственная Дума и центральноазиатские проблемы	282
§ 5. Первая мировая война и восстание 1916 г.	287
§ 6. Восстание 1916 г. и Государственная дума	291
Глава 14. Система российских протекторатов в Центральной Азии:	
Бухара и Хива	293
§ 1. Бухара и Хива — протектораты Российской империи	294
§ 2. Территория и население Бухары и Хивы	296
§ 3. Хозяйство Бухары и Хивы	298
§ 4. Государственный строй Бухары и Хивы	302
§ 5. Просвещение у бухарцев и хивинцев	304
§ 6. Бухара и Хива в конце XIX — начале XX в.	306
§ 7. Бухара и Хива в 1917—1920 гг.	310
Глава 15. Образ центральноазиатского региона в российском обществе ...	313
§ 1. Кочевой мир в глазах российского общества в XVIII — начале XIX в.	314
§ 2. Мифы о Востоке в первой половине XIX в.	315
§ 3. Образ Туркестана в период установления российского господства	319
§ 4. Центральноазиатский цикл художника Верещагина	321
§ 5. Россия / Центральной Азии (цивилизаторская миссия империи)	323
§ 6. Центральная Азия / России (образ региона в период его экономического освоения)	327
§ 7. Российская наука и Центральная Азия	329

§ 8. Особенности российского ориентализма	332
§ 9. Традиционное искусство Центральной Азии и российское общество	335
Приложение 1. <i>С.В. Тимченко (Алматы)</i> . Проблемы присоединения Казахстана к России в современной казахстанской историографии	338
Приложение 2. <i>В.В. Германова (Ташкент)</i> . Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана)	360
Приложение 3. Численность населения Степного и Туркестанского края в 1870—1880-е гг., 1897 г. и 1916 г.	382
Приложение 4. Распределение населения Степного и Туркестанского края по родному языку (по данным переписи 1897 г.)	384
Приложение 5. Первый вариант молитвы за царя, выработанный съездом народных судей города Ташкента в 1892 г.	390
Приложение 6. Положение об управлении Туркестанского края издания 1886 г.	391
Приложение 7. Объяснительная записка к «Степному положению» 1891 г.	407
Приложение 8. Генерал-губернаторы Степного и Туркестанского края	424
Список рекомендуемой литературы	425
Глоссарий	433
Именной указатель	439

Авторы и составители:

Глава 1: § 1—6 — авторы А.Ш. Кадырбаев и Ж.С. Сыздыкова (§ 1, 2, 4, 5, 6 при участии С.Н. Абашина; § 2, 6 при участии Д.Ю. Арапова), § 7 — автор С.Н. Абашин.

Главы 2—3: авторы Н.Е. Бекмаханова и Н.Б. Нарбаев.

Глава 4: автор О.В. Боронин.

Главы 5—6: § 1—10, 12—18 — автор Д.В. Васильев, § 11 — автор Н.Б. Нарбаев.

Глава 7: автор С.Н. Абашин.

Глава 8: § 1 — автор С.Н. Абашин, § 2—7, 9—11 — авторы А.Ш. Кадырбаев и Ж.С. Сыздыкова (§ 2, 4, 5 при участии Д.В. Васильева), § 8 — автор Д.В. Васильев.

Глава 9: § 1—6 — автор А.Ю. Быков, § 7—11 — автор С.Н. Абашин.

Глава 10: автор О.И. Брусина.

Глава 11: автор П.П. Литвинов.

Глава 12: автор С.Н. Абашин.

Глава 13: § 1—6 — автор Н.Е. Бекмаханова (§ 3 при участии С.Н. Абашина, § 4 при участии Д.В. Васильева, § 4, 6 при участии Т.В. Котюковой).

Глава 14: автор Д.Ю. Арапов.

Глава 15: § 1—6, 9 — автор Д.В. Васильев, § 8—9 — автор С.Н. Абашин.

Приложения: «Положение об управлении Туркестанского края издания 1886 г.» — составитель Д.Ю. Арапов; «Объяснительная записка к Степному положению 1891 г.» — составитель Н.Е. Бекмаханова; таблицы «Численность населения Степного и Туркестанского края», «Распределение населения Степного края по родному языку», «Распределение населения Туркестанского края по родному языку» — составитель С.Н. Абашин; «Первый вариант молитвы за царя, выработанный съездом народных судей города Ташкента в 1892 г.» — составитель С.Н. Абашин.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Редактор *С. Смирнова*
Дизайнер серии *Д. Черногаев*
Корректоры *Э. Корчагина, Л. Белова*
Компьютерная верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
- ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (495) 976-47-88
факс (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlobooks.ru>

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 29. Тираж 2000. Заказ № 0731290.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

HISTORIA ROSSICA

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

История отношений России и Центральной Азии привлекает все большее внимание исследователей. Обретя в 1991 году статус независимых государств, бывшие советские республики—Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан—оказались перед сложной дилеммой: как теперь писать о том времени, когда весь этот регион находился сначала в границах Российской империи, а позднее Советского Союза. Было ли это временем национального угнетения, репрессий, унижения достоинства народов, либо, напротив, эпохой прогресса, развития, приобщения к мировой цивилизации? Что Россия принесла местному населению—освобождение и развитие или же новое порабощение и нещадную колониальную эксплуатацию? Настоящая работа—попытка российских ученых представить свой взгляд на историю Центральной Азии в составе Российской империи. Авторы стремятся преодолеть как стереотипы, изображающие взаимоотношения России с ее азиатской окраиной только как абсолютно прогрессивное явление, так и клише, которые представляют эти взаимоотношения полными одних лишь ошибок и преступлений.

ISBN 978-5-86793-571-9

9 785867 935719